РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№3
МАЙ–ИЮНЬ 2020

Журнал основан в 1889 г.
Выходит 6 раз в год
Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.); “Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва), **С.А. Арутюнов** (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, зам. гл. ред. (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
С.А. Кан (Ph.D., Дартмутский колл., США), **П.С. Куприянов** (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., РАНХиГС, Москва),
И.А. Морозов (д.и.н., ИЭА РАН), **Е.В. Попова** (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский, главный редактор (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
В.В. Трепавлов (д.и.н., Ин-т российской истории РАН, Москва),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Уральский федеральный ун-т),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., ИЭА РАН),
Й.О. Хабек (д.ф.н., Гамбургский ун-т, Германия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссорин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чвырь (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67, факс (495) 938-06-00
Интернет-сайт: http://journal.iea.ras.ru, e-mail: ethnorev@gmail.com

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences

ETNOGRAFICHESKOE OBOZRENIE

№3
MAY–JUNE 2020

Founded in 1889
Published as *Etnograficheskoe Obozrenie* (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); Sovetskaia Etnografia (1931–1991)
Publication frequency: 6 issues per year
Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Sergey Arutyunov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, *Associate Editor* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **J. Otto Habeck** (U. of Hamburg, Germany),
Sergei Kan (Dartmouth College, USA), **Pavel Kupriyanov** (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **Dmitry Mikhel** (RANEPA, Moscow),
Igor Morozov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow), **Evgeniya Popova** (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy, *Editor-in-Chief* (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vadim Trepavlov (Inst. of Russian History, Moscow), **Elena Trubina** (Ural Federal U., Ekaterinburg)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:
Rm 1807, Leninsky prospect 32-a, Moscow, 119991, Russia; phone +7 (495) 938-1867;
fax +7 (495) 938-0600

Website: http://journal.iea.ras.ru; e-mail: ethnorev@gmail.com

Специальная тема номера: Межэтническая и социальная напряженность: онлайн-исследования (отв. ред. – *Д.В. Громов*)

Д.В. Громов. Войны в формате Web 2.0: виртуальная реальность конфликта 5
Е.С. Данилко. Конфликты, связанные с мигрантами, на Youtube.com 10
Д.А. Радченко. Роскомнадзор-тян и другие: перформативные практики фольклорной реакции на блокировки Telegram 24
Д.В. Громов. Кто боится “керченского стрелка”?: активизация социальных фобий через слухи и квазиэкспертные высказывания 38

Сообщества мигрантов и диаспоры

Г.Ф. Габдрахманова, Э.А. Сагдиева, П. Фрайер. Опыт изучения кыргызской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала..... 54
Л.В. Батиев, С.Я. Сущий. Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству 71
Г.Н. Ким. “Материковские” и сахалинские корейцы: различия и сходства..... 89
И.Л. Бабич. Политика и круги общения северокавказцев во Франции в 1920–1930-е годы..... 105

Статьи и материалы

Е.А. Давыдова, В.Н. Давыдов. Профессиональное и личное: опыт полевой работы на Чукотке всей семьей..... 121
А.М. Маликов. Культ Абу Муслима и его сподвижников в Центральной Азии: варианты мифологизации 141
М. Ферри. Культура утраты и трагическая маскулинность в постсоветской Грузии (пер. с фр. Е.И. Филипповой) 161

Обзоры

В.Н. Буркова. Хорошего человека должно быть много?: агрессия и ее связь с размерами тела ... 177

Рецензии

С.Н. Абашин. Рец. на: Life Histories of *Etnos* Theory in Russia and Beyond. Cambridge, UK, 2019.... 191
И.В. Чининов. Рец. на: Ashkenazi M. What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology. Cham, 2017 195
М.В. Васеха. Рец. на: Троицкий А.К. Субкультура. История сопротивления российской молодежи 1815–2018. М., 2019 198

Special Theme of the Issue: Ethnic and Social Tensions: Online Studies
(guest editor *D.V. Gromov*)

Gromov, D.V. Web 2.0 Wars: The Virtual Reality of Conflict [Voiny v formate Web 2.0: virtual'naia real'nost' konflikta] 5
Danilko, E.S. Migrant-Related Conflicts on YouTube.com [Konflikty, sviazannye s migrantami, na Youtube.com] 10
Radchenko, D.A. Roskomnadzor-chan and Other Beings: Performative Practices and Folklore Reaction to the Telegram Lockout [Roskomnadzor-tian i drugie: performativnye praktiki fol'klornoi reaktsii na blokirovki Telegram] 24
Gromov, D.V. Who's Afraid of "Kerch Shooter"?: activation of Social Phobias through Rumors and Quasi-Expert Statements [Kto boitsia "kerchenskogo strelka"?: aktivizatsiia sotsial'nykh fobii cherez slukhi i kvaziekspertnye vyskazyvaniia] 38

Diasporas and Migrant Communities

Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and P. Fryer. An Experience from Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital [Opyt izucheniia kyrgyzskoi migratsii v postsovetskoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala] 54
Batiev, L.V., and S.Ya. Suschiy. The Armenian Community of the Don in the Late 18th – Early 21st Centuries: From a Self-Governing Colony to a Multi-Component Ethnic and Cultural Minority [Armianskaia obshchina Dona v kontse XVIII – nachale XXI v.: ot samoupravliaemoi kolonii k etnokul'turnomu men'shinstvu] 71
Kim, G.N. The Continental and the Sakhalin Koreans: Differences and Similarities ["Materikovskie" i sakhalinskie koreitsy: razlichiia i skhodstva] 89
Babich, I.L. Politics and Social Circles of North Caucasians in France in the 1920s and 1930s [Politika i krugi obshcheniia severokavkaztsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody] 105

Research Articles

Davydova, E.A., and V.N. Davydov. The Professional and the Personal: An Experience of Fieldwork in Chukotka with the Entire Family [Professional'noe i lichnoe: opyt polevoi raboty na Chukotke vsei sem'ei] 121
Malikov, A.M. The Cult of Abu Muslim and His Companions in Central Asia: Variants of Mythologization [Kul't Abu Muslima i ego spodvizhnikov v Tsentral'noi Azii: varianty mifologizatsii] 141
Ferry, M. The Culture of Loss and Tragic Masculinity in Post-Soviet Georgia [Kul'tura utraty i tragicheskaia maskulinnost' v postsovetskoi Gruzii] 161

Review Articles

Burkova, V.N. You Can Never Have Enough of a Good Person?: Aggression and Its Correlation to Body Size [Khoroshego cheloveka dolzhno byt' mnogo?": agressiia i ee sviaz' s razmerami tela] 177

Book Reviews

Abashin, S.N. Review of *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*, edited by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov 191
Chininov, I.V. Review of *What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology*, by M. Ashkenazi 195
Vasekha, M.V. Review of *Subkul'tura: Istoriia soprotivleniia rossiiskoi molodiozhi 1815–2018* [Subculture: A History of Resistance of the Russian Youth, 1815–2018], by A.K. Troitskii 198

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ: ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЯ (отв. ред. — *Д.В. Громов*)

© Д.В. Громов

ВОЙНЫ В ФОРМАТЕ WEB 2.0: ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТА

Ключевые слова: интернет, социальные сети, Web 2.0, информационная война, эхо-камера, пузырь смыслов, этнические и социальные стереотипы

Данный текст предваряет тематический блок номера, в который вошли статьи Е.С. Данилко, Д.А. Радченко и Д.В. Громова.

Межэтническая и социальная напряженность в современном мире приобретает иное измерение: она уходит в интернет, дополняя конфликтное противостояние новой ареной – виртуальным пространством (*Castells* 2012). Широкие возможности для этого дают социальные сети: возникает ситуация, когда не только PR-профессионалы (политики, журналисты, агитаторы), но и рядовые граждане могут высказываться онлайн, выступая своим малым голосом акторами большой политики; таким образом формируется виртуальное пространство дискуссии, а в радикальных случаях – конфронтации, конфликта, информационной войны в формате Web 2.0. Под Web 2.0 понимается принцип организации интернета, при котором пользователи не только потребляют представленную здесь информацию, но и активно производят ее, размещая на интернет-площадках (*O'Reilly* 2007).

Активная информационная борьба в интернете сопровождает политические конфликты (примером может быть информационный бум, вызванный украинским политическим кризисом 2014 г. [*Громов* 2016]), протестный активизм (*Ксенофонтова* 2014; *Ушкин* 2014), электоральные процессы (*Hanson et al.* 2010), различные резонансные

Дмитрий Вячеславович Громов | https://orcid.org/0000-0002-0443-8718 | gromovdv@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

события, затрагивающие интересы пользователей (*Mihelj et al.* 2011). В общественных конфликтах оказываются задействованы акторы, заинтересованные в регулировании (поддержании и/или снижении) напряженности: политические сообщества и движения, коммерческие структуры, религиозные организации, СМИ; в числе таких акторов следует назвать государство и представителей различных госструктур (*Bjola, Holmes* 2015). Благодаря открытости информационного пространства появляются и получают общественное осмысление новые формы агрессивного поведения в интернете: троллинг, кибербуллинг, харассмент (*Chapin* 2014; *Hinduja, Patchin* 2008; *Notar et al.* 2013).

Рассмотрению конкретных случаев конфликтности в виртуальном пространстве была посвящена секция "Мониторинг межэтнической и социальной напряженности в Интернете", проведенная в рамках XIII Конгресса антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.) (*Мартынова* 2019). Три доклада, прозвучавших на этой секции, представлены в виде статей в данном тематическом блоке.

При кажущейся трансграничности интернета он все-таки не только объединяет, но и разъединяет людей, стимулируя виртуальные конфликты (*Flaxman et al.* 2013; *Bakshy et al.* 2015). Этому способствует, в частности, ряд специфических эффектов. Эхо-камера (*echo chamber*) – явление, при котором мнения подкрепляются многократным воспроизводством сообщений внутри закрытой системы (круга единомышленников, субкультуры, партии); мнения, не соответствующие установкам группы, внутрь эхо-камеры не попадают и не учитываются. Образование таких замкнутых информационных потоков особенно заметно в обществах с внутренним расслоением и гражданскими конфликтами (*Jamieson, Cappella* 2008; *Flaxman et al.* 2016). Пузырь фильтров (*filter bubble*) – эффект, обусловленный особенностями веб-программирования, просеивающего информацию, поступающую к пользователю: некоторые интернет-платформы (напр., поисковик *Google*), используя алгоритмы выборочного угадывания, предоставляют сведения, соответствующие прежней точке зрения запрашивающего, прочие точки зрения игнорируются (*Pariser* 2011).

Спецификой рассмотрения конфликтов в пространстве интернета является размытость границ противоборствующих сторон и специфичность их разграничения: например, рассматривая какой-либо инцидент между двумя государствами, мы видим по разные стороны прежде всего людей с разной позицией по отношению к этой ситуации, и уже затем – граждан разных стран, представителей разных конфессий и проч.; личная позиция в вопросе, вызывающем спор, является определяющим фактором для включения в конфликт.

Агрессивность поведения пользователей интернета обусловлена, помимо прочего, спецификой виртуального пространства: анонимностью высказываний, удаленностью, невидимостью, асинхронностью и игровым характером общения, выравниванием социальных статусов общающихся и др. (*Suler* 2004; *Joinson* 2007). Нежелательное поведение может сопровождаться созданием онлайн-образа, обеспечивающего безопасность участника конфликта (*Bullingham, Vasconcelos* 2013: 109).

Протекание конфликта в интернете, как правило, предполагает спонтанное или целенаправленное формирование образов "чужих" и "своих". Противник сопоставляется с однозначно негативными категориями и благодаря этому выставляется в негативном свете. Это проявляется через лексику, нарративы, изобразительный ряд. Происходит активное привлечение стереотипов восприятия (этнических, социальных), а также фольклорных образов и сюжетов. Формируется язык вражды (*Allen* 1983; *Евстафьева* 2009; *Herz, Molnar* 2012; *Громов* 2018). Частью информационной борьбы является создание фальсификаций (фейков) (*Libicki* 2007: 51–55).

В исследованиях, предлагаемых в рамках данного блока, рассмотрены риски и угрозы, возникающие в ситуации развития виртуального пространства и "цифрового" общества.

Статья Е.С. Данилко “Конфликты, связанные с мигрантами, на YouTube.com” раскрывает протекание на одной из популярных площадок интернета “тлеющего” конфликта, обусловленного присутствием мигрантов в мегаполисах Центральной России; на примере трудовых мигрантов показано, как происходит конструирование образов “чужих” в современном российском обществе.

Анализу протестной активности посвящена статья Д.А. Радченко “Роскомнадзор-тян и другие: перформативные практики фольклорной реакции на блокировки Telegram”. Автор выдвигает предположение, что активный протест в связи с решением о блокировке мессенджера Telegram по сути представляет собой защиту базового права человека на свободу информационного обмена и права на возможность иметь тело, киборгизированное новыми технологическими возможностями; ввиду этого основной группой, обеспечивающей протестную активность, являются профессионалы и любители в сфере цифровых технологий.

Статья «Кто боится “керченского стрелка”? Активизация социальных фобий через слухи и квазиэкспертные высказывания» показывает ситуацию, в которой шокирующее событие (массовое убийство) актуализирует большое количество существующих в обществе фобий. Одним из основных социальных пространств распространения панических слухов является интернет, перерабатывающий и транслирующий информационные потоки, циркулирующие офлайн, а также продуцируемые СМИ и заинтересованными акторами. Этот показательный случай выявляет многочисленные очаги потенциальной конфликтности.

Научная литература

Громов Д.В. Украинский кризис и бои в Интернете // Антропология медиа: теория и практика / Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 184–206.

Громов Д.В. “Язык вражды” украинско-российского кризиса (по материалам социальных сетей Интернета). М.: Социальная антропология города, 2018.

Евстафьева А.В. Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009.

Ксенофонтова И.В. Интернет-солидарность: методологические основания подхода и практика изучения. Дис. ... канд. социол. наук. Институт социологии РАН. М., 2014.

Мартынова М.Ю. (ред.) Мониторинг межэтнической и социальной напряженности в Интернете // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 445–448.

Ушкин С.Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 127–133.

Allen I.L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture. N.Y.: Columbia University Press, 1983.

Bakshy E., *Messing S.*, *Adamic L.A.* Exposure to Ideologically Diverse News and Opinion on Facebook // Science. 2015. Vol. 348. P. 1130–1132.

Bjola C., *Holmes M.* Digital Diplomacy: Theory and Practice. L.: Routledge, 2015.

Bullingham L., Vasconcelos A.C. “The Presentation of Self in the Online World”: Goffman and the Study of Online Identities // Journal of Information Science. 2013. No. 1 (39). P. 101–112.

Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity, 2012.

Chapin J. Adolescents and Cyber Bullying: The Precaution Adoption Process Model // Education and Information Technologies. 2014. Vol. 21. No. 4 (August 17). P. 719–728.

Flaxman S., *Goel S.*, *Rao J.M.* Ideological Segregation and the Effects of Social Media on News Consumption. SSRN Scholarly Paper ID 2363701. Rochester: Social Science Research Network, 2013.

Flaxman S., *Goel S.*, *Rao J.M.* Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption // Public Opinion Quarterly. 2016. Vol. 80. Special Issue. P. 298–320. https://5harad.com/papers/bubbles.pdf

Hanson G. et al. The 2008 Presidential Campaign: Political Cynicism in the Age of Facebook, MySpace, and YouTube // Mass Communication and Society. 2010. Vol. 13. No. 5. P. 584–607.
Herz M., Molnar P. (ed.) The Content and Context of Hate Speech: Rethinking Regulation and Responses. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.
Hinduja S., *Patchin J.W.* Cyberbullying: An Exploratory Analysis of Factors Related to Offending and Victimization // Deviant Behavior. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 129–156.
Jamieson K.H., *Cappella J.N.* Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. Oxford: Oxford University Press, 2008.
Joinson A.N. Disinhibition and the Internet // Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal, and Transpersonal Implications / Ed. J. Gackenbach. N.Y.: Academic Press, 2007. P. 75–92.
Libicki M. Conquest in Cyberspace: National Security and Information Warfare. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.
Mihelj S., *van Zoonen L.*, *Vis F.* Cosmopolitan Communication Online: YouTube Responses to the Anti-Islam Film Fitna // British Journal of Sociology. 2011. Vol. 62. No. 4. P. 613–632.
Notar C.E., *Padgett S.*, *Roden J.* Cyberbullying: A Review of the Literature // Universal Journal of Education Research. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 1–9.
O'Reilly T. What Is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // International Journal of Digital Economics. 2007. No. 65. P. 17–37. https://mpra.ub.uni-muenchen.de/4580/1/MPRA_paper_4580.pdf
Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. L.: Penguin Press, 2011.
Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321–326.

Editor's Introduction

Gromov, D.V. Web 2.0 Wars: The Virtual Reality of Conflict [Voiny v formate Web 2.0: virtual'naia real'nost' konflikta]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 5–9. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitry Gromov | https://orcid.org/0000-0002-0443-8718 | gromovdv@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Internet, social networking service, Web 2.0, information warfare, echo chamber, filter bubble, ethnic and social stereotypes

Abstract

This is the guest editor's introduction to the special theme of the issue on the "Ethnic and Social Tensions: Online Studies", which includes contributions by D.V. Gromov, E.S. Danilko, and D.A. Radchenko.

References

Gromov, D.V. 2016. Ukrainskii krizis i boi v Internete [Ukrainian Crisis and Online Battles]. *Antropologiia media: teoriia i praktika* [Anthropology of Media: Theory and Practice], edited by V.K. Malkova, V.A. Tishkov, 184–206. Moscow: IEA RAN.
Gromov, D.V. 2018. *"Yazyk vrazhdy" ukrainsko-rossiiskogo krizisa (po materialam sotsial'nykh setei Interneta)* [Hate Speech of the Ukrainian-Russian Crisis (Based on Materials from Internet Social Networks)]. Moscow: Sotsial'naia antropologiia goroda.
Evstafieva, A.V. 2009. Yazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie faktory funktsionirovaniia [Hate Speech in the Media: Linguistic and Extralinguistic Functioning Factors]. PhD diss., Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G.R. Derzhavina.

Ksenofontova, I.V. 2014. Internet-solidarnost': metodologicheskie osnovaniia podkhoda i praktika izucheniia [Internet Solidarity: Methodological Foundations of the Approach and Practice of Study]. PhD diss., Institut sotsiologii RAN.

Martynova, M.Yu. ed. 2019. Monitoring mezhetnicheskoi i sotsial'noi napriazhennosti v Internete [Monitoring Interethnic and Social Tensions on the Internet]. In *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii. Kazan, 2–6 iiulia 2019 g*. [Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia], 445–448. Moscow; Kazan: IEA RAN, KFU, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.

Ushkin, S.G. 2014. Pol'zovatel'skie kommentarii k protestnym aktsiiam v russkoiazychnom segmente YouTube [User Comments on Protests in the Russian Segment of YouTube]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 6: 127–133.

Allen, I.L. 1983. *The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture*. New York: Columbia University Press.

Bakshy, E., S. Messing, and L.A. Adamic. 2015. Exposure to Ideologically Diverse News and Opinion on Facebook. *Science* 348: 1130–1132.

Bjola, C., and M. Holmes. 2015. *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. London: Routledge.

Bullingham, L., and A.C. Vasconcelos. 2013. "The Presentation of Self in the Online World": Goffman and the Study of Online Identities. *Journal of Information Science* 1 (39): 101–112.

Castells, M. 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity.

Chapin, J. 2014. Adolescents and Cyber Bullying: The Precaution Adoption Process Model. *Education and Information Technologies* 21 (4): 719–728.

Flaxman, S., S. Goel, and J.M. Rao. 2013. Ideological Segregation and the Effects of Social Media on News Consumption. In *SSRN Scholarly Paper ID 2363701, Social Science Research Network*. Rochester.

Flaxman, S., S. Goel, and J.M. Rao. 2016. Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly* 80 (Special Issue): 298–320. https://5harad.com/papers/bubbles.pdf

Hanson, G., et al. 2010. The 2008 Presidential Campaign: Political Cynicism in the Age of Facebook, MySpace, and YouTube. *Mass Communication and Society* 13 (5): 584–607.

Hinduja, S., and J.W. Patchin. 2008. Cyberbullying: An Exploratory Analysis of Factors Related to ffending and Victimization. *Deviant Behavior* 29 (2): 129–156.

Herz M., and P. Molnar, eds. 2012. *The Content and Context of Hate Speech: Rethinking Regulation and Responses*. New York: Cambridge University Press.

Jamieson, K.H. and J.N. Cappella. 2008. *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. Oxford: Oxford University Press.

Joinson, A.N. 2007. Disinhibition and the Internet. In *Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal, and Transpersonal Implications*, edited by J. Gackenbach, 75–92. New York: Academic Press.

Libicki, M. 2007. *Conquest in Cyberspace: National Security and Information Warfare*. New York: Cambridge University Press.

Mihelj, S., L. van Zoonen, and F. Vis. 2011. Cosmopolitan Communication Online: YouTube Responses to the Anti-Islam Film Fitna. *British Journal of Sociology* 62 (4): 613–632.

Notar, C.E., S. Padgett, and J. Roden. 2013. Cyberbullying: A Review of the Literature. *Universal Journal of Education Research* 1 (1): 1–9.

O'Reilly, T. 2007. What Is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. *International Journal of Digital Economics* 65: 17–37. https://mpra.ub.uni-muenchen.de/4580/1/MPRA_paper_4580.pdf

Pariser, E. 2011. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. London: Penguin Press.

Suler, J. 2004. The Online Disinhibition Effect. *CyberPsychology & Behavior* 7 (3): 321–326.

© Е.С. Данилко

КОНФЛИКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С МИГРАНТАМИ, НА YOUTUBE.COM

Ключевые слова: мигранты, ксенофобия, конфликты, интернет, YouTube

Появление и растущая популярность социальных сетей, переводящих интернет-пользователей из разряда потребителей в разряд активных создателей информационного контента, способствуют более активному включению россиян в обсуждение самых разных событий или явлений общественной жизни, в т. ч. связанных с мигрантами. В интернете существует огромное количество разнородных ресурсов, тем или иным образом обращающихся к этой тематике. Их анализ свидетельствует о существовании выраженного антимигрантского (ксенофобского) дискурса как в официальных СМИ, так и в виртуальном пространстве, представленном различными видеоблогами. На основе информации из интернет-источников (отдельных сайтов, видеоблогов, разрозненных материалов), размещенных в видеохостинге на YouTube, в статье проанализированы проблемы конструирования образа “чужих” в современном российском обществе на примере трудовых мигрантов.

По материалам ежегодного опроса, проводимого “Левада-центром”, в 2018 г. в России резко по сравнению с прошлым годом повысился уровень этнофобии, что выразилось в увеличении доли россиян, выступающих за ограничение проживания в стране отдельных национальностей. При этом значительно расширился и спектр объектов неприязненного отношения (т.е. частота выбора тех или иных “нерусских позиций” из списка): здесь и выходцы с Кавказа, и представители среднеазиатских республик, украинцы, евреи и мн. др.; возглавили же “антирейтинг” цыгане. Проявлением ксенофобии в общественном мнении можно считать и негативное отношение к трудовой миграции и к самим мигрантам. Доля противников миграции выросла с 58 до 67%, и одновременно число респондентов, занимающих нейтральную позицию по этому вопросу, сократилось с 30 до 17%. Справедливости ради следует отметить, что доля сторонников миграции также возросла: с 6 до 14%. Все это свидетельствует об очередной актуализации миграционной повестки в публичном пространстве (*Пипия* 2018). Отмечая, что темы, связанные с миграцией и мигрантами, – одни из наиболее обсуждаемых в российском обществе, антрополог Сергей Абашин связывает этот факт с вступлением России в позднекапиталистический мир с его глобальными диспропорциями и кризисами, а также с происходящим на наших глазах «постимперским

Елена Сергеевна Данилко | https://orcid.org/0000-0002-4231-4759 | Danja9@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, https://doi.org/10.13039/501100002261 [проект № 17-01-00357-ОГН-А]

Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

сдвигом, когда, с одной стороны, совершаются неизбежные массовые переселения между бывшим центром и периферией, а с другой, общество пытается осмыслить свою новую идентичность, новое положение в мире, конструируя постсоветскую линию размежевания “своих” и “чужих”» (*Абашин* 2012: 4).

Опросы последних лет, хотя и демонстрировали снижение (без аномальных перекосов) этнофобских настроений в целом, свидетельствовали о стабильности индекса поддержки изоляционистской политики в отношении мигрантов, когда большая часть опрошенных считала, что поток приезжих следует ограничивать. “Исторического максимума” такие установки достигли в марте 2016 г., как раз в этот период наблюдался интерес россиян к миграционному кризису в Европе (*Пипия* 2016). Опрос июля 2017 г. показал близкие результаты (только 6% респондентов поддерживали миграцию, 58 выступали категорически против и 36% не имели выраженной позиции) (*Пипия* 2017б).

В целом актуализация тех или иных объектов неприятия или, напротив, понижение к ним интереса, как отмечают социологи, зависит от социально-политического контекста. Так, при относительной стабильности антимигрантских установок последние не обнаруживали ярко выраженного конфликтного и агрессивного потенциала, что было связано с наличием в российском поле более раздражающих образов “чужих” и усилением негативизма в отношении Украины, стран Европы и США (*Пипия* 2017а). Соответственно, наметившийся, согласно опросу июля 2018 г., рост ксенофобских настроений также можно объяснить перенаправлением раздражения россиян на “других” на фоне недовольства пенсионной реформой и ухудшения экономической ситуации в стране. По словам директора центра “Сова” Александра Верховского, определенное влияние оказывает также то, что “канализация негативных настроений” на Запад исчерпала себя (Левада 2018а).

Комментируя данные о росте мигрантофобии, президент фонда “Миграция XXI век” Владимир Поставнин, согласившись с выводами социологов об обусловленности подобных настроений россиян ухудшениями в экономической сфере, подчеркнул также колоссальную роль, которую играет в этом интернет. С одной стороны, он служит источником полезной информации для потенциальных мигрантов, с другой – именно в интернете тиражируется резко отрицательная информация о приезжих (Левада 2018б). Это превращает виртуальное пространство в перспективное, хотя и непростое исследовательское поле по проблемам миграции. Одна из попыток такого исследования по материалам канала YouTube будет предпринята в настоящей статье. Именно этот портал был выбран для анализа по следующим причинам:

1. Видеохостинг YouTube является одной из самых популярных площадок, позволяющих не просто пользоваться информационным контентом, но и создавать его в соответствии с собственными представлениями и задачами: все пользователи сайта могут загружать, просматривать, оценивать и комментировать видео, а также делиться видеозаписями в социальных сетях. То есть благодаря YouTube “отдельные лица включаются в транснациональные коммуникативные практики, создавая самодостаточные и общедоступные текстовые или визуальные представления” (*Miheli et al.* 2011: 615).

2. Практически с момента возникновения YouTube с ним были вынуждены считаться крупнейшие телекомпании, которые начали создавать собственные аккаунты на портале, а размещенные на нем любительские ролики все чаще включать в телепередачи. Таким образом, YouTube, являясь своеобразным “каналом каналов” для самых разных сообществ, существующих в Сети, выступает в роли проводника между телевизионной и интернет- аудиториями, а кроме того, аккумулирует весь видеоконтент, который расходится по социальным сетям и блогам. Популярности сайта способствует и визуальная форма контента, обладающая, как известно, бóльшим эмоциональным потенциалом, чем вербальная. “Интернет, –

пишут исследователи, – стал не столько текстом, сколько изображением” (*Мещеркина-Рождественская* 2007: 28). По частоте посещений в день YouTube опережает практически все популярные социальные сети (“Одноклассники”, Facebook, Twitter, Instagram), уступая лишь “ВКонтакте”.

3. В настоящее время на большинстве интернет-площадок действует цензура: владельцы сайтов не одобряют некорректных высказываний, а специальные фильтры отслеживают использование “языка вражды”. На YouTube подобная цензура значительно слабее, что делает его удобным для исследования ксенофобии[1].

Что можно узнать о мигрантах на YouTube?

Как отмечают исследователи, “сложившиеся принципы виртуального взаимодействия личностей друг с другом и личности с искусственным интеллектом позволяют формировать бесконечное количество запросов и получать такое же количество ответов на них” (*Кулинич* 2016: 242). Соответственно, использование статистики по этим запросам позволяет узнать актуальность той или иной темы для пользователей Сети. “Мигрантская” тема относится к одной из наиболее популярных. Даже самый простой поиск на YouTube с тегом “мигранты в России” выдает огромное количество видео на интересующую тему, при этом после просмотра каждого из размещенных в Сети роликов формируются новые запросы и поиск превращается в многоступенчатую и бесконечно расширяющуюся систему. В попытке сузить поле анализа я решила ограничиться тремя годами – 2016, 2017 и 2018. Это несколько перенаправило поиск, но не лишило меня возможности развертывания его в разных направлениях, хотя и в пределах одной заданной темы. В общей сложности было отсмотрено около 100 видео по каждому году, кроме того, были проанализированы заголовки выложенных на YouTube сообщений, связанных с мигрантами. При всей относительности описанного подхода попробую предложить классификацию этих материалов.

Итак, несмотря на разнообразие контента, можно выделить две группы YouTube-каналов: дайджесты и видеоблоги. Первые представляют собой тематические подборки видеозаписей, собранных из различных источников. Вторые, как правило, строятся вокруг конкретного блогера, обсуждающего какие-либо темы (снимающего собственное видео на эти темы или сопровождающего чужие видео своими комментариями). Это разделение довольно условно, поскольку дайджесты могут включать комментарии составителей, а блоги – сколь угодно много цитировать чужие видеозаписи. Далее я обращусь к типичным примерам этих групп каналов, рассматривающих тематику миграции и мигрантов извне и изнутри. Добавлю, что на YouTube можно найти огромное количество подобной информации, которую сложно отнести к первому или ко второму виду ресурсов.

Пример ***канала-дайджеста***, уделяющего большое внимание тематике миграции, – RussianCross, имевший около 77 тыс. подписчиков. Этот канал, зарегистрированный 11 сентября 2015 г. в Нидерландах, в настоящее время заблокирован. Основной задачей сайта, как говорится в разделе общей информации, являлось освящение преступлений мигрантов в России. Далее со ссылкой на слова руководителя Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве Вадима Яковенко приводилась некоторая статистика, якобы демонстрирующая огромный масштаб этих самых преступлений: каждое пятое убийство и каждое третье изнасилование – в 2013 г., 60–70% всех преступлений – в 2014 г.[2] На RussianCross выкладывались видеосюжеты, представленные в регулярных телевизионных сводках новостей на основных федеральных и кабельных каналах (1TV, Россия, Россия 24, Москва 24, РЕН, НТВ, ОТР, Дождь и т.д.). Ролики не редактировались и не комментировались создателями сайта, но снабжались красноречивыми заголовками: “Мигранты: грабежи”, “Мигранты: проституция”,

“Мигранты: убийства”, “Мигранты: изнасилования”, “Мигранты: наркоторговля”, “Мигранты жрут наших собак” и др. Вынутые из профессиональных ТВ-программ материалы формально не выходили за рамки официальной политкорректности, хотя такая концентрация кричащих заголовков негативного характера не могла не оказывать направленного воздействия на потенциальных зрителей. Кроме того, сама возможность подобного применения материалов свидетельствует как раз о формальности этой официальной политкорректности. Видеорепортажи с мест событий наполнены сценами грубого, унижающего достоинство обращения с мигрантами со стороны полиции (мигранты на коленях или стоящие спиной с поднятыми и заложенными за головы руками и т.п.). Дикторский текст, даже если в нем не предъявляется прямых обвинений приезжим в совершении преступлений, как правило, не опровергает такой возможности и не осуждает жесткие действия сил правопорядка. А соответствующий визуальный ряд закрепляет в восприятии зрителей образы мигрантов-преступников. Блокирование на интернет-канале любых комментариев, где могла бы прорваться агрессия, не исключает возможности перепоста и, соответственно, перенесения закамуфлированного здесь конфликта в другое пространство Сети. Многие ролики с RussianCross сейчас можно найти по другим адресам в YouTube, и это является примером “самообороны” его пользователей и интернета в целом – при блокировании информации она репостится: выкладывается снова и снова; по поисковым словам перепощенные материалы найти легко, цензура не успевает реагировать на их перемещение. Так, портал Russian Life Today, куда перекочевала значительная часть видеоконтента с RussianCross, позиционирует себя как канал, рассказывающий о “новостях мира, необычайных природных катастрофах, явлениях и аномалиях, наводнениях и стихийных бедствиях на всей планете”. Однако рубрика “видео” содержит все те же сюжеты с агрессивными заголовками: “Таджики и киргизы готовили теракты в Москве”, “Таджики забили насмерть арматурой мужчину” и т.д.

На YouTube существует множество каналов, призванных представить мнение самих мигрантов, – каналов, ориентированных на просвещение и развенчание мифов о них. Аудитория такого рода ресурсов значительно у́же и ограничивается чаще всего рамками самого мигрантского сообщества. Например, Таджикистану и таджикам посвящен канал TajLife (рег. 25 февраля 2015 г.). Весь его контент создается непосредственно организаторами в основном на русском и частично на таджикском языках, комментарии – также на двух языках. Декларируемые цели проекта – “поднятие имиджа Таджикистана”, “изменение мнения других народов о нас”, а также помощь соотечественникам – в конечном итоге сводятся именно к последнему. Большая часть видео предусматривает возможность комментариев, и, судя по ним, содержимое канала не всегда пользуется поддержкой целевой аудитории, которая отмечает определенную тенденциозность и недостаточную объективность материалов. Как правило, негативную реакцию вызывают представленные на TajLife “социальные опросы” на различные темы (“Нужны ли мигранты России”, “Хотят ли русские в Среднюю Азию”, “Почему существуют стереотипы о мигрантах” и т.д.). Именно эти материалы обнаруживают, пусть и небольшой, интерес к сайту со стороны “чужих”. Так, опрос на острую тему “Россия для русских?” насчитывает наибольшее число просмотров (4406) и более 100 комментариев интернет-пользователей, относящих себя к этническим русским. Содержание комментариев при этом сводится к неправомерности проведения такого опроса “чурками” либо к указанию на заведомую ангажированность ответов (“Пришли чурбаны и спрашуют, вам так и ответили”, “Нашли у кого спросить”[3]; “Пропаганда чистой воды... Вы же знаете, что вас тут не любят – зачем себя обманываете?”) (Tajlife 2018).

Для ***видеоблога*** Святослава Коваленко мигрантская тема – не единственная, но наиболее заметная. Блогер заявляет, что ставит перед собой задачу рассказать

о различных ситуациях, в которые могут попадать люди, в т.ч. сталкиваясь с нелегальными мигрантами. Показательно, что первой ступенькой к его сегодняшней популярности стал видеосюжет «Борзые “хачи” запрещают снимать!!!» (5,7 млн просмотров), снятый на известном рынке “Садовод”, воспринимающемся общественным мнением как место скопления нелегальных мигрантов. В сюжете показывается, как двое молодых людей приходят в торговые ряды и без всяких объяснений начинают снимать разложенные товары и продавцов, что вызывает раздражение людей, попавших в объектив. На их вопросы следуют ответы в духе “хочу и снимаю”, “по закону имею право снимать, что хочу” и т.д., в итоге акция перерастает в открытое столкновение с продавцами и охранниками торгового центра. Сюжет, выложенный в интернет, снабжен комментарием о дружбе народов и стремлении авторов показать не “плохие нации”, а “безкультурных, наглых людей” (*Коваленко* 2018)[4]. Такой откровенно провокационный способ генерирования сюжетов вскоре стал своеобразной визитной карточкой видеоблогера, которой “учит нас, как обращаться с быдлом”, устремляясь со своей камерой туда, где творится несправедливость (“Китайский ресторан отказывается принимать деньги”, “Врачи покалечили ребенка”, “Гопники напали на попрошайку” и т.д.). Хотя, как уже было сказано, далеко не все материалы Коваленко посвящены собственно мигрантам, из комментариев и из видео его встречи с читателями следует, что популярность блогера обусловлена его образом борца с незаконными действиями полиции, охранников, продавцов и – в значительной степени – “чурок”.

Кстати, тема противостояния полиции, одобряемая подписчиками Коваленко, представлена также в нескольких сериях под названием “Унижение полицейским нерусских” среди материалов блогера с говорящим ником “Чуркин сын”. Блог был зарегистрирован 17 апреля 2017 г., имеет 14 тыс. подписчиков, аккаунты во всех социальных сетях и получил более 2,5 млн просмотров. Автор представляет себя коротко: “Я – Гафур. Преданный воин здравого смысла! И это канал о моей жизни и не только!”; он размещает видео на разные темы, актуальные для современной России. Две серии с полицейским (почти 2 млн просмотров) показывают взаимодействие автора с участковым, пришедшим по заявлению жильцов дома о незаконно проживающем нелегале. Автор отказывается предъявлять документы, ссылаясь на законы и демонстрируя незаурядную (и не ожидаемую полицейским) юридическую грамотность. У серии более 7 тыс. комментариев, проанализировать их все – непростая задача, но можно представить спектр откликов на примере первых ста: в 24 одобряется поведение блогера, поставившего полицейского на место, а в 76 используются высказывания в духе “чурки вздумали качать права” (Чуркин сын 2017).

Примером довольно успешного “промигрантского” ресурса является UzLector – видеохостинг узбекского блогера Азама Азизова. С момента основания блог насчитывает уже более 28 млн просмотров, число обращений к каждому из выложенных на нем сюжетов исчисляется тысячами, а самые популярные имеют миллионную аудиторию. Основной посыл автора – “делать интересные и полезные видео на узбекистанские темы. Что бы люди со всего мира узнали о наших местах, великих людях и нашей культуре” (UzLector 2015). Содержимое блога в большинстве своем составляют именно “полезные” материалы на узбекском языке, дающие советы по решению вполне конкретных проблем: получение гражданства, поиск работы, организация собственного бизнеса. Кроме того, значительную часть контента занимают новостные и информационные сюжеты и, наконец, прямые трансляции в форме коллективных чатов. Судя по комментариям, UzLector был первым узбекским блогом, спровоцировавшим появление множества других, также стремительно набирающих популярность. Вместе с тем парадокс популярности такого рода блогов заключается в многочисленности и одновременно узости пользовательской аудитории, представленной собственно мигрантами, когда “просветительские” задачи,

стремление рассказать о себе миру и развенчать стереотипы в конечном итоге ограничиваются разговором друг с другом. По сути, такие видеоблоги переносят существующие в крупных городах замкнутые для чужих мигрантские анклавы из мира реального в мир виртуальный, создавая пусть обширные, но все же локальные пространства внутри Сети и, соответственно, оказывая не слишком заметное влияние на общий уровень негативного информационного шума по поводу мигрантов.

Событие в Сети: бунт мигрантов в Люблино

Появление видеосюжетов о мигрантах часто связано с неким конкретным событием, казусом, случаем, превращенным в новостной сюжет: “Русский марш в Люблино”, “Миграционный бунт в спецприемнике”, “Мигранты с ножом ограбили продовольственный магазин в Подмосковье” и т.д. В качестве примера рассмотрим так наз. бунт мигрантов в московском районе Люблино.

Днем 20 сентября 2017 г. сотрудниками ЧОП торгового центра “Москва”, одного из крупнейших вещевых рынков на юго-востоке столицы, был избит 27-летний грузчик-таджик. Тело избитого, завернутое в белую материю, было вынесено за территорию торгового комплекса и выброшено в мусорный контейнер, где и было обнаружено родственниками. Весть о трагедии разлетелась среди других работников рынка, вскоре сюда начали стягиваться группы людей, выражавших возмущение действиями охраны. На место прибыли несколько нарядов полиции, около 200 протестующих были задержаны и доставлены в отделения полиции для разбирательства (Полиция 2017).

Уже в этот же день Сеть заполнили любительские, снятые на телефоны видеосюжеты, которые затем вошли в сводки официальных новостей. Важно отметить, как авторы многих сюжетов (в т.ч. журналисты телеканала “Россия 24”), несмотря на то что ситуация была неоднозначной и требовала серьезного предварительного разбирательства, конструировали негативный образ мигрантов, акцентируя внимание на взрывоопасности ситуации на рынке, созданной приезжими и предотвращенной сотрудниками полиции, вынужденными применить силу. Делался упор на оправдательной версии, озвученной руководством ТЦ “Москва”, о том, что попавший в больницу молодой таджик страдал эпилепсией и просто упал в обморок на территории рынка (*Шарипов* 2017). Приводилось интервью с врачом больницы, где он с явным раздражением отвергал серьезность диагноза пострадавшего (RussianCross 2017). Эмоциональные высказывания президента “Федерации мигрантов СНГ” Карамота Шарипова и самих мигрантов, рассказавших о коррумпированности охраны торгового центра, вымогающей у грузчиков деньги, о безнаказанности ЧОПовцев и жестоком избиении молодого парня, ставшем причиной трагедии, практически нивелировались прямыми и косвенными комментариями журналистов, ведущих репортажи с места событий: в информации о личности избитого указывалось, что он “подозревался в краже”; действия охранников характеризовались как “нанесение нескольких ударов”; рассказывалось о существовании среди приезжих системы дани, взимаемой самими же мигрантами. Из обращений к непосредственным участникам событий, казалось бы, призванных представить мнение сторон, отбирались краткие нейтральные высказывания, которые снабжались красноречивыми комментариями экспертов. Вот лишь один показательный эпизод: журналист расспрашивает грузчика о стоимости перевозки одной тележки с товаром и, получив ответ (200 руб.), говорит о миллиардных дневных оборотах ТЦ “Москва” и прибыльности такого труда для самих нелегалов (Россия-24 2017). В репортажах подчеркивается, как напуганы жители района Люблино, ставшие свидетелями стягивания к рынку многочисленной агрессивной толпы нелегалов. Если оценивать ситуацию в целом, можно сказать, что развивалась уже знакомая идея о связи высокого уровня преступности с местами

скопления мигрантов. Например, в видеосюжете, размещенном на канале SandayBrunch спустя 10 дней после событий, активистка районного “Народного контроля” Е. Ковалевская называла рынок “раковой опухолью на теле города” и говорила о 200 тыс. нелегалов, проживающих в районе, связывая с ними “наркотизацию молодежи, износ жилого фонда, преступность” (SandayBrunch 2017). Все эти журналистские приемы раскручивания антимигрантского дискурса хорошо знакомы широкой аудитории с 1990-х годов, яркий пример подобной шумихи, поднятой в СМИ после взрыва на Черкизовском рынке в 2006 г., подробно описывался, в частности, В.А. Шнирельманом (*Шнирельман* 2007: 107–112).

Размещение транслируемых в СМИ материалов в YouTube позволяло проследить характер общественной реакции на них благодаря комментариям пользователей. Даже беглый обзор видео показывает соотношение условно анти- и промигрантских высказываний и очевидное преобладание первых. Например, из 2316 комментариев под материалом “Телеканала 360” (Телеканал 360 2017) (1 175 220 просмотров) лишь 70 (или 3%) выражали позицию мигрантов, остальные в крайне агрессивной форме призывали их “гнать”, “расстреливать”, “уничтожать”, “давить” и т.д., а видеорепортаж от канала Star News (Star News 2017) (94 397 просмотров) демонстрировал соотношение: 28 к 395 (7/93%) и т.д.

В комментариях ситуация рассматривается как угроза для коренных жителей, как первые попытки захвата Москвы чужаками, их претензии на такие же права, как у местных (“Это становится опасным!!! У них свои законы у них совершенно другой менталитет!!! Их очень много и у них есть свои вожаки!!! Они уже организованы!!! Они поверили в себя!!! Они такое могут устроить что мало не покажется!!! Они плевали и будут плевать на законы страны в которую понаехали!!!”; “Это пока они ещё пытаются права качать... Дальше будет веселее, толерантность”; “Эти таджики скоро москву захватят Как муравьи собираються сразу как одного грузчика обидят”). Сам факт, что “чурки” могут иметь такие же права, вызывает у комментаторов крайнее возмущение (“Ахренели, какая диаспора? Есть закон РФ. Этого крикуна отмудохать как помойное ведро и нах пинкам к нему в кишлак, гниду. Оно будет у нас права качать? Стрелять гадов уже. Не нравится Россия, вон нах!”; “Херова туча свиней набежала и хрюкает, что им тут плохо! Пиндуйте в свои аулы! Свиньи безродные!”). Вообще самой выраженной конфликтной стратегией является дегуманизация мигрантов, отказ смотреть на них как на человеческие существа – это *тараканы, зверье, дерьмо*, дикая полуграмотная масса; их попытка сопротивления незаконным действиям охранников воспринимается как неумение культурно, цивилизованно разрешать конфликты, привнесение в культурный город кишлачных методов (“Не могут работать пусть дома седят, а то на разборки пришли, это пусть в аулах у себя самосуд устраивают быдло, приехали в Россию пусть живут по закону а не по шариату”; “Мать ихнюю! Привыкли к родо-племенным отношениям и давай кулаками махать! Такие вещи решаются не кулаками, не родственниками и не друзьями”; “Даже если грузчика низачто избили – то приходить таким кодлом – это не дело. Можно было прийти толпой и культурно поговорить и нормально разобраться кто именно виноват и после этого уже машинку ему попортить. Но вот такое агрессивное быдло надо ставить на место”). Показательно, что самый острый момент конфликта – жестокое избиение молодого парня и выбрасывание его тела в мусорный контейнер, уподобление его отходам, – не только не вызывает сочувствия, но комментируется крайне цинично (“Хаха, мусору – место в мусорке”; “Охраннику премию”; “Да срать на них они этого заслуживают, езжай домой тележка !”).

Все это свидетельствует о существовании выраженной мигрантофобской тенденции в общественном сознании аудитории современного русскоязычного интернета, в котором конструируются разнообразные мифы о врагах-мигрантах, являющихся угрозой для коренных жителей. Исследователи отмечают сложность такого рода

социальных конструкций, обнаруживающих иррациональный культурный пласт, представленный оппозицией “свой–чужой” и верой в “несовместимость культур”, в некую фатальную угрозу своим культуре и ценностям со стороны “чужаков”, в катастрофические последствия “нарушения сложившегося этнокультурного баланса” (*Шнирельман* 2007: 145). Попытаемся разобраться, каким образом формируются мигрантские образы “чужих” в пространстве YouTube.

Чурки, угли и джамшуты – образы мигрантов

Обращаясь к стратегиям формирования образов “чужих” в YouTube, важно понимать особенности самого интернет-пространства, определяющего конфликтное поведение основных акторов. Прежде всего это анонимность, невидимость оппонентов друг для друга, позволяющие легче преодолевать этические барьеры в использовании “языка вражды”. Так, ссылаясь на многочисленные исследования поведения людей в киберпространстве, где они позволяют себе говорить собеседнику вещи, которые обычно умалчиваются в ситуациях общения лицом к лицу, Джон Сулер для обозначения этого феномена использует новый термин – “эффект дезадаптации в режиме реального времени” (*Suler* 2004: 321). Другим важным моментом является относительная юридическая неуязвимость: отсутствие или сведение к минимуму серьезных последствий за заведомое искажение информации, использование неэтичных приемов манипуляции собеседником и т.д.

Юридическая неуязвимость во многом обусловливается и типом информационного ресурса. Так, сюжеты каналов-дайджестов ограничены (хотя бы какими-то) условными рамками политкорректности, поскольку зачастую привязаны к официальным ресурсам (дайджесты телевизионных сюжетов), а порталы диаспор – корпоративной этикой сетевых каналов. Интернет-СМИ в целом опасаются нарушать законы и стараются не допускать откровенно экстремистские (и вообще уголовно или административно наказуемые) высказывания. Пространство Сети позволяет при републикации усиливать неполиткорректность, снабжая остающиеся неизменными видеоролики кричащими заголовками. Задача занимающихся этим ресурсов, далеко не всегда служащих площадками для интернет-баталий, – посредничество между разными аудиториями и поддержание некоего заданного информационного фона, отражающего официальный дискурс. Этот фон создается собственно содержанием материалов, а также приемами их подборки. Известной стратегией создания иллюзии опасности, исходящей от мигрантов, является подчеркивание, выпячивание одних характеристик новостного объекта и сокрытие других. Так, при освещении криминальных событий российскими каналами, когда речь идет о мигрантах, сообщается об их этнической принадлежности и социальном статусе, тогда как в других случаях эта информация опускается. Поддержанию психологического напряжения, как было сказано выше, способствует и визуальный ряд, демонстрирующий допустимость, нормальность дегуманизации мигрантов.

Видеоблоги характеризуются меньшей цензурированностью и большей открытостью: здесь могут высказаться все желающие и имеющие что сказать. В отличие от каналов-дайджестов, у авторов есть больше возможностей для самовыражения в контенте острых социальных тем. В видеоблогах не блокируется большая часть комментариев. Именно здесь посредством использования пейоративной лексики совместно конструируются образы “чужих”. По наблюдению Аллена Льюиса, “никнеймы этнических групп, вне всякого сомнения, служат инструментом, которым люди и сообщества укрепляют и корректируют этническую иерархию” (*Allen* 1983: 2).

Значительную часть конфликтного словаря составляют экзонимы – обидные прозвища, даваемые друг другу враждующими группами. Отметим, что даже определения, которые используются федеральными СМИ для обозначения иностранных

рабочих (*мигранты, гастарбайтеры*), служат своего рода пейоративами и основой для образования уничижительных экзонимов: *гастеры, гастриты, гастрота* (негативная коннотация – заболевание пищеварительной системы). Наполнение смыслами слова “мигранты” связано, по наблюдению исследователей, с принятыми в обществе социальными и культурными классификациями. Так, отношение к приезжим в определенной степени воспроизводит “традицию” негативного и пренебрежительного восприятия “лимитчиков”, которые дополнительно маркируются еще и этническими признаками (*Абашин* 2012: 7).

Разнообразный набор форм продуцируют модификации слов “чурка”, “чурбан” (т.е. пень, обрубок дерева, воплощение наивысшей степени умственной отсталости): *чурбаны, чурье, чуркобесы, чуркистаны, чурилы, чурики, чуроксрань, чуркожопы*. Еще одной стратегией принижения, дегуманизации мигрантов является сравнение с животными (*звери, зверье, обезьяны, макаки, шакалы, бараны, ишаки, узкоглазая саранча, тараканы*) или даже экскрементами животного (*дерьмо/говно верблюжье, кизяки*). Характерно использование собирательных существительных, обозначающих множество, т.е. деперсонализирующих, лишающих индивидуальности: мигранты – это *толпа*, даже *стадо*, *стадо баранов*, *зверье*, не прошедшее цивилизационной обработки *племя*, *кишлачная масса*, дикая и малограмотная *орда*. Безликость и многочисленность мигрантов подчеркивается в упоминавшихся выше сравнениях их с насекомыми – муравьями, саранчой, тараканами; чаще всего это насекомые, живущие большими колониями. При этом страх перед чужеродной массой, способной захватить привычное одомашненное пространство, превратив его в свое, заполонив и присвоив его, отражается в новообразованных топонимах, маркирующих “оккупированные” чужаками территории: *Масквабад, Чуркистан*. Устрашающие прогнозы и пророческие предостережения о приближении времен, когда привычные топонимы сменятся чужими – один из часто встречающихся мотивов в интернет-полемике. Вообще, страх “вторжения другого” и страх “утраты ресурсов” (т.е. боязнь оказаться в ситуации экономической и социальной неконкурентоспособности), как считают исследователи, широко распространены в обществе и служат объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей (*Мукомель* 2005: 56).

Инокультурность мигрантов определяется их конфессиональной принадлежностью, отсюда складываются лексические новообразования для их обозначения: *муслимы, исламы, муслота*. Акцентированию чужеродности служит выпячивание физических, фенотипических особенностей, природной смуглости (*черные, черные рожи, черножопые, угли, чернота, черножопая нечисть*), неславянского разреза глаз (*узкоглазые*). Пейоративная лексика, выражающая ненависть, презрение, сарказм в отношении мигрантов, формируется из представлений о каких-то культурных особенностях, например для этой цели часто используются названия блюд или продуктов восточной кухни: *чебурек/чебуреки*, *сухофрукты*, *урюк*, *баранина* (в т.ч. в ед.ч. – для обозначения отдельного человека). В негативном ключе – как инвективы, а не как имена нарицательные – употребляются некоторые имена собственные, например *Ашот* или “ушедший в народ” из популярной телепередачи “Наша Раша” *Джамшут*.

Любая коммуникация, в т.ч. сетевая, предполагает диалог или полилог, когда в дискуссии участвуют минимум две, а максимум – сколь угодно много сторон, тем более что интернет-пространство имеет возможность практически бесконечного расширения и включения бесконечного же числа акторов. Соответственно, в интернет-баталии, поводом для которых служат какие-то выложенные в Сеть материалы о мигрантах, включаются и сами мигранты. Учитывая, что разговор ведется на повышенных тонах и в ситуации неизменного противоборства, они также не стесняются в выборе языковых средств в отношении оппонентов, пользуясь для выражения неприязни богатой русской матерной лексикой. Однако мигранты практически не употребляют лексических новообразований, каких-то обидных производных или

искаженных слов; наиболее часто встречающимся по отношению к *русским* остается экзоним *русские*, к которому добавляются негативные характеристики: *ленивые, пьяницы, агрессивные*.

Оказываясь в меньшинстве, мигранты вынуждены использовать не столько наступательные, сколько защитные речевые стратегии, пытаясь урезонить, пристыдить противника. Так, частым приемом, вызревшим, очевидно, на популярности в современной России военно-патриотического дискурса, является напоминание об общем военном прошлом, об участии представителей среднеазиатских республик в обороне российских городов, о гостеприимстве в отношении эвакуированных и, соответственно, неблагодарности со стороны русских. В этом контексте русских называют *нацистами, наци, фашистами, расистами*, грозя им возмездием в некоем далеком будущем. Другим приемом, который иногда используется и "русской" стороной, служит напоминание о необходимости мигрантов в связи с неспособностью самих россиян обеспечивать чистоту и порядок в своей стране в силу лени и приверженности к алкоголю. Эти обвинения также пересыпаются бранью, и в попытке унижения адресатов иногда добавляется аргумент об их половом бессилии, когда русские женщины предпочитают приезжих парней.

Конфликтные стратегии "русской" стороны имеют более выраженный наступательный характер, включая в себя, помимо богатого и разнообразного арсенала пейоративов, формирующих отрицательный образ объекта агрессии, еще и призывы к определенному типу действий в отношении мигрантов: "гнать вон отсюда", "передавить", "перестрелять", "перебить, выслать из страны", "депортировать", "отправить домой" и т.д. (Из комментариев о "бунте в Люблино": "Надо было черноту на ноль множить из пулемётов"; "Надо было расстрелять на месте это стадо"; "Нарушил закон в чужой стране даже просто кинул бычок или плюнул на улице выдворять с запретом въезда лет на 20 пока ни поумнеют на родине а если вернулся то реальный срок в специальной тюрьме на соловках в меню только селёдка".) В этом контексте нередки сожаления об отсутствии Сталина, который бы разобрался с "чурками", сетования о мягкотелости нынешних российских и городских властей ("Товарища Сталина надо срочно поднимать. Какие то сраные таджики свои поганые рты разинули").

Таким образом, негативные образы "чужих" в интернет-пространстве (в т.ч. в обсуждениях на YouTube) создаются по традиционной для конфликтов в виртуальной среде схеме, т.е. посредством соотнесения виртуальных оппонентов с различными негативными категориями, использования "языка вражды" и лексических единиц, имеющих отрицательно-оценочное значение (*Громов* 2018) и связываемых с телесным низом, животными, болезнями, неодушевленными предметами, нечистой силой, с категориями необразованности, отсталости, архаичности. Критические высказывания самих мигрантов предполагают соотнесение оппонентов с категориями фашизма, что тоже типично для современного дискурса пейоратизации.

* * *

Появление и растущая популярность социальных сетей, переводящих интернет-пользователей из разряда потребителей в разряд активных создателей информационного контента, способствовали более активному включению людей в обсуждение самых разных событий или явлений общественной жизни, в т.ч. связанных с мигрантами. Рассмотренный мной материал позволяет сделать следующие обобщения.

На видеохостинге Youtube имеются многочисленные публикации, отражающие и взгляд принимающей стороны на мигрантов, и взгляд самих мигрантов на ситуацию адаптации в инокультурной среде. Однако уже в силу количественного преобладания "русских" пользователей в русскоязычном секторе интернета первая группа публикаций представлена в гораздо большем объеме. Дайджест-каналы и

видеоблоги мигрантских сообществ, аудиторию которых составляют преимущественно сами мигранты, предполагают налаживание диалога с принимающей стороной, однако, по сути, такие ресурсы переносят из мира реального в мир виртуальный существующие в крупных городах закрытые для чужих мигрантские анклавы и не оказывают заметного влияния на антимигрантскую напряженность, существующую в Сети.

Количественная и институциональная диспропорции обусловливают многие описанные в статье процессы: комментирование происходящих событий, различие стратегий ведения дискуссии и др. Так, имеются примеры того, что соотношение “антимигрантских” и “промигрантских” комментариев может составлять 97/3 или 93/7. Помимо указанной диспропорции, следует отметить целый комплекс факторов, отражающих специфику взаимодействия и протекания конфликтов в интернете: концентрация вокруг определенных тем заинтересованных пользователей, их сегрегация согласно интересам и идеологическим установкам, раскрепощенность поведения в виртуальном пространстве.

Мигрантская тема, ее актуализация в Сети, зависит от социально-политического контекста (наличие/отсутствие более раздражающих образов “чужих”, экономическая ситуация и т.п.) и, соответственно, может использоваться в процессах манипуляции общественным мнением. Информация о мигрантах, транслируемая центральными российскими телеканалами, обнаруживает потенциал для дальнейшего использования в интернете в негативном ключе (акцент на этнической принадлежности мигрантов в криминальной хронике, сюжеты, включающие насилие и унижение со стороны полиции). Одним из приемов усиления воздействия подобной информации на аудиторию является создание броских и негативно окрашенных заголовков на порталах каналов-дайджестов.

При обсуждении актуальных событий в комментариях к материалам YouTube мигранты склонны применять защитные речевые стратегии, направленные на то, чтобы урезонить, пристыдить противника. Конфликтные стратегии антимигрантски настроенных пользователей интернета, напротив, имеют более выраженный наступательный характер, они основаны на формировании и использовании богатого и разнообразного арсенала пейоративов, формирующих негативный образ мигрантов и содержащих призывы к агрессивным действиям против них.

Примечания

[1] Несмотря на относительную мягкость цензуры, она присутствует и на YouTube, а в 2019 г. были введены дополнительные ограничения. Поэтому некоторые интернет-ресурсы, рассмотренные мной в конце 2018 г., впоследствии были закрыты. Как это свойственно для интернет-контента в целом, часть упомянутых ниже материалов поменяла адреса, их поиск можно вести по заголовкам и ключевым словам; так, видеосюжеты с заблокированного в 2019 г. канала RussianCross зачастую обнаруживаются на Russian Life Today (см., напр., сюжет “Таджики били женщин арматурой...”: https://www.youtube.com/channel/UCQvq2wVSCj8lxLzkiQR3hDA), а также на зарегистрированном в июне 2019 г. канале Russia Kriminal. Другие удаленные видео сохраняются на личных страницах в социальных сетях и легко находятся по заголовкам через разные поисковики.

[2] Ссылки на источник информации нет, более того, миф о высоком уровне преступности среди мигрантов легко опровергается официальными данными сайта Генеральной прокуратуры РФ. Так, в 2017 г. лишь 2% от всего количества зарегистрированных преступлений было совершено иностранными гражданами, а если рассматривать тяжесть состава преступлений, то большая их часть – мелкие кражи в супермаркетах и использование фальшивых патентов на работу (*Якимов* 2018).

[3] Здесь и далее при цитировании комментариев пользователей YouTube сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

[4] На момент сдачи статьи в редакцию Коваленко значительно изменил направленность своего блога, данный видеосюжет выложен за пределами канала.

Источники и материалы

RussianCross 2017 – Таджика избили и выбросили в мусорный контейнер охранники рынка-гадюшника “Москва” в Люблино (2017) // Russia Kriminal. 18.05.2020. https://www.youtube.com/watch?v=_E0n1U-0Wic

SandayBrunch 2017 – Бунт мигрантов у ТЦ Москва // SandayBrunch. 30.09.2017. https://www.youtube.com/watch?v=UVbJ2IOvRXQ&t=48s. https://yandex.ru/video (дата обращения: 17 ноября 2019 г.).

Star News 2017 – Бунт Таджиков в России ТЦ Москва. Как всё было. Драка, выстрелы // Ok. Видео группы «Родина слышит. Родина знает. 18.05.2020. https://ok.ru/video/323651703203

Tajlife 2018 – Россия для русских? Социальный опрос! // TAJLIFE. 15.07.2018. https://www.youtube.com/watch?v=Id4hdpB3g8Q&t=283s

UzLector 2015 – О канале // UzLector. https://www.youtube.com/channel/UC4RDOmUkVu3ULerdNVhis0A/about

Коваленко 2018 – Борзые “хачи” запрещают снимать!!! Угрожают, пытаются забрать камеру // Чеченцы и кавказцы. 19.07.2018. https://www.youtube.com/watch?v=shG40ubIZtY

Левада 2018а – В России выросли ксенофобные настроения // Левада-центр. 27.08.2018. https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya

Левада 2018б – Мы ничего не делаем для адаптации и интеграции мигрантов // Левада-центр. 30.08.2018. https://www.levada.ru/2018/08/30/my-nichego-ne-delaem-dlya-adaptatsii-i-integratsii-migrantov

Полиция 2017 – Полиция усилила охрану столичной больницы, где лечится таджик, из-за которого произошел конфликт у ТЦ // NEWSru.com. 21.03.2017. https://www.newsru.com/russia/21sep2017/draka.html

Tajlife 2018 – Tajlife. Россия для русских? Социальный опрос! // TAJLIFE. YouTub.com. 15.07.2018. https://www.youtube.com/watch?v=Id4hdpB3g8Q&t=283s)

Россия-24 2017 – Рабочие-мигранты обвинили руководство “Москвы” в поборах – Россия 24 // Россия-24. 21.09.2017. https://www.youtube.com/watch?v=IfqNrtmzlvk

Телеканал 360 2017 – Побоище у ТЦ “Москва”: задержаны более 150 мигрантов // Телеканал 360. 21.09.2017. https://www.youtube.com/watch?v=jxIyJh7c3wo&t=94s

Чуркин сын 2017 – Чуркин сын. Унижение полицейским нерусских. 1 серия // Чуркин сын. 01.08.2017. YouTub.com. https://www.youtube.com/watch?v=mYX3xO7BxpA&t=145s)

Шарипов 2017 – Коженов обвинил избитого в ТЦ Люблино гр Таджикистана в припадке эпилепсии (сюжет Вести, Россия 1) // Видеоблог Каромата Шарипова. 22.09.2017. https://www.youtube.com/watch?v=dbw46qJ6T0s

Якимов 2018 – *Якимов А.* Большинство преступлений в России совершается мигрантами? // Комитет “Гражданское содействие”. 05.12.2018. https://refugee.ru/materials/bolshinstvo-prestuplenij-v-rossii-sovershaetsya-migrantami

Научная литература

Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.

Громов Д.В. “Язык вражды” украинско-российского кризиса (по материалам социальных сетей Интернета). М.: Социальная антропология города, 2018.

Кулинич А.А. Активность интернет-пользователей в контексте актуализации темы ксенофобии как крайнего варианта национализма (на примере китайско-японских отношений) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 6А. С. 241–254.

Мещеркина-Рождественская Е. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 28–43.

Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 56–66.

Пипия К. Интолерантность и ксенофобия // Левада-центр. 11.10.2016. https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya
Пипия К. Отношение к трудовым мигрантам // Левада-центр. 28.04.2017а. http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam
Пипия К. Ксенофобия в 2017 году // Левада-центр. 23.08.2017б. https://www.levada.ru/2017/08/23/16486
Пипия К. Мониторинг ксенофобских настроений, июль 2018 года // Левада-центр. 27.08.2018. https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij
Шнирельман В.А. СМИ, "этническая преступность" и мигрантофобия // Язык вражды против общества / Сост. А. Верховский. М.: Центр "Сова", 2007. С. 107–150.
Allen I.L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
Mihelj S., van Zoonen L., Vis F. Cosmopolitanism and the Muslim Ummah On-line: "YouTubers" Responding to the Anti-Islam Film Fitna // British Journal of Sociology. December 2011. No. 62 (4). P. 613–632.
Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321–326.

Research Article

Danilko, E.S. Migrant-Related Conflicts on YouTube.com [Konflikty, sviazannye s migrantami, na Youtube.com]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 10–23. https://doi.org/10.31857/S086954150010045-9 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena Danilko | https://orcid.org/0000-0002-4231-4759 | Danja9@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

YouTube.com, Internet, online, conflicts, migrants, xenophobia

Abstract

The growing popularity of social networks, which turn passive consumers of Internet content into content creators, has been instrumental in involving Russians in more active discussions about various facets of social life, including those having to do with migration and migrants. There are plenty of information and resources of all kinds on this particular topic available on the Internet. An examination of them may point to the presence of a distinctive anti-migrant (xenophobic) discourse both in the established mass media and in the virtual space represented by various video blogs. The article draws on the analysis of online content hosted on YouTube, focusing specifically on labor migrants, to discuss the ways in which images of "others" or "aliens" have been constructed in Russian social discourses.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, https://doi.org/10.13039/501100002261 [17-01-00357-OGN-A]

References

Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
Allen, I.L. 1983. *The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture*. New York: Columbia University Press.

Gromov, D.V. 2018. “Yazyk vrazhdy” ukrainsko-rossiiskogo krizisa (po materialam sotsial’nykh setei Interneta) [“Hate Speech” of the Ukrainian-Russian Crisis (According to the Materials of Social Networks of the Internet)]. Moscow: Sotsial’naia antropologiia goroda.

Kulinich, A.A. 2016. Aktivnost’ internet-pol’zovatelei v kontekste aktualizatsii temy ksenofobii kak krainego varianta natsionalizma (na primere kitaisko-iaponskikh otnoshenii) [Activity of Internet Users in the Context of Mainstreaming Xenophobia as an Extreme Version of Nationalism (On the Example of Sino-Japanese Relations)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* 5 (6A): 241–254.

Mihelj, S., L. van Zoonen, and F. Vis. 2011. Cosmopolitanism and the Muslim Ummah On-line: “YouTubers” Responding to the Anti-Islam Film Fitna. *British Journal of Sociology* 62 (4): 613–632.

Meshcherkina-Rozhdestvenskaia, E. 2007. Vizual’nyi povorot: analiz i interpretatsiia izobrazhenii [Visual Rotation: Analyzing and Interpreting Images]. In *Vizual’naia antropologiia: novye vzgliady na sotsial’nuiu real’nost’* [Visual Anthropology: New Views on Social Reality], edited by E.R. Yarskaia-Smirnova, P.V. Romanov, and V.L. Krutkin, 28–43. Saratov: Nauchnaia kniga.

Mukomel, V.I. 2005. Grani intolerantnosti (migrantofobii, etnofobii) [Facets of Intolerantness (Migratophbia, Ethnophobia)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 2: 56–66.

Pipiia, K. 2016. Intolerantnost’ i ksenofobiia [Intolerance and Xenophobia]. *Levada-tsentr*. 11.10.2016. https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya

Pipiia, K. 2017. Otnoshenie k trudovym migrantam [Attitude Towards Migrant Workers]. *Levada-tsentr*. 28.04.2017. http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam

Pipiia, K. 2017. Ksenofobiia v 2017 godu [Xenophobia in 2017]. *Levada-tsentr*. 23.08.2017. https://www.levada.ru/2017/08/23/16486

Pipiia, K. 2018. Monitoring ksenofobskikh nastroenii, iiul’ 2018 goda [Monitoring Xenophobic Sentiment, July 2018]. *Levada-tsentr*. 27.08.2018. https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij

Shnirelman, V.A. 2007. SMI, “etnicheskaia prestupnost” i migrantofobiia [Media, “Ethnic Crime” and Migrants]. In *Yazyk vrazhdy protiv obshchestva* [Language of Enmity against Society], edited by A. Verkhovskii, 107–150. Moscow: Tsentr “Sova”.

Suler, J. 2004. The Online Disinhibition Effect. *CyberPsychology & Behavior* 7 (3): 321–326.

© Д.А. Радченко

РОСКОМНАДЗОР-ТЯН И ДРУГИЕ: ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ФОЛЬКЛОРНОЙ РЕАКЦИИ НА БЛОКИРОВКИ TELEGRAM

Ключевые слова: интернет-фольклор, цифровая антропология, актуальный фольклор, перформативная практика, протест, цифровое сопротивление, Telegram

После принятия Роскомнадзором решения о блокировке мессенджера Telegram активные группы в интернете в ответ на действия властей выдвигают новые формы символического или прямого протеста, которые способствуют укреплению солидарности между пользователями мессенджера, превращая “сочувствующих” в “активных сторонников”. В статье показано, как в различных перформативных практиках (от распространения шуток онлайн до митингов и хакинга) проявляется представление участников протеста о собственной агентности и границах своих “виртуальной идентичности” и “виртуального тела”.

В апреле 2018 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в очередной раз потребовала раскрытия ключей шифрования Telegram для предотвращения противоправной деятельности в неподконтрольном поле, однако основатель мессенджера Павел Дуров отказался их предоставить. После этого, согласно постановлению суда, доступ к Telegram был закрыт и начались блокировки не только самого мессенджера, но и миллионов серверов, через которые его команда пыталась обходить запрет (среди них Amazon, ResearchGate, Java, социальные сети Twitter, Facebook и мн. др.). Эта “дуэль” между мессенджером и властью вызвала довольно бурную как онлайн-, так и офлайн-реакцию, в т.ч. три крупных митинга, хакерские атаки на сайты государственных органов и т.д.

Казалось бы, Telegram – не самый популярный мессенджер в России: по данным MOMRI Institute, в 2017 г. им пользовались 15% жителей РФ и 23% жителей Москвы, причем ядро аудитории составляли люди от 18 до 24 лет с преобладанием молодых мужчин (особенно в Москве). Для сравнения, WhatsApp установлен у 90% молодых женщин (до 25 лет), и по всем остальным возрастным группам он гораздо популярнее, чем Telegram. Почему же такое маргинальное по большому счету событие оказалось достаточно значимым, чтобы вывести на улицу тысячи людей и стать триггером для создания сотен популярных сообщений?

Мы наблюдаем здесь явление фольклорной реакции: продуцирование и распространение анонимных (и/или клишированных) текстов и практик в качестве ответа

Дарья Александровна Радченко | https://orcid.org/0000-0002-9298-7783 | darradchenko@gmail.com | к. культ., старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (пр. Вернадского 82, Москва, 119571, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, https://doi.org/10.13039/501100002261 [проект № 17-01-00357-ОГН-А]

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

на некий раздражитель (*Архипова и др.* 2018б) – на какое-либо событие (а строго говоря, на его отражение в медиа), вызывающее то или иное недовольство. В отличие от описанного Дэниэлом Дайаном и Элиху Катцем “медиа-события” (*Dayan*, *Katz* 1992), событие-триггер не обязательно должно иметь глобальное значение – достаточно, чтобы оно попадало в болевую точку той или иной группы.

В случае с блокировками Telegram задеты оказались интересы сразу трех крупных групп: достаточно сплоченного и лояльного сообщества его “фанатов”, которые и производили основные действия, широкой группы пользователей мессенджера (обычно офисных сотрудников, использующих функцию чатов в Telegram для решения рабочих вопросов), а также сторонников свободы интернета вообще. Именно вторая и третья группы обеспечили распространение текстов и “явку” на митингах, но первая создала “контент” реакции.

Кто же составляет это активное ядро? Уже в 2014 г. вокруг мессенджера складывается сообщество знакомых друг с другом по социальной сети “Вконтакте” профессиональных программистов, компьютерщиков и гиков, достаточно лояльных к Павлу Дурову. Ключевым здесь оказывается понятие “гик” – профессионал или любитель технологий и узких “тем для своих”, стремящийся к максимальному развитию своих способностей и знаний в выбранной сфере. В исследовательской литературе гиков нередко называют субкультурой или даже “суперсубкультурой” (*Казакова и др.* 2018), объединяющей несколько групп с разными интересами – от любителей аниме до хакеров. Однако о гиках (по крайней мере, в России), скорее, следует говорить как о довольно размытом множестве людей, разделяющих некоторые базовые ценности: открытый доступ к информации; недоверие к власти и склонность к сопротивлению ей; децентрализация групп (*Levy* 1994); уважение к глубокому знанию предмета; отсутствие выраженного стремления к социализации; ощущение собственного превосходства и желание манипулировать “массой”; в известной степени, запрос на юмор, в т.ч. самоиронию (*Coleman* 2015), – одним словом, ценности, декларировавшиеся хакерами 1990-х и анонами[1] 2000-х годов.

Для того чтобы описать реакцию пользователей Telegram на блокировки мессенджера, необходимо ввести несколько понятий. Ключевым станет понятие “оружие гиков” (*weapons of the geek*), предложенное Габриэллой Коулман (*Coleman* 2013). Этот термин был сконструирован как своеобразный ответ понятию “оружие слабых” (*weapons of the weak*) Джеймса Скотта (*Scott* 1986). В отличие от “слабых” Скотта, которые не готовы к открытым действиям и связанному с ними риску и поэтому протестуют скрыто и символически (напр., высмеивая власть в анекдотах), гики, о которых пишет Коулман, располагают определенными возможностями. Имея доступ к информационным каналам и обладая профессиональными навыками, гики могут осуществлять хотя и скрытое, но очень эффективное сопротивление – вести своего рода партизанскую войну. Среди ключевых форм такого сопротивления Коулман называет DDoS-атаки, пранки, монтажи фото и видео (“фотожабы”) и т.д.

Второе важное понятие, связанное с первым, – “рекурсивные публики” (*recursive publics*) было введено Кристофером Келти (*Kelty* 2008). В условиях Web 2.0 практически любой пользователь онлайн-ресурсов (а особенно гик) имеет возможность творческого выражения своей позиции; каждый может быть и “производителем” сообщения, и “слушателем” – и творцом, и публикой. Эта постоянная рекурсия обеспечивает генерирование вернакулярных текстов и их трансформацию. Концепция рекурсивных публик существенно отличается от идеи “культуры участия” (*Jenkins* 1992) представлением о том, что перформативные практики в интернете далеко не так инклюзивны и демократичны, как мы привыкли о них думать; владение базовыми навыками обработки видео на YouTube позволяет создавать популярные ролики (*Burgess*, *Green* 2009), но, например, для производства программного кода требуются профессиональные знания.

Конфликт вокруг Telegram выявил целый ряд групп гиков и их сторонников, которые выступают в роли таких рекурсивных публик. Разберем несколько типов действия, которые были предложены ими.

Тян и кун: маскоты конфликта

Многочисленные медийные сообщения, связанные с блокировками тех или иных сайтов, и то и дело появляющиеся заглушки с характерной надписью на месте заблокированных страниц сделали Роскомнадзор (РКН) важным актором не только сетевых отношений, но и сетевой "мифологии". В результате едва ли не первой реакцией на конфликт стало создание комиксов-манга о противоборстве персонажей, воплощающих Роскомнадзор и Telegram. "Хуманизация", т.е. представление в виде человека тех или иных "не-человеческих" объектов – понятий, организаций, городов, – привычный формат для аниме-культуры.

Для анонов и гиков традиционно характерен интерес к визуальности в формате аниме и манга. Еще в 2001 г. Сьюзан Нейпир заметила, что существенная часть любителей аниме – молодые профессионалы IT-индустрии (*Napier* 2001). Этот интерес, как полагает Кэтрин Киттеридж, в значительной степени завязан на эротизме и агрессии. Анализируя манга о девочках – боевых киборгах, она выдвигает гипотезу о том, что мальчики-подростки и молодые мужчины, читая эти тексты, могут либо удовлетворять свои фантазии о полностью подчиненных привлекательных женщинах, либо идентифицироваться с героинями, воплощающими силу и агрессию (компенсируя собственную слабость в мире взрослых) (*Kitteridge* 2014: 513).

Несмотря на то что и "роскомнадзор", и "телеграм" – слова мужского рода, первоначально они визуализируются именно в виде таких "боевых девочек". Изображения "Роскомнадзор-тян" ("РКН-тян"), насколько можно судить, впервые появляются в 2016 г. как реакция на ограничения, приведшие к фактическому запрету хентай в Рунете. В июне 2017 г. на фестивале комиксов и косплея "Бигфест" в Санкт-Петербурге появляется даже косплей РКН-тян. Изображавшая этот персонаж девушка, впрочем, не является его "фанаткой" или, наоборот, активной оппоненткой; как она сообщила в интервью: "Я, честно говоря, слабо представляю, в чём миссия Роскомнадзора как госоргана. Вроде, блокируют там сайты с плохой информацией, а интернет-пользователям не очень это нравится" (*Лихачев* 2017). Однако появление образа Роскомнадзор-тян на популярной встрече косплееров показывает, что персонаж к этому времени оказался достаточно востребованным и узнаваемым. В том же 2016 г. появляется и "Телеграм-тян" – хуманизация мессенджера Telegram. С этого времени различные варианты визуализации обоих персонажей активно обсуждаются пользователями (см., напр.: Pikabu1), причем основное пожелание, которое они высказывают авторам рисунков, – повысить сексуальную привлекательность нарисованных девушек.

В апреле 2018 г. начинают активно распространяться рисунки, на которых визуализируется нерациональное поведение РКН-тян и ее противостояние с Телеграм-тян (последняя, разумеется, побеждает). Однако в те же дни возникает еще один визуальный образ: Павел Дуров обозначает сопротивление блокировкам как *digital resistance* ("цифровое сопротивление") и предлагает его символ – схематичное изображение собаки в капюшоне. В этом символе органично соединились маскот Vkontakte (собака) и стереотипный образ гика-программиста с низко надвинутым на лоб капюшоном толстовки.

По-видимому, именно это изменение символического ряда приводит к появлению мужского варианта воплощения Telegram – "Телеграм-кун" в виде человека или "хуманизированной" собаки. В результате возникают новые, еще более сексуализированные версии противостояния, в т.ч. в жанре фанфикшн. Так, в фанфике

“Сама свобода” (автор Zika GI) описано влечение между насмешливым деятелем оппозиции Телеграм-куном и арестовавшей его РКН-тян:

> Террорист, общеизвестный в обществе под псевдонимом “Телеграмм” или “Телега” сидел здесь, сейчас, в камере для допросов прямо перед ней и улыбался.
>
> Она нервно сглотнула, оправив вышитый рюшками воротник и подошла к нему вплотную, натянув пусть дрожащую, но самоуверенную улыбку (Ficbook1).

Наконец, появляются и тексты о конфликте на фоне гомосексуального влечения между двумя персонажами. В отличие от создателей визуальных образов, авторы текстов такого типа – молодые женщины (см., напр.: *Самутина* 2013):

> А у Роскомнадзора кошки на душе скребутся; но признать, что тощий взлохмаченный паренек с извечной стопкой бумаги подмышкой запал куда-то под ребра, не дают то ли суровые воинские погоны, то ли моральные принципы. Бунт – штука опасная, кровавая, тянущая за собой на дно; а Роскомнадзор видит у Телеграма в глубине этот самый бунт; он в запечатанных намертво буквах и самолетиках над закатными крышами России (Ficbook2).

Девочки, кому настроить VPN: анекдоты о блокировках в Сети

Совершенно иначе выглядит фольклорная реакция этого периода, выраженная в вербальных юмористических онлайн-текстах. В основном они посвящены пяти темам (Рис. 1): “ковровым” блокировкам, поиску обходных путей для пользования мессенджером (напр., через VPN), протесту, ироническому переосмыслению обвинений власти и идее архаической власти. Разберем каждую из них.

Как видно из Рис. 1, более половины текстов посвящено тому, что Роскомнадзор “кроет по площадям”, и в результате *нарушается работа самых разных сайтов* – но Telegram продолжает работать:

> Завершается первый день блокировки Telegram. По его итогам Роскомнадзор:
> – Заблокировал 786 539 IP Amazon.
> – Заблокировал 1 048 574 IP Google.
> – Разослал уведомления о блокировке Proxy, обвинив их владельцев в экстремизме.
> – Сломал голосовые звонки Viber. Telegram работает (Twitter 6)[2].

> Мы будем преследовать Телеграм везде. В Amazon – Amazon. Значит, вы уж меня извините, в шрифтах поймаем, мы и шрифты заблокируем, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно (Twitter 7).

> Роскомнадзор по ошибке заблокировал выход Спартака в финал Кубка России (Twitter 8).

Помимо вербальных текстов, получают огромное распространение видеомонтажи. В одном из них, созданном на основе фильма Чарли Чаплина “Искатель приключений”, полицейский – комический персонаж – тщетно пытается закрыть дверь и получает пинки от главного героя. В еще двух роликах Роскомнадзор воплощен в фигуре Волка из мультфильма “Ну погоди!”: он то пытается уничтожить воблу-Telegram, разбивая при этом все предметы в своей квартире (монтаж на основе девятой серии мультфильма; свыше 507 тыс. просмотров на YouTube), то пытается поймать Telegram упаковочной машиной (на основе шестого выпуска; 20 тыс. просмотров на YouTube). Онлайн выходят и юмористические компьютерные игры – “симуляторы Роскомнадзора”: одна была сделана командой “Медузы” 25 апреля 2018 г., о выходе другой было объявлено Antihype Games 7 мая 2018 г., в ней пользователю предлагалось “помочь бумажному самолетику пробраться сквозь дыры в блокировках”.

К этой же группе относятся шутки и иронические сообщения о том, что официальные структуры все равно пользуются Telegram (напр., Почта России,

Рис. 1. Ключевые темы юмористической реакции (по числу репостов)

Сбербанк, Государственная Дума) и поэтому делятся способами обхода (собственных) блокировок.

> Немного Кафки:
> – Песков дал комментарии журналистам о блокировке Телеграма через Телеграм.
> – Сбербанк, у которого на Телеграме вся внутренняя коммуникация, разослал сотрудникам инструкции по обходу блокировок (Twitter 1).

Вторая группа текстов посвящена конкретному способу обхода блокировки – *работе с мессенджером через VPN* (виртуальную частную сеть). 17 апреля 2018 г. в аккаунте Дурова “Вконтакте” сообщается:

> В рамках Цифрового Сопротивления – децентрализованного движения в защиту цифровых свобод и прогресса – я начал выплачивать биткоин-гранты администраторам proxy и vpn. В течение этого года буду рад пожертвовать миллионы долларов личных средств на эти цели. Призываю всех присоединяться и участвовать – настройкой прокси/vpn серверов или их финансированием (Вконтакте 1).

В фольклоре этого периода VPN превращается в универсальный способ борьбы с запретами и обхода проблем:

> ...осталось научиться через VPN летом горячую воду включать и вообще заживем (Twitter 9).

Тема *революционных преобразований* оказалась относительно востребованной (16% репостов), но эта популярность была достигнута всего несколькими яркими текстами. Вот пример одного из них:

> Если Вы хотите продолжать пользоваться сервисами Amazon, Google, Microsoft, Spotify, а также беспрепятственно расплачиваться картами Visa и MasterCard, то Вам

необходимо обновить власть в Вашей стране. Последнее обновление было сделано 19 лет назад (Twitter 10).

Четвертая по популярности тема – *высмеивание воображаемой опасности мессенджера* – является самой привычной для сообщества: ее развивали в дискуссиях еще в предыдущий период атаки Роскомнадзора на Telegram в 2017 г., когда стали популярны визуальные шутки, сопоставлявшие самолетик – символ Telegram с самолетом террористов, врезавшимся в башни Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г.

Высмеивая утверждение власти о том, что мессенджер (якобы) используют террористы и наркоторговцы, пользователи доводили эту идею до абсурда и шутили о том, что вообще все мировые проблемы и трагедии являются результатом деятельности этого мессенджера.

Однажды я использовал Телеграм, чтобы об**баться!!! А, нет – это был косяк. Сорян, перепутал (Twitter 2).

Со времени запуска Telegram умерло более 300 миллионов человек. Сколько ещё смертей нужно, чтобы Дуров пошёл на сделку с Роскомнадзором?! (Twitter 3)

И, наоборот, возникали встречные шутки о том, что все базовые вещи нужно запретить, потому что ими пользуются террористы:

2042 год: Роскомнадзор блокирует секс, так как с его помощью рождаются террористы (Twitter 11).

В 2018 г. эти тексты не просто воспроизводятся – тема развивается дальше: “от имени” террористов публикуются сообщения, что без Telegram все их коварные планы летят под откос, возникают квазиконспирологические шутки:

хабиб: джамиль, быстрее додумывай наш террористический план, телеграм заблокируют с минуты на минуту
джамиль (в слезах): хабиб, я пытаюсь!!!
рахман (врываясь): братья, мы опоздали!!!
хабиб: КЛЯТАЯ РУСНЯ-
джамиль: СТОЙ!!!
(взрываются под “fireworks” кэтти перри) (Twitter 4).

Кстати... В слове террористы 10 букв. В слове телеграм 8. 10–8=2. Именно столько глаз было у Гитлера. Задумайтесь (Политота 2018).

Интеграция “военного текста” в шутки о Telegram не случайна: в ходе конфликта в социальных сетях публикуется эмблема Роскомнадзора в черно-красно-белом цвете – отсылка к символике нацистской Германии; возникают тексты о блокировках, написанные в стиле сводок с полей битв; появляются карикатуры, изображающие собак-маскотов Telegram в виде солдат Красной армии. Тем самым конфликт связывается с ключевой моральной универсалией (*Alexander* 2002) современной России – оппозицией “фашисты–наши”. Обозначение любого врага как “фашиста” немедленно выводит всех его противников на позицию “наших” и морально правых.

Наконец, стоит отдельно остановиться на теме, которая не собрала большого числа репостов (т.е. получила слабый отклик массового пользователя, не генерирующего контент самостоятельно), но которой посвящено множество шуток (что говорит о ее востребованности среди “производителей” текстов). Это тема *власти, противостоящей техническому прогрессу.* Здесь прежде всего представлены шутки об устаревшем оборудовании, низкой технической грамотности и квалификации сотрудников властных органов. Очень характерен текст, размещенный в группе Digital

Resistance Order и помеченный там как слух, подтвержденный источниками (приводим фрагменты):

> В общем, за блокировку Тележки в РКН лично отвечает Иванов. Генерал от инфантерии, вечный зам и отставной козы барабанщик. Важный такой. Щеки все время надувает. Задачу “деградировать Телеграм” ему ставили на три дня. Но поскольку квалификация – ноль под фуражкой, то, разумеется, делать сам он это не может. <...>
> В ГРЧЦ перевели самых умненьких в режим круглосуточной работы. Их там два. Умненьких. Я даже фамилии знаю, но не скажу. Остальные – манагеры. Но снабдили их, конечно, царски:
> свободное помещение с электричеством
> 8 ПК (4 должны иметь CD-привод – зойчем???)
> 4 Wi-Fi роутера Keenetic 4G KN-1210
> 4 USB модема. К разным операторам.
> KWM
> Вот собственно, все вооружение. С которым бойцы взялись победить Тележку (Вконтакте 2).

После требования Роскомнадзора передать ключи шифрования и ответа команды Telegram о невозможности этого (поскольку постоянных “ключей” у мессенджера нет – они регулярно обновляются и уничтожаются) 10 апреля 2018 г. анонимный пользователь создает от лица Дурова иронический текст, в котором пишет, что направляет в Роскомнадзор ключи, и фотографирует лист с обращением с лежащими на нем двумя металлическими ключами (*Захарец* 2018). Эта акция разошлась по социальным сетям именно потому, что подчеркивала представление о некомпетентности Роскомнадзора, требующего то, чего не существует в природе, и потому вынужденного удовлетвориться наиболее близкой к его пониманию формой ключа.

Этой отсталости и некомпетентности посвящено множество вербальных и визуальных шуток (напр., в одной из них приводится высказывание главы Роскомнадзора о том, что ведомство имеет доступ к наиболее современным технологиям, проиллюстрированное фотографией его личного кабинета с несколькими дисковыми телефонами на столе и устаревшим компьютером).

> Телеграм – это когда почтальон приходит и расписаться нужно в получении, а это х**ня какая-то – решили в российском суде (Twitter 12).

Кроме собственно отсталости власти, довольно активно репостятся тексты о том, что власть планирует распространить эту отсталость на всю страну:

> Когда заблокировали Телеграм, я подумал: но VPN-то они не вырубят. Когда вырубили VPN, я подумал: хер с ним, интернет-то они не вырубят... А сегодня вырубили электричество... (Twitter 5).

При этом технологический регресс в этих шутках сопровождается политическим, а атака на конкретный сервис сигнализирует о грядущей постепенной утрате личных свобод:

> ОЙ, ДА ЛАДНО, РУТРЕКЕР НЕ ЗАБЛОКИРУЮТ
> ОЙ, ДА ЛАДНО, ВПН НЕ ЗАПРЕТЯТ
> ОЙ, ДА ЛАДНО, ТЕЛЕГУ НЕ ЗАБАНЯТ
> -----ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ-----
> ОЙ, ДА ЛАДНО, ИНТЕРНЕТ НЕ ИЗОЛИРУЮТ
> ОЙ, ДА ЛАДНО, ГРАНИЦУ НЕ ЗАКРОЮТ
> ОЙ, ДА ЛАДНО, МОНАРХИЮ НЕ ВЕРНУТ
> ОЙ, ДА ЛАДНО, КРЕПОСТНОЕ ПРАВО – ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ (Facebook 2018).

В шутках о блокировках Telegram, таким образом, прослеживается реакция не одной, а двух заинтересованных групп. Первая – активные гики и сочувствующие им; они чаще производят собственные тексты, а не только репостят чужие. Именно эта группа описывает происходящее как конфликт с участием двух акторов – Роскомнадзора и Telegram (воплощенного в одном или нескольких персонажах – Телеграм-тяне, Павле Дурове, собаке-аноне или множестве таких собак), причем последний активно действует в формате физической или сексуальной агрессии.

В текстах же, которые распространялись наиболее масштабно (по-видимому, в основном их аудитория – массовые пользователи мессенджера и задетых блокировками сервисов), Telegram присутствует только в качестве ускользающего объекта агрессии, но не актора. По сути, имеется в виду, что атака власти обращается против нее самой, но об активном сопротивлении речь не идет.

Прямое цифровое действие

Активный характер ядра пользователей Telegram отразился, впрочем, не только в производстве юмористических текстов. Были предприняты прямые “цифровые действия” – атака на цифровые ресурсы оппонента при помощи цифровых же средств. Это, как было отмечено выше, – основное“оружие гиков”. Оно базируется, по мнению Коулман (*Coleman* 2013), на двух важных чертах цифровой среды: 1) слабой защищенности многих серверов и сайтов, в т.ч. правительственных, что дает возможность находить уязвимости и атаковать; 2) огромном количестве данных, утечка которых может привести к финансовому и/или репутационному ущербу для тех или иных лиц (на этом, напр., основано дело WikiLeaks). Такую утечку часто сложно предотвратить, а уничтожить данные, которые были перехвачены, почти невозможно – они становятся общественным достоянием.

В ходе реакции на блокировки был произведен ряд демонстративных атак на государственные ресурсы – с целью не столько нарушить их работу, сколько продемонстрировать, что сообщество гиков способно лучше, чем государственные службы, контролировать интернет и производить интервенции по своему выбору. Так, 1 мая 2018 г. пользователи обнаружили взлом сайта Росприродназора – при его открытии появлялся рисунок, изображающий РКН-тян, стреляющую из огнемета по интернету, и маскота Telegram – “хуманизированную” собаку, запускающую в оппонентку бумажные самолетики, а 10 мая произошел взлом сайта Россотрудничества.

Важным механизмом реакции и протестов пользователей интернета оказывается создание контролирующих инструментов и (что еще важнее) распространение информации о них. Таковы, например, карты блокировок, помещающие действия в виртуальном пространстве в геоинформационную среду (Github1), или отдельные карты сбоев в социальных сетях (см. напр.: Downdetector 2018). Карты – не просто способ визуализации происходящего, благодаря им виртуальные события привязываются к объектам, существующим в физическом пространстве, и приобретают пугающую конкретность. Кроме того, как правило, такие карты строятся на автоматической обработке отчетов пользователей (т.е., по сути, на культуре участия). Так, создатели карты Downdetector, которая не связана с протестами непосредственно, но используется одной из сторон в качестве аргумента, анализируют пользовательские отчеты о сбоях онлайн-сервисов в Twitter.

Еще одним инструментом контроля становятся сайты, квантифицирующие блокировки и представляющие своего рода “хронику текущих событий” в виде новостей и графиков (Usher2 2018). Так, когда глава Роскомнадзора А. Жаров сообщил, что Telegram потерял до 30% пользователей, в ответ была распространена статистика Telegram (tgstat.ru), из которой видно, что после временного спада из-за блокировок частота обращения к мессенджеру восстанавливается на прежнем уровне. Использование

количественных показателей для верификации высказываний и действий власти – характерный способ сопротивления (вспомним хотя бы апелляцию к “кривой Гаусса” в ходе митингов на Болотной площади в 2011–2012 гг.).

Эти инструменты не вполне аналогичны оппозиционным сайтам, собирающим информацию о задержаниях активистов, или платформам информирования типа Ушахиди – в отличие от них, сайты о блокировках не предполагают прямого ответного действия, однако создают у пользователей ощущение контроля над ситуацией: количественные показатели и математические закономерности кажутся объективными и позволяющими выявить скрытые действия власти или скрытый смысл сообщения.

Не всегда, впрочем, такие данные должны быть реальными для того, чтобы стать резонансными. 5 мая 2018 г. владелец сайта https://usher2.club обратил внимание, что график числа заблокированных Роскомнадзором IP создает некое сообщение при помощи азбуки Морзе. Уже первые буквы этого сообщения заставили пользователей предположить, что вскоре появится и весь слоган – DIGITAL RESISTANCE (что и произошло). В течение нескольких часов пользователи пристально следили за появляющимися буквами (каждая буква создавалась около часа) и спекулировали на тему того, кто стоит за сообщением: взломщик ли это или сотрудник Роскомнадзора, оказывающий “скрытое сопротивление”. Однако позже выяснилось, что сообщение было своеобразным розыгрышем. Интересно, что за некоторое время до этого события в Twitter успешно распространялась шутка о том, что без Telegram придется общаться при помощи азбуки Морзе.

Описанные случаи показывают, что “прямое цифровое действие” активно использует мемы и тексты “непрямого сопротивления”: шутки, персонажи и т.д. Это вписывается в общий контекст гик-культуры, для которой характерна ирония, используемая как инструмент “культурной дифференциации и как оружие <...> для атаки, унижения и уничижения ничего не подозревающих внешних людей, причем часто даже не подозревающих, что против них действует целая культура” (*Coleman* 2015: 32). Речь в приведенной цитате Коулман идет о “лулзах” (*lulz* – искаженное *LOL*, *laughing out loud*): о шутках или розыгрышах, осуществляемых анонами, и одновременно о получаемом от них удовольствии.

Однако наиболее заметное направление цифровой протестной активности – разработка и поиск систем обхода блокировок, прежде всего VPN-соединений. Кроме “официальной” системы SOCKS5, предложенной Telegram, собственные варианты возникают у целого ряда акторов, заинтересованных в бесперебойной работе безопасного мессенджера. Настройка VPN-соединения оказывается востребованной услугой, а пользователи шутят: то, что раньше считалось навыком “продвинутого” пользователя, теперь доступно (и реализуется!) всем, включая работников детских садов, ведущих свои Telegram-каналы, или водителей маршруток и представителей иных групп, стереотипно считающихся “малограмотными” в цифровом смысле.

Итак, несмотря на то что разработка подобных механизмов остается в руках профессионалов, пользоваться ими могут все. “Оружие гиков” перестает быть достоянием собственно гиков, оно объединяет самых разных пользователей.

Вторым следствием этого “сползания” к теневой стороне интернета стало то, что мессенджер оказался больше чем когда-либо ассоциирован с оппозиционной деятельностью – нарушителями становятся доселе вполне законопослушные граждане. Возникают многочисленные юмористические тексты о том, что при обнаружении полицией при личном досмотре на телефоне VPN-соединения или вообще работающего приложения Telegram будут применяться те или иные репрессивные меры – от штрафа до ареста. Эти тексты отражают, с одной стороны, нервозность пользователей, перешедших на нелегальное соединение, а с другой – предполагаемую “отсталость” полицейских, которые не могут отследить нарушение без прямого контакта.

Нервозность пользователей оказывается отличной питательной средой для новых “лулзов”. В ночь на 17 апреля 2018 г. в социальной сети “Вконтакте” (прежде всего в локальных и родительских пабликах) появляется сообщение об опасной “игре вэпээн”, пародирующее тексты о “группах смерти” (см.: *Архипова и др.* 2017).

> Уважаемые родители!!!! Сейчас по интернету ходит новый аналог синего кита, дети прикрывают его за словом вэпээн или VPN (Very Painful Number) или iPv6. Устанавливая эту кодировку на свой гаджет, ребёнок становится вовлечен в игру, исход которой – в лучшем случае порезы на руках. Во Владимире и Рязани уже по три таких случая, власти молчат всё это время, но паника нарастает. Это контролировать невозможно! Родители, пожалуйста, разошлите всем знакомым это сообщение! Берегите детей от этой новомодной смертельной игры!! Если ваш ребенок сидит в Телеграме (такой мессенджер), узнайте, есть ли у него VPN!!!! (Вконтакте 3)

В тот же день возникает текст, призывающий к троллингу пользователей социальной сети “Одноклассники”:

> Двач, не подведи.
> Юзаем сервис sms-reg/регаемся через мейл.ру
> Цель – жители OK.RU
> Тезисы:
> Телеграм это проект США для безопасного общения террористов.
> В телеграме принуждают к суициду.
> ipv6 это специальный код для зомбирования населения России, роскомнадзор благословлен Иисусом Христом.
> Остальное придумывайте сами (Двач 2018).

Реакция на него смешанная: аноны полагают, что этот призыв создан “ольгинскими троллями” (сотрудниками специальных центров по работе в интернете в интересах власти) для того, чтобы действительно запретить VPN:

> Я так понял, олькам стало лень выполнять свою работу по демонизации Телеграма и они решили привлечь к этому анонов? (Двач 2018)

> Найс лахта хочет по видом троллинга дискредитировать vpn чтобы его запретили точно (Там же).

Однако некоторые пользователи все же откликаются. Попав в “Одноклассники”, текст об “игре вэпээн” обрел сочувствующую аудиторию и стал распространяться уже всерьез (*Распопов* 2018), особенно после того, как подросток из Владимира ради шутки распечатал листовку с этим текстом и разместил ее на стене объявлений в собственной школе. Листовка была сфотографирована и стала доказательством того, что официальные органы причастны к распространению этой информации. После публикации в “Новой газете” 26 апреля 2018 г. шумиха пошла на убыль.

Активность офлайн

Однако протестная активность не ограничивается интернетом, хотя и офлайн-акции в данном случае активно используют онлайн-мемы. Особенно продуктивной в этом отношении оказалась шутка про бумажные самолетики, “атакующие” Всемирный торговый центр. Так, 17 апреля 2018 г. на Лубянской площади в Москве в ходе акции в защиту Telegram были задержаны две ее участницы. В ответ на это 22 апреля команда мессенджера в своих каналах распространила призыв присоединиться к протесту, сначала запустив из окна бумажный самолетик, а потом подсчитав самолетики у своего дома и выложив результаты в социальные сети, чтобы все – включая властные органы – могли оценить масштаб “мероприятия”. Несмотря на то что акция

была встречена довольно прохладно, она все же состоялась. Интересно заметить, что ее участники писали на самолетиках сообщения, как на артиллерийских снарядах во время войны (см.: *Радченко* 2015), дополнительно семиотизируя их, и фотографировали эти самолетики перед тем, как запустить. Среди надписей встречаются следующие: “Telegram”, “Digital resistance”, “Роскомнадзор сосать @telegram”, “Свободу Telegram”, а также призывы к выходу на митинг 5 мая. Тем самым акция становится двойным высказыванием, “работающим” и в физическом пространстве, и в виртуальном (*Архипова и др.* 2018а).

27 апреля 2018 г. эта идея впервые приобрела материальную форму: в д. Старополье Ленинградской обл. школьники создали памятник Telegram в виде самолетика с надписью “Digital Resistance” и каждую неделю добавляли новую звезду на его крыло в знак того, что мессенджер выдержал еще одну неделю в борьбе с Роскомнадзором (*Симикян* 2018). 10 мая в центре Петербурга появился памятник противостоянию РКН и Telegram в виде самолетика, который раздавил руку чиновника с молотком, помеченным логотипом РКН (Памятник 2018). В то же время в прессе было опубликовано несколько сообщений о том, что “Отряды Путина” – группы активных сторонников президента – проводят символические похороны мессенджера и его владельца или сжигают изображения Дурова (*Поздеева* 2018). Наконец, в период с 30 апреля по 12 мая 2018 г. в Москве и Петербурге прошел ряд митингов за свободу интернета, участие в которых, по сообщениям СМИ, приняло достаточно много политически пассивных людей, привлеченных к протесту активностью в интернете.

* * *

С легкой руки Павла Дурова протест против блокировок стали называть *digital resistance* (“цифровое сопротивление”). Вместе с тем в ходе протеста граница между онлайн и офлайн мирами разрушается: интернет-сообщество вовлекается в уличную активность, а созданный “ради лулзов” иронический онлайн-текст едва не становится причиной “моральной паники” за пределами виртуального пространства.

После принятия Роскомнадзором решения о блокировке мессенджера Telegram активные интернет-группы выдвигают новые формы символического или прямого протеста, которые способствуют укреплению солидарности между пользователями, превращая “сочувствующих” в “активных сторонников”. Реакция на решение властей при этом выражается как в офлайн-действиях, так и в активности, реализуемой в интернете: размещении текстов в социальных сетях (в т.ч. фотосвидетельств реализации офлайн-практик), создания контролирующих инструментов, механизмов обхода блокировок и прямых демонстративных атак.

Однако в описанном нами кейсе интересно не только “устройство” частного случая протестной активности. Он демонстрирует ряд ключевых ценностей и представлений активных пользователей: децентрализация при способности к самоорганизации; интерес к количественным и картографическим данным (а не описательным материалам); поддержка тезиса об архаичности власти; связи технологического прогресса в области обмена информацией с политическим развитием. Последнее представление характерно в целом для пользователей цифровых приложений. Как отмечают Дэниэл Миллер и Хизер Хорст:

> ...едва ли не самой удивительной чертой цифровой культуры является не сама по себе скорость технических инноваций, но скорость, с которой общество принимает их как должное и разрабатывает нормативные условия их использования. За несколько месяцев новая возможность становится настолько привычной, что, когда она не срабатывает, мы чувствуем, что утратили разом и базовое человеческое право, и ценную руку-протез того тела, которое теперь присуще нам как человеческим существам (*Miller*, *Horst* 2012: 28).

Итак, реакция на блокировки – это, по сути, протест против атаки на то, что представляется пользователям базовым человеческим правом на свободу информационного обмена и на само человеческое тело, киборгизированное новыми возможностями, которые дают ему онлайн-приложения. По-видимому, это ощущение атаки на тело создает основу для “хуманизации” противника, восприятия его как единого актора и открывает возможности для ответных действий. Массовый и менее заинтересованный в мессенджере пользователь воспринимает “власть” не как противника, а как аморфную силу, вредоносную прежде всего для самой себя, и именно поэтому оказывается не так активен.

Примечания

[1] “Анон” или “анонимус” – самоназвание пользователей анонимных интернет-форумов.

[2] В целях защиты анонимности источников здесь и далее при цитировании фольклорных текстов приводятся социальная сеть и дата первой публикации. Все фольклорные тексты приведены с сохранением орфографии и пунктуации.

Источники и материалы

Вконтакте 1 – Вконтакте. Павел Дуров. 17 апреля 2018. https://vk.com/wall-29534144_8664936?w=wall1_2307813

Вконтакте 2 – Вконтакте. Орден цифрового сопротивления. 24 апреля 2018. https://vk.com/thedigitalresistanceorder?w=wall-165261383_254

Вконтакте 3 – Вконтакте. 17 апреля 2018.

Двач 2018 – Двач, не подведи. 17 апреля 2018. https://m2ch.hk/po/res/27892056.html

Захарец 2018 – *Захарец О.* Дуров отдал ключи от Telegram // Metronews. 10 апреля 2018. https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/durov-otdal-klyuchi-ot-telegram-1394937

Лихачев 2017 – *Лихачев Н.* Живое воплощение Роскомнадзор-тян // Tjournal. 14 июня 2017. https://tjournal.ru/45341-zhivoe-voploshchenie-roskomnadzor-tyan https://vk.com/bigfestava?z=photo-3090834_456258235/wall-3090834_50947

Памятник 2018 – Памятник противостоянию Роскомнадзора и Telegram появился в Петербурге // Санкт-Петербург ТВ. 10 мая 2018. https://topspb.tv/news/2018/05/10/pamyatnik-protivostoyaniyu-roskomnadzora-i-telegram-poyavilsya-v-peterburge

Поздеева 2018 – *Поздеева М.* “Отряды Путина” “похоронили” Трампа, Навального, Дурова и Telegram // Daily Storm. 16 мая 2018. https://dailystorm.ru/news/otryady-putina-pohoronili-trampa-navalnogo-durova-i-telegram?utm_source=lentach&utm_medium=ctr&utm_campaign=lentach

Политота 2018 – Политота. 19 апреля 2018. http://polit.reactor.cc/post/3472130

Распопов 2018 – *Распопов А.* “Власти молчат, а паника нарастает!” // Новая газета. 26 апреля 2018. https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/04/26/76319-vlasti-molchat-a-panika-narastaet

Симикян 2018 – *Симикян Е.* Памятник Telegram, который школьники установили под Санкт-Петербургом // RusBase, 27 апреля 2018. https://rb.ru/story/pamyatnik-telegram

Ficbook1 – Эрих. Самолетики. 24 апреля 2018. https://ficbook.net/readfic/6786603

Ficbook2 – Zika GI. Сама свобода. 22 апреля 2018. https://ficbook.net/readfic/6779811 (удалено автором).

Facebook 2018 – Facebook, 16 апреля 2018.

Downdetector 2018 – Downdetector. ВКонтакте карта сбоев. 16 февраля 2018. https://downdetector.ru/ne-rabotaet/vkontakte/karta

Github1 – Github. Peko/cidr. Визуализация заблокированных адресов сети. 24 апреля 2018. https://github.com/ailove-lab/cidr

Pikabu1 – Pikabu. FrozenSekai. Телеграм-тян. 19 апреля 2018. https://pikabu.ru/story/telegram_tyan_5854644

Twitter 1–13 апреля 2018 г.; Twitter 2–26 июня 2017 г.; Twitter 3–26 июня 2018 г.; Twitter 4–13 апреля 2018 г.; Twitter 5–16 апреля 2018 г.; Twitter 6–16 апреля 2018 г.; Twitter 7–24 апреля 2018 г.; Twitter 8–18 апреля 2018 г.; Twitter 9–16 апреля 2018 г.; Twitter 10–17 апреля 2018 г.; Twitter 11–29 июня 2017 г.; Twitter 12–14 апреля 2018 г.

Usher2 2018 – Usher2. Мониторинг реестра запрещенных сайтов Роскомнадзора. 2018. https://usher2.club

Научная литература

Архипова А.С. и др. “Группы смерти”: от игры к моральной панике. М.: РАНХиГС, 2017.
Архипова А.С. и др. “Пересборка митинга”: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018а. № 1. С. 12–35.
Архипова А.С. и др. О чем мы на самом деле шутим: количественный анализ анекдотов 2017 года // Фольклор и антропология города. 2018б. № 1 (1). С. 184–206.
Казакова Г.М., Андреев Е.А., Тузовский И.Д. Гик-культура в контексте культурологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Серия “Культурология и искусствоведение”. 2018. № 31. С. 65–73.
Радченко Д.А. “Справедливый хохол”, “Привет от Беса” и другие: неформальная маркировка вооружения // Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики: Материалы XV Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии. М.: РГГУ, 2015. С. 103–105.
Самутина Н.В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137–195.
Alexander J.C. On the Social Construction of Moral Universals. The “Holocaust” from War Crime to Trauma Drama // European Journal of Social Theory. 2002. No. 5 (1). P. 5–85.
Burgess J., Green J. YouTube: Online Video and Participatory Culture. Cambridge: Polity Press, 2009.
Coleman G. Anonymous in Context: The Politics and Power behind the Mask // Internet governance papers. Paper no. 3. September 2013.
Coleman G. Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous. L.: Verso, 2015.
Dayan D., Katz E. Media Events: The Live Broadcasting of History. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture. Studies in Culture and Communication. N.Y.: Routledge, 1992.
Kelty Ch.M. Two Bits: The Cultural Significance of Free Software. Durham: Duke University Press, 2008.
Kitteridge K. Lethal Girls Drawn for Boys: Girl Assassins in Manga/Anime and Comics/Film // Children’s Literature Association Quarterly. Winter 2014. Vol. 39. No. 4. P. 506–532.
Levy S. Hackers: Heroes of the Computer Revolution. N.Y.: Penguin, 1994.
Miller D., Horst H. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology // Digital Anthropology / Eds. D. Miller, H. Horst. L.: Berg, 2012. P. 3–35.
Napier S.J. Anime: From Akira to Princess Mononoke. N.Y.: Palgrave, 2001.
Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1986.

Research Article

Radchenko, D.A. Roskomnadzor-chan and Other Beings: Performative Practices and Folklore Reaction to the Telegram Lockout [Roskomnadzor-tian i drugie: performativnye praktiki fol’klornoi reaktsii na blokirovki Telegram]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 24–37. https://doi.org/10.31857/S086954150010046-0 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Daria Radchenko | https://orcid.org/0000-0002-9298-7783 | darradchenko@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

internet folklore, digital anthropology, contemporary folklore, performative practice, protest, digital resistance, Telegram

Abstract

Reacting to the official prohibition and attempts to block Telegram (a popular messenger application), user groups invent new forms of symbolic or direct protest offline and online to build and maintain solidarity of the users and recruit additional supporters. In this article, I show how, through these protest performative practices (from transmitting jokes in social media to rallies and hacker activities), the users demonstrate their idea of their own agency and of the limits of their "virtual body".

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, https://doi.org/10.13039/501100002261 [17-01-00357-OGN-A]

References

Arkhipova, A.S., et al. 2017. "*Gruppy smerti": ot igry k moral'noi panike* [Death Groups: From Game to Moral Panic]. Moscow: RANKhiGS.

Arkhipova, A.S., et al. 2018. "Peresborka mitinga": internet v proteste i protest v internete [Reassembly of the Rally: Internet in Protest and Internet Protest]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 1: 12–35.

Arkhipova, A.S., et al. 2018. O chem my na samom dele shutim: kolichestvennyi analiz anekdotov 2017 goda [What are We Actually Joking About: A Quantitative Analysis of 2017 Jokes]. *Fol'klor i antropologiia goroda*1 (1): 184–206.

Kazakova, G.M., E.A. Andreev, and I.D. Tuzovskii. 2018. Gik-kul'tura v kontekste kul'turologicheskogo analiza [Geek Culture in the Context of Cultural Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Kul'turologiia i iskusstvovedenie"* 31: 65–73.

Alexander, J.C. 2002. On the Social Construction of Moral Universals: The "Holocaust" from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory* 5 (1): 5–85.

Burgess, J., and J. Green. 2009. *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. Cambridge: Polity Press.

Coleman, G. 2013. Anonymous in Context: The Politics and Power behind the Mask. In Internet governance papers. Paper no. 3. September.

Coleman, G. 2015. *Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy: The Many Faces of Anonymous*. London: Verso.

Dayan, D., and E. Katz. 1992. *Media Events: The Live Broadcasting of History*. Cambridge: Harvard University Press.

Jenkins, H. 1992. *Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture: Studies in Culture and Communication*. New York: Routledge.

Kelty, Ch.M. 2008. *Two Bits: The Cultural Significance of Free Software*. Durham: Duke University Press.

Kitteridge, K. 2014. Lethal Girls Drawn for Boys: Girl Assassins in Manga/Anime and Comics/Film. *Children's Literature Association Quarterly* 39 (4): 506–532.

Levy, S. 1994. *Hackers: Heroes of the Computer Revolution*. New York: Penguin.

Miller, D., and H. Horst. 2012. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology. In *Digital Anthropology*, edited by D. Miller and H. Horst, 3–35. London: Berg.

Napier, S.J. 2001. *Anime: From Akira to Princess Mononoke*. New York: Palgrave.

Radchenko, D.A. 2015. "Spravedlivyi khokhol", "Privet ot Besa" i drugie: neformal'naia markirovka vooruzheniia [A "Fair Ukrainian", "Hello from the Devil" and Others: The Informal Mark-up of Armaments]. In *Antropologiia vlasti: fol'klornye teksty, sotsial'nye praktiki. Materialy XV Mezhdunarodnoi shkoly-konferentsii po fol'kloristike, sotsiolingvistike i kul'turnoi antropologii* [Anthropology of power: folklore texts, social practices. Papers of 15th International conference on folklore, social linguistics and cultural anthropology], 103–105. Moscow: RGGU.

Samutina, N.V. 2013. Velikie chitatel'nitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [Great Readers: Fan Fiction as a Form of Literary Experience]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 12 (3): 137–195.

Scott, J.C. 1986. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.

© Д.В. Громов

КТО БОИТСЯ “КЕРЧЕНСКОГО СТРЕЛКА”?: АКТИВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФОБИЙ ЧЕРЕЗ СЛУХИ И КВАЗИЭКСПЕРТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Ключевые слова: скулшутинг, терроризм, страх, слухи, конспирология, моральная паника

Статья посвящена информационному резонансу, который вызвало массовое убийство в Керченском политехническом колледже 17 октября 2018 г. Многочисленные (не менее 80 сюжетов) панические интерпретации информации о преступлении отражают фобии, которые существовали в обществе на тот момент. На примере трагедии в Керчи видно, что моральная паника в цифровом обществе развивается по новым правилам. В процессы интерпретации события включается широкий круг акторов, в т.ч. являющихся бенефициарами этого обсуждения. Среди них журналисты – профессионалы и любители (блогеры), – заинтересованные в резонансе своих публикаций, политики и чиновники, продвигающие выгодные для себя идеи, пользователи интернета, осуществляющие специфическую онлайн-деятельность (флешмобы, розыгрыши, дискуссии в чатах и проч.), экспертное и квазиэкспертное сообщества и др.

17 октября 2018 г. 18-летний Владислав Росляков совершил в Керченском политехническом колледже массовое убийство учащихся и преподавателей. Росляковым было приведено в действие самодельное взрывное устройство, после чего он открыл огонь из помпового ружья. В результате было убито и умерло от ран 20 человек, еще около полусотни было госпитализировано. Завершив расстрел, Росляков покончил с собой.

С точки зрения общественной значимости публичные преступления с большим количеством жертв могут быть представлены как “концептуальные террористические спектакли с высокими концепциями” (*Kellner* 2004), они предполагают декларативность символического действия, трансляцию неких информационных посылов, будь то простое выражение раздражения и неприязни или же некоторые политические заявления (*Capellan et al.* 2019). Особенностью массового убийства в Керчи стало то, что убийца не оставил никакой информации, объясняющей, зачем он совершил преступление и какие мотивы им двигали. Он не делал никаких заявлений, не оставлял предсмертных записок; молодой человек был нелюдим, и никто из знавших его не смог вспомнить сколько-либо внятных слов, раскрывающих его мотивацию. Мало того, как выяснилось позже, Росляков постарался максимально уничтожить любые сведения о себе, например, стер содержимое электронных носителей информации, сжег фотографии, тетради, ноутбук. Молодой человек создал

Дмитрий Вячеславович Громов | https://orcid.org/0000-0002-0443-8718 | gromovdv@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, https://doi.org/10.13039/501100002261 [проект № 17-01-00362-ОГН-А]

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

яркое символическое высказывание, но дал слишком мало ключей, позволяющих “прочитать” его, чем вольно или невольно стимулировал большое количество интерпретаций. По нашим подсчетам, трагедия в Керчи породила не менее 80 сюжетов слухов и конспирологических высказываний.

На самом деле Росляков сделал “символическое заявление” о своих целях: он запланировал очевидные визуальные отсылки к аналогичному преступлению, совершенному 20 апреля 1999 г. в школе “Колумбайн” (США, шт. Колорадо) Э. Харрисом и Д. Клиболдом. И убийство “колумбайнеров”, и убийство, совершенное Росляковым, относятся к типу преступлений *school shooting* (букв. “школьная стрельба”) – массовым убийствам, совершаемым в учебных заведениях. Как правило, преступники-скулшутеры не мотивированы идеологически и не выдвигают каких-либо требований, их жестокость обусловлена причинами личностного характера, психологическими проблемами (*Capellan et al.* 2019: 817–820), такая мотивация, видимо, была исчерпывающей и для Рослякова, в идеологических заявлениях он не нуждался[1]. Однако об этом можно судить уже сейчас, задним числом, а в первые часы и дни после трагедии общество выдвигало самые разные версии произошедшего.

Данная статья посвящена не самому преступлению и не его исполнителю, а тому информационному резонансу, который сопутствовал трагедии. Гипотеза, которой я придерживаюсь, сводится к следующему: активное продуцирование слухов и конспирологических теорий основывалось на фобиях, которые существуют в обществе, и затрагивало социальные группы, являющиеся носителями этих фобий. Распространение панических суждений – индикатор страхов, которые потенциально присутствуют в общественном сознании. Распространение информации во многих случаях происходит по схеме моральной паники.

В статье мы рассматриваем *интерпретации* произошедшего в Керченском политехническом колледже. Эти интерпретации возникают, во-первых, в виде слухов, во-вторых, в виде домыслов/теорий, основанных на “экспертных” высказываниях политиков, журналистов (в т.ч. блогеров), специалистов разных профилей и проч. Вариативность толкования трагедии основана на субъективности суждений, обусловленных интуицией, политической прагматикой, вольным прочтением усеченной информации, творческими устремлениями конспирологов и проч.

В данном случае предмет изучения находится на пересечении нескольких исследовательских направлений: анализа слухов, конспирологических теорий, моральных паник, эмоций и др. Как нам кажется, наиболее перспективно рассмотрение процессов интерпретации произошедшего с точки зрения накопленных наукой теоретических знаний о распространении слухов. Важнейшими для осмысления событий в Керчи представляются следующие положения:

1. Интенсивность распространения слухов, как и формирование панических интерпретаций в целом, определяется формулой, предложенной Г. Оллпортом и Л. Постманом, где в числителе – значимость информации, содержащейся в слухе, в знаменателе – возможность получать достоверную информацию о происходящих событиях; соответственно, чем выше значимость и ниже проверяемость и доступность информации, тем интенсивнее распространяются слухи (*Allport, Postman* 1947). Эпидемии слухов часто наблюдаются в периоды социальных катаклизмов (войн, революций, террора, радикальных реформ, стихийных бедствий и т.д.), это объясняется приведенной выше формулой: при высокой значимости происходящих событий, несущих опасность не только для благосостояния, но и для жизни, как правило, возникают ограничения на распространение значимой информации.

2. Слухи негативного содержания значительно преобладают над позитивными (*Knapp* 1944; *Rosnow et al.* 1988). Иначе говоря, именно страх и пессимизм, а не любопытство и оптимизм являются двигателями распространения непроверенной информации.

3. Помимо прагматических причин воспроизводства слухов (напр., необходимости разобраться в событии, выразить к нему отношение и др.), имеет значение и эстетическая составляющая; в числе сюжетов слухов значительная часть –

> сообщения сенсационного характера, вызывающие интерес своей необычностью, будоражащие любопытство и поражающие воображение. Во всяком случае, опыт повседневных наблюдений свидетельствует, что пересказы слухов, скажем, о трагических происшествиях, нередко сопровождаются выражениями не только ужаса, сопереживания, печали, но и своеобразного восторга, упоения "интересной" новостью (*Горбатов, Большаков* 2015: 100).

4. Социальная среда, в которой происходит раздувание слухов, не гомогенна (*Горбатов* 2011). Как правило, можно выявить активных, более других заинтересованных в их циркуляции распространителей; в данном случае это либо носители фобий, либо представители групп, заинтересованных в тематике слухов. Панические слухи передаются в первую очередь между теми, кто уязвим для опасностей, затронутых в такого рода информации (см., напр.: *Luna* 2018). Люди склонны пересказывать услышанное "в случае, если передаваемое содержание совпадает с внутренней установкой адресата, готового поглотить и переработать очередную порцию важной, будоражащей, а потому нарушающей стабильное социальное состояние информации" (*Осетрова* 2011а: 171).

5. Природа слухов двойственна: с одной стороны, это фольклорное образование, отражающее общественное сознание и возникающее спонтанно; с другой – целенаправленно сформированный с политическими или коммерческими целями конструкт – чему в последние годы уделяется огромное внимание (*Осетрова* 2011б; *Bordia, Di Fonzo* 2004).

Согласно формуле Г. Оллпорта и Л. Постмана поводами для возникновения эпидемий слухов становятся сверхзначимые события. Трагедия в Керчи соответствует данному критерию: по данным опроса Левада-центра, пожар в торговом комплексе "Зимняя вишня" (Кемерово) и массовое убийство в Керченском колледже заняли пятое и шестое места в рейтинге наиболее важных событий 2018 г. (Левада 2018); оба эти события были связаны с гибелью детей, подростков и молодежи, а также с бурным распространением слухов и фейков. Надо добавить, что страх ожидания террористических актов и массовых убийств высок как за рубежом (Gallup 2019), так и в России (Левада 2017).

В ходе исследования проводился сравнительный анализ комментировавших трагедию в Керчи интернет-сообществ разной направленности: организовавшихся по территориальному принципу и настроенных на обсуждение специфических событий. К первым относились две группы из сети "ВКонтакте", носящие одинаковые названия "Подслушано | Керчь" (далее – ПК1 и ПК2); здесь жители Керчи обсуждали актуальные городские вопросы. Ко вторым – ветки политического дискуссионного форума "Глобальная авантюра" (далее – ГА) и "9/11ТМ. Движение за истину" (далее – 9/11) конспирологической направленности. Авторам некоторых записей задавались уточняющие вопросы.

Паники первых дней

Взрыв бомбы, заложенной Росляковым, прозвучал 17 октября 2018 г. примерно в 11:40, а первое сообщение о произошедшем появилось на ПК2 в 12:16: "Взрыв в политехническом колледже, сейчас звонила дочь, плачет, много раненых, мы едем за ней" (ПК2 17.10.2018). Неопределенность ситуации привела к тому, что в последующие часы шел интенсивный обмен информацией и мнениями, причем это относилось не только к местным сообществам ПК1 и ПК2, но и к дискуссионно-конспирологическим ГА и

9/11 – они тоже подключились к обсуждению очень быстро, для чего были созданы специальные ветви форумов.

Первоначально СМИ сообщили, что в колледже взорвался бытовой газ (Утро.ru 2018), однако вскоре появились сведения о нападении, было сказано о предполагаемом преступнике; в сообществах выкладывалась информация о произошедшем из СМИ, социальных сетей, а также полученная лично.

Причиной неопределенности стали, помимо прочего, расхождения показаний очевидцев нападения. Например, в одном из телевизионных ток-шоу в ходе прямого включения трое учащихся колледжа дали три не совпадающих между собой ответа на вопрос, сколько взрывов они слышали (Время покажет 2018в). Присутствовавший в студии специалист – ветеран спецназа заверил, что такой разброс мнений свидетелей нормален, неопытные люди в экстремальной обстановке могут воспринимать происходящее неточно, в подобных ситуациях такое наблюдается постоянно. В интернете есть видеоинтервью с молодым человеком, раненым во время событий 17 октября: и спустя месяц он оставался уверен, что слышанная им стрельба велась из разных видов оружия и власти скрывают реальные факты (Magashow 2018); собственный опыт непосредственного участника событий оказывается для него значимее официальных заявлений и экспертных высказываний.

Вариативность поступающей информации и субъективность восприятия привели к тому, что сформировался ряд сюжетов, часть которых разрабатывалась и в последующие дни:

– в здании колледжа производилась стрельба из автоматического оружия, а не только из дробовика, как сообщалось официально; взрывов также было больше, чем сообщалось;

– нападающий был не один, действовала группа; некоторые очевидцы сообщали, что стрельба велась с разных точек и что видели 8–9 нападающих.

У получающих информацию возникало ощущение несоответствия произошедшего преступления и личности преступника: неопытный юноша из небогатой семьи, по их мнению, не смог бы подготовить и совершить взрыв, приобрести оружие и патроны, в короткое время убить 20 и ранить 50 человек. По публиковавшимся в СМИ отзывам однокурсников, Росляков был тихим, достаточно прилежным учеником, то что он оказался способен на убийство, казалась неожиданным. Если одни, рассуждая об этих несоответствиях, возлагали надежду на то, что все прояснит следствие, то другие создавали собственные объяснительные схемы. Наиболее популярная версия сводилась к тому, что Росляков действовал в составе группы, у него были кураторы, помогавшие в организации преступления, и соучастники.

Желание прояснить ситуацию приводило и к формированию более конкретизированных, хотя и получивших меньшее распространение слухов: Росляков начал стрелять еще по дороге в колледж, в целом убито около 100 человек, но власти это скрывают (вообще неоднократно появлялись сообщения о том, что погибших больше, чем заявляется); Росляков хотел расправиться со своей девушкой, но не нашел ее в колледже и начал убивать всех подряд (вариант: он предупредил некую девушку, к которой был неравнодушен, чтобы она не приходила на учебу); убийство было вызвано тем, что готовилось отчисление Рослякова. Тревога и отрывочность поступающей информации приводили к сообщениям, что “по состоянию на 13:15 под завалами могут находится от 10 до 15 человек” (ПК2 17.10.2018); до вечера считали, что в здании колледжа есть спрятавшиеся ученики или удерживаемые заложники. Активно обсуждались сдача крови для пострадавших и опасность мошенничества, связанного с трагедией.

В интернете состояние неопределенности поддерживалось тем, что убитый Владислав Росляков якобы продолжал активность: как минимум, два ВК-аккаунта были приняты за аккаунт реального Рослякова. К концу дня ситуация прояснилась,

но количество посетителей страниц исчислялось десятками тысяч, возникли слухи, что информацию от имени молодого человека размещал его друг или сообщник.

Страх и недостаточность информации приводят к тому, что начинают интерпретироваться доступные сведения – в данном случае действия силовиков. 17 октября сохранение оцепления вокруг колледжа наводило на подозрения, что там еще что-то происходит. В последующие дни в городе отменялись занятия, к зданиям школ, колледжей и вузов стягивались подразделения силовиков, которые, помимо прочего, охраняли учебные заведения, – это рассматривалось как указание на возможность последующих терактов, которые якобы готовили сподвижники и последователи Рослякова. В частности, 19 октября прошла информация о том, что готовится взрыв в Морском техническом лицее. Несколько дней спустя поводом для панической интерпретации стал взрыв бытового газа, прогремевший в помещении одной из религиозных организаций Керчи: “Слава богу не садики не школы!!! он ненавидил религию из за мамы, поэтому они щас пойдут по церквям и религиозным зданиям, наблюдайте...” (ПК2 22.10.2018).

Современное информационное пространство позволило людям, живущим далеко от места происшествия, также подключиться к процессу интерпретации. Так, жительница Краснодара писала в “Фейсбуке”: “...в краевой больнице, где лежат тяжелораненные ребята, говорила с приезжающими их навестить <...> Один из мужчин <...> прямо сказал: я в десятом поколении здешний, а столько брехни слышу тут и по телефону от дружков, что думаю, может они в Керчи живут, а не я?”. Из комментария к конспирологическому высказыванию в керченском ВК-сообществе: “Керчане вполне себе в здравом уме. Тут резвятся в основном иногородние, школота и укрозомби” (ПК2 22.10.2018).

Мы увидели поступательное снижение интереса к теме, подсчитав ежедневное количество просмотров постов о трагедии в ВК-сообществе ПК2: 17 октября 2018 г. оно составило 3903 тыс. просмотров, на один пост – 156 тыс. просмотров; 19 октября –1980 тыс. и 44 тыс.; 22 октября – 407 тыс. и 31 тыс.; 31 октября – 31 тыс. и 15 тыс. просмотров соответственно.

“Разоблачения” после публикации материалов следствия

Дополнительным толчком к развитию конспирологических толкований стало появление в СМИ предварительных данных следствия. Собственно, первая информация появилась в день совершения преступления: в частности, в Сети были размещены фотографии Владислава Рослякова, перезаряжающего ружье, и его тела, лежащего на полу после самоубийства. В этот же день в керченских группах в “ВКонтакте” были высказаны многочисленные соображения, впоследствии активно разрабатывавшиеся конспирологически настроенными толкователями: на снимке убитый лежит, обнимая ружье, хотя оно должно было быть отброшено отдачей; несмотря на выстрел в голову, она кажется целой; с правой руки неудобно стрелять в левую часть головы; под правой лопаткой видна рана, которая воспринималась как след ножевого удара, и т.д. Объектом для скептических комментариев стали и опубликованные фотографии помещений колледжа; высказывалось мнение, что поражения стен и мебели не соответствует типу оружия, из которого стрелял Росляков. Новую волну обсуждения породила публикация видеозаписей с камер слежения, фиксировавших преступление.

Согласно схеме Г. Оллпорта и Л. Постмана, публикация материалов о ходе следствия должна повышать открытость информации и, соответственно, снижать неопределенность, уменьшать количество слухов. Возможно, в данном случае это и происходило, но очевидно и противоположное: люди, склонные к конспирологическим толкованиям, активно конструировали зону неопределенности, используя

фото- и видеозаписи. Так как на первом опубликованном снимке на трупе лежала книга, упавшая с полки, возникла версия, что книга была положена специально, чтобы скрыть ранение в живот (не укладывающееся в официальную версию); утверждали, что фотограф выбрал ракурс, скрывающий разбитый выстрелом череп, – скептики указывали, что череп цел. Видеозаписи (по понятным соображениям) были опубликованы не полностью – на основании этого делался вывод, что за пределами показанного осталось что-то специально скрытое. Как указание на сокрытие информации расценивались самые разные моменты: сам факт оперативной публикации материалов, по мнению некоторых, был не чем иным, как пиар-ходом, призванным скрыть реальную суть преступления; удаление же записей из Сети тоже послужило поводом для конспирологических толкований.

Фото- и видеопубликации привели к волне многочисленных “разоблачений”, которые делали журналисты-любители (см., напр.: Kamikadzedead 2018; ICTV 2018; мн. др.). В “разоблачениях” продвигалась мысль о том, что за рамками записей остались тайные подробности: информация о подельниках Рослякова или обстоятельствах его гибели. Высказывалось также мнение, что записи вообще были постановочными. Обращало на себя внимание, что авторы “разоблачений” часто делали упор на собственный опыт использования огнестрельного оружия – подобные апелляции, как и упомянутые выше апелляции к личному опыту очевидцев, повышали весомость высказывания.

При анализе альтернативных версий становится понятно, что одна из причин их популярности – недоверие к российскому телевидению. Так, в целом пророссийски настроенный блогер, изложив альтернативную версию, писал:

> Друзья, если кого-то не устраивает то, что мы даем видео с места, вы можете устроить голосование и писать прямо – нам НЕ НАДО знать ничего, кроме официальной версии. Нам НЕ НАДО слушать людей, которые это пережили, ближе – диктор на ТВ в вечерних новостях. Нам НАДО ждать официальную версию, нам ее озвучит Киселёв (*Шарий* 2018).

Поиск тайных виновных

Причины стрельбы в Керченском политехническом колледже обсуждались очень широко и на разных уровнях общества, но мы в данном случае остановимся только на суждениях, в которых ответственность за произошедшее возлагалась на некие внешние силы – группы, социально-политических акторов, социальные явления, – оказавшие формирующее воздействие на совершение преступления:

1. Компьютерные игры. Во всем мире идет дискуссия о влиянии на массовые убийства компьютерных игр, в частности, выполненных в жанре *shooter* (стрелялка), симулирующем собственно процесс боевого поиска жертв и их убийства (*Anderson* 2004). На фоне взвешенных аналитических высказываний появляются и алармистские заявления. Так, имело большой резонанс некомпетентное суждение о влиянии на события в Керчи игры Dota 2 (Memepedia 2018). Компьютерные игры часто рассматриваются как часть более широкого контекста: заявляется о губительном влиянии на психику подростков интернета в целом и виртуальных социальных сетей в частности.

2. “Группы смерти”. В 2016–2017 гг. произошел мощный всплеск моральных паник, связанных с “группами смерти”, якобы подталкивающими детей и подростков к самоубийствам (Интернет и общество 2017). После событий в Керчи сюжет получил развитие; говорилось о трансформации “групп смерти”: если раньше кураторы подталкивали подростков к самоубийству, то теперь их “зомбируют” на убийство. К этому же ряду относится слух о том, что Росляков был членом некой секты, которая планировала теракты в 13 учебных заведениях.

3. Секта “Свидетели Иеговы”. Сообщение о том, что мать Рослякова состояла в этой секте, привело к появлению мнения, что убийство было инициировано ее членами. В качестве доказательств указывалось на то, что секта в 2017 г. была запрещена в России как экстремистская и что в Крыму она управлялась с территории Украины.

4. Внешние и внутренние враги России. Высказывалось мнение, что целью теракта является: ограничение деятельности России в Ливии (в этот день шли переговоры, на которых, как сообщалось, обсуждалось сотрудничество между странами); дискредитация России на мировой арене; провокация против Росгвардии как силы, сдерживающей “цветные революции” (как первая часть провокации рассматривался конфликт командующего Росгвардией В.В. Золотова и оппозиционного политика А.А. Навального в августе–сентябре 2018 г.); провоцирование русофобии (для постановки преступления был подобран светловолосый юноша с русской фамилией) и др. Высказывались следующие мнения: нападение совершено исламистами (в частности, ИГИЛ, “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”), организовано израильскими спецслужбами; агрессивность Рослякова обусловлена якобы свойственной ему гомосексуальностью; Росляков на самом деле противодействовал нападению террористов, взяв оружие в кабинете начальной военной подготовки; цель теракта, организованного извне, – проверить способность России и ее населения к самозащите; почитание Рослякова организовано западными спецслужбами и является элементом психологической войны и др.

Примером могут служить возникновение и последующая трансформация версии о причастности к убийству крымских татар. Эта версия появилась в первые же часы: 17 апреля 2018 г. в 14:23 интернет-издание Lenta.ru опубликовало со ссылкой на правоохранительные органы Крыма сообщение о внешности убийцы, где говорилось в т.ч., что он “похож на татарина” (Krapka 2018). Эта деталь вызвала широкий резонанс среди российских татар, в частности раздраженное заявление было сделано московской крымско-татарской общиной (Реальное 2018); очень скоро упоминание о татарской внешности было убрано из публикации. Стоит отметить, что керченские ВК-сообщества не уделили этим слухам никакого внимания, выказав низкий уровень антитатарских настроений[2]. Зато сообщение широко обсуждалось среди антироссийски настроенных крымских татар, проживающих на Украине, их усилиями интерпретация произошедшего вышла на новый уровень – была сформирована конспирологическая гипотеза: «Похоже, Кремль принял решение об “окончательном решении крымскотатарского вопроса”. До оккупации Крыма здесь никогда не было терактов. Что и требовалось доказать» (Гордон 2018). Глава ЦИК Курултая крымско-татарского народа Заир Смедля заявил:

> Для того чтобы начать массовые репрессии против крымских татар, давно готовили почву называя их экстремистами и террористами, теперь им нужен теракт в котором обвинят крымских татар! Не исключено, что молниеносно найдут “виновных и организаторов” с планами проведения и других терактов и получат звёздочки и премии за раскрытие коварного плана татаробендеровцев (Krapka 2018).

Среди конспирологических толкований трагедии в Керчи, помимо прочего, присутствует версия, которую активно разрабатывают посетители сайта “9/11ТМ. Движение за истину”: они считают, что трагические события, происходящие по всему миру (теракты, техногенные катастрофы, вооруженные конфликты и т.д.), являются срежиссированными частями “глобальной постановки”, производимой некими могущественными силами. В описаниях событий участники форума ищут и находят следы этой “постановочности” (9/11).

В комментариях всплывают и сюжеты городских легенд, в частности о “черных трансплантологах” (*Панченко* 2014), провоцирующих конфликты с целью изъятия внутренних органов:

Показали нам театральное действо с актерами из массовки, вбросили поддельные списки погибших, поддельные приказы о зачислении учащихся, поддельные списки преподавателей. А реальных ребят – учащихся перед началом шухера вывезли автобусами и использовали как биоматериал. Ждите повторения подобных историй – трансплантология на службе у мутантов (Большой 2018).

Оппозиционные фобии

Традиционно фигурантами панических слухов являются госорганы и их представители, деятельность которых активно интерпретируется всеми заинтересованными сторонами. Распространение слухов – одна из форм критики власти, скрытого сопротивления ей (*Scott* 1990: 19). Граждане, настроенные критически по отношению к власти, охотно создают конспирологические суждения и поддерживают их распространение. В связи с массовым убийством в Керченском политехническом колледже были зафиксированы следующие сюжеты:

1. Заказчиком, организатором и исполнителем преступления были ФСБ или другие российские спецслужбы; акция была необходима для решения неких политических или организационных задач.

2. Преступление совершено для того, чтобы отвлечь внимание от неких событий (неудач во внешней и внутренней политике действующего российского руководства, перестановок в руководстве Крыма и др.). Например, в первый же день высказывалось мнение, что преступление должно было отвлечь внимание от начавшегося 17 апреля 2018 г. в 12:00 заседания ЦИК РФ, на котором обсуждался вопрос о референдуме против пенсионной реформы (ПК1).

3. Преступление организовано для того, чтобы совершить некие политические шаги, обусловленные террористической угрозой: повысить рейтинг В.В. Путина как борца с этим злом (сравнивается с ростом его популярности в ходе второй чеченской войны); наладить отношения с США на основе общих действий в отношении школьного насилия. Переквалификация преступления из теракта в массовое убийство вызвала подозрение, что власти что-то скрывают и хотят избежать политического резонанса.

4. Теракт совершен для того, чтобы ввести некие репрессивные меры (ужесточить контроль в интернете, в частности, принять новые законы; усилить надзор за оборотом огнестрельного оружия; повысить общественную и политическую агрессивность в отношении Украины; начать (продолжить) репрессии на Кавказе, против ИГИЛ и др.; активизировать войну в Сирии; сделать Керчь закрытым городом и т.п.). В качестве причины таких тревог комментаторы отмечают склонность российских властей к запретительным мерам: “Сейчас наши любимые слуги народа начнут все запрещать. Игры, стволы, колледжи, столовые, мужчин и какать. У них в любой непонятной ситуации один метод” (ЯПлакалъ 2018).

Добавим, что одно из направлений формирования конспирологических мнений – поиск бенефициаров, получающих выгоду вследствие произошедшего. В данном случае говорили, например, о Росгвардии, которая возьмет на себя охрану школ, и Министерстве образования, которое, предположительно, будет навязывать в школах психологическое сопровождение.

Отзвуки украинско-российского кризиса

События в Крыму, который в 2014 г. перешел из состава Украины в состав России, являются болезненной темой для обеих стран. Поэтому и там, и там керченская трагедия вызвала волны конспирологических толкований, соответствующих текущей политической конъюнктуре.

В России сразу начали циркулировать мнения, что у преступления есть “украинский след”: “Раковая опухоль не рассосется сама собой. Нельзя давать войти во вкус. Перекрыть все не реально. Безнаказанность порождает повторение. Украина перешла еще одну красную черту. Одесса, Донбасс, Гиви, Моторола, Захарченко, Керчь” (ГА 17.10.2018). В качестве обоснования упоминались угрозы украинских радикалов, стремящихся дестабилизировать обстановку в Крыму. Как уже говорилось выше, “украинский след” искали в версиях о причастности к убийству крымских татар и “Свидетелей Иеговы”.

На Украине событие также вызвало широкую реакцию: в первый же день президентом П.П. Порошенко и рядом ведущих политиков были сделаны заявления, в которых настойчиво подчеркивалось, что Крым является территорией Украины, было заведено уголовное дело, украинская сторона потребовала у российских властей, чтобы ее следователям были обеспечены условия для работы в Керчи.

Лейтмотивом суждений, высказывавшихся и в социальных сетях, и в телепередачах, и в заявлениях политиков, служила формула: “При Украине в Крыму такого не было”. Разрабатывались “оппозиционные” версии (см. выше). Но при этом дополнительно звучали рассуждения о том, что причина насилия – вообще в милитаризации России, в т.ч. Крыма: отмечалось, что свободу действия с оружием обусловливает военно-патриотическая подготовка в российской системе образования; предполагалось, что агрессивность Рослякова была спровоцирована увлеченностью идеями Новороссии. Большой резонанс имела позже не подтвердившаяся информация о том, что Росляков обучался стрельбе на базе “Артека” (в качестве доказательства публиковалась фотография вооруженного артековца, отдаленно похожего на керченского стрелка).

Кто заинтересован

Как уже говорилось выше, разрастание слухов происходит благодаря заинтересованным в этом институциям, группам и частным лицам. Изучение панического распространения информации позволяет выявить три модели, обусловленные активностью на разных иерархических уровнях общества: “низовую”, “заинтересованных групп среднего уровня” и “управляющих элит” (*Goode, Ben-Yehuda* 2009: 51–72). Рассмотрим, кто именно участвует в панических интерпретациях трагедии в Керчи, особый упор будем делать на процессах, связанных с интернетом как специфической информационной средой.

Вряд ли в данном случае можно говорить о распространении панических интерпретаций “сверху”, со стороны “управляющих элит”. При рассмотрении стихийного информационного резонанса, связанного с событиями в Керчи, указывалось на “неумение власти быстро реагировать в кризисных ситуациях” (*Крамарь* 2018: 35–36). Однако я бы отметил, что ведущие российские политики и представители силовых ведомств в целом не делали заявлений, содержавших субъективные мнения, стимулирующие моральные паники[3].

Сложнее дело обстоит с уровнем, на котором находятся бенефициары, получающие бонусы от интерпретаций трагедии в Керчи,– это профессиональные журналисты и блогеры-любители, чиновники, разнообразные “эксперты”, повышающие свой символический капитал за счет высказываний о произошедшем. Так, ведущие телепрограммы “Пусть говорят”, хотя и выступали за осторожность суждений, но уже в эфире 17–18 октября активно использовали ситуацию для нагнетания антиукраинских настроений (Время покажет 2018а, 2018б, 2018в). Директор Центра изучения социальной безопасности в Институте инновационного развития Е. Чудновец обратилась в Роскомнадзор и к уполномоченному по правам ребенка при президенте РФ с требованием запретить песню известного рэпера Oxxxymiron'а “Последний звонок”,

поскольку именно она, по мнению чиновницы, стимулирует подростков к массовым убийствам (Экспресс-газета 2018).

“Низовая” модель обсуждения темы и продуцирования интерпретаций в интернете характерна для записей и комментариев в социальных сетях, в публикациях блогеров. Последние активно формируют мнения, используя горячие актуальные темы, стремясь к расширению круга читателей и зрителей, это повышает их популярность и заработки. Выше я приводил примеры того, как видеоблогеры в первые дни после трагедии в Керчи “разоблачали” официальную версию произошедшего, формируя конспирологические теории; о влиятельности их мнения говорит, например, то, что один из них, Kamikadzedead, на настоящий момент имеет 1,7 млн подписчиков, а его сюжет, упомянутый выше (Kamikadzedead 2018), набрал более 2,5 млн просмотров. Благодаря возможностям интернета “конкурирующие группы моральных предпринимателей оказались оснащены не только своей публикой и врагами, но и эффективными цифровыми технологиями слежки, огласки и маргинализации” (*Ingraham, Reeves* 2016).

Из-за специфики коммуникации в интернете формируется квазиэкспертное сообщество пользователей, которые, не имея специальных знаний, легко ищут информацию и заинтересованы в высказывании мнений. Сторонники разных точек зрения активно апеллируют к прецедентам, которые, как они считают, способствуют правильному пониманию ситуации. Приверженцы вдумчивого отношения к информации ссылаются на произошедшие незадолго до этого события в г. Кемерово (смертоносный пожар в торгово-развлекательном центре “Зимняя вишня” породил огромное количество слухов и фейков, в т.ч. запущенных целенаправленно; см. напр.: NEWSru.com 2018). Сторонники оппозиционных конспирологических построений, напротив, апеллируют к активно комментировавшимся (хотя не доказанным) случаям организации терактов и аварий со стороны ФСБ.

Обсуждение произошедшей трагедии в социальных сетях неоднократно активировало специфические процессы, свойственные онлайн-среде: разработку мемов, флешмобы, розыгрыши и проч. Так, выше упоминался резонанс, возникший вокруг Dota 2: некий “эксперт”, приглашенный на радиопередачу и алармистски высказывавшийся о влиянии компьютерных игр на скулшутинг, не только проявил некомпетентность в деталях, но и упорно отстаивал свою точку зрения при обсуждении в “Твиттере”; это стало мемом и породило большое количество шуток, в т.ч. визуальных. Еще один пример – интернет-флешмоб, предполагающий размещение в социальных сетях портретов людей, якобы погибших во время трагедии. Так, в первый же день в ПК1 и ПК2 можно было увидеть фотографии мужчин, которые будто бы пытались остановить Рослякова, но были им убиты; в действительности на снимках запечатлены владелец сайта Двач (https://2ch.hk), известный игрок-стример, артист и другие люди. Игра с подстановкой фотографий возникла на Дваче, посетители этого сайта присутствовали тут же и, поддерживая серьезность, комментировали фейковые сообщения как достоверные. Раньше такая же игра проводилась в связи с трагическими событиями в Кемерове (25 марта 2018 г.), Магнитогорске (31 декабря 2018 г.), войнами в Донбассе, в Сирии и другими событиями (Medialeaks 2018). Видимо, розыгрышем является и размещение в Сети фейковых фото молодой женщины – “вооруженной и опасной” подельницы Рослякова, якобы завербовавшей его для совершения преступления (Комсомольская 2018).

Вскоре после массового убийства в Керченском политехническом колледже в интернете сформировалось сообщество поклонников (фэндом) Владислава Рослякова. Интернет-площадки, посвященные ему, закрывались владельцами доменов, но участники фэндома создавали свои клубы по другим адресам; например, на настоящий момент в мессенджере Telegram действует несколько таких групп, хотя активность в них уже невелика. Темы, раскрываемые в таких сообществах, сводятся к следующему.

Уделяется внимание конспирологическим теориям, говорящим о том, что Росляков не совершил самоубийство, а был застрелен некими подельниками или кураторами; убийца в таком случае предстает как жертва. И Росляков, и его преступление эстетизируются (как и сам Росляков, по сути, эстетизировал преступление в "Колумбайне") и эротизируются – немалую часть фэндома составляют девушки. Поклонники собирают информацию о Рослякове как человеке, размещают фан-арт (художественное творчество, посвященное ему), оказывают помощь его матери. Исторически известно много случаев романтизации молодых убийц (в т.ч. девушками), среди них Ч. Мэнсон, серийные убийцы Т. Банти, Дж. Холмс, террорист Д. Царнаев и другие; значительное сообщество поклонников возникло вокруг предшественников Рослякова – убийц из "Колумбайна" (*Rico* 2015). Эстетизация убийц, хоть и может показаться чудовищной, является одной из сторон эмоционального аффекта, сопровождающего моральные паники и распространение слухов. Фэндом Рослякова (как и другие похожие фэндомы, возникающие в интернете) может быть рассмотрен как современное "эмоциональное сообщество" – группа людей, которая "имеет свои особые ценности, особенности чувствования и способы выражения эмоций" (*Rosenwein* 2016: 3). Одними из факторов, поддерживающих деятельность фэндомов, стали фан-арт (любительское изобразительное творчество) и фанфики (любительская литература), посвященные Рослякову.

* * *

На основании накопленного материала можно сделать следующие обобщения:

1. Многочисленные (не менее 80 сюжетов) панические интерпретации информации о массовом убийстве в Керченском политехническом колледже отражают *фобии*, которые существовали в обществе на тот момент. Большинство сюжетов основано на темах, которые активно обсуждались и осмысливались как угрозы для общества.

Традиционно объектами общественной паники становятся молодые люди и их сообщества. Восемнадцатилетний убийца возродил страхи, связанные с молодежью, ее агрессивностью и увлеченностью виртуальным миром (в т.ч. компьютерными играми); в обсуждении событий большое внимание уделялось критике системы образования. Примером всплеска тревоги касательно уязвимости детей и подростков, может служить активизация слухов, связанных с мощной моральной паникой 2016–2017 гг. после раскручивания информации о "группах смерти". Напряженность по отношению к государственной власти стимулирует оппозиционные фобии: в качестве виновных в массовом убийстве представляются российские политические элиты, спецслужбы, местные власти; в ходе керченских событий заметно проявилось недоверие к центральному телевидению. Осмысление России как государства, находящегося в агрессивном окружении, привело к поиску внешних и внутренних врагов, посягающих на ее безопасность и политическую стабильность. Украинско-российский политический кризис и спорный статус Крыма вполне ожидаемо привели к появлению многочисленных панических суждений и конспирологических интерпретаций, причем на Украине они продуцировались на высшем государственном уровне. Несомненно, к числу фобий, значимых для возникновения моральных паник, относится страх перед терроризмом (в т.ч. затрагивающим учебные заведения). Страшные инциденты, подобные массовому убийству в Керчи, могут расцениваться как индикатор существования в общественном сознании потенциальных скрытых страхов.

Интерпретации трагических событий с точки зрения имеющихся в обществе фобий – распространенное явление. Так, после массового убийства в школе "Колумбайн" высказывались мнения, что в этом виноваты: компьютерные игры, предполагающие имитацию стрельбы (популярные на тот момент Doom и Quake); фильмы,

повествующие о насилии; творчество определенных музыкантов (в частности, Мэрлина Менсона, KMFDM, Rammstein); увлечение фашизмом и личностью Гитлера; антидепрессанты, дающие побочные эффекты (Columbine n.d.). После “Колумбайна” в США происходило бытовое преследование подростков, которые, по мнению окружающих, вели себя необычно. New York Times писала об этом как о “национальной охоте на ведьм”, в ходе которой

> детей в основном выбирают, если они носят плащи, если их называют готами, если они в интернете, если они играют в Quake и Doom. Этих детей, которые уже чувствовали себя посторонними, заставляют чувствовать себя также убийцами <...> Учеников исключают из школы или отстраняют от занятий за “антиобщественное” поведение или отправляют домой, чтобы они переодели одежду, похожую на ту, которую носили убийцы; родители ограничивают использование компьютера (*Goldberg* 1999).

Множество интерпретаций породила и серия террористических актов 11 сентября 2001 г., причем “многие комментаторы на американском телевидении предлагали <...> односторонние и манихейские сообщения о причине событий 11 сентября, называя своих излюбленных противников в нынешнем политическом спектре США источником террористических атак” (*Kellner* 2004: 48). Например, представители различных партий использовали случившееся для обвинения своих политических оппонентов, с точки зрения “фундаменталистского христианства” замешанными в теракте оказывались “язычники”, сторонники абортов, феминистки, геи, лесбиянки, либеральные организации (ACLU и др.) (*Kellner* 2004: 48–49). Рассуждения о причинах теракта во многих случаях основывались на исламофобии (*Powell* 2011).

2. Паническое распространение интерпретаций, связанных с трагедией в Керчи, происходит в новых условиях цифрового общества. Это обеспечивает принципиально иную циркуляцию информации; если раньше «моральные предприниматели передавали информацию полиции и государственным чиновникам, от которых она затем передавалась “СМИ” для широкого распространения, [то] сегодня моральные предприниматели могут сами широко распространять панику, отсекая полицию/государство и средства массовой информации от паники» (*Ingraham, Reeves* 2016). В процессы интерпретации включается широкий круг акторов, в т.ч. являющихся бенефициарами этого обсуждения. Среди них журналисты – профессионалы и любители (блогеры), – заинтересованные в резонансе своих публикаций; политики и чиновники, продвигающие выгодные для себя идеи; пользователи интернета, осуществляющие специфическую онлайн-деятельность (флешмобы, розыгрыши, дискуссии в чатах и проч.); экспертное и квазиэкспертное сообщества и др.

При анализе трех из четырех заявленных сообществ (керченских локальных ВК-групп ПК1 и ПК2, дискуссионного форума ГА) видно, что, с одной стороны, панические интерпретации здесь появляются и доводятся до широкой публики, с другой – они гасятся, сталкиваясь с многочисленными комментариями здравомыслящей (и количественно преобладающей) части аудитории, большое значение имеет и редакторская деятельность администраторов ПК1 и ПК2. Что касается форума 9/11, специализирующегося на разработке конспирологических идей, здесь критика панических интерпретаций минимизирована, но и выработки какой-либо единой концепции тоже не наблюдается.

3. Рассмотренный нами случай включает в себя достаточно разные процессы: распространение слухов, формирование конспирологических суждений, раскручивание моральных паник и др. Эти процессы объединены тем, что все они предполагают продуцирование сильных эмоций, основанных на страхе[4], вследствие чего, как отмечалось в начале статьи, распространение слухов носит в основном панический характер. Конспирологические нарративы “имеют для своих поклонников не абстрактное, а вполне прикладное значение: от них ждут не столько логики, сколько

непосредственных эмоциональных переживаний” (*Панченко* 2015: 91). Моральные паники также базируются на гипертрофированном восприятии опасности; в случае трагедии в Керчи следует говорить о “кусте” моральных паник, активизировавших частные сюжеты, основанные на частных скрытых общественных фобиях. Надо сказать, что со временем моральные паники, связанные с частными сюжетами, заглохли, оставшись в виде потенциальных, “тлеющих” общественных фобий, а в фокусе осмысления осталась основная тема – угроза школьного вооруженного насилия.

Примечания

[1] Отсутствие каких-либо идеологических заявлений, видимо, и послужило поводом для того, чтобы еще 17 октября преступление Рослякова было переквалифицировано и отнесено к массовым убийствам, а не к терактам; совершение теракта предполагает создание некого конкретного информационного посыла (*Schmid* 1983: 70).

[2] Стоит добавить, что низкий уровень антитатарских настроений участниками ПК1 и ПК2 был выказан и в ноябре 2015 г., когда украинскими и крымско-татарскими радикалами был осуществлен подрыв опор линии электропередач, обесточивший Крым.

[3] Вынесем за рамки упоминавшиеся выше заявления украинских политиков, обусловленные “антироссийской” политической конъюнктурой и явно относящиеся к категории субъективных интерпретаций.

[4] О “культуре страха” в современном мире см.: *Glassner* 1999.

Источники и материалы

Большой 2018 – Рэмбо из Керчи Росляков // Большой форум. 01.11.2018. Комментарий. bolshoyforum.com/forum/index.php?page=1303

Время покажет 2018а – Трагедия в Керчи: версии. Время покажет. Выпуск от 17.10.2018 // Первый канал. https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/tragediya-v-kerchi-versii-vremya-pokazhet-vypusk-ot-17-10-2018

Время покажет 2018б – Трагедия в Керчи. Время покажет. Выпуск от 17.10.2018 // Первый канал. https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/tragediya-v-kerchi-vremya-pokazhet-vypusk-ot-17-10-2018

Время покажет 2018в – Что произошло в Керчи? Время покажет. Выпуск от 18.10.2018 // Первый канал. https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/chto-proizoshlo-v-kerchi-vremya-pokazhet-vypusk-ot-18-10-2018

ГА – “Глобальная авантюра”. https://glav.su

Гордон 2018 – Российские СМИ заявили, что подозреваемый в нападении на политехнический колледж в Керчи якобы “похож на татарина” // Гордон. 17.10.2018. https://gordonua.com/news/crimea/rossiyskie-smi-zayavili-chto-podozrevaemyy-v-napadenii-na-politehnicheskiy-kolledzh-v-kerchi-yakoby-pohozh-na-tatarina-433138.html

Интернет и общество 2017 – Интернет и общество. Реальные и социально сконструированные угрозы. “Группы смерти” в социальных сетях как модель резонансной общественной реакции // Платформа. Центр социального проектирования. http://pltf.ru/wp-content/uploads/2017/04/Платформа_Презентация_Интернет_18.04-1.pdf

Комсомольская 2018 – Разыскивается сообщница керченского стрелка: ФСБ утверждает, что это фейк // Комсомольская правда. 22.11.2018. https://www.mk.ru/social/2018/11/22/razyskivaetsya-soobshhnica-kerchenskogo-strelka-fsb-utverzhdaet-chto-eto-feyk.html

Левада 2017 – У россиян снизился страх перед гибелью в терактах // Левада-центр. 02.10.2017. https://www.levada.ru/2017/10/02/u-rossiyan-snizilsya-strah-pered-gibelyu-v-teraktah

Левада 2018 – События и оценки уходящего года // Левада-центр. 24.12.2018. https://www. levada.ru/2018/12/24/sobytiya-i-otsenki-uhodyashhego-goda

ПК1 – “Подслушано | Керчь”. https://vk.com/kerchdom

ПК2 – “Подслушано | Керчь”. https://vk.com/overhearkerch

Реальное 2018 – Община крымских татар посчитала недостаточным исправление новости о “похожем на татарина” стрелке из Керчи // Реальное время. 18.10.2018. https://realnoevremya.ru/

news/117215-obschina-krymskih-tatar-poschitala-nedostatochnym-ispravlenie-novosti-o-pohozhem-na-tatarina-strelke-iz-kerchi

Утро.ru 2018 – В Крыму прогремел взрыв // Утро.ru. 17.10.2018. https://utro.ru/accidents/2018/10/17/1377485.shtml

Шарий 2018 – Керчь. Нестыковки с официальной версией // Анатолий Шарий. Youtube.com. 17.10.2018. https://www.youtube.com/watch?v=gJN1Vk266gs

Экспресс-газета 2018 – Известная активистка обвинила Oxxxymiron в трагедии Керчи // Экспресс-газета. 22.10.2018. https://www.eg.ru/society/648394-izvestnaya-aktivistka-obvinila-klip-oxxxymiron-v-tragedii-kerchi

ЯПлакалъ 2018 – 21 человек погибли и 50 пострадали в результате взрыва в колледже в Крыму (ветка форума) // ЯПлакалъ. Зап. 18.10.2018. https://www.yaplakal.com/forum1/st/3625/topic1856443.html

9/11 – “9/11TM. Движение за истину”. http://911tm.9bb.ru/viewtopic.php?id=1673

Columbine n.d. – Columbine High School massacre // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Columbine_High_School_massacre

Gallup 2019 – Parents’ Concern About School Safety Remains Elevated // Gallup. 27.08.2019. https://news.gallup.com/poll/265868/parents-concern-school-safety-remains-elevated.aspx

Goldberg 1999 – *Goldberg C.* Terror in Littleton: The Shunned; For Those Who Dress Differently, an Increase in Being Viewed as Abnormal // The New York Times. May 1, 1999.

ICTV 2018 – Керчь | Стрелок Росляков – это проект Кремля | Видео с камер | СМИ скрывают всю правду // Телеканал ICTV. Youtube.com. 24.10.2018. https://www.youtube.com/watch?v=24zuEoFJ38k

Kamikadzedead 2018 – Разбор видео из колледжа в Керчи // Kamikadzedead. Youtube.com. 21.10.2018. https://www.youtube.com/watch?v=VhGVXS-tgHc (дата обращения: 15.11.2019).

Krapka 2018 – Керченская “Колумбина” или спецоперация ФСБ? // Krapka club. 17.10.2018. https://krapka.club/kerchenskaya-kolumbina-ili-spetsoperatsiya-fsb/#.W9HQ2vkzb3g

Magashow 2018 – Крым Керчь. Колледж сегодня. Корабли в Крыму // Magashow. Youtube.com. 28.11.2018. https://www.youtube.com/watch?time_continue=408&v=qEYxsIG4Trw

Medialeaks 2018 – Как владелец “Двача” Нариман Намазов стал самым популярным фейком о “героях” на пожаре в Кемерове // Medialeaks. 02.04.2018. https://medialeaks.ru/0204dalex-abu-heroe

Memepedia 2018 – Дока 2 // Memepedia. 21.10.2018. https://memepedia.ru/doka-2

NEWSru.com 2018 – Власти Кузбасса призвали наказать распространителей слухов о сотнях погибших на пожаре в “Зимней вишне” // NEWSru.com. 27.03.2018. https://www.newsru.com/russia/27mar2018/4ernovnakazat.html

Научная литература

Горбатов Д.С. Психология трансформации слухов: микрогрупповой подход. М.: Социум, 2011.

Горбатов Д.С., *Большаков С.Н.* Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 98–107.

Крамарь К.А. Информационно-психологические аспекты трагедии в г. Керчь // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы международной научной конференции (22–23 ноября 2018 г.) / Отв. ред.-сост. Д.П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 30–38.

Осетрова Е.В. Возникновение, обращение и факторы развития слухов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011а. № 1. С. 170–176.

Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум Online. 2011б. Вып. 15. С. 55–82.

Панченко А.А. Страх в большом городе // Отечественные записки. 2014. № 3. http://www.strana-oz.ru/2014/3/strah-v-bolshom-gorode

Панченко А.А. Антропология и конспирология // Антропологический форум. Вып. 27. 2015. С. 89–94.

Allport G.W., *Postman L.* An Analysis of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1947. Vol. 10. P. 501–517.

Anderson G.A. An Update on the Effects of Playing Violent Video Games // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27 (1). P. 113–122.

Bordia P., *Di Fonzo N.* Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition // Social Psychology Quarterly. 2004. Vol. 67. No. 1. P. 33–49.

Capellan J.A., *Johnson J.*, *Porter J.R.*, *Martin C.* Disaggregating Mass Public Shootings: A Comparative Analysis of Disgruntled Employee, School, Ideologically Motivated, and Rampage Shooters // Journal of Forensic Sciences. 2019. Vol. 64. No. 3. P. 814–823.
Glassner B. The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. N.Y.: Basic Books, 1999.
Goode E., *Ben-Yehuda N.* Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
Ingraham Ch., Reeves J. New Media, New Panics // Critical Studies in Media Communication. 2016. Vol. 33 (5). P. 455–467.
Kellner D. 9/11, Spectacles of Terror, and Media Manipulation: A Critique of Jihadist and Bush Media Politics // Critical Discourse Studies. 2004. Vol. 1 (1). P. 41–64.
Knapp R.H. A Psychology of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. Vol. 8. P. 22–27.
Luna S. Affective Atmospheres of Terror on the Mexico–U.S. Border: Rumors of Violence in Reynosa's Prostitution Zone // Cultural Anthropology. 2018. Vol. 33 (1). P. 58–84.
Rico A.R. Fans of Columbine Shooters Eric Harris and Dylan Klebold // Transformative Works and Cultures. 2015. Vol. 20. https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/671/545.
Rosenwein B.H. Generations of Feeling: A History of Emotions, 600–1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
Rosnow R.L., *Esposito J.L.*, *Gibney L.* Factors Influencing Rumor Spreading: Replication and Extension // Language and Communication. 1988. Vol. 8. No. 1. P. 29–42.
Powell K.A. Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11 // Communication Studies. 2011. Vol. 62. No. 1: Discourse of the Middle East: Communication, Culture, Media. P. 90–112.
Schmid A.P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. New Brunswick: Transaction, 1983.
Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale: Yale University Press, 1990.

Research Article

Gromov, D.V. Who's Afraid of "Kerch Shooter"? Activation of Social Phobias through Rumors and Quasi-Expert Statements [Kto boitsia "kerchenskogo strelka"? Aktivizatsiia sotsial'nykh fobii cherez slukhi i kvaziekspertnye vyskazyvaniia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 38–53. https://doi.org/10.31857/S086954150010047-1 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitry Gromov | https://orcid.org/0000-0002-0443-8718 | gromovdv@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

school shooting, terrorism, fear, rumor, conspiracy theology, moral panic

Abstract

On October 17, 2018, a massacre occurred at the Kerch Polytechnic College. The article discusses the information resonance caused by this crime. Panic interpretations of crime information (over 80 stories) reflect the social phobias that existed at that time. An example of the tragedy in Kerch shows that the moral panic in a digital society is developing according to new rules. A wide range of actors are involved in interpretation processes, including beneficiaries of this discussion. Among them are journalists (professionals and amateurs) who are interested in making their publications resonate, politicians and officials promoting ideas that are profitable for themselves, Internet users who carry out specific online activities (flash mobs, sweepstakes, chat discussions, etc.), expert and quasi-expert communities, etc.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, https://doi.org/10.13039/501100002261 [17-01-00362-ОГН-А]

References:

Allport, G.W., and L. Postman. 1947. An Analysis of Rumor. *Public Opinion Quarterly* 10: 501–517.

Anderson, G.A. 2004. An Update on the Effects of Playing Violent Video Games. *Journal of Adolescence* 27: 113–122.

Bordia, P., and N. Di Fonzo. 2004. Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition. *Social Psychology Quarterly* 67 (1): 33–49.

Capellan, J.A., J. Johnson, J.R. Porter, and C. Martin. 2019. Disaggregating Mass Public Shootings: A Comparative Analysis of Disgruntled Employee, School, Ideologically Motivated, and Rampage Shooters. *Journal of Forensic Sciences* 64 (3): 814–823.

Glassner, B. 1999. *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things.* New York: Basic Books.

Goode, E., and N. Ben-Yehuda. 2009. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

Gorbatov, D.S. 2011. *Psikhologiia transformatsii slukhov: mikrogruppovoi podkhod* [The Psychology of Rumor Transformation: A Microgroup Approach]. Moscow: Sotsium.

Gorbatov, D.S., and S.N. Bolshakov. 2015. Slukhi v zarubezhnoi sotsiologii i sotsial’noi psikhologii: teoreticheskie podkhody [Rumors in Foreign Sociology and Social Psychology: Theoretical Approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7: 98–107.

Ingraham, Ch., and J. Reeves. 2016. New Media, New Panics. *Critical Studies in Media Communication* 33 (5): 455–467.

Kellner, D. 2004. 9/11, Spectacles of Terror, and Media Manipulation: A Critique of Jihadist and Bush Media Politics. *Critical Discourse Studies* 1 (1): 41–64.

Knapp, R.H. 1944. A Psychology of Rumor. *Public Opinion Quarterly* 8: 22–27.

Kramar, K.A. 2018. Informatsionno-psikhologicheskie aspekty tragedii v g. Kerch. [Information and Psychological Aspects of the Tragedy in Kerch]. In *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (22–23 noiabria 2018 g.)* , edited by D.P. Gavra, 30–38. St. Peresburg: SPbGU.

Luna, S. 2018. Affective Atmospheres of Terror on the Mexico–U.S. Border: Rumors of Violence in Reynosa’s Prostitution Zone. *Cultural Anthropology* 33 (1): 58–84.

Osetrova, E.V. 2011. Slukhi v sovremennoi sotsiokul’turnoi srede: istoriograficheskii obzor [Rumors in the Modern Socio-Cultural Environment: A Historiographical Review]. *Antropologicheskii forum Online* 15: 55–82.

Osetrova, E.V. 2011. Vozniknovenie, obrashchenie i faktory razvitiia slukhov [The Origin, Circulation and Development Factors of Rumors]. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf’eva* 1: 170–176.

Panchenko, A.A. 2014. Strakh v bol’shom gorode. [Fear in the Big City]. *Otechestvennye zapiski* 3. http://www.strana-oz.ru/2014/3/strah-v-bolshom-gorode

Panchenko, A.A. 2015. Antropologiia i konspirologiia [Rumors in the Modern Socio-Cultural Environment: A Historiographical Review]. *Antropologicheskii forum* 27: 89–94.

Powell, K.A. 2011. Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11. *Communication Studies* 62 (1): 90–112.

Rico, A.R. 2015. Fans of Columbine Shooters Eric Harris and Dylan Klebold. *Transformative Works and Cultures* 20. https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/671/545

Rosenwein, B.H. 2016. *Generations of Feeling: A History of Emotions, 600–1700.* Cambridge; Cambridge University Press.

Rosnow, R.L., J.L. Esposito, and L. Gibney. 1988. Factors Influencing Rumor Spreading: Replication and Extension. *Language and Communication* 8. 1: 29–42.

Schmid, A.P. 1983. *Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature.* New Brunswick: Transaction.

Scott, J.C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts.* Yale: Yale University Press.

СООБЩЕСТВА МИГРАНТОВ И ДИАСПОРЫ

© Г.Ф. Габдрахманова, Э.А. Сагдиева, П. Фрайер

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ МИГРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИИ, ПРАКТИКИ, ФОРМЫ КАПИТАЛА

Ключевые слова: Российская Федерация, Кыргызская Республика, кыргызы, миграция, капитал, формы капитала, типы капитала, конвертация капитала

Ключевое значение в формировании стратегий и практик постсоветских мигрантов из Средней Азии играет история самой миграции, в ходе которой кыргызам удалось накопить политический, экономический, физический, человеческий, социальный и культурный капитал. Его институционализация, инкорпорация и материализация привели к высокому качеству миграции: для приезжающих в Россию кыргызов действует упрощенный порядок оформления пребывания в стране; они имеют доступ к более статусным сферам труда, высокие заработки в экономически выгодных для них регионах, конвертируют знания и умения в экономический и социальный капиталы, обладают устойчивыми разветвленными социальными связями. В настоящее время наблюдается дальнейшая капитализация имеющихся у кыргызских мигрантов ресурсов. Стимулами и ограничителями данного процесса является множество факторов, в т.ч. вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз.

Наш проект, объединивший два направления – миграция кыргызов в РФ после вступления в 2015 г. Кыргызской Республики (КР) в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и адаптация кыргызских мигрантов в Республике Татарстан (РТ), – начинался в Казани зимой 2018 г. Мы ожидали, что если в России за последние на момент исследования два года наблюдался рост миграции из Кыргызстана[1]

Гульнара Фаатовна Габдрахманова | https://orcid.org/0000-0002-1796-5234 | medi54375@mail.ru | д. соц. н., доцент, заведующая отделом этнологических исследований | Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (ул. Батурина 7А, Казань, 420111, Россия)

Эльвина Азадовна Сагдиева | https://orcid.org/0000-0003-4510-9467 | elvina_n@inbox.ru | к. соц. н., старший научный сотрудник отдела этнологических исследований | Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (ул. Батурина 7А, Казань, 420111, Россия)

Пол Фрайер | https://orcid.org/0000-0002-9850-9205 | paul.fryer@uef.fi | PhD, доцент, старший преподаватель кафедры географии и истории | Университет Восточной Финляндии (P.O. Box 111, FI-80101 Йоэнсуу, Финляндия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов:
Государственная программа Республики Татарстан [регистрационный № 18.0047]
Академия Финляндии (Suomen Akatemia) [№ 310853]

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

(по некоторым оценкам в два раза[2]), то он возможен и в Татарстане, а кыргызы, как и другие среднеазиатские приезжие, будут демонстрировать высокий интерес к РТ как к культурно близкому региону. Предыдущие исследования положения мигрантов таджиков и узбеков в Татарстане выявили высокую значимость для них богатой представленности ислама в республике, толерантность старожилов, близость узбекского и татарского языков (*Габдрахманова, Сагдиева* 2016), "удобочитаемость" (легкость, с которой город может быть "прочитан" и понят) и "разборчивость" (степень узнаваемости по внешнему виду отдельных компонентов городской среды) визуального пространства Казани (в сравнении с Санкт-Петербургом), позволяющая мигрантам чувствовать себя в безопасности (*Nasritdinov* 2016b). Казань и Бишкек связывает прямое авиасообщение, в Татарстане действует кыргызское сообщество «Ынтымак» – все это, на первый взгляд, может стимулировать миграцию кыргызов в республику. Однако, "выйдя в поле", мы столкнулись с проблемой рекрутирования респондентов. Материалы статистики дали некоторое объяснение возникшей проблеме. Миграция из Кыргызстана в Татарстан крайне мала, ее объемы сокращаются, за 2011–2016 гг. она снизилась в три раза: с 1309 до 397 человек (за этот же период снижение числа мигрантов из других стран Средней Азии составило: из Узбекистана – с 3189 до 2227, из Таджикистана – с 1714 до 1237, из Туркменистана – с 159 до 94 человек)[3]. Граждане КР (а это практически только кыргызы[4]) предпочитают работать в Центральном федеральном округе (47% в Москве и Московской области), в других округах их значительно меньше: в Приволжском и Уральском – по 14%, в Северо-Западном – 7, в Сибирском – 12, в Дальневосточном – 3, в Южном – менее 1%[5]. В Москве и Московской области трудится лишь треть иностранных работников, приезжающих в РФ, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области – около 15%[6]. С чем связана концентрация кыргызов в отдельных регионах России – вопрос, развернувший проект в новую научно-исследовательскую плоскость.

Проблемное поле исследования. Среди особенностей нетипичности кыргызской миграции выделяются: ее усиление с Запада на Восток, несопоставимость по интенсивности с узбекской и китайской (*Варнавский* 2011: 87–88), мобильность и более высокие трудовые статусы кыргызов в сравнении с другими рабочими из Средней Азии (*Ситнянский, Бушков* 2016: 154). Каждая среднеазиатская этническая группа, приезжающая на работу в Россию, имеет собственную конфигурацию мигрантских практик: "...по-своему выстраивает приоритеты и сети поддержки, реагирует на меняющиеся обстоятельства и осваивает заработанные за пределами родины средства" (*Абашин* 2012: 10).

Для понимания драматургии миграции целесообразным представляется подход, анализирующий все три ее этапа: подготовительный, переезд и обустройство, возвращение. Множество исследований посвящено мигрантам в РФ: функционированию их анклавов (*Кузнецов, Мукомель* 2005), мигрантской экономике (*Безбородова* 2012), инфраструктуре "для себя" – этнических кафе (*Пешкова* 2015), их медицинских центров (*Kashnitsky, Demintseva* 2017; *Рочева* 2014) и сети посредников, предоставляющих разнообразные услуги (*Мухаметшина* 2013; *Габдрахманова, Сагдиева* 2016: 50–71). Специальной темой исследования стала жизнь после миграции[7]. Отметим, что в последние годы изданы труды о миграции в Кыргызстане (*Мкртчян, Сарыгулов* 2011; *Fryer et al*. 2014; *Nasritdinov* 2016a; *Schmidt, Sagynbekova* 2008), о миграции в условиях ЕАЭС (*Sagynbekova* 2017), о связи перемещений и бюджетов домохозяйств (*Atamanov, Van den Berg* 2012), о мигрантах в Москве (*Варшавер, Рочева* 2015: 24–37; *Кочкин и др.* 2014; *Reeves* 2015) и регионах России (*Варнавский* 2011; *Габдрахманова и др.* 2014). Выделим публикации о советской миграции из Средней Азии (*Переведенцев* 1975: 56–94), о владении кыргызами русским языком (*Kosmarskaya* 2015; *Orusbaev et al*. 2008)[8], сохраняющим в Кыргызстане "важную, а подчас и ключевую роль во всех сферах жизни республики"[9], о стандартах двойной экономики домохозяйств

(*Варнавский* 2013: 40). Гипотеза, выдвинутая на первом уровне анализа разнообразия практик среднеазиатских мигрантов (включая их предпочтения в отношении российских регионов), заключается в прямой связи специфических моделей миграции с ее историей, в ходе которой этнические группы накопили разные объемы капитала.

Методология и методика исследования. Исследование основывается на теории рационального выбора Дж. Коулмана, суть которой состоит в том, что социальная среда и социальная ситуация структурируют существующие альтернативы и оказывают решающее воздействие на принимаемые акторами решения. В результате у группы формируются специфические ценности, которые влияют на общество (*Коулман* 2004). Как движущую силу данного процесса мы рассматриваем капитал, понимаемый П. Бурдье в качестве основы имманентных социальному миру закономерностей. Капитал может принимать овеществленную (достигнутые диспозиции), инкорпорированную (воплощаться в отдельных людях и в отношениях между ними) и институализированную (в виде прав) формы (*Bourdieu* 1986). Он обладает свойством ликвидности (имеет стоимостное измерение), способностью к конвертации (постоянная смена форм, приносящих добавочную стоимость) и в зависимости от типа может быть политическим, экономическим, физическим, человеческим, социальным и культурным (*Радаев* 2002). Теоретическая рамка определила гипотезу второго уровня. Во время миграции в Россию кыргызские мигранты накопили капитал всех шести типов в овеществленной, инкорпорированной и институализированной формах, приносящий им дивиденды в виде доступа к более статусным сферам труда и пребывания в более экономически выгодных для них регионах, наращивания имеющихся или приобретаемых знаний и умений, конвертации устойчивых разветвленных социальных связей в дополнительную прибыль. Это обеспечило высокое качество миграции кыргызов. В настоящее время происходит дальнейшая капитализация имеющихся у них ресурсов.

При изучении овеществленной и инкорпорированной форм капитала целесообразным представлялся метод глубинного интервью, который давал возможность анализа не только стратегий и практик мигрантов, но и мотивов, тактик, имеющихся ресурсов и способов их реализации, социальных отношений, результатов работы, ситуаций возвращения. Процессуальность и многоаспектность миграции простимулировали к изучению кыргызов, имевших ее опыт или работающих/живущих на момент исследования в России. Нами было проведено 37 интервью: восемь в РТ (в г. Казани), 29 в КР (в городах Бишкек, Кант, Ноокат, Ош, с. Чон Далы Ысык-Атинского р-на), а также шесть интервью с экспертами – сотрудниками Государственной службы миграции при Правительстве КР, учеными, руководителями общественных организаций Кыргызской Республики и Республики Татарстан. Для изучения институциализации капитала мигрантов к анализу привлечены доктринальные документы о миграции между РФ и КР.

Об особых правовых условиях

В конце советского периода кыргызы, как и представители других этнических групп среднеазиатских республик, активно мигрировали в РСФСР. Один из информантов рассказывает: “Раньше ездил, работал в государственном снабжении. Ездил по всему СССР. <...> Я шесть лет работал в госснабе. Как говорится, купец первой гильдии” (№ 2, муж., 60 л., КР). Уже тогда проявлялись региональные предпочтения кыргызов. Эксперт, проживающий ныне в РТ, вспоминая свой выбор вуза, отметил: “...Москву и Питер всегда уходили туда (учиться. – *Авт.*), в Казань никто не хотел” (эксперт № 2, РТ).

Ухудшение социально-экономической ситуации в постсоветском Кыргызстане стимулировало массовый выезд населения из республики. Говоря о своем возвращении

на родину после завершения обучения в Казани, один из экспертов рассказывал: «Когда из аэропорта вышел... помню уйгурка из Бишкека... мне говорит: “Какие планы?” Я: “Вот так-так, видишь – уезжаю”. Она мне: “Дурак что ли? Че ты там будешь делать? Оттуда люди сюда бегут, ...знаешь как жить тяжело!» (эксперт № 2, РТ). В результате он вернулся в РФ. Приехавшие в Россию на рубеже 1980–1990-х годов получили российское гражданство. Это стало возможным благодаря подписанному 26 февраля 1999 г. четырехстороннему соглашению между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства РФ. Только “с 2006 года по упрощенной системе гражданство России получили 476 тысяч кыргызстанцев... они писали расписку об отказе от гражданства Кыргызстана”[10].

Все участники исследования сообщили о наличии у них или у ближайших родственников гражданства РФ. Его стремились получить семьями, многие помогали близким: “...через меня получили гражданство двое моих братишек, сноха. <...> А другой попал через жену” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Кыргызы стремились осесть в России, потому что эта страна “платит нормально” (№ 9, муж., 36 л., КР). Так, в конце 1990-х годов началась институционализация политико-правового капитала кыргызов, благодаря чему они приобрели особые права в РФ. “Пока паспорт не получил, кидали... как гражданство получил, так все – официальная работа” (№ 28, муж., 52 г., КР).

Новые стимулы для наращивания политико-правового капитала у кыргызов появились после вступления КР в ЕАЭС. По Договору от 23 декабря 2014 г. трудовые мигранты из этой страны во время пребывания в РФ освобождаются от оформления патента на трудовую деятельность. Они должны лишь сделать регистрацию на период трудового договора с работодателем. Длительность пребывания в России без регистрации составляет 30 дней (для граждан других государств – 7 дней). Приезжающим на заработки из КР не нужно сдавать экзамен на знание русского языка, истории и основ российского законодательства, получать медицинские справки. В России они имеют доступ к обязательному страхованию, их дети могут посещать дошкольные учреждения и получать общее и профессиональное образование.

> [У кыргызов] нет необходимости при трудоустройстве проходить процедуру признания документов о квалификации. Обеспечивается взаимное признание документов об образовании по абсолютному большинству специальностей. <...> Трудящиеся из государств – членов ЕАЭС уже с первого месяца начинают уплачивать налоги на доходы физических лиц по аналогичной с резидентами ставке (в России – это 13%), для граждан других государств первые 6 месяцев со дня трудоустройства применяется отличная ставка указанного налога (в России – 30%). <...> Нет квот при заключении трудовых соглашений с работодателями[11].

Несколько информантов отметили отрицательные последствия вступления КР в ЕЭАС. В первую очередь это повышение цен: “Дорого стало у нас там в Киргизии. ...машины поднялись в цене. <...> В два раза, по-моему, поднялось. Также и продукты” (№ 3, муж., 41 г., РТ). Продавцы на рынках “Дордой” и “Кара-Суу” подчеркнули, “что из-за того, что вошли в Таможенный союз, идет упадок” (№ 24, жен., 60 л., КР). “Упадок” связывается также с поднятием цен на сырье и на товары в Китае и Турции, с сокращением объемов оптовых закупок и числа покупателей[12]. Респонденты отметили снижение розничных цен, особенно в крупных российских городах: “...в другие города я в неделю 2000 (единиц товара. – *Авт.*) спокойно отправлю. А именно в Москву я 500 отправлю” (№ 19, жен., 50 л., КР), а также объема оптовых продаж: “Раньше наши челноки из Китая заказывали, в Россию поездом из Кыргызстана везли. А сейчас растаможки нету, поэтому прямо везут, прямо грузят. Челнокам обидно стало, они бизнес свой потеряли” (№ 16, муж., 33 г., КР). В то же время ими отмечаются: снижение расходов (“В то время растаможка 30, 40 рублей

была за килограмм, а сейчас 22, 20, самый потолок – 25” [№ 19, жен., 50 л., КР]), ускорение товарооборота (“...если раньше приходило неделю, сейчас за пять дней может прийти. ...на таможне долго не держат” [№ 3, муж., 41 г., РТ]), облегчение условий работы (“...было время все с мешками ездили на себе” [№ 3, муж., 41 г., РТ]; “Раньше 2–3 карго [транспортная компания, занимающаяся доставкой грузов. – *Авт.*] было, а сейчас очень много” [№ 21, жен., 36 л., КР]) и безопасность бизнеса.

Главным преимуществом вступления КР в ЕАЭС стало облегчение пребывания кыргызских мигрантов в РФ, поскольку у них “расходы по легализации в десять раз меньше, чем у узбеков” (эксперт № 2, РТ). Один из информантов вспоминал: “... раньше, когда я учился, полицейские везде останавливали, штрафовали” (№ 7, муж., 30 л., КР). Сейчас во время полицейских рейдов “мы ему (проверяющему. – *Авт.*) говорим, что у нас Таможенный союз. Они ничего не спрашивают” (№ 9, муж., 36 л., КР) и “на границе тоже легче. Например, в очереди (в аэропорту. – *Авт.*) не стоишь, Таможенному союзу отдельная линия есть. Там сразу пропускают” (№ 9, муж., 38 л., РТ). Одна респондентка говорила о России: “...везде могу свободно (передвигаться. – *Авт.*), никто не боится” (№ 26, жен., 55 л., КР), а другая отмечала, что Кыргызстан после вступления в ЕАЭС стал более уверенным в национальной безопасности: «До этого у нас в аэропорту американские стояли военные. Совсем убрали. Россия говорит: “Или с ними, или с нами”. Мы в Россию. Поэтому Таможенный союз нам в плюс» (№ 5, жен., 55 л., РТ).

Конец 1990-х – 2000-е годы для кыргызов стали временем накапливания политико-правового капитала. Его институциализация через облегченные условия получения гражданства РФ и пребывания в ней, его инкорпорация путем вовлечения ближайшего окружения в процесс легализации привели к формированию овеществленных форм капитала (доступ к образованию, медицине, качество бизнеса, безопасность и т.д.).

Экономический капитал

Большинство информантов – граждан РФ сообщило о наличии у них или их ближайших родственников, также имеющих российское гражданство, собственной или выкупаемой недвижимости в России. “У меня сын в Москве... В этом году квартиру купили” (№ 26, жен., 55 л., КР); “Я сам взял квартиру в ипотеку ...пять лет уже выплачиваю. <...> Однушка, мы впятером в ней живем... я взял и не жалею” (№ 7, муж., 42 г., РТ). Такие приобретения рассматриваются информантами как вложение в будущее семьи (“...вдруг дети повзрослеют и захотят в Россию” [№ 21, жен., 36 л., КР]) и в личную безопасность (“...у нас очень опасный регион. Там Афганистан, рядом Таджикистан. <...> Поэтому я держу здесь квартиру. Я ни за что не продам. <...> и гражданство я никогда не сдам, чтобы меня защитили” [№ 5, жен., 55 л., РТ]). Сообщалось и о других видах экономического капитала: информанты получали материнский капитал при рождении ребенка, пособие по уходу за ним, льготы: “...на третьего (ребенка. – *Авт.*) участок дали” (№ 4, жен., 33 г., РТ). Женщина из Бишкека рассказала о планах сделать операцию в России по квоте (бесплатно): “Здесь (в КР. – *Авт.*) три с половиной тысячи долларов эта операция – менять (коленную. – *Авт.*) чашку” (№ 22, жен., 68 л., КР).

Отмечались и отрицательные последствия принятия российского гражданства. Это сложности, возникающие в КР при оформлении жилья или земли (“...все на детей оформлено, на родственников” [№ 5, жен., 55 л., РТ]), при трудоустройстве (“Здесь не возьмут [на работу. – *Авт.*] с российским паспортом... Не любят” [№ 9, муж., 36 л., КР]). Продавец на рынке “Дордой” в КР отметила: “...это место, чтобы арендовать... как... гражданка России, должна платить больше налогов” (№ 21, жен., 36 л., КР). Проблему начали обсуждать на высшем государственном уровне[13].

Политико-правовой капитал простимулировал изменения в социально-профессиональной структуре кыргызов. По мнению респондентов, имеющие российское гражданство смогли трудоустроиться в сферы, требующие высокой квалификации, традиционно закрытые для мигрантов. “Здесь они все грузчики были, а там некоторые уже преподаватели, учатся. Даже таксистов у них нету. Все его друзья на высшие пошли” (№ 26, жен., 55 л., КР); “В Москве уже дворников-киргизов почти нет” (эксперт № 2, РТ); “Полицейскими теперь берут на работу” (№ 1, жен., 23 г., КР). Они имеют сравнительно высокую зарплату. “Хорошо оплачиваемая работа дается тем гражданам, которые имеют российское гражданство. А Таджикистан, Узбекистан, Казахстан – не хорошо платят” (№ 2, муж., 60 л., КР). Информанты подчеркивали, что “узбеки – они на любую работу согласны, лишь бы чтоб платили, за копейки согласны. А наши киргизы на это не пойдут...” (эксперт № 1, РТ); “Таджики, узбеки – они в магазинах и 20, и 30, и 50 тысяч получают. А наши кыргызстанские, которые туда едут, за 20 там не будут работать” (№ 27, муж., 51 г., КР).

Кыргызы обладают экономическим капиталом в овеществленной форме: благодаря наличию особых прав они смогли занять более высокие позиции в сравнении с другими среднеазиатскими мигрантами. Именно это привело к концентрации кыргызов в тех российских городах, где им были предоставлены возможности для реализации накопленного капитала и удовлетворения высоких экономических запросов. Информанты часто рассказывали о том, что в первый раз они приезжали в относительно небольшие города на территории России, а потом перебирались в столицы (страны или республик) или в сибирские регионы. Одна из информанток первоначально приехала в Екатеринбург, там ей “понравилось, но родственники предложили работу в Москве... можно зарабатывать побольше” (№ 14, жен., 52 г., КР). Эксперт из Казани делился опытом рекрутирования потенциальных работников для предприятий Татарстана в КР. После двух неудачных попыток он отказался от этой идеи, потому что ему говорили: “Нет, лучше в Москву поедем работать, на север, Новосибирск, Красноярск. Там в два раза, в три раза больше зарплата... в Казани 15 тысяч средний заработок, а в Москве 40, 50, 60 тысяч” (эксперт № 2, РТ).

Истории роста запросов на зарплату звучали почти в каждом интервью: «У меня там (в России. – *Авт.*) сначала 70 тысяч рублей было, а потом уже с местными ребятами познакомился, и они говорят: “А что Вы здесь то работаете? Пошлите с нами”. Самое малое у них где-то 90 тысяч выходит. А за 80-70 они говорят, мы не будем работать, будем лучше в потолок плевать» (№ 27, муж., 51 г., КР). В результате сформировались центры притяжения кыргызских мигрантов. Среди информантов оказалось лишь два человека, не желающих работать в городах с высокими заработками: “Народ не нравится. Люди, движение. Здесь (в Казани. – *Авт.*) давно уже. Друзья, все здесь. <...> Все трутся, гонятся куда-то там. Люди такие вредные. Здесь спокойно. А у них, если что-то спросишь, они бегут быстрее. Как будто ты что-то хочешь отобрать. Убегают. Москва есть Москва” (№ 3, муж., 41 г., РТ).

Экономическим капиталом кыргызов, как выявило наше исследование, является и их бизнес. Те, кто не имеет российского гражданства, открыли свое дело на родине благодаря заработанным в России деньгам. Об этом поведали владельцы торговых точек на ошском рынке “Кара-Суу”. Некоторые граждане России организовали небольшие транснациональные торговые предприятия. Респондентка из Казани занимается продажей женской одежды на местном рынке “Тура”, а ее дочь – организацией пошива в КР и отправкой груза.

Вступление КР в ЕАЭС позволило кыргызским предпринимателям наладить экономические отношения с Россией: “Челябинск, Воронеж, Барнаул, Новосибирск. <...> У меня все оптовики – русские в основном. <...> Вышли через этикетку” (№ 19, жен., 50 л., КР). Такой бизнес может основываться на доверии:

“Сперва они (российские предприниматели. – *Авт.*) покупают товар. Посмотрим, как они работают... а потом, если мы им верим, то просто так товар отправляем. А они нам деньги высылают” (№ 19, жен., 50 л., КР). По данным за 2018 г. трансферы из России составили: в Кыргызстан – 2235 млн долл., в Таджикистан – 2628 млн, в Узбекистан – 3689 млн долл. При этом количество мигрантов из Кыргызстана, поставленных на учет в РФ, почти в три раза меньше, чем из Таджикистана, и в пять раз – чем из Узбекистана[14]. Новые экономические, социальные, профессиональные статусы кыргызов способствовали повышению их материальной обеспеченности.

Культурный капитал

Культурный капитал – это кыргызские кулинарные традиции и русский язык. Женщина, работавшая на рынке Оренбурга, рассказала об опыте продажи кыргызских блюд: “Я смотрю – там еды мало, именно национальных блюд нет. И я потихонечку начала готовить блюда. <...> Все меня знают, уже заказывают” (№ 26, жен., 55 л., КР). Хотя традиционная кухня достигла высокой степени капитализации у среднеазиатских мигрантов, но более активно в качестве ресурса ими используется русский язык. Особенно это свойственно кыргызам: респонденты, отвечавшие на вопросы на кыргызском языке, смогли найти работу лишь посудомойщика и грузчика из-за того, что “с языком проблема” (№ 13, муж., 30 л., КР). Оба вернулись на родину. Свободно владеющие русским языком нередко рассказывали о том, как это помогало им при поиске работы (особенно квалифицированной) или во время нее. Одна информантка сообщила, что начинала работать уборщицей в магазине известной международной косметической компании, а через два месяца получила должность бригадира. Карьеру она сделала благодаря хорошему школьному образованию на русском языке, а о своей предшественнице отозвалась так: “...узбечка по-русски не знает. Сами администраторы попросили, чтобы поменяли” (№ 14, жен., 52 г., КР).

Ликвидность и конвертация (по П. Бурдье) русского языка в добавленную стоимость труда среди кыргызов стали возможны благодаря языковой политике КР, выражающейся в т.ч. в отсутствии ограничений на использование русского языка в медиа, бизнесе, рекламе (*Kosmarskaya* 2015: 218). В республике сохраняется высокий статус русского языка: с 2000 г. он стал официальным и воспринимается “как второй государственный язык. <...> не знать, живя в городе, столице, как-то позорно считается” (№ 4, жен., 33 г., РТ). Выезжающие на заработки в Россию кыргызы

> ...свободно им владеют, все документы у нас на двух языках. Им проще легализовываться, меньше головоломок, в отличие от азербайджанских, таджикских, узбекских. Все документы в переводе не нуждаются. Каждый перевод 1200 стоит через нотариуса. Это все деньги, это все время опять же. И с киргизами проще работать – они свободно владеют русским, знают. И на более такие должности устраиваются. <...> И с какой-то базой знаний приезжают, а не то что наобум приехал, ни бе ни ме ни кукареку, ни даже элементарно в маршрутке прочитать на русском, куда что едет (№ 7, муж., 42 г., РТ).

Владение русским языком в КР – это показатель социального успеха (*Orusbaev et al.* 2008: 137). Во время экспедиции зафиксирован достаточно высокий уровень владения русским языком и его использования жителями республики. На нем представлена вся визуальная информация в обследованных городах (таблички с названиями улиц и магазинов, реклама, объявления). Мы не заметили грамматических ошибок в написаниях и не испытывали языковых сложностей при обслуживании в магазинах, отелях, банках. За исключением двух информантов из Ошской области, интервью с которыми проводилось с помощью переводчика, все респонденты свободно или с небольшими затруднениями изъяснялись на русском

языке. Информанты, родившиеся в советское время, с пиететом вспоминали школьных преподавателей русского языка. Жители Оша сожалеют, что такие учителя уехали из региона и в школах наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров. Русский язык имеет большое значение как необходимый большинству кыргызских мигрантов ресурс (в отличие от религиозного капитала). Среди информантов не оказалось людей, которым ислам принес бы какие-то материальные, статусные или иные дивиденды. Возможно, это связано с замеченной бóльшей светскостью кыргызов (в сравнении с узбеками и таджиками, о чем свидетельствуют наши предыдущие исследования).

Социальный капитал

Социальный капитал у кыргызов – это семья как воплощение инкорпорированной формы капитала, позволяющей нарастить его другие типы. В каждом интервью подчеркивалось: “У нас обычно через знакомых, через родственников едешь. В основном цепочка. Некоторые первопроходцы сами едут, а потом уже подтягивают всех остальных” (№ 28, муж., 52 г., КР); “...там (в России. – *Авт.*) все вместе, самостоятельно никто не поедет” (№ 13, муж., 30 л., КР). Выезжают супружескими парами, в компании с родственниками. Причиной выбора российского города становится наличие в нем членов семьи: “Рассматривал вообще Российскую Федерацию, любое место. Потом остановился в Татарстане, потому что у меня здесь бажаи (свояки. – *Авт.*), теща давно, уже лет 15. И тещины братья тоже здесь давно граждане” (№ 7, муж., 42 г., РТ).

Все информанты рассказывали о помощи, которую они оказывают своим: «Родственники звонят, говорят: “Хочу работать в Москве, поищи”. Я говорю: “Хорошо”. <...> Я поговорил с начальником. Так и устраивали. Только дворниками и уборщиками ...почти 50 уборщиц, всех родственников (устроил. – *Авт.*). И дворниками 40-45, половина родственники, половина знакомые» (№ 9, муж., 36 л., КР). У кыргызов-предпринимателей зачастую также работают родственники: “...в Люблино, в Москве. Шью и им отправляю. <...> Сестренка в Питере работает. Товар отправляет” (№ 19, жен., 50 л., КР). Почти всегда рассказывалось о совместном проживании кыргызских семей в России: “Мы шестеро двухкомнатную снимали. Все мои родственники, братья, сестра” (№ 4, жен., 30 л., КР). Семейный характер миграции кыргызов объясняется несколькими причинами: стремлением сохранить семью (“Каждый свою семью сохранить хотят” [№ 5, жен., 55 л., РТ]); необходимостью моральной поддержки (“Если бы с семьей туда поехал, то может быть более-менее. А если один человек там работает, то тяжело” [№ 17, муж., 50 л., КР]); следованием традициям (“...это обычай. У нас свадьба, надо туда-сюда ездить с родственниками. Близкие отношения. Все вместе” [№ 7, муж., 30 л., КР]).

Среди респондентов оказались и те, кто мигрировал с помощью разных людей неродственного круга: посредников (“Сестра и муж – они вдвоем ездили по приглашению фирмы” [№ 2, муж., 60 л., КР]), друзей (“Подружка с мужем сюда [в Казань. – *Авт.*] приехали... Потом на мою ситуацию посмотрев, позвали меня” [№ 5, жен., 55 л., РТ]), коллег (“...один парень есть и девушка – они тоже там [в фирме в Бишкеке. – *Авт.*] работали. Они туда, я в Фейсбуке смотрел, уехали [в Москву. – *Авт.*]. ...я им как-то пишу... предлагают в Москву поехать” [№ 23, муж., 35 л., КР]) или односельчан (“Друг из нашего села приехал туда, начал работать и своих тянет односельчан туда. С села, наверное, сейчас человек 20 в их парке работают” [№ 25, муж., 50 л., КР]). Тем не менее респондентов, стремящихся устроить к себе соотечественников, оказалось немного. Лишь один информант сообщил, что отдает предпочтение кыргызам при подборе сотрудников. У предпринимателей, работающих на рынке в Казани, как удалось заметить, трудятся местные женщины – русские, татарки, чувашки.

Семейный капитал кыргызов приносит и отрицательные эффекты. Из-за выезда родителей теряется связь с детьми (*Бредникова, Сабирова* 2015): “Сестра мужа присматривала сначала (за детьми, пока родители трудились в России. – *Авт.*)” (№ 8, жен., 42 г., КР). Происходит феминизация миграции[15], которая, по нашим наблюдениям, сильнее всего проявляется в кыргызской среде. Женщины-кыргызки, “в отличие от узбеков, таджиков... более свободные” (эксперт № 2, РТ). Они мобильны и, как правило, первыми выезжают в Россию, оставляя мужей и детей. Традиционализм кыргызов в семейной сфере позволяет им получить экономический эффект от миграции за счет включения в нее супругов, ближайших родственников, но одновременно трансформируется институт семьи, что приносит социальные потери.

Человеческий капитал

Знания, умения и навыки – значимый ресурс для части кыргызских мигрантов.

Кейс “медицинский техник”. Респондент – гражданин КР, окончил техникум в Ташкенте. В 2014 г. он уехал на Чукотку по приглашению главного врача больницы, которому рекомендовал информанта его друг. Он “там хирургом работал. Мы здесь работали в нашей районной больнице”. После трудоустройства (“на 3 года договор заключал”) респондент ремонтировал медицинское оборудование.

> ...где были наши филиалы небольшие, ФАПы. Везде был и все что мог – все делал, наладил. <...> Стоматологическую установку не смогли собрать. <...> Главврач меня спрашивает: “Умеешь? Там стоматология?” ...я его за 40 минут собрал... Кран течет – кран сделал, свет не работает – свет сделал. <...> Вплоть до того, что там полгода свет отключился, никто не знает как. Пошел, автоматы вскрыл, нашел, все сделал, сдал. ...зарплата 50 тысяч, а сверху еще. За 40 минут делал все – 40 тысяч тебе премия.

Благодаря умениям он получил работу на севере, где “нет мигрантов, как в других городах. Там только специалисты. По приглашению, по вызову” (№ 18, муж., 50 л., КР).

Кейс “врач”. Информант – гражданин КР, окончил медицинский институт в Бишкеке, поступил в ординатуру в Москве. У него “диплом всероссийский, московский. Когда я начал учиться (кыргызстанский. – *Авт.*) диплом подтвердил. Квалификация российская”. Официально работает в Москве: по выходным в частных клиниках, “остальные дни рабочие – районная больница, травматолог”. В Оше строит дом и спортивный комплекс, чтобы сдавать его в аренду. Через два года, накопив опыт и получив высшую категорию врача, планирует вернуться в КР.

> Здесь на хлеб можно заработать. Маленькая зарплата если, то люди отблагодарят нормально <...> Здесь, например, зарплата 4–8 тысяч... но отблагодарят люди сверху 20-ю тысячами. У меня там (в Москве. – *Авт.*) однокурсник работает, оперирует, опыт. Позову сюда. Покажет всем 2-3 операции. <...> Детские операции здесь же не делают вообще (№ 7, муж., 30 л., КР).

Подобные сюжеты о том, как приобретенный в КР человеческий капитал используется мигрантами в России и как он наращивается, приходилось слышать часто. Он конвертируется не только в экономический, но и в социальный капитал. Упомянутый врач за пять лет проживания в Москве “где-то 17 человек устроил медиков. <...> В частные клиники устраиваю, на кухню. Еще знакомый из большой строительной фирмы есть. У него медики нужны обязательно. ...в самом центре Москвы на работу устроиться очень трудно. А вот за чертой города, там можно спокойно” (№ 7, муж., 30 л., КР).

Стимулы и ограничители дальнейшей капитализации

Главным стимулом является ориентация подавляющей части информантов на получение гражданства РФ. В России у представителей старшего возраста “дети работают. ... у них там уже 3 ребенка родилось” (№ 14, жен., 52 г., КР). Кто-то предпринимает попытки оформить гражданство РФ и, несмотря на отказ, настроен решительно: “...пока еще там работаем, будем подавать. ...здесь (в КР. – *Авт.*) все равно нет работы. Приедем в год на один месяц – живем мы или не живем, но все равно там (в России. – *Авт.*) будем” (№ 15, жен., 27 л., КР). Описанная высокая ориентация кыргызов на семью во время миграции и наличие у некоторых ее членов российского гражданства увеличивают шансы реализации таких намерений.

Приобретаемый в России капитал будет приводить к его дальнейшему приращению в Кыргызстане. Многие информанты сообщали о материальных преобразованиях в их жизни (“Две машины купили, сейчас братьев поженить хотим” [№ 20, жен., 20 л., КР]; “...я заработал на машину, на Жигули, семерка” [№ 23, муж., 35л., КР]), делились планами покупки домов, земли, строительства или ремонта квартир в КР на деньги, заработанные в России. Процессу дальнейшего приращения капитала способствует зафиксированная в ходе исследования тесная связь кыргызов с родиной. Женщина, рассказывая о своем сыне, живущем с семьей в Москве и имеющем собственную квартиру, сообщила:

> Он – патриот. Тем более он младший сын... А у нас закон: младший сын должен держать. Они уже шесть лет. И он каждый день пишет: “Мам, потерпите, 5-6 лет – и я приеду. Потом я вам помогу”. ...и сноха хочет вернуться, чтобы дети тоже здесь учились, именно в Кыргызстане. <...> Это все его хозяйство. <...> Сейчас то, что мы сделали, он будет сам дальше развивать (№ 26, жен., 55 л., КР).

Планирует вернуться и женщина, имеющая российское гражданство, бизнес и квартиру в Казани: “Я туда хочу, потому что дети, Родина. Че в старости я здесь нашла? Там интересы другие, по-другому живут и другие обстоятельства” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Оформлять кыргызстанское гражданство она не хочет, т.к. недвижимое имущество в КР “кроме земельного участка можно оформить на себя, на российский паспорт” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Она же рассказала о том, что своих дочерей “замуж отдала туда (в КР. – *Авт.*), своим. Потому что я люблю свою нацию и другую нацию я ни считаю, чтобы в семье. Интернационализм надо, но в моей семье, чтобы комфортно было, равенство” (№ 5, жен., 55 л., РТ). Ориентация на моноэтничные браки подпитывает интерес кыргызских мигрантов к поиску брачных партнеров среди соотечественников.

Кыргызские традиции тормозят капитализацию ресурсов у мигрантов («Здесь не хочу находиться, потому что если что-то сделаешь, все люди начнут осуждать: “Нельзя это! Ты же женщина!” ...а там [в России. – *Авт.*] всем все равно. Здесь местные начинают говорить: “Твой отец был таким-то...”. Не хочу это слышать» [№ 1, жен., 23 г., КР]), ограничивают наращивание экономического капитала. Информанты подчеркивали, что из-за “ритуальной экономики” (по М. Ривз) (свадебные и юбилейные торжества, на которых брачующихся и юбиляров принято одаривать дорогими подарками) заработанные деньги тратятся нерационально: “Я машину купил какую хотел (в России. – *Авт.*). Здесь, например, на машину не накопишь. Зарплату получил и тут же: у кого-то свадьба, у кого-то родственник” (№ 18, муж., 50 л., КР); “Там (в КР. – *Авт.*) можно жить, работать можно, но там расход больше. Там у нас свадьбы. Родственников полно, той, той, той, той (свадьбы. – *Авт.*). Каждый день той. Поэтому там деньги собирать, копить не сможешь. Здесь (в России. – *Авт.*) заработать можно и копить можно” (№ 9, муж., 38 л., РТ).

Несколько информантов не хотят связывать судьбу с Кыргызстаном:

> ...желания нет уже. <...> Там меня держат только родители. <...> Если они согласятся переехать в Казань и жить со мной – я буду только “за” <...> Потому что будущего своего в Киргизии я не вижу <...> Я в Киргизии мог работать 18 часов и зарабатывать в месяц 40 тысяч. А здесь, работая 9 часов, я могу в день тысяч 20 заработать (№ 8, муж., 27 л., РТ).

Такие информанты долго живут в России и, несмотря на эмоциональную связь с родиной, адаптировались к местным условиям («Я с детьми разговариваю, говорю: “Где хотите жить?” Старший говорит: “Я в Казани остаюсь”. Они здесь родились, у их даже основной язык уже русский. Я им на киргизском говорю, они думают, потом говорят: “Че ты сказала, мама? Я тебя не поняла”» [№ 4, жен., 33 г., РТ]), построили “новую жизнь” (“Я там замуж вышла. У меня дети там родились” [№ 20, жен., 20 л., КР]) и привыкли жить по российским стандартам (“Думали, что здесь будет лучше [в КР. –*Авт.*], потому что дети уже свой язык забыли уже, и будем здесь работать. Поработали и говорят, что зарплаты мало. После российских зарплат, естественно... в прошлом году уехали” [№ 18, муж., 50 л., КР]). Хотя из ответов респондентов ясно, что привязанность к родным местам сохраняется: “У меня друзья, у них гражданство российское. <...> Они в отпуск приезжают и обратно уезжают. Половину отпуска куда-то за границу, половину отпуска здесь” (№ 18, муж., 50 л., КР); “...детей отправляем на каникулы” (№ 4, жен., 33 г., РТ).

Информанты отметили в целом доброжелательное отношение россиян к кыргызским мигрантам: “Мне нравится Москва, русские тоже хорошие люди. Хочу работать там” (№ 10, жен., 40 л., КР); “Все хорошо там, работу найти легко... русским спасибо, они не смеются над нами” (№ 10, жен., 40 л., КР). Хотя некоторые подчеркнули, что “в Москве смотрят: уж, если приезжий, издеваются” (№ 6, муж., 50 л., РТ). Многие планируют работать в России (“...если зарплата хорошая там [в РФ. – *Авт.*] будет, то конечно поеду. С удовольствием поеду” [№ 23, муж., 35 л., КР]), очень благодарны принимающей их стране (“Никто сейчас в Кыргызстане не говорит о Российской Федерации, что плохой Россия... Работа хорошая, зарплата хорошая, там неплохо жить... Если бы Россия так много для нас не делала, то Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан намного ниже были бы” [№ 12, муж., 45 л., КР]) и испытывают к ней уважение (“Россия сколько раз помогает с Киргизией, сейчас так уважают. Российский паспорт у любого, все уважают” [№ 6, муж., 50 л., РТ]).

* * *

Исследование позволяет сделать заключение о наличии у кыргызских мигрантов в России различных капиталов. На рубеже 1990–2000-х годов началось формирование политико-правового капитала кыргызов, работавших в России. Предоставленные им облегченные условия оформления российского гражданства и вступление КР в ЕАЭС способствовали заметному росту среди них граждан РФ и увеличению числа тех, кто приезжает в Россию на заработки. Снижение расходов и облегчение процедур по легализации пребывания в Российской Федерации, освобождение от оформления патента на трудовую деятельность, отсутствие квот и требований об обязательной сдаче экзамена на знание русского языка, истории и основ законодательства России и об оформлении медицинской справки – все это стимулирует миграцию кыргызов в российские регионы. Вкупе с предоставляемым РФ доступом кыргызским мигрантам к социальному пакету, с признанием дипломов КР об образовании и профессиональной квалификации это расширяет возможности приезжающих при поиске работы. В результате происходит перерастание политико-правового капитала в экономический: в России кыргызы занимают более высокие

социально-профессиональные позиции и претендуют на более высокую оплату труда в сравнении с другими среднеазиатскими мигрантами.

В течение постсоветской миграции у кыргызов происходило наращивание политико-правового и экономического капиталов, чему, наряду с объективными обстоятельствами, способствовал и социальный капитал, инкорпорированный в семейные отношения. Практически все участники исследования сообщали о миграции вместе с семьей или о помощи со стороны ее членов, они часто говорили о совместной работе, проживании, ведении бизнеса. Такую ситуацию мы практически не фиксировали в предыдущих исследованиях среди других среднеазиатских мигрантов. Высокая ориентация на традиционные семейные ценности одновременно с относительно высоким социальным статусом кыргызской женщины, участвующей наравне (или даже более активно) в миграции и в бизнесе, позволяет приезжим из КР экономически более эффективно достигать цели своего перемещения в Россию, в т.ч. за счет подключения родственников, имеющих российское гражданство.

Отметим роль культурного и человеческого капиталов. Русский язык в среде кыргызов имеет стоимостное измерение: благодаря достаточно высокому уровню владения им они получают хорошие шансы при трудоустройстве и легче адаптируются в России. А имеющиеся в их распоряжении знания, навыки и умения на фоне облегченного порядка оформления пребывания и работы в стране только увеличивают эти шансы. Культурный и человеческий капиталы обладают свойствами ликвидности (имеют стоимостное измерение) и конвертации (способность перерастать в экономический капитал).

Накопление всех типов капитала у кыргызов, произошедшее в постсоветское время, объясняет концентрацию мигрантов из КР в отдельных регионах России. Позитивный потенциал традиционных установок, проявляющийся в высокой ориентации на использование семейных связей, относительное равноправие мужчин и женщин, высокая светскость, хорошее знание русского языка, отсутствие установки на работу в моноэтничном трудовом коллективе, а также особые политико-правовые возможности – все это простимулировало формирование экономически выгодных центров притяжения данной этнической группы. Не исключаем и наследие советской экономики: промышленные производства в СССР, привязанные к экономическим направлениям развития среднеазиатских советских республик, а также административное регулирование миграции в РСФСР уже тогда создавали основу для сосредоточения выходцев из Средней Азии на отдельных территориях страны.

Далеко не все участники исследования приобрели капитал. Среди них оказались и те, кто не смог использовать потенциальные или имеющиеся ресурсы и приехал домой ни с чем, а также те, кто не планирует выезжать на заработки, считая это нецелесообразным. Используемые и наращиваемые капиталы иногда приносят отрицательные последствия. Но в целом среди кыргызов произошла эффективная капитализация постсоветской миграции. Это подтвердило гипотезу второго уровня. В исследовании получены некоторые данные о капитале других этнических групп среднеазиатских мигрантов. Но в силу их нерепрезентативности пока не представляется возможным подтвердить/опровергнуть гипотезу первого уровня. Для этого требуется отдельное компаративистское исследование.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке Государственной программы Республики Татарстан (“Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы”, мероприятие “Организация комплексного исследования этнических диаспор и сообществ мигрантов Республики Татарстан по определению общего уровня их адаптации и интеграции, выявлению потенциальных и реальных конфликтогенных

и дестабилизирующих факторов в жизнедеятельности”; регистрационный номер 18.0047) и гранта Академии Финляндии (Suomen Akatemia) по проекту “Трудовые мигранты из Центральной Азии и Евразийский экономический союз: строим общий дом?” (№ 310853).

Примечания

[1] В 2016 г. в Россию из Кыргызстана прибыло 28 202 человека, в 2017 г. – 41 165 (Стат. бюллетень 2017, 2018).

[2] По оценкам экспертов число кыргызов, приезжающих на работу в РФ, после вступления КР в ЕАЭС увеличилось в два раза (Деловая электронная газета “Бизнес Online”. 16.05.2019. https://www.business-gazeta.ru/news/424507).

[3] Республика Татарстан. Статистический ежегодник 2011. Татарстанстат, Казань, 2012. С. 71–73; Республика Татарстан. Статистический сборник 2016. Казань, 2017. С. 38–40.

[4] Опрос, проведенный Национальным институтом стратегических исследований Кыргызстана в 2013 г., показал, что 97,2% мигрантов КР являются кыргызами (*Thieme S.* Living in Transition: How Kyrgyz Women Juggle Their Different Roles in a Multi-local Setting. https://www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Thieme_2008_GTD~12-3-03.pdf).

[5] Данные предоставлены отделом внешней миграции Государственной службы миграции при Правительстве КР во время экспедиции авторов. Приводится статистика на август 2018 г.

[6] *Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М.: Центр стратегических разработок. С. 11. https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665 (дата обращения: 02.11.2019).

[7] Этнографическое обозрение. 2012. № 4. Специальная тема номера: Этнография миграций (отв. ред. – *С.Н. Абашин*); 2017, № 3. Специальная тема номера: Возвращение мигрантов домой: перспективы антропологического изучения (отв. ред. – *С.Н. Абашин);* см. также: *Ривз* 2009.

[8] По данным на 2013 г. 52,6% населения КР заявили, что владеют русским языком (Русские в Киргизии – как там живеться нашим? // MigrantwebRU. 10.09.2014. http://migrantweb.ru/m/articles/view/Русские-в-Киргизии-как-там-живеться-нашим). В государствах Средней Азии ситуация значительно хуже (...о русском языке в Киргизии // Демоскоп Weekly. 09.01.2012. http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0493/gazeta016.php).

[9] *Кухтенкова Е.* На русском языке получают образование 90% студентов из Киргизии // Российская газета. 10.05.2018. https://rg.ru/2018/05/10/na-russkom-iazyke-poluchaiut-obrazovanie-90-procentov-studentov-kirgizii.html

[10] Двойное гражданство: На перепутье... // Радио Азаттык (Кыргызская служба РСЕ/РС). 14.08.2013. https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_double_citizenship/25074862.html

[11] Аналитический доклад. Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. М., 2018. С. 62–64. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Pages/Новые страницы/Доклад КР 14.05.2018.pdf

[12] *Насритдинов Э., Кожоева Т.* Влияние вступления Кыргызстана в Евразийский экономический союз на жизнь кыргызских мигрантов в России. С. 31–46. https://www.academia.edu/32631919/Влияние_вступления_Кыргызстана_в_Евразийский_экономический_союз_на_жизнь_кыргызских_мигрантов_в_России.pdf (дата обращения: 26.07.2019).

[13] *Подольская Д.* Мигрантам с иным гражданством могут разрешить покупать недвижимость в КР // ИА “24.kg”. 16.11.2018. https://24.kg/obschestvo/101428_migrantam_sinyim_grajdanstvom_mogut_razreshit_pokupat_nedvijimost_vkr

[14] Подсчитано по данным Центрального банка РФ (Личные переводы в страны СНГ. http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#a_71415) и по данным МВД РФ (Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь–декабрь 2018 г. с распределением по странам и регионам. https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053).

[15] В “Ашан” как на экскурсию. Как живут мигранты в Москве // STAN RADAR. 28.01.2014. https://stanradar.com/news/full/7415-v-ashan-kak-na-ekskursiju-kak-zhivut-migranty-v-moskve.html

Источники и материалы

Стат. бюллетень 2017 – Численность и миграция – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году // Статистический бюллетень. М., 2017. https://gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm

Стат. бюллетень 2018 – Численность и миграция – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году // Статистический бюллетень. М., 2018. https://gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm

Nasritdinov 2016a – *Nasritdinov E.* Migration in Kyrgyzstan – Pros and Cons // Academia.edu. 06.03.2016. https://www.academia.edu/4371887/Migration_in_Kyrgyzstan_-_Pros_and_Cons

Научная литература

Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.

Безбородова Т.М. Экономическая составляющая международной трудовой миграции // Сибирский торгово-экономический журнал. 2012. № 16. С. 12–16.

Бредникова О., Сабирова Г. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127–152. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf

Варнавский П.К. (отв. ред.) Из Азии в Сибирь, или в поисках “Нового света” (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013.

Варнавский П.К. Экономические практики мигрантов из Центральной Азии: свободная торговля или этнический бизнес (на примере Краснокаменска) // Мигранты и принимающее сообщество в Байкальской Азии / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 87–88.

Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Вглядываясь в “этническое” сообщество: отличия характеристик интеграции в “земляческо-родственные” и “национальные” круги (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3 (109). Ч. 1. С. 24–37. https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1-24-37

Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.

Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Оморова Н.И. Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.

Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 159–179.

Кочкин Е.В., Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Этнический рынок сферы услуг Москвы на примере киргизских коммерческих организаций // Маркетинг услуг. 2014. № 4. С. 284–296. https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/uwu1i51wqd/direct/160879476

Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии РАН, 2005.

Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Миграционная подвижность населения // Население Кыргызстана в начале XXI века / Под ред. М.Б. Денисенко. Бишкек: ЮНФПА, 2011. С. 214–246.

Мухаметшина Н.С. Формирование рынка миграционных посреднических услуг (на примере Самарской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 163–166.

Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 1975.

Пешкова В.М. Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 186–202.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 4, сентябрь. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20

Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-66/4105-po-tu-storonu-jekonomicheskogo.html

Рочева А.Л. “Понаехали тут” в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 367–380.

Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: ИЭА РАН, 2016.
Atamanov A., Van den Berg M. International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-Offs // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. No 2. P. 119–136. https://doi.org/10.1080/02634937.2012.671992
Bourdieu P. The Forms of Capital // *Richardson J.* Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. 1986. Westport, CT: Greenwood: 241–258. URL: http://www. socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2016/10/18/rbasicsbourdieu1986-theformsofcapital.pdf
Fryer P., Nasritdinov E., Satybaldieva E. Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic // Central Asian Affairs. 2014. Vol. 1. № 2. P. 171–198.
Kashnitsky D., Demintseva E. "Kyrgyz Clinics" in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // Medical Anthropology. 2018. Vol. 37. № 5. P. 401–411. https://doi.org/10.1080/01459740.2017.1417280
Kosmarskaya N. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects // Russian Journal of Communication. 2015. Vol. 7. № 2. P. 217–222. https://doi.org/10.1080/19409419.2015.1044872
Nasritdinov E. "Only by Learning How to Live Together Differently Can We Live Together at All": Readability and Legibility of Central Asian Migrants' Presence in Urban Russia // Central Asian Survey. 2016b. Vol. 35. № 2. P. 257–275.
Orusbaev A., Mustajoki A., Protassova E. Multilingualism, Russian Language and Education in Kyrgyzstan // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008. Vol. 11. № 3–4. P. 476–500. https://doi.org/10.1080/13670050802148806
Reeves M. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy and the Feel of Law in Migrant Moscow // Social Analysis. 2015. Vol. 59. № 4. P. 119–136.
Sagynbekova L. International Labour Migration in the Context of the Eurasian Economic Union: Issues and Challenges of Kyrgyz Migrants in Russia // University of Central Asia, Institute of Public Policy and Administration, Working Paper. 2017. No. 39. http://doi.org/10.2139/ssrn.3023259
Schmidt M., Sagynbekova L. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. № 2. P. 111–127. https://doi.org/10.1080/02634930802355030

Research Article

Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and P. Fryer. An Experience from Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital [Opyt izucheniia kyrgyzskoi migratsii v postsovetskoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 54–70. https://doi.org/10.31857/S086954150010048-2 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Gulnara Gabdrakhmanova | https://orcid.org/0000-0002-1796-5234 | medi54375@mail. ru | Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7a Baturin St., Kazan, 420111, Russia)

Elvina Sagdieva | https://orcid.org/0000-0003-4510-9467 | elvina_n@inbox.ru | Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7a Baturin St., Kazan, 420111, Russia)

Paul Fryer | https://orcid.org/0000-0002-9850-9205 | paul.fryer@uef.fi | University of Eastern Finland (P.O. Box 111, FI-80101 Joensuu, Finland)

Keywords
Russian Federation, Kyrgyz Republic, Kyrgyz, migration, capital forms, types of capital, capital conversion

Abstract
The history of migration itself plays a key role in shaping the strategies and practices of post-Soviet migrants from Central Asia, in which the Kyrgyz have managed to accumulate political, economic,

physical, human, social, and cultural capital. Its institutionalization, incorporation and materialization has led to high quality migration: there is a simplified procedure for staying in the country for the Kyrgyz coming to Russia, who have access to higher status work, have higher earnings in economically prosperous regions, are able to convert knowledge and skills into economic and social capital, and have stable networked social connections. Currently, there is a further capitalization of the resources available to Kyrgyz migrants, although there are many factors that stimulate and limit this process, including the entry of the Kyrgyz Republic into the Eurasian Economic Union.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Federal Support Program of the Republic of Tatarstan [18.0047]
Suomen Akatemia [grant number 310853]

References

Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.

Atamanov, A., and M. Van den Berg. 2012. International Labour Migration and Local Rural Activities in the Kyrgyz Republic: Determinants and Trade-Offs. *Central Asian Survey* 31 (2): 119–136. https://doi.org/10.1080/02634937.2012.671992

Bezborodova, T.M. 2012. Ekonomicheskaia sostavliaiushchaia mezhdunarodnoi trudovoi migratsii [The Economic Component of International Labor Migration]. *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* 16: 12–16.

Bourdieu, P. 1986. *The Forms of Capital. In: Richardson, J., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport: Greenwood: 241–258. http://www.socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2016/10/18/rbasicsbourdieu1986-theformsofcapital.pdf

Brednikova, O., and G. Sabirova. 2015. Deti v migrantskikh sem'iakh: roditel'skie strategii v transnatsional'nykh kontekstakh [Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts]. *Antropologicheskii forum* 26: 127–152. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf

Fryer P., E. Nasritdinov, and E. Satybaldieva. 2014. Moving Toward the Brink? Migration in the Kyrgyz Republic. *Central Asian Affairs* 1 (2): 171–198.

Gabdrakhmanova, G.F., and E.A. Sagdieva. 2016. *Tadzhiki i uzbeki v Respublike Tatarstan: biografii diaspor i povsednevnye praktiki* [Tajiks and Uzbeks in the Republic of Tatarstan: Biographies of Diasporas and Daily Practices]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan.

Gabdrakhmanova, G.F., E.A. Sagdieva, and N.I. Omorova. 2014. *Uchebnaia migratsiia v Respublike Tatarstan: adaptatsiia i integratsiia studentov iz gosudarstv Tsentral'noi Azii* [Educational Migration in the Republic of Tatarstan: Adaptation and Integration of Students from Central Asian States]. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani ANRT.

Kashnitsky, D., and E. Demintseva. 2018. "Kyrgyz Clinics" in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology* 37 (5): 401–411. https://doi.org/10.1080/01459740.2017.1417280

Kochkin, E.V., A.L. Rocheva, and E.A. Varshaver. 2014. Etnicheskii rynok sfery uslug Moskvy na primere kirgizskikh kommercheskikh organizatsii [The Ethnic Market of the Services Sector of Moscow on the Example of Kyrgyz Commercial Organizations]. *Marketing uslug* 4: 284–296. https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/uwu1i51wqd/direct/160879476

Kosmarskaya, N. 2015. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects. *Russian Journal of Communication* 7 (2): 217–222. https://doi.org/10.1080/19409419.2015.1044872

Koulman, Dzh. 2004. Ekonomicheskaia sotsiologiia s tochki zreniia teorii ratsional'nogo vybora [Economic Sociology from the Point of View of the Theory of Rational Choice]. In *Zapadnaia ekonomicheskaia sotsiologiia: khrestomatiia sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: Reader of Modern Classics], edited by V.V. Radaev, 159–179. Moscow: ROSSPEN.

Kuznetsov, I.M., and V.I. Mukomel. 2005. *Adaptatsionnye vozmozhnosti i setevye sviazi migrantskikh etnicheskikh men'shinstv* [Adaptation Opportunities and Networking of Migrant Ethnic Minorities]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.

Mkrtchian, N., and B. Sarygulov. 2011. Migratsionnaia podvizhnost' naseleniia [Migratory Population Mobility]. In *Naselenie Kyrgyzstana v nachale XXI veka* [Population of Kyrgyzstan at the Beginning of the 21st Century], edited by M.B. Denisenko, 214–246. Bishkek: YuNFPA.

Mukhametshina, N.S. 2013. Formirovanie rynka migratsionnykh posrednicheskikh uslug (na primere Samarskoi oblasti) [Formation of the Market of Migration Intermediary Services (on the Example of the Samara Region)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 15 (5): 163–166.

Nasritdinov, E. 2016. "Only by Learning How to Live Together Differently Can We Live Together at All": Readability and Legibility of Central Asian Migrants' Presence in Urban Russia. *Central Asian Survey* 35 (2): 257–275.

Orusbaev, A., A. Mustajoki, and E. Protassova. 2008. Multilingualism, Russian Language and Education in Kyrgyzstan. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11 (3–4): 476–500. https://doi.org/10.1080/13670050802148806

Perevedentsev, V.I. 1975. *Metody izucheniia migratsii naseleniia* [Methods for Studying the Population Migration]. Moscow: Nauka.

Peshkova, V.M. 2015. Sredneaziatskie etnicheskie kafe Moskvy: migrantskaia infrastruktura v gorodskom prostranstve [Moscow's Central Asian Ethnic Cafes: Migrant Infrastructure in Urban Space]. In *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: Space of Negotiation], edited by V.I. Diatlov and K.V. Grigorichev, 186–202. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.

Radaev, V.V. 2002. Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia [The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion]. *Ekonomicheskaia sotsiologiia – elektronnyi zhurnal* 3 (4), September. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=20

Reeves, M. 2015. Living from the Nerves: Deportability, Indeterminacy and the Feel of Law in Migrant Moscow. *Social Analysis* 59 (4): 119–136.

Rivz, M. 2009. Po tu storonu ekonomicheskogo determinizma: mikrodinamika migratsii iz sel'skogo Kyrgyzstana [Beyond Economic Determinism: Microdynamics of Migration from Rural Kyrgyzstan]. *Neprikosnovennyi zapas* 4 (66). http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-66/4105-po-tu-storonu-jekonomicheskogo.html

Rocheva, A.L. 2014. "Ponaekhali tut" v roddomakh Rossii: issledovanie rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve ["I've Come Here" in Maternity Hospitals in Russia: A Study of Stratified Reproduction Regime Using the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* 12 (3): 367–380.

Sagynbekova, L. 2017. International Labour Migration in the Context of the Eurasian Economic Union: Issues and Challenges of Kyrgyz Migrants in Russia. In University of Central Asia, Institute of Public Policy and Administration, Working Paper. No. 39. http://doi.org/10.2139/ssrn.3023259

Schmidt, M., and L. Sagynbekova. 2008. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey* 27 (2): 111–127. https://doi.org/10.1080/02634930802355030

Sitnianskii, G.Yu., and V.I. Bushkov. 2016. *Migratsii naseleniia v Tsentral'noi Azii: proshloe, nastoiashchee i budushchee* [Population Migration in Central Asia: Past, Present and Future]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.

Varnavskii, B.K. 2011. Ekonomicheskie praktiki migrantov iz Tsentral'noi Azii: svobodnaia torgovlia ili etnicheskii biznes (na primere Krasnokamenska) [Economic Practices of Migrants from Central Asia: Free Trade or Ethnic Business (on the Example of Krasnokamensk)]. In *Migranty i prinimaiushchee soobshchestvo v Baikal'skoi Azii* [Migrants and the Host Community in Baikal Asia], edited by B.V. Bazarov, 87–88. Ulan-Ude: Buriatskii nauchnyi tsentr SO RAN.

Varnavskii, P.K., ed. 2013. *Iz Azii v Sibir', ili v poiskakh "Novogo sveta" (polozhenie trudovykh migrantov iz Tsentral'noi Azii v Buriatii)* [From Asia to Siberia, or in Search of "New World" (the Position of Migrant Workers from Central Asia in Buryatia)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo "Buriatskii nauchnyi tsentr" Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.

Varshaver, E.A., and A.L. Rocheva. 2015. Vgliadyvaias' v "etnicheskoe" soobshchestvo: otlichiia kharakteristik integratsii v "zemliachesko-rodstvennye" i "natsional'nye" krugi (na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve) [Peering into the "Ethnic" Community: The Differences in the Characteristics of Integration in the "Companion-Related" and "National" Circles (for Example, Migrants from Kyrgyzstan in Moscow)]. *Sotsial'naia politika i sotsiologiia* 14 (3/109/1): 24–37. https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1-24-37

© Л.В. Батиев, С.Я. Сущий

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА ДОНА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI в.: ОТ САМОУПРАВЛЯЕМОЙ КОЛОНИИ К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ МЕНЬШИНСТВУ

Ключевые слова: армяне Дона, колония, диаспора, дисперсное этническое множество, старожильческие сообщества

В статье анализируются историческая динамика и периодизация изменения статуса армянского населения Дона. В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. армянами, переселенными на Дон из Крыма, была организована колония, которая во второй половине XIX – начале XX в. трансформировалась в диаспору, а в советский период – в дисперсное этническое меньшинство. Однако сельские поселения со второй половины XIX в. и по настоящее время развиваются как старожильческие территориальные сообщества, устойчиво воспроизводящие свою этнокультурную специфику. Этнокультурный подъем конца XX в. и значительное пополнение армянского населения иммигрантами существенно усилили его национально ориентированное ядро на Дону и в настоящее время способствуют дальнейшему укреплению внутренней взаимосвязанности армян. Однако в последние 10-15 лет нарастает и процесс обрусения, отражающийся в культуре и языке.

В последние десятилетия вместе с увеличением численности и многообразия этнокультурных меньшинств в мире растет и исследовательский интерес к проблеме диаспор. При этом само понятие “диаспора” относится к наиболее дискуссионным, а существующие наборы ее признаков продолжают пополняться. Подобная множественность интерпретаций обусловлена концентрацией исследовательского внимания на различных сторонах явления. Невозможность единого определения объясняется отказом от принципа историчности при анализе этнических групп, существующих за пределами материнского этноса.

Между тем историческая изменчивость диаспоры представляется едва ли не ключевой ее особенностью. Как точно отметил С.А. Арутюнов, диаспора – это явление-процесс, непрерывно изменяющее свои базовые характеристики. «Возможно и даже неизбежно существование большого количества переходных промежуточных вариантов, “полудиаспор” с разной степенью идентификации себя со своим сообществом и сообществом страны-хозяина» (*Арутюнов* 2000: 77). Поэтому оптимальным представляется комплексное изучение таких пластичных объектов в их

Левон Владимирович Батиев | https://orcid.org/000-0002-3351-8039 | batiev@ssc-ras.ru | к. ю. н., заведующий лабораторией социологии и права | Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН) (пр. Чехова 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Сергей Яковлевич Сущий | https://orcid.org/0000-0001-5131-3988 | SS7707@mail.ru | д. филос. н., главный научный сотрудник | Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН) (пр. Чехова 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, https://doi.org/10.13039/501100002261 [проект № 18-59-05004 Арм_а]

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 71–88. https://doi.org/10.31857/S086954150010049-3
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

исторической динамике, что позволит выявить особенности эволюции этнической группы, выделить отдельные этапы ее жизни и дать им адекватное определение. В этом отношении одним из интересных объектов изучения является армянская община Нижнего Дона. За 240 лет своего пребывания в регионе она совершила ряд характерных фазовых переходов, обусловленных как внутренними факторами, так и внешними обстоятельствами, пройдя путь от самоуправляемой колонии до значимого для региона этнокультурного меньшинства. Вопросы периодизации истории армянской общины на Дону практически не рассматривались в научной литературе. Фундаментальная монография В.Б. Бархударяна (*Бархударян* 1996) построена по предметному принципу и не акцентирует внимание на этом моменте. Проблеме периодизации посвящены работы Р.Г. Тикиджьяна и В.В. Мелконяна (*Тикиджьян* 2010, 2012; *Тикиджьян, Мелконян* 2015). На наш взгляд, периодизация истории общины должна быть основана не на отдельных критериях, а на комплексе следующих показателей: способ формирования, демографическая динамика, способ воспроизводства и характер расселения, доля в общей структуре населения, форма самоорганизации, уровни идентичности (национальная, этнокультурная, региональная), внутренние связи, культурно-языковые характеристики, характер и степень интеграции в жизнь принимающего социума, сохранность внешних этнокультурных границ (уровень межнациональной брачности), уровень аккультурации, активность ассимиляционных процессов (Табл.1).

Таблица 1

Периодизация истории армянской общины Нижнего Дона

Эпоха	Этап	Период	Способы/формы внутренней взаимосвязи армянского населения
Российская империя	Колония с дарованной автономией; 1779–1860-е годы	Адаптация и укоренение; 1779–1810 гг.	Институализированные (управленческие структуры колонии) и неформальные (внутренние взаимосвязи и взаимодействие)
		Автаркия (развитая самодостаточная колония); 1820 – середина 1850-х годов	
		Трансформация: утрата моноэтничности и армянского самоуправления; вторая половина 1850-х – 1860-е годы	
	Нахичевань: старожильческая диаспора (от этнокультурной консервации к аккультурации); 1870-е – 1917 годы	Комплексное доминирование, 1870–1880 годы	Слабеющие формализованные (последние управленческие структуры, контролируемые армянами) и во все большей степени неформальные (сеть сложившихся каналов и форм внутриэтнического и “соседского” взаимодействия)
		Общее преобладание; 1890–1900 годы	
		Влиятельное меньшинство; 1910–1917 гг.	
	Армянские села Нижнего Дона: самодостаточные моноэтничные сообщества; 1870-е – 1917 годы		Разветвленная система устоявшихся соседских и внутриэтнических форм взаимодействия

Советский Союз	***Нахичевань (с конца 1920-х годов – часть Ростова-на-Дону):*** неинституционализированная городская этническая группа (от аккультурации к ассимиляции); 1920-е – конец 1980-х годов	Остаточная диаспоральность; 1920-е – начало 1930-х годов	Отсутствие институциональных форм консолидации армянского населения и постепенно деградирующая система его неформальных внутриэтнических коммуникаций, нарастающая социоэтнокультурная “атомизация”
		Дисперсное городское меньшинство; середина 1930-х – середина 1980-х годов	
		Этнокультурное “пробуждение”; конец 1980-х годов	
	Села Мясниковского р-на: административно-территориальное образование этнического типа	Армянский национальный район; 1926 – первая половина 1930-х годов	Плотная сеть старожильческо-этнических форм и каналов взаимодействия сельских армян, позволяющая количественно доминировать в органах местной власти и в целом определять социально-экономическое и социокультурное развитие своих поселений
		Сельский район со старожильческим армянским населением; середина 1930-х – 1991 годы	
Российская Федерация	***Ростов и другие центры Ростовской обл.:*** культурно-национальная автономия	Резкий количественный рост, расширение ареала расселения и субэтнического разнообразия; 1990-е годы	Формирование новых центров консолидации армянского населения, координация и кооперация работы национально-культурных организаций области и администрации Мясниковского р-на
		Внутренняя самоорганизация городских общин, динамическое равновесие; 2000-е годы	
		Комплексная оптимизация общины; 2010-е годы	
	Села Мясниковского р-на: административно-территориальное образование этнического типа	Сельский район с преобладанием старожильческого армянского населения; 1990–2019 гг.	

Рассмотрим подробнее содержание и специфику названных этапов и периодов.

Колония с дарованной автономией (1779–1870 гг.)

Армянская диаспора относится к числу “классических”. Однако применительно к формированию донской армянской общины можно говорить о сочетании черт “классической” и “приглашенной” диаспор. Переселение крымских армян на Дон в конце XVIII в. было организовано российскими властями, но в целом осуществлено добровольно.

В литературе обычно указывается, что из Крыма в августе–сентябре 1778 г. вышло 12,5 тыс. армян. Новейшие исследования дают другие цифры: всего в Азовскую губернию переселились 13 695 армян (из них 191 человек ранее проживал в г. Тамани, также входившей в состав Крымского ханства) (*Аваков* 2018: 170). По состоянию на 1 января 1780 г. в г. Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань) и пяти армянских селах, основанных переселенцами, на учете состояло от 12 278 до 12 565 душ (*Келле-Шагинов* 2015: 245; *Бархударян* 1996: 95).

Демографические показатели первых лет свидетельствуют о высокой проблемности и затяжном характере адаптации. Азовский губернатор В.А. Чертков 2 ноября 1780 г. докладывал генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину, что "у армян едва ли не наполовину болящих и немощных" (*Аваков* 2018: 177). До 1783 г. высокая смертность соседствовала с низкой рождаемостью. За 1779–1787 гг. общая естественная убыль составила почти 4 тыс. человек (на 1,91 тыс. родившихся за эти годы пришлось 5,85 тыс. умерших) (*Келле-Шагинов* 2015: 245). Чрезвычайно высокая смертность была обусловлена неустроенностью переселенцев и неожиданно тяжелыми природными условиями (*Богданян* 1989: 11). Коэффициент естественного прироста стал положительным только в конце 1780-х годов. Но даже в первой половине 1790-х годов уровень рождаемости в колонии составлял только 25–30‰, т.е. оставался в 1,5–2 раза ниже, чем у населения большинства регионов России этого времени (50–60‰) (*Кабузан* 1996: 56).

Свидетельством общей неукорененности переселенцев можно считать и самочинное возвращение переселенцев в Крым. По пятой ревизии в 1795 г. в Нахичевани насчитывалось 8487 душ, в армянских селах – 2020 душ (Сборник 1884: 58). При этом "в Новом Нахичеване отсутствовало более 400 семей (около 1600 человек), предположительно уехавших по торговым делам и не вернувшихся" (*Араджиони* 2008: 81). А всего, по расчетам М.А. Араджиони, за период 1779–1820 гг. в Крым с Нижнего Подонья вернулось порядка 2–2,5 тыс. человек. Таким образом, общая реэмиграция могла составлять 15–20% от всех переселенцев. Тем не менее в 1810 г. Нахичевань насчитывает уже 8,7 тыс., а в 1828 г. – 9 тыс. жителей (*Бархударян* 1996: 95), превосходя по численности Ростов, Мариуполь, Екатеринослав, а до 1820-х годов и Таганрог.

Успешное укоренение и эффективное освоение малонаселенного Донского края, воспроизводство традиционного уклада и этнокультурной идентичности крымских армян на новой почве были обеспечены рядом факторов:

– единовременным организованным исходом больших групп крымских армян с развитой социально-профессиональной структурой;

– сложившимися за столетия прочными социокультурными институтами;

– выгодным географическим положением Нахичевани;

– государственной поддержкой при переселении и обустройстве на новом месте;

– достаточным количеством земли под хозяйственное освоение и строительство города и сел;

– самоуправлением, свободой вероисповедания, правами и привилегиями в хозяйственной сфере, дарованными Екатериной II "торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена" (ПСЗ 1. Т. 20. № 14942; Т. 21. № 15700; Т. 22. № 15908; Т. 24. № 18033, 18811).

Все это вместе взятое обеспечило определенную самодостаточность (автаркию) колонии и ее устойчивость, сохранение и воспроизводство этнокультурных и религиозных характеристик крымских армян на Нижнем Дону. Связующим и организующим началом армянской общины в условиях отсутствия государственности традиционно становилась Армянская апостольская церковь. Переселение крымских армян, взаимодействие с российскими властями, организация общинной жизни на новом месте происходили при определяющем участии духовного главы крымских армян архимандрита Петроса Маркосяна (умер в 1779 г.) и духовного предводителя российских армян архиепископа Иосифа Аргутинского.

Именно Аргутинский учредил в 1781 г. духовный суд и составил для него “Каноны”, а в 1782 г. привез из Астрахани Армянский судебник. В 1795 г. был утвержден предложенный им своего рода устав колонии (“Дашнадрутюн миабанутян”), один из пунктов которого предусматривал передачу на разрешение духовному лидеру всех спорных вопросов (*Шахазиз* 2005: 15–16). Однако стремление Аргутинского придать церковному суду функции высшего органа управления колонией, его вмешательство в общественные дела натолкнулись на сопротивление городской элиты. После смерти архиепископа в 1801 г. авторитет церковного суда упал, он “превратился в орган магистрата и городского головы” (*Патканян* 1917: 58; *Бархударян* 1996: 54).

Самоуправление колонии осуществлялось исключительно на этнической основе и охватывало как город, так и сельский округ (ПСЗ 1. Т. 21. № 15700; Т. 22. № 15908; *Бархударян* 1996: 135). Правовой основой Нахичеванской колонии стал Армянский (Астраханский) судебник (*Алексеев* 1870: 1–7). В Армянской части магистрата первоначально рассматривались все дела, но с течением времени уголовные дела стали решаться на основании общих законов империи, действующими остались одни только гражданские и торговые постановления судебника (*Шахазиз* 1903: 5). Делопроизводство осуществлялось на армянском языке. Имперским представителем в городе был стряпчий, который назначался из русских и должен был выполнять функции секретаря магистрата и одновременно контролировать деятельность этого органа и суда. Под властью секретаря, кроме служащих канцелярии, находились назначаемые из отставных военных русские “смотрители” армянских сел (ПСЗ 1. Т. 20. № 14942; *Шахазиз* 1903: 10). Но влияние стряпчего (а вместе с этим и секретаря магистрата) было совершенно подавлено, члены магистрата строго держались “правила устранять всякое влияние начальства на их дела” (Сведения 1866: 57).

Повседневная жизнь общины регламентировалась обычным правом крымских армян, систематизированным в 1817 г. Под угрозой суровых штрафов и других наказаний 39 статей этого сборника требовали “сохранить только тот образ жизни, быт, привычки, одежду, что они с собой принесли из Крыма” (*Шахазиз* 1903: 20–25, 32; *Богданян* 1989: 16). Уже в начале XIX в. мы находим сетования магистрата по поводу испорченности нравов, особенно молодежи (*Богданян*: 1989: 15–16). Но подобные ламентации носили, скорее, “ритуальный” характер. В целом нахичеванское общество сохраняло в неприкосновенности традиционный образ жизни и соответствующий менталитет. Первая девушка из Нахичевани, избравшая в начале XIX в. русский стиль одежды и поведения, настолько поразила современников, что “заслужила” место в городской топонимике и летописи (*Патканян* 1917: 61).

К концу первой четверти XIX в. колонисты из переселенческого сообщества если и не полностью, то преимущественно должны были приобрести региональную идентичность: трансформироваться из крымских в донских армян. Их коллективная память, не ограничиваясь осознанием принадлежности к армянскому народу в целом, устойчиво сохраняла предание об анийском субэтническом происхождении. На Дону к ней прибавилась ностальгия по Крыму, которая, как уже отмечалось, являлась одним из существенных факторов демографической динамики колонии. Ностальгия сохранялась на протяжении многих десятилетий. И даже сегодня память о Крыме, превратившись из “горячей” в “холодную”, остается значимым элементом коллективного сознания.

Во второй четверти XIX в. армянский анклав на Нижнем Дону вступает в новое состояние, которое может быть определено как “развитая колония”. Нахичевань-на-Дону, по оценке Таганрогского градоначальства, данной в 1850 г., является одним “из лучших городов Новороссийского края. <...> Крестьяне Нахичеванского округа отличаются трудолюбием... характеризуются не только богатством, но и своеобразным благосостоянием” (*Бархударян* 1996: 81).

Армянская колония по-прежнему представляет собой этнически гомогенное сообщество с высоким уровнем административной и правовой автономии. В колонии действует устоявшаяся с конца XVIII в. система самоуправления. Армянский суд, просуществовав нетронутым до 1825 г., теряет кассационные полномочия (*Шахазиз* 1903: 30–31). Однако Армянский судебник в ходе проверки, инициированной в 1844 г. сенатором М.Н. Жемчужниковым, получает высочайшее одобрение, и за Нахичеванью остается право решать гражданские дела на основании собственных законов и обычаев (*Шахазиз* 1903: 5; *Алексеев* 1870: 7). В 1836 г. в России был оформлен новый механизм административного контроля над армянской церковью (ПСЗ 2. Т. 11. № 8970). Духовный суд в Нахичевани был преобразован в Духовное управление, но оно, как и его предшественник, смирилось с главенством городских властей (*Бархударян* 1996: 102; *Шахазиз* 1903: 150–152). В этом же году 21 мая было решено Нахичевань с селами обложить на десять лет подушной податью. Суммы, собранные за пять лет, нахичеванцы держали в городской казне, добиваясь отмены новых правил. Сенатским указом от 14 декабря 1844 г. подушные подати были “сложены” (*Патканян* 1917: 104; Обозрение 1850: 7).

Подавляющее большинство населения колонии (85–90%) к началу этого периода родилось уже на Нижнем Дону, как и основная масса родителей младшего поколения (до 20 лет), составлявшего около половины всех армян Нахичевани. Успешно интегрировавшись в систему экономических и торговых связей (на деле являясь одним из ее активных организаторов), нахичеванское сообщество по-прежнему остается своеобразным закрытым “полисом”, благополучие которого тесно связано с дарованными правами и привилегиями. Закрытость колонии обеспечивает сохранение за каждым из ее граждан ряда преимуществ (владение землей, освобождение от налогов и воинской повинности и проч.). Поэтому нахичеванцы рьяно их отстаивают, запрещая селиться на своих землях всем приезжим, в т.ч. и армянам, прибывшим из других мест (*Бархударян* 1996: 93). В результате численность армянского населения растет медленно, особенно в сравнении с соседними городами. А демографический рост за счет собственного сельского округа в Нахичевани затруднен в силу ограниченного числа поселян. Цеховая организация, ориентированная на сохранение традиционного общества, также ограничивала проникновение иногородних ремесленников (а заодно и тормозила промышленное развитие) (Там же: 180–181). Охранительная политика Нахичевани стала одной из причин демографического и экономического ее отставания от Ростова-на-Дону.

Приток мигрантов для Нахичевани означал ускоренную трансформацию ее этнической структуры. Из города-колонии, города – этнической общины Нахичевань неизбежно превратилась бы в типичный южно-российский центр. Сценарий консервации Нахичевани как замкнутого самоуправляемого полиса, коллективно пользующегося дарованными правами, приостановил социально-экономическое развитие колонии, но в условиях функционирования внутри бурно растущего инородного социума, чей рост еще ускорился в период буржуазно-демократических реформ середины XIX в., он не гарантировал сохранения автономии. Более того, этот сценарий не остановил и рост пришлого неармянского населения. Экономические интересы оказались сильнее. Значительное количество земли (в разы больше на душу населения, чем в Центральной России), находившееся в распоряжении Нахичевани (прежде всего городской олигархии) и армянских сел, требовало рабочих рук. В хозяйствах и на хуторах, создаваемых нахичеванскими “олигархами”, трудились преимущественно пришлые работники. Уже в 1827 г. только в одном из таких хуторов находилось 305 крепостных, а в начале 1840-х годов их было уже 544 (по переписи 1811 г. в армянских селах проживало 1426 человек, а в 1835 г. – 2171) (*Бархударян* 1996: 138–150). В Ростовской области и сегодня существует хутор Халыбо-Адабашево, где жили крепостные А. Халибова – городского головы Нахичевани, многократно

избиравшегося на эту должность. Вся прислуга в городе была из пришлого населения (*Патканян* 1917: 105). Таким образом, при стагнации численности армян в Нахичевани увеличивалось число русских в городе и округе. Пришлое население не имело тех прав, которыми обладали колонисты и их потомки.

Социокультурная жизнь Нахичевани приходит в движение в начале второй четверти XIX в. Город, по свидетельству Г. Патканяна, пробуждается от духовной дремоты и закладывает основы образования: открываются учебные заведения (только у Серовбе Патканяна и его сына Габриэла обучается более 300 учеников), юноши и девушки обучаются танцам, у горожан появляется интерес к веяниям европейской моды и к путешествиям, из повседневной практики начинают вытесняться старые татарские обычаи и обряды (Там же: 85). Одновременно с этим у ряда авторитетных горожан (в их числе городские головы) формируется мнение о бесперспективности обучения армянскому языку, нежелательности армянских школ и книг, поскольку никто в регионе кроме самих нахичеванцев и жителей окрестных сел не знает армянского языка. Поэтому и детей своих они отдают на обучение в русские школы (в частности, в Таганрог). Сторонников обучения русскому языку, по оценке Р. Патканяна, было почти в десять раз больше, чем тех, кто ратовал за знание армянского языка. После избрания М. Попова на пост городского головы (1830–1832 гг.), он пытается вывести школу из-под управления городского общества и передать русским образовательным властям (Там же: 85–90). Богатые горожане отправляют детей учиться в Москву, после чего те редко возвращаются работать в Нахичевань (Там же: 97–98). Ко второй четверти XIX в. национальная самоидентификация колонистов дополняется обретающей все большую четкость региональной идентичностью. Являясь жителями Нижнего Дона в третьем, четвертом поколениях, они уже с полным основанием могли считать себя донскими старожилами, что не исключало специфики их статуса в общественном сознании остального населения региона. В этнокультурном отношении армянская колония оставалась для казачества чужеродным образованием, и поэтому оказываемое на нее ассимиляционное давление было незначительным, позволяя Нахичевани сохранять и воспроизводить свою этнокультурную специфику. Не получили широкого распространения в колонии и европейские формы жизни, заметная тяга к которым у городской элиты начала проявляться только в 50-е годы XIX в. (*Бархударян* 1996: 99, 101).

1850–1860 годы можно определить как завершающий (трансформационный) период развития донской армянской колонии, время ее позднего расцвета и кризиса. Нахичевань по-прежнему отличает сравнительно медленный рост числа жителей, связанный со слабым притоком населения и миграцией горожан в другие центры и регионы.

Колония постепенно теряла этническую однородность. Общая численность армян в Нахичеванском округе в этот период составляла 17,4 тыс. человек, из них в Нахичевани проживало 11,6 тыс. (Обозрение 1850: 20, 163). В мае 1854 г. городские власти в ответ на правительственный запрос пишут об 11,4 тыс. жителей (НАА. Д. 87. Л. 20). По подсчетам офицеров Генерального штаба, в 1853–1857 гг. население Нахичевани выросло с 13,6 тыс. до 14,5 тыс. человек. При этом 3 тыс. из них (21%) были пришлыми, из которых 2,8 тыс. составляли государственные или помещичьи крестьяне (Материалы 1862: 12, 126, 341). По архивным данным в 1855 г. в Нахичевани и ее округе проживало 1,7 тыс. человек пришлого населения. К 1861 г. оно увеличивается до 1,9 тыс. Иногородние составляли лишь 15–17% населения города и округа (*Бархударян* 1996: 94). Губернский статистический комитет в 1861 г. насчитал в Нахичевани 15,5 тыс. жителей обоего пола (Экономическое состояние 1863: 37). К 1864 г. речь идет уже о 2,5 тыс. православных в Нахичевани (26% от 12 тыс. горожан) и 1,2 тыс. – в сельском округе (Памятная книжка 1864: 189, 73).

В это же время в 1859 г. нахичеванское общество отказывается принять 200 армян и греков, живущих южнее Кубани, считая, что уплата переселенцами налогов наравне с жителями других губерний может создать опасный для армянской общины

прецедент. Годом ранее получают аналогичный отказ армяне из Армавира (*Бархударян* 1996: 93). При этом нахичеванские купцы сами активно осваивали Ставрополье, Кубань и другие регионы России (*Казаров* 2012: 115–139).

Сдерживание внешнего притока людей было нацелено на сохранение преимуществ, обеспечиваемых колонистам жалованной грамотой, но оно не распространялось на прием дешевой и бесправной рабочей силы. Вся прислуга, чернорабочие, сезонные работники, каменщики, плотники, штукатуры, некоторые ремесленники в Нахичевани до середины XIX в. были из пришлых (*Келле-Шагинов* 2015: 278). Подобная близорукая стратегия ограничивала рост армянского населения, но не могла остановить нарастающее давление русских и украинских переселенцев. С 1860-х годов с открытием в Нахичевани ряда крупных производств русские мигранты стали прибывать еще активнее, и уже в 1863 г. была построена первая православная церковь. Рост русского населения Нахичевани и его бесправное положение становились основанием для требований упразднения особого статуса города (Поселения 1861: 189–194, 198–202; Сведения 1866: 57; Материалы 1877: 202).

В середине XIX в. армянское самоуправление оказалось вовлечено в общий процесс реформ. В 1852 г. армяне в исправлении земских повинностей были подчинены действию общих узаконений (ПСЗ 2. Т. 27. № 26838). В 1854–1858 гг. нахичеванцы сумели уклониться от образования “на общих правах” городской думы (НАА. Д. 87). В 1859 г. было принято решение отделить в Нахичевани судебную власть от полицейской, поскольку их соединение представлялось уже неприемлемым (НАА. Д. 131; Сведения 1866: 56). И в 1865 г. полиция города и округа была передана из магистрата Нахичевани в ведение ростовского управления, вначале временно, а с 1868 г. – на постоянной основе (ПСЗ 2. Т. 43. № 45541). 30 апреля 1869 г. в Нахичевани была закрыта судебная часть магистрата (ПСЗ 2. Т. 41. № 43183), передача его хозяйственной части продлилась до ноября 1870 г. (НАА. Д. 139. Л. 7–44). Соответственно, перестал действовать Армянский судебник. Армянские села были подчинены волостным и уездным присутствиям, официальным языком делопроизводства стал русский.

Однако этнические границы по-прежнему оставались достаточно высокими, чтобы запустить ассимиляционный процесс. Минимальной оставалась и аккультурация коренных нахичеванцев, сохранявших крымский диалект армянского языка и все еще в ограниченной степени владевших русским. Не случайно в начале 1860-х годов российские инспекторы писали, что семейная жизнь нахичеванцев сохранила “всю обстановку и характер азиатский... Армяне говорят по-русски хуже греков. В них больше исключительности и меньше готовности слиться с русским населением; людей, стоящих выше старинных обычаев, судебника и грамоты 1779 года, у армян меньше, чем у греков”[1] (Сведения 1866: 56). В документах магистрата, написанных на русском языке, вплоть до середины XIX в. даже городской голова и председатель магистрата подписываются по-армянски. Переход на русский начинается с городского головы К. Гайрабетова (с 1860 г.) (НАА. Д. 191. Л. 21, 24, 79, 82, 108об).

Старожильческая диаспора (1870-е – 1917 годы)

Охранительный сценарий смог лишь затормозить, но не остановил трансформацию этнического состава населения Нахичевани, структур повседневности и традиционного строя жизни. Ликвидация этнического самоуправления открыла город для переселенцев. И уже к началу 1870-х годов доля армян среди горожан снизилась, по нашим оценкам, до 70–75%. Из автономного моноэтнического “полиса” Нахичевань превращалась в заштатный город с преимущественно армянским населением. А в социодемографическом и торгово-хозяйственном развитии Нахичевань к этому времени окончательно проигрывает Ростову и неотвратимо уходит в социально-экономическую тень более успешного конкурента (Табл. 2).

Тем не менее накопленный экономический потенциал, традиции городского общежития и высокая этническая консолидация определяли как главенство армянского населения в основных сферах жизнедеятельности городского социума, так и полный контроль над органами местного самоуправления (за исключением полиции). Поэтому 1870–1880-е годы "диаспорного" развития можно условно обозначить как период количественного и качественного (социально-экономический и сословный статусы) доминирования армянской общины города.

Таблица 2

Численность населения Нахичевани и Ростова, тыс. чел.

Год / Город	1793	1812	1828	1839	1862	1867	1871	1886	1897	1914
Нахичевань	7,6	8,5	9,0	11,0	15,2	16,6	16,5	17,6	29,2	49,5
Ростов	1,2 (1782 г.)	5,0	5,4	9,6	36,4	39,1	44,5	62,1	119,0	184,8

В это же время более отчетливо проявляются аккультурационные процессы: растет интерес к образованию и изучению европейских языков, меняются, приобретая европейский характер, ранее патриархальные быт, нравы и одежда нахичеванских армян. Как отмечали современники, "жизнь нахичеванских армян окончательно разбила вековое предубеждение относительно их замкнутости и невежества. Обычаи и нравы в общественной и домашней жизни почти приняли характер европейский" (Календарь 1886: 123–126).

Пребывание армян на Дону продолжалось уже столетие, и столь длительный срок еще более укрепил их региональную (донскую) идентичность. Однако для подвижек в национальной и религиозной самоидентификациях не было серьезных предпосылок не только в делах, в которых армяне по-прежнему составляли абсолютное большинство, но и в самой Нахичевани.

В бывшем нахичеванском округе растущее давление внешней среды ограничивается уплотнением поселенческой сети: к этому времени рядом с армянскими селами появилось 18 частновладельческих хуторов (Губерния 1863: 128), населенных русскими и украинцами. Армянские села превращаются в анклавы внутри новой системы расселения, но сохраняют высокий уровень этнической и культурной гомогенности. Таким образом, единое до этого развитие Нахичевани и армянских сел с последней четверти XIX в. начинает идти двумя путями, различия между которыми со временем все более возрастают.

Масштабный миграционный приток в последней трети XIX в. увеличил городское население на 70% (с 16,6 тыс. до 28,4 тыс. человек), при этом численность армян в Нахичевани несколько сократилась. Одна из причин – активный переезд в другие города Нижнего Дона, прежде всего в Ростов. По переписи 1897 г. армянское население Нахичевани составляло 8,3 тыс. человек (29% жителей). Таким образом, национальная структура города кардинально изменилась. Зато стремительно шла в рост ростовская община. В 1863 г. она насчитывала всего 112 человек (*Скальковский* 1865–1866: 41), в 1888 г. в ней было 1,7 тыс., а в 1910 г. – уже 8 тыс. человек (*Бархударян* 1996: 94; *Смирнов* 1905: 7–8).

В Ростов богатыми нахичеванцами направляются значительные инвестиции. К началу XX в. им принадлежат доходные дома, магазины, фабрики, два кинотеатра (*Малхасян* 2010: 63). Не пустив развитие внутрь своей территории, купцы и промышленники Нахичевани с выгодой для себя участвуют в развитии соседа-конкурента. Экономические интересы и предпочтения нахичеванской торгово-промышленной

элиты, таким образом, далеко не всегда совпадали со стратегией национального самосохранения, выбранной городским сообществом.

В пяти старых армянских селах и в с. Екатериновка в 1895 г. проживало 14 тыс. человек (*Литвиненко* 2009: 165). По переписи 1897 г. сельское армянское население Ростовского округа насчитывало 15,3 тыс. человек. Заметно пополнили армянскую общину беженцы из Западной Армении, спасавшиеся от геноцида. Еще до апреля 1915 г. в Нахичевани-на-Дону было зарегистрировано 1208 беженцев. В связи с тем что они совершенно не знали русского языка, их разрешили принимать исключительно в армянские селения Ростовского округа (*Мирзоян* 2015: 143). В отличие от переселенцев 1778–1779 гг. беженцы начала XX в. не представляли собой сложившийся "социальный организм", "пересаженный" на новую почву. Их разрозненная масса была включена в хорошо структурированное этнокультурное сообщество и быстро смешалась с донскими армянами. Исключение составил хутор Шаумяновский, в котором в 1926 г. проживал 651 беженец из Западной Армении.

Превращение Нахичевани в обычный заштатный город означало также упразднение нахичеванского армянского округа и включение армянских сел в Ростовский уезд Екатеринославской губернии, а с 1887 г. – в Ростовский округ Области Войска Донского. В 1875 г. завершился перевод потомков переселенцев из Крыма "в общий состав сельских обывателей". Их причислили к разряду поселян-собственников и подчинили ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Общественное управление в селениях решено было устроить на основании "Общего положения о крестьянах" от 19 февраля 1861 г., все делопроизводство вести на русском языке. Еще более чувствительным для поселян стало подчинение их единым правилам при отбывании общей воинской, равно как и воинской квартирной повинностей (ПСЗ 2. Т. 50. № 54506).

В самой Нахичевани армянская община в конце XIX – начале XX в. по-прежнему де-факто контролировала городское самоуправление, за исключением полиции (*Шахазиз* 2005: 161; *Казаров* 2012: 160–161; Управление 1897: 4–5). Целиком армянской оставались финансово-экономическая элита города и (в значительной степени) прослойка образованного населения. Этот мощный и разнообразный социальный капитал позволял общине устойчиво сохранять свои доминирующие позиции в городской жизни вплоть до 1917 г., хотя с течением времени конкуренция со стороны неармянского населения Нахичевани возрастала. И поэтому последние десятилетия царской России (1890–1917 годы) можно обозначить как период общего преобладания армянской общины в жизнедеятельности городского социума.

Потеря административного ресурса отчасти компенсировалась развитием сети общественных организаций и армянской интеллигенции. Но отход от патриархальных нравов включил механизмы аккультурации. К концу XIX в. "покрой одежды, вывезенный нахичеванцами из Крыма, в городе совсем вывелся, уступив место европейской моде"; в селах он сменяется формой одежды и обуви соседних русских крестьян. "Нахичеванский разговорный язык... в городе близок к исчезновению, так как молодое поколение уже не говорит по-армянски, а в устах старого поколения... превратился в грубый уличный жаргон... в нем многие обороты и даже целые предложения выражаются на русском языке". И даже на селе "в самобытности языка уже начала образовываться брешь" (*Шахазиз* 2005: 151, 162; *Келле-Шагинов* 2015: 271). Этнокультурные границы общины становились все более проницаемыми. Противодействие аккультурационным процессам (Календарь 1886: 126) могло лишь несколько затормозить их. Модернизация патриархальной нахичеванской армянской культуры происходила преимущественно на русской основе.

Городское дисперсное меньшинство и сельское старожильческое территориальное сообщество (1920–1980-е годы)

В советский период Нахичевань окончательно утратила статус армянского города. Уже в 1905 г. было учреждено Ростовское градоначальство, в состав которого был включен и г. Нахичевань. В первые десятилетия XX в. множество общественных организаций создавалось именно как ростово-нахичеванские. Органы советской власти, как и партийные органы, также охватывали оба города. Административное слияние Нахичевани и Ростова было официально завершено в 1928 г. превращением первого в один из районов второго.

Перепись 1926 г. зафиксировала общее число жителей Ростова и Нахичевани: оно составило 308,1 тыс. человек, из них армян – 17,6 тыс. (5,7%). В Мясниковском р-не проживало 24 159 армян. В целом этот традиционный ареал донских армян насчитывал 41,8 тыс. жителей. В первые же послереволюционные годы была, по сути, ликвидирована элитная социальная группа, высокий статус и капиталы которой обеспечивали устойчивое положение армянской общины Нахичевани. Отсутствие организационных структур, ориентированных на сохранение и воспроизводство национальных традиций, языка, исторической памяти, давление на Армянскую церковь, а с конца 1920-х годов уничтожение церквей и репрессии против священников ускорили процесс “размывания” и фрагментации армянской общины, способствовали ее нарастающей атомизации, ослаблению этнокультурных связей, обрусению и ассимиляции.

Этот процесс был приостановлен благодаря политике “коренизации” 1925–1930-х годов. На Дону активно издавались армянские газеты: в 1925–1931 гг. “Ленини джампов” (“Ленинским путем”), в 1931–1937 гг. “Мурч-Мангах” (“Серп и молот”), позднее сменивший название на “Грох” (“Штурм”), в 1937 г. “Большевик”. Кроме того, открылись техникум для подготовки учителей армянских школ Северо-Кавказского края, Армянский дом и Национальный дом культуры и искусств, объединявшие этнические общины, а также армянский клуб “Мурч-Мангах” (“Серп и Молот”); ростовское радио по субботам с 18:30 до 19:30 вещало на армянском языке, при библиотеке был создан отдел армянской литературы (*Малхасян* 2009). В 1926 г. был образован Мясниковский национальный район, административным центром которого стала Нахичевань-на-Дону (Молот 1926). После ее присоединения в 1928 г. к Ростову райцентр переместился в с. Крым, а с 12 сентября 1929 г. – в с. Чалтырь (в 1939 г. армяне составляли в нем 82% жителей – 7,64 тыс. человек). Появление своего национального района создавало условия для сохранения родного языка, национальной культуры и коллективной памяти. Еще более значимым фактором этнокультурной жизни сельских армян Дона оставался близкий к моноэтническому состав их поселений, старожильческий в своем большинстве.

О завершении процесса “коренизации” было объявлено в декабре 1933 г. на III Всероссийском совещании уполномоченных по делам нацменьшинств (*Кайкова* 2007: 17). К началу 1940 г. все общественные национальные институты оказались под негласным запретом. Мясниковский (армянский) район, утратив свой национальный статус, превратился в обычное административно-территориальное образование. Тем не менее сельская жизнь, значительно более персонализированная и социально взаимосвязанная, чем в Ростове, а также плотность и разнообразие внутренних взаимодействий придавали армянским поселениям особую социальную прочность, способствовали сохранению и воспроизводству этнокультурной специфики. Неформальная, но ощутимая поддержка оказывалась и местной властью, также в своем большинстве представленной донскими армянами.

Таким образом, армянские села на протяжении всего советского периода продолжали свое развитие в качестве внутренне взаимосвязанных этнокультурных

территориальных сообществ, фактически сохранявших элементы самоуправления. Показательно, что за полвека (1940–1980-е годы) удельный вес армян в этих поселениях практически не изменился, сохранившись на очень высоком уровне (80–86%).

Иной была динамика городских армян, в 1930-е годы это сообщество ускоренно трансформировалось в дисперсное этническое меньшинство. Сбережение этнокультурных традиций у армян Ростова сместилось в сферу их индивидуальных практик. Каждая семья или отдельный представитель этнической группы решали, в какой степени им сохранять родной язык, национальные традиции, идентичность. И уже к концу 1930-х годов русский язык становится родным для 30% городских армян Ростовской области, тогда как у сельчан этот показатель составлял 5%.

В полной мере тенденции атомизации и деэтнизации проявились уже в послевоенные десятилетия. Слабоструктурированная дисперсная этническая группа демонстрировала все более высокий уровень обрусения и ассимиляции, связанной в т.ч. с быстро растущей межнациональной брачностью. Это напрямую сказывалось на национальной идентичности городских армян, прежде всего смешанного потомства межнациональных семей, доля которого в составе армянского населения Ростова и других городов постепенно росла.

Официальные меры по сохранению языка были, скорее, символическими. В 1970 г. армянский язык в качестве родного сохраняли только 55,8% городских армян Ростовской обл. (в составе последних 4/5 составляли армяне самого Ростова). Между тем данный показатель у донских сельских армян достигал 96%, а непосредственно в Мясниковском р-не даже в самом конце советского периода родной язык сохранило 97,4% армянского населения.

В послевоенный период темпы количественного роста донских армян оставались невысокими. За 1959–1989 гг. их численность выросла в области только на 27% (с 49,3 тыс. до 62,6 тыс. человек). Практически не изменилась и система расселения, включавшая города Нижнего Дона, Мясниковский р-н и хутор Шаумяновский в Егорлыкском р-не. Миграционное пополнение происходило на протяжении всего советского времени. Однако мигранты в силу своего ограниченного количества, разрозненности и отсутствия правовых предпосылок не институционализировались в каком-либо качестве и не воспринимались самостоятельной субэтнической группой.

Положение начало меняться во второй половине 1980-х годов, когда нарастающий кризис СССР стал причиной комплекса взаимосвязанных процессов, среди которых можно назвать ренессанс этничности, обострение межнациональных отношений и быстрый рост миграционной активности, пик которой пришелся на первые годы постсоветской эпохи. “Реанимируется” этничность и у старожильческого полуассимилированного армянского населения Дона. Уже в ноябре 1988 г. в Ростове-на-Дону было зарегистрировано «“Армянское культурно-просветительское общество “Нор-Нахичеван”» (с 1997 г. – “Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община”), цели и задачи которого состояли в сохранении и развитии языка и культуры нахичеванских армян.

Национально-культурная автономия и старожильческие армянские села (1990–2010-е годы)

Масштабная волна беженцев и переселенцев из республик Закавказья и Северного Кавказа стала причиной стремительного роста армянской общины Дона в 1990-е годы. С 1989 по 2002 г. численность армян в Ростовской области по официальным данным выросла на 76% (с 62,6 тыс. до 110 тыс. человек). Основная масса мигрантов, ощутимо расширившая географию армянского присутствия в регионе, пришлась на первую половину 1990-х годов и состояла из переселенцев в основном из Нагорного Карабаха и Азербайджана, в меньшей степени – из Грузии и Армении. Но существовал приток

и с территории Северного Кавказа, из новых государств Средней Азии. В результате существенно выросла степень субэтнической разнородности донской армянской общины. И потому 1990-е годы могут быть определены как период расширения внешних границ и внутреннего разнообразия донской общины.

В 1990-е годы в центре, на востоке, юго-востоке и севере области (территории "нового" освоения) в считанные годы доля иммигрантов в несколько раз превзошла долю армян-старожилов. В пределах Нижнего Дона удельный вес мигрантов постсоветской волны был существенно ниже, составляя в Ростове-на-Дону менее трети армянского населения, в Мясниковском р-не – одну шестую местных армян[2].

И тем не менее проблема внутриэтнической коммуникации актуализировалась даже в традиционных центрах донской армянской общины, не ограничиваясь контактной связкой "старожилы – постсоветские иммигранты". Последние, в свою очередь, представляли множество субэтнических групп армянского народа, различались диалектами армянского языка, имели ощутимые культурные и социоповеденческие особенности. В самом общем виде постсоветское пополнение можно разбить на две крупные группы: переселенцы из Армении и мигранты из всех других регионов. В свою очередь, в каждой из этих групп можно выделить горожан, приехавших из крупных центров, как правило, более русифицированных и имевших более высокие социальный статус и возможности, и жителей сел и малых городов. Таким образом, проблема "внутренней притирки", формирования взаимосвязанного этнокультурного сообщества была многовекторной, предполагала налаживание множества субэтнических коммуникационных связок.

Благодаря миграционному пополнению заметно вырос уровень национальной самоидентификации армянского населения региона. Мигранты начала 1990-х годов, в своем большинстве представлявшие беженцев и вынужденных переселенцев из горячих точек, отличались актуализированной этничностью. А социально-политические реалии конца 1980-х – первой половины 1990-х годов (прежде всего война в Нагорном Карабахе) работали на актуализацию этнического начала и у старожильческого армянского населения региона. Этот общий подъем национального чувства и осознание всеми группами региональных армян своего "базового" единства позволили если не решить полностью, то заметно смягчить проблему субэтнической разнородности.

В более сложном положении оказались российская и региональная идентичности. У донских армян-старожилов с ними не было проблем уже много поколений. Но в первой половине 1990-х годов почти половину армянского населения Дона составили иммигранты, которые прибыли в регион совсем недавно и не успели адаптироваться на новом месте, тем более интегрироваться в принимающее сообщество (в т.ч. и в его армянскую часть). Комплексное укоренение "новых армян" активизируется с конца 1990-х годов после многократного сокращения миграционного притока.

Согласно данным двух последних российских переписей, число армян в регионе за 2002–2010 гг. практически не изменилось (со 110 тыс. выросло до 110,7 тыс. человек). Общий анализ миграционной активности (включая ее теневой компонент) и естественной динамики населения позволяет скорректировать эти данные, определив реальный рост армянского населения области за период между переписями: он составил 10–15 тыс. человек. Но и такая величина позволяет говорить о количественной стабилизации. Данный период был связан и с определенной оптимизацией системы расселения донских армян (перемещением части иммигрантов постсоветской волны в более комфортные для них центры и районы), поэтому его можно определить как период оптимизационной динамики.

Успешная интеграция переселенцев в основные сферы жизни регионального социума обеспечила выход на первый план их российской и региональной

самоидентификаций. Тем более что 2000-е годы были связаны с определенной деактуализацией национальной идентичности (в связи с окончанием горячей стадии Карабахского конфликта, общей стабилизацией ситуации в Армении и на Кавказе в целом, отсутствием крупных угроз для жизни и развития армянского народа).

Существенная работа по организации внутриэтнического взаимодействия в этот период была проделана армянскими национально-культурными обществами области. Формирование системы внутриэтнической коммуникации способствовало наращиванию внутреннего единства локальных групп армянского населения.

Все эти формы и направления жизнедеятельности развивались и в 2010-е годы, которые можно определить как период комплексной оптимизации областного армянского сообщества. Приток иммигрантов (преимущественно из Армении) существенно сократился, и демографическая динамика армян Дона вновь стала определяться их собственными характеристиками воспроизводства. Между тем сокращение числа женщин репродуктивного возраста привело к переходу в середине 2010-х годов от естественного прироста к убыли. И хотя масштабы последней в настоящее время невелики (2–3‰ в год), количественный рост армянского населения области практически остановился.

Продолжался процесс интеграции мигрантов конца XX – начала XXI в. в различные сферы жизни регионального общества. Во многих территориальных общинах донских армян велась (и ведется сегодня) работа по комплексной “притирке” друг к другу представителей различных субэтнических групп. Но в последние годы все отчетливей обнаруживается и возвращение некоторых трендов, характерных для советского периода, в т.ч. определенное усиление аккультурационно-ассимиляционных процессов, связанных с активизацией межнациональной брачности.

* * *

В настоящее время армяне Ростова и других городов Ростовской области представляют собой крупные этнические группы, располагающие, с одной стороны, активным, национально ориентированным ядром, а с другой – обширной периферией, включающей большое число людей со слабовыраженной национальной идентичностью и высокой степенью культурного обрусения.

Тем самым развитие данных городских групп армянского населения представляет собой сложное сочетание разнонаправленных трендов. Каждое активное ядро продолжает (как правило, успешно) работу по укреплению внутренней взаимосвязанности своей локальной общины, сохранению этничности и воспроизводству коллективной памяти. Но на периферии этнических групп активизируются ассимиляционные процессы, растет число межэтнических браков, происходит постепенное комплексное обрусение части армян. Старожильческое городское армянское население при сохранении этнического самосознания характеризуется практически полным незнанием армянского языка (в т.ч. понимания устной речи). В этом же направлении идет ассимиляция армянских иммигрантов из Грузии и Азербайджана и, в меньшей степени, из Армении.

Куда большую системную социоэтнокультурную устойчивость демонстрируют сельские армяне Мясниковского р-на (56,1% населения района), по-прежнему представляющие старожильческие территориальные этнические сообщества. Центральным условием и фактором этой системной стабильности, сохраняемой уже почти два с половиной века, для данных поселений остаются: многопоколенное совместное проживание, пространственная компактность и этническая концентрация (высокий удельный вес в своих селах). Тем не менее и в селах растет число межэтнических браков, наблюдается переход на русский язык. Незнание армянской письменности фиксируется у подавляющего большинства сельчан, как

и постепенное, но устойчивое сокращение использования армянского языка (новонахичеванского диалекта) в общении.

Сочетая отчетливую этническую (армянскую), региональную (анийско-крымско-донскую) и российскую идентичности, устойчиво сохраняя и воспроизводя свои этнокультурные особенности, данные сельские сообщества психологически не ассоциируют себя с диаспорой, предполагающей определенную вторичность, привнесенность и чужеродность по отношению к вместившему их региональному социуму. Напротив, большинство сельских донских армян (68,1%) называют своей родиной Россию (*Тер-Саркисянц* 1998: 352).

Типологически куда ближе к локальным диаспорам в настоящее время оказываются территориальные группы армян, сформированные преимущественно из мигрантов конца XX – начала XXI в. В последние 10–15 лет, укоренившись в городах и районах области, они параллельно в значительной степени внутренне консолидировались. Серьезную роль в данном интеграционном процессе играет создание национально-культурных организаций, сама география которых указывает, что они в своем большинстве инициируются мигрантами последней волны (Каменск-Шахтинский – 2009 г., Новочеркасск – 2010 г., Таганрог – 2010 г., Азов – 2011 г., Сальск, Песчанокопск – 2012 г., Константиновск – 2014 г., Белая Калитва – 2015 г.).

Таким образом, армяне Дона в настоящее время представляют собой крупное (после русских второе по величине в Ростовской области) этническое сообщество, находящееся в стадии неустойчивого равновесия. Формой его самоорганизации являются национально-культурные автономии в Ростове и других городах области. Этническую специфику сохраняет Мясниковский р-н. Спектр возможных сценариев развития армянской общины достаточно широк, но, учитывая демографический масштаб, значительный экономический, социокультурный и статусный потенциал, практически все варианты развития связаны с сохранением в долгосрочной перспективе армян в качестве одного из ведущих национальных сообществ региона.

Примечания

[1] Имеются в виду “мариупольские греки”, переселенные одновременно с армянами из Крыма.

[2] В других городах ростовской агломерации их доля была значительно выше: 85–90% в Батайске, 70–75% в Азове, более 50% в Таганроге.

Источники и материалы

Губерния 1863 – Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863.

Календарь 1886 – Донско-азовский календарь на 1887 год. Ростов-на-Дону, 1886.

Материалы 1862 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862.

Материалы 1877 – Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Т. I. СПб., 1877.

Молот 1926 – Молот (газета). 1926. 12 мая.

НАА – Национальный архив Армении. Ф. 139. Оп. 1.

Обозрение 1850 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 4: Екатеринославская губерния. СПб., 1850.

Памятная книжка 1864 – Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав, 1864.

Поселения 1861 – Городские поселения в Российской империи. Т. II. СПб., 1861.

ПСЗ 1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830.

ПСЗ 2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1830–1885.

Сборник 1884 – Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Екатеринослав, 1884.
Сведения 1866 – Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20-го ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. СПб., 1866.
Управление 1897 – Нахичеванское на-Дону городское общественное управление в 1888–1897. Нахичевань-на-Дону, 1897.
Экономическое состояние 1863 – Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Часть первая. СПб., 1863.

Научная литература

Аваков П.А. “О селениях... армянских, вышедших из Крыма, Вашей светлости донесть я должен” // Исторический архив. 2018. № 6. С. 169–181.
Алексеев К. Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. М., 1870.
Араджиони М.А. Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: Феникс, 2008. С. 79–93.
Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.
Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996.
Богданян А.М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон: краткий исторический очерк. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1989.
Кабузан В.М. Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996.
Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов н/Д.: Ковчег, 2012.
Кайкова О.К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР. Исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007.
Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь. Ростов: Старые русские, 2015.
Литвиненко В.И. Села Приазовья: историко-краеведческие материалы. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2009.
Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов н/Д.: Первая типография АРО, 2010.
Малхасян А.Г. Печатное слово донских армян // Нор-Нахичеван. 2009. № 21.
Мирзоян С.С. О деятельности общественных организаций Ростова-на-Дону и Ново-Нахичевани по оказанию помощи беженцам (1915–1916 гг.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы II Международной научной конференции / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 141–145.
Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань, 1917 (на армян. яз.).
Скальковский А.А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна. 1749–1863. Екатеринослав, 1865–1866.
Смирнов С.Д. К вопросу о населении, рождаемости и смертности г. Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 1905.
Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.
Тикиджьян Р.Г. История и культура народов Донского края и казачества. Научно-популярное и учебно-методическое издание. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2010.
Тикиджьян Р.Г. Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начале XXI вв. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. С. 284–290.
Тикиджьян Р.Г., Мелконян В.В. Этносоциальное сообщество донских армян: основные этапы становления и современное состояние // Вопросы арменоведения. 2015. № 2 (5). С. 111–121.
Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис, 1903 (на армян. яз.).
Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / Пер. с арм. Ш.М. Шагиняна. Ростов н/Д.: Книга, 2005.

Research Article

Batiev, L.V., and S.Ya. Suschiy. The Armenian Community of the Don in the Late 18th – Early 21st Centuries: From a Self-Governing Colony to a Multi-Component Ethnic and Cultural Minority [Armianskaia obshchina Dona v kontse XVIII – nachale XXI v.: ot samoupravliaemoi kolonii k etnokul'turnomu men'shinstvu]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 71–88. https://doi.org/10.31857/S086954150010049-3 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Levon Batiev | https://orcid.org/0000-0002-3351-8039 | batiev@ssc-ras.ru | Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chehova Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Sergey Suschiy| https://orcid.org/0000-0001-5131-3988 | SS7707@mail.ru | Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chehova Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Keywords

Armenians, Don, self-governing colony, diaspora, dispersed ethnic minority, long-standing territorial community

Abstract

The article examines the historical dynamics of the Armenian population of the Don region and outlines the major stages and phases of this process. During the period stretching from the last quarter of the eighteenth through the first half of the nineteenth century, the group of Armenians resettled to the Don region from Crimea formed a colony which later (in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries) transformed into a diaspora and still later, during the Soviet time, turned into a dispersed ethnic minority. However, these metamorphoses apply principally to the urban part of the population. Rural settlements, ever since the second half of the nineteenth century up to the present, continued to develop as territorial communities of old-timers steadily reproducing their ethnic and cultural specificity. The further ethnic and cultural revival observed in the late twentieth century and the significant replenishment of the community by migrants from various regions of the Caucasus considerably strengthened the nationally oriented core of the Armenian population of the Don region and continue to contribute to the reinforcement of its intergroup ties. At the same time, during the past 10–15 years, there has been observed a certain trend toward cultural and linguistic russification, especially noticeable in the urban milieu.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, https://doi.org/10.13039/501100002261 [18-59-05004 Arm a]

References

Alekseev, K. 1870. *Izlozhenie zakonopolozhenii, zakliuchaiushchikhsia v Armianskom sudebnike* [Statement of the Legal Provisions Contained in the Armenian Lawyer]. Moscow.

Aradzhioni, M.A. 2008. Formirovanie Armianskikh obshchin v Vostochnom Krymu (konets XVIII – pervaia polovina XIX vekov) [Formation of Armenian Communities in Eastern Crimea (Late 18 – First Half of 19 Centuries)]. *Issledovaniia po armenistike v Ukraine* 1, 79–93. Simferopol: Predpriiatie Feniks.

Arutiunov, S.A. 2000. Diaspora – eto protsess [Diaspora is a Process]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 74–78.

Avakov, P.A. 2018. "O seleniiakh... armianskikh, vyshedshikh iz Kryma, Vashei svetlosti donest' ya dolzhen" [On the Villages... of the Armenians Who Came Out of the Crimea, Your Lordship, I Must Inform]. *Istoricheskii arkhiv* 6: 169–181.

Barkhudarian, V.B. 1996. *Istoriia armianskoi kolonii Novaia Nakhichevan'* (1779–1917) [The History of the Armenian Colony of New Nakhichevan (1779–1917)]. Erevan: Aiastan.

Bogdanian, A.M. 1989. *Iz proshlogo. O pereselenii armian iz Kryma na Don: kratkii istoricheskii ocherk* [From Past: On the Resettlement of Armenians from the Crimea to the Don: A Brief Historical Essay]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Kabuzan, V.M. 1996. *Russkie v mire* [Russians in the World]. St. Petersburg: Blits.

Kaikova, O.K. 2007. Natsional'nye raiony i sel'sovety v RSFSR. Istoricheskii opyt Sovetskogo gosudarstva v reshenii problemy natsional'nykh men'shinstv v 1920–1941 [National Districts and Village Councils in the RSFSR: The Historical Experience of the Soviet State in Solving the Problem of National Minorities in 1920–1941]. PhD diss., Moscow State University.

Kazarov, S.S. 2012. *Nakhichevanskoe kupechestvo (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Nakhichevan Merchants (End of 18th – Beginning of 20th Century)]. Rostov-on-Don: Kovcheg.

Kelle-Shaginov, I.M. 2015. *Moia edinstvennaia zhizn'* [My Only Life]. Rostov-na-Donu: Starye russkie.

Litvinenko, V.I. 2009. *Sela Priazov'ia: istoriko-kraevedcheskie materialy* [The Villages of the Azov Sea: Local History Materials]. Rostov-on-Don: Donskoi Izdatel'skii Dom.

Malkhasian, A.G. 2009. Pechatnoe slovo donskikh armian [The Printed Word of the Don Armenians]. *Nor-Nakhichevan* 21.

Malkhasian, A.G. 2010. *Stranitsy istorii aniiskikh, krymskikh i donskikh armian* [Pages of the History of Armenian, Crimean and Don Armenians]. Rostov-on-Don: Pervaia tipografiia ARO.

Mirzoian, S.S. 2015. O deiatel'nosti obshchestvennykh organizatsii Rostova-na-Donu i Novo-Nakhichevani po okazaniiu pomoshchi bezhentsam (1915–1916 gg.) [On the Activities of Public Organizations of Rostov-on-Don and Novo-Nakhichevan in Assisting Refugees (1915–1916)]. In *Armiane Yuga Rossii: istoriia, kul'tura, obshchee budushchee: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* [Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future], edited by G.G. Matishov, 141–145. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN.

Patkanian, G. 1917. *Istoriia Novoi Nakhichevani* [History of New Nakhichevan]. Nakhichevan'.

Shakhaziz, E. 1903. *Istoricheskie zarisovki* [Historical Sketches]. Tiflis.

Shakh-Aziz E. 2005. *Novyi Nakhichevan i novonakhichevantsy* [New Nakhichevan and Novokichevans]. Rostov-on-Don: Kniga.

Skalkovskii, A.A. 1865–1866. *Rostov-na-Donu i torgovlia Azovskogo basseina.1749–1863* [Rostov-on-Don and the Azov Basin Trade]. Ekaterinoslav.

Smirnov, S.D. 1905. *K voprosu o naselenii, rozhdaemosti i smertnosti g. Rostova-na-Donu* [To the Question of Population, Birth Rate and Mortality of Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don.

Ter-Sarkisiants, A.E. 1998. *Armiane. Istoriia i etnokul'turnye traditsii* [Armenians: History and Ethnocultural Traditions]. Moscow: Vostochnaia literatura.

Tikidzhian, R.G. 2010. *Istoriia i kul'tura narodov Donskogo kraia i kazachestva. Nauchno-populiarnoe i uchebno-metodicheskoe izdanie* [History and Culture of the Peoples of the Don Region and the Cossacks. Popular Scientific and Educational Publication]. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom.

Tikidzhian, R.G. 2012. Osnovnye etapy formirovaniia i transformatsii etnosotsial'nogo soobshchestva donskikh armian v kontse XVIII – nachale XXI vv. [The Main Stages of the Formation and Transformation of the Ethnosocial Community of the Don Armenians in the Late 18th – Early 21th Centuries]. In *Armiane Yuga Rossii: istoriia, kul'tura, obshchee budushchee: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Armenians of the South of Russia: History, Culture, Common Future], edited by G.G. Matishov, 284–290. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN.

Tikidzhian, R.G., and V.V. Melkonian. 2015. Etnosotsial'noe soobshchestvo donskikh armian: osnovnye etapy stanovleniia i sovremennoe sostoianie [Ethno-Social Community of the Don Armenians: The Main Stages of Formation and Modern Status]. *Voprosy armenovedeniia* 2 (5): 111–121.

© Г.Н. Ким

“МАТЕРИКОВСКИЕ” И САХАЛИНСКИЕ КОРЕЙЦЫ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА

Ключевые слова: коре сарам, “материковские”, сахалинские, корейцы, миграция, репатриация, идентичность, этнокультурные процессы

Статья представляет собой дебютное компаративное исследование сходств и различий между двумя субэтническими диаспорами корейцев, населяющих континентальную часть России и стран Центральной Азии и о-в Сахалин. На основе широкого историографического материала анализируются причины и предпосылки формирования асимметрии в показателях демографических, этнических, социально-культурных процессов у так наз. материковских (континентальных) и сахалинских корейцев. Изучаются узловые вопросы смены национальной идентичности, лояльности к исторической и актуальной родине, обретения нового гражданства в бывшем СССР и современных странах СНГ. “Материковские” и сахалинские корейцы, объединенные этногенетическим происхождением, имели на начальном этапе параллельной жизни в советской действительности больше социально-культурных различий, чем сходств. В настоящее время их менталитет сблизился, тем не менее бытовавшее с советской эпохи деление на “своих” и “чужих” сохранилось. В статье резюмируется, что дихотомия “мы” и “они” составляет экзистенциональную сущность в субдиаспорной идентичности.

Корейцы, проживавшие в Советском Союзе, делились на три неравные по численности группы: *коре сарам*[1] (континентальные корейцы), сахалинские корейцы и северокорейские невозвращенцы. Количество граждан КНДР, пожелавших остаться в Советском Союзе и оказавшихся позже в странах СНГ, мизерно, предположительно речь идет о нескольких десятках людей. Они исключены из поля исследования, но не только из-за того, что их мало, но также из-за того, что значительно отличаются от других групп – менталитетом, идентичностью и приверженностью к традиционной корейской культуре. В статье проводится сравнительный анализ двух субэтнических корейских диаспор СНГ, проживающих в континентальной части постсоветского пространства и на о-ве Сахалин.

Несмотря на то что в 1930–1990-е годы появилось немало книг, диссертаций и статей по истории советских корейцев[2], о сахалинском сообществе писали совсем немного. С началом горбачевской “перестройки, гласности и демократизации” прежние запреты были сняты, открылся доступ к архивным документам и появилась возможность изучения истории корейцев, оставшихся на Южном Сахалине после капитуляции Японии во Второй мировой войне. Первыми публикациями об этих людях стали статьи, брошюра и итоговая книга Бок Зи Коу (*Бок* 1989а, 1989б, 1993). Благодаря трудам А.Т. Кузина (*Кузин* 1993, 2006, 2009), Пак Сын Ы, Ю.И. Дин и других российских

Герман Николаевич Ким | http://orcid.org/0000-0003-4742-1040 | gerkim@mail.ru | профессор, д. и. н., директор Института азиатских исследований | Казахский национальный университет им. аль-Фараби (пр-т аль-Фараби 71, Алматы, 050040, Казахстан)

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 89–104. https://doi.org/10.31857/S086954150010050-5
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

(*Высоков* 1999; *Костанов, Подлубная* 1994; *Цупенкова* 1997), южнокорейских (*Bang* 2012, *Kim* 2006, 2009; *No* 1992, 2004 и др.) и японских (*Hayashi* 1991; *Ishikida* 2005; *Miki* 2010; *Nagasawa* 2006 и др.) исследователей получили освещение уникальная историческая судьба сахалинских корейцев и весь комплекс проблем, с которыми им пришлось столкнуться.

История *коре сарам* (именуемых ныне *кореинами*) насчитывает более полутора веков, а советское прошлое и современность сахалинских корейцев в Российской Федерации по протяженности в два раза короче. Однако обе группы прошли через одни и те же этапы формирования новой общности – советского народа. Первоначально между ними было больше различий, чем сходств. Разумеется, более чем за четыре десятилетия (1945–1990) разница во многом стерлась, и к моменту развала советской державы две диаспоры сравнялись по основным социокультурным параметрам. Надо признать, что в научном и массмедийном дискурсах и обыденном сознании, как и прежде, остается деление на "материковских" и островных, сахалинских, корейцев. При этом нет четкого понимания, почему и как возникли сходства между ними, где сохранились различия и в чем они проявляются в настоящей жизни. Вопросов чрезвычайно много, и они долго оставались без ответа, вот почему возникла идея сравнительного анализа этих двух субэтнических групп корейцев бывшего Советского Союза.

Введение. В академической литературе, СМИ и обиходной речи бытует множество слов – этнонимов (названий и самоназваний) корейцев, проживавших в СССР, что порождает путаницу и ошибочную подмену одного наименования другим. Зачастую для всей совокупности корейцев Советского Союза, в т.ч. сахалинцев, употребляется собирательный этноним "советские корейцы". Список использовавшихся в разные исторические периоды названий отдельных групп, отличавшихся по происхождению, месту проживания, гражданскому статусу, языковому признаку, вероисповеданию, довольно внушителен: *русскоязычные корейцы, российские корейцы, корейцы Центральной Азии, материковские корейцы, сахалинские корейцы, коре сарам, кореины, корейская диаспора, корейцы Казахстана, узбекистанские корейцы, кавказские корейцы, православные корейцы, депортированные корейцы, корейские переселенцы* и т.д. В связи с кардинальными изменениями, происшедшими после развала Советского Союза, появившимися реалиями современной жизни, включая контакты корейцев СНГ с этнической родиной (Республика Корея) и взаимоотношения между постсоветскими субдиаспорными группами, модифицировались приоритетность, частотность и палитра используемых этнонимов. К имевшимся раннее добавились региональные, пейоративные, квази- и псевдоэтнонимы. Начавшаяся субституция самого частотного названия и самоназвания *коре сарам* новым этнонимом *кореин* не стала еще предметом научного исследования.

В этой связи в статье предпринимается попытка раскрыть исторические предпосылки появления квазиэтнонимов – *материковские* и *сахалинские* корейцы – и провести компаративный анализ политико-правовых и социокультурных процессов в двух субэтнических группах от советских эпохи до наших дней. По логике под материковыми корейцами следует понимать не только корейцев в бывших советских республиках, но также в Китае, США и Европе, однако в нашем случае под "материковскими" подразумеваются только этнические корейцы в континентальной части СНГ.

Априори считается, что основная причина различий между двумя субэтническими диаспорами заключается в разных исторических эпохах и политико-правовых условиях вхождения в пределы Российской империи и Советского Союза. Такая асинхронность обусловила расхождения в их социокультурных характеристиках и идентичности.

Вопрос об идентичности "кто мы?" часто тесно связан с вопросом "где мы?", поэтому формирование самосознания, в т.ч. этнического, рассматривается нами во взаимосвязи в пространственно-временном континууме. Мы опираемся на теорию "place identity" (дословно "идентичность места"), предложенную в 80-х годах прошлого века

психологами Г.М. Прохански, А.К. Фабианом, К.М. Корпела (*Prochansky et al.* 1983; *Korpela* 1989) и др. и получившую развитие в работе К.Л. Твиггер-Росс и Д.Л. Уззеля (*Twigger-Ross, Uzzel* 1996). Концепция идентичности места применяется в некоторых исследованиях, в которых анализируется автономно или компаративно парадигма “континентальности” (continentality) или “островности” (insularity). Однако при сравнительном анализе “материковских” и сахалинских корейцев это построение не представляется целесообразным и продуктивным.

Как правило, анализ сложного объекта предполагает его сегментирование, поэтому сравнительное исследование двух групп этнических корейцев осуществлено по следующим аспектам: историко-демографический, правовой, экономический, этнокультурный, этноязыковой, институциональный и международный.

Периодизация истории переселения. Прежде всего, необходимо отметить асинхронность в истории переселения корейцев в Приморье и на Южный Сахалин. Обезземеленные корейские крестьяне начали переходить на русский Дальний Восток в первой половине 1860-х годов. Не углубляясь в уже известные детали переселенческого движения народа, отметим, что оно продолжалось вплоть до конца 1920-х годов, когда утвердившаяся советская власть сумела укрепить свои границы и положить конец перемещению иноземцев в свои пределы.

Сахалинские корейцы оказались на острове добровольно, затем их стали принудительно мобилизовать на шахты и заводы. С начала 1930-х годов до 1945 г. японские колониальные власти перевезли десятки тысяч корейцев на Карафуто – южную часть о-ва Сахалин. Туда же стали переезжать семьи, оставшиеся в Корее без кормильца.

В рамках сотрудничества между СССР и КНДР в 1946–1949 гг. на Сахалин было мобилизовано около 26 тыс. северокорейцев – в основном для работы в рыбной отрасли. Из них приблизительно 14,5 тыс. человек вернулись на родину, оставшиеся стали частью населения Сахалинской обл. В этот же период времени на остров прибыло 450 тыс. переселенцев с материка. Среди них было около 2000 корейцев из Казахстана и Средней Азии (*Щеглов* 2000; *Ким* 2006). На этом численно значимые миграции корейцев на Сахалин прекратились.

География расселения. Корейцы, приехавшие на материковую часть Дальнего Востока, первоначально обосновались в Приморье, регионе общей площадью порядка 165 тыс. кв. км. Затем ареал расселения добровольно и принудительно расширился до Хабаровского края, Приамурья, Забайкалья и Северного Сахалина и достиг свыше 6 млн кв. км. Депортация 1937 г. рассеяла корейцев по Казахстану и Средней Азии, чья совокупная площадь составляет более 3 млн кв. км. Отправка в послевоенный период свыше 2,5 тыс. корейцев (с членами семей) из Казахстана и Узбекистана в специальные командировки в Северную Корею и на Южный Сахалин хоть и временно, но расширила географию проживания “материковских” корейцев, и она вышла за пределы государственных границ СССР. Ускоренная урбанизация, специфическая отходническая полулегальная предпринимательская деятельность, известная под названием *кобонди*[3], обязательная военная служба в Советской Армии, обучение в университетах и институтах – все это увеличило ареал присутствия данного народа на одной шестой части суши планеты Земля.

Вплоть до 1970-х годов корейцы Сахалина не могли покидать места своей приписки и проживали только на территории площадью 36 тыс. кв. км (общая площадь Сахалина – 76 тыс. кв. км). Почти ни у кого из них не было советского паспорта. Жизнь этих людей напоминала крепостное право. Лишь с приобретением гражданства молодые сахалинские корейцы смогли уезжать на учебу в вузах, службу в армии и на работу в другие регионы СССР.

Ограничение возможности передвижения, островной образ жизни и изоляция от основной массы советских корейцев сказались на сохранении специфики социокультурного облика и правового статуса сахалинской диаспоры.

Численность. Количество “материковских” корейцев постоянно росло в течение 150-летней истории, о чем свидетельствуют архивные документы и материалы переписей населения: 1895 г. – 18 400 человек; 1905 г. – 28 500; 1923 г. – 103 482; 1929 – 150 795; 1939 – 182 339; 1959 г. – 313 735; 1970 г. – 357 507; 1979 г. – 388 926, 1989 г. – 438 650[4].

Следует отметить, что с 1893 по 1937 г. в северной (российской, а затем советской) части Сахалина образовалась группа корейцев, депортированная, как и *коре сарам*, в Казахстан и Узбекистан. Начиная с 1959 г. Всесоюзные переписи включали в число корейцев и тех, кто проживал на Сахалине, но получил паспорт СССР. Указанная миграция сахалинских корейцев привела к снижению их количества на острове, а их включение в число советских граждан увеличило корейское население страны.

Говоря о численности сахалинцев, нужно различать тех, кто проживал и проживает в настоящее время на острове, и тех, кто отсюда происходит, – сахалинских корейцев второго и третьего поколений, переселившихся на материковую часть стран СНГ, а также представителей первого поколения, репатриировавшихся в Южную Корею. Количество корейцев в Сахалинской обл. достигло пика в 1951 г., составив почти 43 тыс. человек. Позже оно постоянно уменьшалось. Не вдаваясь в детали, отметим, что с момента присоединения южной части острова к территории СССР до настоящего времени численность сократилась больше чем наполовину (до 26,4 тыс. человек в 2019 г.). Количество сахалинских корейцев по происхождению, но проживающих за пределами острова, с трудом поддается подсчету.

Миграционные процессы. Корейцы, переселившиеся на материковую часть России, оказались вовлеченными в разные виды, формы и способы миграционной подвижности, любая из которых могла бы стать темой самостоятельного и специального исследования. Самыми существенными аспектами в перемещениях этого народа явились расширение ареала проживания и смена сельской среды на городскую.

За последние несколько лет численность “материковских” корейцев в Южной Корее взлетела до отметки 85 тыс. человек. Этот факт объясняется причинами экономического характера. С одной стороны, в большинстве стран СНГ наблюдаются затяжная рецессия в экономике, резкое падение уровня доходов, ухудшение качества жизни и рост безработицы. С другой, Южная Корея притягивает спросом на людские ресурсы, возможностью получать достойные деньги и предоставляет русскоязычным корейцам визу “зарубежных соотечественников” F4 и трудовую визу H2 (*Kim* 2017). Выезд на заработки продолжается, а число вернувшихся совершенно незначительно – по видимости, временная трудовая миграция перерастает в так называемое ПМЖ (постоянное место жительства).

Отличительной особенностью перемещений сахалинских корейцев стала их репатриация в Японию, Южную Корею и частично в КНДР. В советские времена имелись случаи насильственного выдворения гражданских активистов из числа сахалинских корейцев, требовавших выезда в Японию или Республику Корея. Их высылали в Северную Корею, что являлась своего рода наказанием для этих борцов за свои права. С середины 1990-х годов в результате договоренностей между Москвой, Сеулом и Токио началась репатриация первого поколения сахалинских корейцев в Южную Корею. Всего переехало свыше 4 тыс. человек пожилого возраста, из которых к настоящему времени более 1 тыс. умерло на земле своих предков. Репатриация сахалинских корейцев почти иссякла, т.к. в СНГ остались практически только те, кто не способен переехать по состоянию здоровья. Как бы ни было прискорбно, но через каких-то 20–25 лет в Южной Корее прекратится физическое присутствие сахалинских репатриантов.

Межэтнические браки как демографический фактор. Начиная с 1960-х годов важным фактором этнодемографических процессов среди “материковских” корейцев стали браки с представителями других национальностей. Их доля росла с каждым десятилетием и в конце 1980-х годов, например, в г. Алма-Ате составляла около 40%

(*Ем* 1998). В столицах союзных республик, где проживали численно большие группы *коре сарам*, удельный вес межэтнических браков был значительно выше, чем в деревнях или других городах (*Козьмина* 2014). В урбанизированной среде 1980–1990-х годов в них вступало приблизительно равное количество корейских мужчин и женщин. А в сельской местности браки оставались преимущественно внутриэтническими и случаи замужества женщин-кореянок за представителями иных народов были нечастыми. Дети в национально-смешанных семьях за редким исключением идентифицировали себя по происхождению отца.

Как известно, в досоветский период сахалинские корейцы иногда женились на японках, что дало им основание для послевоенной репатриации как членам семьи. При этом среди островных корейцев, в отличие от “материковских”, были распространены преимущественно внутригрупповые браки. Лишь в конце 1970-х годов появляются национально-смешанные семьи и учащаются случаи заключения союзов между сахалинскими и континентальными корейцами. В настоящее время браки молодых корейцев острова с представителями иных национальностей стали обыденностью.

Правовой статус. Наличие паспорта гражданина СССР являлось в 1945–1980-х годах одним из главных критериев различия между “материковскими” и сахалинскими корейцами. К окончанию Великой Отечественной войны практически все взрослые *коре сарам*, депортированные в Казахстан и Среднюю Азию, имели советское гражданство. Они в значительной степени прошли советизацию еще до 1937 г., а за годы войны доказали своим самоотверженным трудом преданность власти, и с них был снят ярлык “неблагонадежного народа” (*Kho* 1987). Отличное владение русским языком, высокий уровень образования, крепкие навыки организационной и руководящей работы, а самое главное – “преданность коммунистическим идеалам” стали основанием для командирования численно крупной группы “материковских” корейцев для “советизации” сахалинцев (*Бугай* 2007). Специально присланные *коре сарам* заняли на острове руководящие должности в производстве, образовании, культуре, силовых органах и во всех других сферах. Статус прибывших советских корейцев был намного выше, чем у сахалинцев, оказавшихся под их началом. К этому времени относится появление слова *кхынтанбеги*, так жители острова презрительно называли “материковских” сородичей. Среди сахалинских корейцев вплоть до конца 1970-х годов довольно крупной оставалась доля лиц “без гражданства”, которых в просторечии именовали *бэгэ*.

В 1985 г. из 31 664 сахалинских корейцев 20 522 человека имели советское гражданство, 1259 являлись гражданами КНДР, а 9883 были лицами без гражданства. В 2018 г. численность представителей этой диаспоры на острове составляла 26,4 тыс. человек, и доля людей без паспорта РФ среди них почти сводилась к нулю (*Пак* 2019).

Трудовая деятельность. Корейские переселенцы на русский Дальний Восток продолжили свое привычное крестьянское занятие, приспособившись к местным природно-климатическим условиям. По необходимости и при возможности они брались также за иные виды трудовой деятельности (*Насекин* 1904). После депортации корейцы продолжили работать в сельском хозяйстве, но уже в новых условиях колхозного производства. В Казахстане и Средней Азии советские корейцы зарекомендовали себя отменными земледельцами, получавшими рекордные урожаи зерновых, прежде всего риса, овощных, бахчевых и технических культур, таких как хлопок, сахарная свекла, кукуруза и кенаф (*Ким* 1965, 1993; *Кан* 1995; *Хан, Сим* 2014). В связи с интенсивной сельско-городской миграцией в 1960-х годах доля аграрников среди них стала резко сокращаться. К 1970–1980-м годам “материковские” корейцы, проживавшие в городской среде, трудились в разных сферах производства, оказания услуг, в образовании, науке, культуре и т.д. В последние десятилетия советской эпохи удельный вес корейцев, занятых физическим трудом, сокращался, а число работников умственного труда увеличивалось. Однако следует упомянуть, что немало *коре сарам*, живших в городах, имевших высшее образование и работавших по профессии,

практиковало в 1960–1990-х годах вышеупомянутое *кобонди* (*Kim* 2008). К закату Советского Союза они превратились в образцовую “национальную группу”, достигшую высоких показателей и результатов во всех сферах общественной деятельности.

Несмотря на плановое коллективное производство, общие условия труда, возможность выбора профессии, корейцы зачастую выбирали определенные виды деятельности, и это, вероятно, объясняется их этническим наследием. Например, в многонациональных колхозах и совхозах они занимались в основном полеводством, но не животноводством. Среди них было много бухгалтеров и плановиков, но не кадровиков. Среди женщин-кореянок заметную долю составляли портнихи, а повар в общепите был довольно редкой для них профессией. Немало мужчин-корейцев трудилось в органах МВД всех уровней, от республиканских до районных, и гораздо меньше – в военных ведомствах. В милиции они отличались в УГРО (Уголовном розыске) или ОБХСС (Отделе борьбы против хищения социалистической собственности), но редко работали в ГАИ (Государственная автоинспекция). На заре разгосударствления экономики и торговли в горбачевскую перестройку и позже, в условиях зарождающегося “дикого рынка” этнические диаспоры постсоветского пространства стали занимать в малом бизнесе и предпринимательстве избранные ниши (*Waldinger* 1994).

Массовое переселение корейцев в японскую префектуру Карафуто[5] было напрямую связано с работой на шахтах, а также на фабриках и заводах военно-промышленного комплекса. То есть сахалинские корейцы в отличие от “материковских” соплеменников трудились изначально в фабрично-заводском, горнодобывающем и строительном секторах экономики. Но они были в своей основной массе, как и первые переселенцы в русское Приморье, выходцами из малограмотного обезземеленного крестьянства. Поэтому, когда наступили тяжелые и голодные послевоенные годы, сахалинские корейцы занялись огородничеством. Для решения продовольственного кризиса на острове советские власти разрешили им торговать на рынках выращенными овощами (*Дин* 2015: 113).

Таким образом, как для континентальных, так и для сахалинских корейцев занятие традиционной крестьянской деятельностью составило основу для материального благополучия, формирования положительного имиджа трудолюбивых людей, дало опыт и навыки предпринимательства, облегчившие им вхождение в рыночную экономику постсоветского периода.

Этнокультурные процессы. Отметим сразу, что изначально у “материковских” (*Джарылгасинова* 1980) и сахалинских корейцев в силу происхождения из разных географических регионов этнической родины имелись различия в бытовой культуре. На корейцев Южного Сахалина существенное влияние оказали такие факторы, как ассимиляторская политика японских колониальных властей, длительное пребывание в потерявшей независимость Корее и на острове, природно-климатическая среда, абсолютное доминирование окружающего русского населения, пространственная близость с Корейским п-вом и дружеские отношения между СССР и КНДР. Безусловно, изолированный и компактный ареал проживания предопределил интенсивность внутриэтнических контактов.

Континентальные корейцы в большей степени, нежели их соплеменники на Сахалине, утратили атрибуты традиционной материальной культуры. В обычаях советских корейцев в Казахстане и Средней Азии под влиянием внешней среды, полиэтнического, мультикультурного окружения появились инновации, не характерные для корейцев острова. Мировая и русская культура, образ жизни, традиции титульных наций советской Центральной Азии оказали значительное воздействие на их профессиональную и народную культуру.

В то же время отмечаются сходства. Если говорить о материальной культуре, то оно заключается в устойчивой приверженности традиционной пище. В духовной культуре речь идет о строгом соблюдении похоронно-поминальной обрядности

(*Джанг* 2006). Однако и в питании, и в ритуале похорон все же есть существенные различия. Скажем, в рационе “материковских” корейцев потребление морепродуктов сократилось до минимума, в то время как на столах сахалинцев дары моря занимают существенное место. Другой пример, но уже из антропонимики: островные корейцы старшего поколения зачастую имели традиционное корейское и параллельное японское имя. Многих детей, рожденных в начальный период проживания этого народа на Южном Сахалине, также нарекали корейскими именами, однако позже многие из них взяли себе “придуманные” русские (европейские). Что касается “материковских” корейцев, то уже в 1940-е годы у них начался ускоренный переход на трехсоставную русскую антропонимическую модель, сокращенно именуемую ФИО, т.е. фамилия, имя, отчество (*Джарылгасинова* 1970).

Есть и различия в корейской семейной обрядности, например, в то время как островная субэтническая диаспора отмечала *бэк-иль* – сто дней со дня рождения ребенка, “материковские” корейцы празднуют только его годовщину – *доль* (*а сянджи*) (*Ли* 2001). В Казахстане и Узбекистане представители этого народа обязательно справляют *хвегаб* (*хангаби*) – 60-летний юбилей, но почти утратили *кохи* – торжество по случаю 70-летия человека, которое широко практиковалось среди сахалинских корейцев. Можно привести еще множество других примеров сходств и различий в традиционной культуре двух сообществ, однако ограниченный объем статьи не позволяет провести детальное сравнительное исследование.

Этноязыковые характеристики. “Материковские” корейцы с начала переселения в Россию в последней трети XIX в. и до настоящего времени являются носителями диалекта под названием *коре мар*. Это язык самых старших возрастных групп, существовавший в устной разговорной форме и использовавшийся лишь в семейно-бытовой сфере. Далекие предки переселенцев на русский Дальний Восток и, следовательно, тех, кто проживает сегодня в Центральной Азии и материковой части России или мигрировал в последнее десятилетие в Южную Корею, происходили в большинстве случаев из провинции Северный Хамген. Один из субдиалектов этого региона – *югып* (шесть уездов) – составляет основу *коре мар* (*King* 1987; *Пак* 2005). Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков Сеула и Пхеньяна, поглощение *коре мар* диалектизмов южных провинций, консервация архаики и, наконец, влияние русского языка привели к образованию этого лингвистического феномена. Сегодня на данном диалекте уже не говорят, социолингвисты констатируют завершение языковой ассимиляции “материковских” корейцев, полностью перешедших на русский язык.

Корейцы, оказавшиеся на Южном Сахалине, происходили в основной массе из южных провинций своей этнической родины. Жизнь в японской префектуре Карафуто и жесткая политика японизации стали причиной того, что они практически перестали использовать свой язык во многих сферах: административной, культурно-образовательной, производственной и т.д. Первое поколение сахалинских корейцев несравненно лучше владело японским, нежели русским. После присоединения острова к территории СССР корейские дети получили возможность учиться на корейском и русском языках. Однако в мае 1963 г. было принято решение о реорганизации корейских школ в обычные советские – с обучением на русском. Закрылись также Поронайское и Южно-Сахалинское корейские педагогические училища. Ликвидация уроков корейского языка, повсеместное использование русского и жизненная необходимость владения им привели к ускоренной смене родного языка. По данным переписи 1989 г., из 35 тыс. сахалинских корейцев считали таковым свой национальный язык только 12,9 тыс. человек, тогда как в 1970 г. – 28 тыс. Однако на самом деле число владевших корейским языком как родным было намного меньше. К моменту развала Советского Союза второе поколение сахалинских корейцев (рожденных на острове после 1945 г.), так же как и “материковских” (рожденных на Дальнем Востоке до

1937 г. и депортированных в Центральную Азию), почти полностью обрусело по языковому признаку. Третье поколение утеряло свой национальный язык и уже не знает корейской письменности. Таким образом, как “материковские”, так и сахалинские корейцы не избежали судьбы диаспорных сообществ, теряющих со сменой поколений в добровольной или принудительной форме свой национальный язык и переходящих на язык доминирующей этнической среды. Схема смены родного этнического языка, условно обозначенного как А, на приобретенный универсальна для всех диаспор: А →АВ →ВА →В. То есть первое поколение иммигрантов использует преимущественно родной язык А. Затем в процессе аккультурации наряду с ним употребляется доминирующий язык страны проживания В, который, как правило, для второго поколения становится первичным, а в зависимости от условий и вовсе новым родным. В третьем поколении иммигрантов, которое трансформируется в диаспору, происходит языковая ассимиляция (*You, Ha* 2018). Сахалинские корейцы, так же как их сородичи на материке, прошли эти ступени смены родного корейского языка на ставший родным русский. Различие заключалось в конкретно-историческом периоде ассимиляции, предопределившем характер и скорость смены.

На гребне горбачевской триады во внутренней политике и поднявшейся волны “этнического ренессанса” корейцы Советского Союза, как и все другие этнические группы и диаспоры, проявили живой интерес к своему забытому родному языку. С установлением дипломатических отношений СССР (а позже – стран СНГ) с Южной Кореей заново наладилась система обучения корейскому, ставшему востребованным. На корейских отделениях вузов России, в т.ч. на Сахалине, а также во всех суверенных государствах постсоветского пространства преподают сеульский литературный стандартный язык.

Диаспорные общественные организации. Политическая программа последнего Генсека КПСС Михаила Горбачева “Перестройка, гласность и демократизация” позволила создавать общественные организации по этническому признаку. В итоге повсеместно стали возникать диаспорные ассоциации под названием “национальные культурные центры”. Первичными уставными задачами этих организаций стали возрождение народных обрядов, традиций, обычаев и реанимация полумертвых “родных” языков. На смену единому советскому народу пришло множество этнических групп, больших и малых. Они принялись создавать свои диаспорные сети, консолидирующие ее членов по принципу единокровия.

Все корейские национальные культурные центры образовывались по одним и тем же стандартным лекалам и прошли схожие пути становления и развития. Одинаковыми оказались проблемы, с которыми они столкнулись, совершались одни и те же ошибки, повсеместно возникли аналогичные противоречия среди руководства, и реальные достижения и результаты не особо отличались друг от друга (Ассоциация 2000; Десять лет спустя 2002).

Со временем появились корейские организации, сформированные по возрастному признаку: общества пожилых людей (Корёноин, Ноидан, Ноинхве и пр.), молодежные клубы и центры; по гендерному принципу – женские клубы; профессиональные альянсы: например, научно-технические общества (АНТОК, КАХАК, ТИНБО), офицерские клубы, ассоциации творческой интеллигенции и т.д. Объединяться стали по общим интересам и хобби: шахматные клубы, певческие хоры, танцевальные ансамбли. На начальном этапе деятельности корейских общественных организаций больше всего возникло кружков по изучению корейского языка. Некоторые объединения были инициированы и получили материально-финансовую помощь от исторической родины, причем первоначально из двух стран: КНДР и Республики Корея. Хорошо известна история противостояния ВАСК (Всесоюзной ассоциации советских корейцев), ориентировавшейся на сотрудничество с Южной Кореей, и просеверокорейской АСОК (Ассоциация содействия объединению Кореи). При

поддержке Южной Кореи были учреждены “Общества потомков борцов национально-освободительного движения Кореи”, отделения “Консультативного совета по мирному и демократическому объединению Кореи”, секции тэквондо, группы самульнори и т.п. (Энциклопедия 2017).

На Сахалине в отличие от других регионов России и стран СНГ образовались инициативные группы и организации для решения проблем гражданства и репатриации, например “Общество по репатриации корейцев Карафуто” Пак Но Хака, “Областная общественная организация разделенных семей сахалинских корейцев”, “Общество по увековечиванию памяти Пак Но Хака”, “Региональная общественная организация сахалинских корейцев” (РООСК) и т.п. (*Дин* 2015: 196–198). В решении вопроса репатриации корейцев острова активную роль сыграло южнокорейское Национальное общество Красного креста, деятельность которого не отмечена в регионах проживания *коре сарам*.

В связи с резким ростом числа русскоязычных переселенцев в Южной Корее возникла необходимость решения острых проблем, возникших с их прибытием. Правительство делегировало часть своих полномочий по адаптации этнических корейцев – трудовых мигрантов южнокорейским НПО, финансируя их деятельность. Недавно появилась первая Ассоциация *коре сарам* в Республике Корея (г. Ансан), и она только начинает свою деятельность. На сегодняшний день общение русскоязычных корейцев в этой стране происходит по большей части через социальные сети, в самую большую группу на Facebook “82-е авеню – Наши в Корее” входят (по состоянию на 10.08.2019) 108 882 участника. Предположительно, в основном это люди, которые пребывают в настоящее время в Корее. Доля тех, кто вошел в нее, находясь за пределами данного государства, или не относится к этническим корейцам, пока неизвестна. В социальных сетях возникла целая сеть групп с определением “русскоязычный” и названием города: русскоязычный Ансан, Инчхон, Кванджу, Сеул, Пусан и т.д. Контент этих сообществ касается совсем немногих тем, это в основном коммерция, реклама и объявления, вопросы и ответы бытового характера.

Контактов в среде сахалинцев-репатриантов, по свидетельствам информантов, очень мало, т.к. все они в преклонном возрасте, многие по состоянию здоровья весьма ограничены в передвижении. В большинстве своем иммигранты живут замкнуто, потому что дети и родственники остались на Сахалине. Они тоскуют по России, их адаптация в Корее проходит тяжело.

Отношения с этнической (исторической) родиной. В отличие от иных этнических меньшинств, проживающих за пределами своей исторической родины, диаспора поддерживает с ней обширные связи. Роль такого сообщества в международных отношениях не вызывает ныне сомнений и стала одной из популярных тем исследований и дискуссий. В этой связи мы предлагаем различать коллективную форму медиации “материковских” и сахалинских корейцев и посредническую миссию диаспорных элит, т.е. наиболее влиятельных, способных и патриотически настроенных представителей народа (*Ким* 2016).

В Советском Союзе, проводившем политику “пролетарского интернационализма”, об отношениях с Южной Кореей не могло быть и речи. Поэтому советские корейцы, в т.ч. проживавшие на Сахалине, вынуждены были иметь связи лишь с Северной Кореей. Сейчас уже не секрет, что в строительстве социализма в братской КНДР важную роль сыграли несколько сотен хорошо образованных *коре сарам*.

Попытки наладить контакты между Советским Союзом и Республикой Корея начались с горбачевской перестройкой и провозглашением “северной политики” президента Ро Дэ У. Затем, после крушения СССР и распада блока социалистических стран, суверенные государства постсоветского пространства поспешили установить официальные отношения с Южной Кореей. С открытием южнокорейских посольств в странах СНГ, прежде всего в России и странах Центральной

Азии, отношения “материковских” и сахалинских корейцев с этнической родиной стали набирать с каждым годом обороты и объемы (*Мен* 2008). В Республике Корея за последние тридцать с небольшим лет многие из них превратились из “зарубежных корейцев” в “соотечественников”, вернувшихся в материнское лоно. По всей видимости, в силу ряда обстоятельств и причин число *коре сарам* продолжит свой рост в этой стране. Дети, относящиеся к четвертому поколению “зарубежных соотечественников”, в случае длительного проживания на этнической родине пройдут адаптацию и аккультурацию, а затем ассимилируются в южнокорейском обществе, став полноправными гражданами Республики Корея.

Идентичность и менталитет. На сегодняшний день можно утверждать, что в СНГ сформировались две субэтнические корейские диаспоры, у которых есть как сходства, так и различия в идентичности и менталитете. “Материковским” и сахалинским корейцам как диаспорам присущи диаспоральная, этническая и национальная идентичности, которые разнятся по многим параметрам, но несут в себе одно изначальное ядро – “этничность”. Прежде всего, члены обеих групп относят себя к одному корейскому этносу, утверждая приблизительно следующее: “Все мы корейцы, включая тех, кто живет на Юге и Севере Кореи и за пределами Корейского полуострова”. Во-вторых, они отличают себя по паспорту. И хотя корейцы в континентальной части России и на о-ве Сахалин имеют одинаковое гражданство Российской Федерации, у них есть несовпадения в диаспорном самосознании. На индивидуальном уровне у каждого может быть свой приоритет при выборе из трех видов идентичности, но в этом случае речь идет не о групповой идентичности, а о личной самоидентификации.

Значение и роль структурных элементов национального самосознания диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, уровня консолидации, специфики этнического окружения. У сообществ с долгой историей проживания за пределами исторической родины этноразличительные признаки смещаются прежде всего в обычаи и ритуалы. Их представители в полной мере ощущают себя иными, отличными от других, именно в традиционной семейной обрядности, бытовой культуре и в дни древних народных праздников.

В основе менталитета “материковских” и сахалинских корейцев лежит общее историческое и социально-культурное развитие народа, населявшего Корейский полуостров. Разница в судьбе переселенцев на русский Дальний Восток в последней трети XIX в. и тех, кто оказался на Карафуто в 30–40-е годы XX в., положила начало дивергентным процессам в мировосприятии двух субэтнических групп. В то же время жизнь согласно единому кодексу строителя коммунизма и принципам советской идеологии, морали и “правилам советского общежития” стерла некоторые различия между “материковскими” и островными корейцами. Однако до сих пор считается, что на менталитете сахалинцев сказались десятилетия японского господства и характер островных корейцев первого поколения оставался на советской территории в значительной степени “японизированным” (*Morris-Suzuki* 2001).

За прошедшие почти три десятилетия после развала Советского Союза суверенные государства, возникшие на обломках державы, прошли разные пути трансформации и развития. Это повлекло за собой формирование различных условий существования корейских диаспор и продолжение дивергентных процессов в их среде. В обиход уже входят такие этнонимы, как “российские”, “узбекские”, “казахские” корейцы. Зачастую можно слышать, как корейцы Казахстана называют своих соплеменников в соседнем государстве “узбеками”, и наоборот.

Сахалинских корейцев, как и прежде, не принимают в семью *коре сарам*. То есть, подводя черту, можно прийти к выводу, что до сих пор разделительные грани между двумя сообществами не стерты, более того, наметились разломы между группами “материковских” корейцев, проживающих в разных государствах. Не исключено,

что через десятилетия речь будет идти не о субэтнической диаспоре *коре сарам*, а о “корейской диаспоре России”, “диаспоре корейцев Казахстана”, “узбекской корейской диаспоре” и т.д. Однако это пока предположение, требующее аргументированного научного доказательства.

На Сахалине, как считает Пак Сын Ы, современная корейская диаспора уже не делится на “местные”, “материковские” и “северокорейские” группы (*Пак Сын Ы* 2019: 258). В настоящее время в ней почти завершился процесс аккультурации, т.к. третье-четвертое поколения русифицировались, утратили знание корейского языка и многие элементы этнической культуры.

Выводы. В постсоветском пространстве сформировались две основные субэтнические корейские диаспоры. К первой относятся так наз. материковские корейцы – те, кто проживает в континентальной части России и Центральной Азии и является потомками добровольных переселенцев из Кореи на русский Дальний Восток, насильственно выселенных в 1937 г. в Казахстан и Узбекистан. Вторую субэтническую диаспору составляют сахалинские корейцы, прибывшие по собственному желанию и принудительно на южную часть Сахалина, которая стала советской территорией по итогам Второй мировой войны.

Начавшиеся после развала СССР дивергентные процессы в единой этнической группе советских корейцев ведут к формированию отдельных диаспор Казахстана, России, Узбекистана и других стран СНГ. Среди корейцев континентальной части постсоветского пространства до настоящего момента остаются представление об общности происхождения и исторической судьбы, русскоязычное единство, сходства социокультурных параметров. Несмотря на то что различия между казахстанскими, российскими, узбекскими и т.д. корейцами растут с каждым годом, как и прежде, все они – вместе и врознь – идентифицируют себя отдельно от сахалинских корейцев.

За семь с лишним десятилетий, прошедших с 1945 г., различия между субэтническими группами континентальных и островных корейцев во многом стерлись, теперь они стали схожими по этнокультурным и языковым характеристикам. Количество корейцев Сахалина постоянно сокращается, молодые представители этого сообщества переезжают на “материк”, рождаемость скатилась к минимальным отметкам, на историческую родину репатриировалась численно значимая группа первого поколения. В перспективе актуализируется вопрос сохранения целостности сахалинских корейцев как автономной субэтнической диаспоры.

Примечания

[1] *Коре сарам* (кор. 고려 사람) – самоназвание, которое взяли себе корейские переселенцы на российский Дальний Восток, передававшееся из поколения в поколение и сохранившееся среди корейцев СНГ.

[2] В книге “Коре сарам: историография и библиография” содержатся наименования 282 печатных трудов о корейцах в Российском империи, 621 – о корейцах в Советском Союзе и на постсоветском пространстве, а также 176 работ о корейцах на иностранных языках (*Ким* 2000). В настоящее время готовится расширенное и дополнение издание, включающее публикации, вышедшие до 1 января 2020 г.

[3] *Кобонди* – специфическое, присущее именно советским корейцам полулегальное занятие овощеводством и бахчеводством под руководством лидера-бригадира, основанное на групповом арендном подряде земли и связанное с сезонными территориальными миграциями.

[4] Составлено по данным переписей населения, а также трудам А.Т. Кузина, Ю.И. Дин и Пак Сын Ы (*Кузин* 2006; *Дин* 2015; *Пак Сын Ы* 2019).

[5] *Карафуто* – южная часть о-ва Сахалин, в 1905–1945 гг. входившая в состав Японской империи.

Источники и материалы

Ассоциация 2000 – Ассоциации корейцев Казахстана – 10 лет. Алматы: Дайк-Пресс, 2000.
Десять лет спустя 2002 – Десять лет спустя (к 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана). Ташкент; Сеул: РАККЦУ, 2002.
Ким 2000 – *Ким Г.Н.* Коре сарам: историография и библиография. Алматы: Қазақ университеті, 2000.
Ли 2001 – *Ли Г.Н.* Обычаи и обряды корейцев СНГ. Москва: РАЕН, 2001.
Энциклопедия 2017 – Энциклопедия корейцев Казахстана. Алматы: Кахак, 2017.

Научная литература

Бок Зи Коу. К вопросу “О проблемах сахалинских корейцев” // Нам жизнь дана / Сост. Сун Дюн Мо. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во, 1989а. С. 3–13.
Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский гос. педагогический институт, 1993.
Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1989б.
Бугай Н.Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-“географический синтез” (начало XXI века). М.: Гриф и К., 2007.
Высоков М.С. Перспективы решения проблемы репатриации сахалинских корейцев в свете опыта Израиля, Германии и других стран // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2. С. 94–102.
Джанг Джун Хи. Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (На материалах Ташкентского вилаята). Дис. ... канд. ист. наук. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Ташкент, 2006.
Джарылгасинова Р. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Л.С. Толстов. М.: Наука, 1980. С. 43–73.
Джарылгасинова Р.Ш. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 133–149.
Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015.
Ем Н.Б. Современные тенденции межнациональных браков среди корейского населения (по результатам социологического опроса корейцев г. Алматы) // Вестник КазГУ. Серия востоковедения. 1998. № 3. С. 55–62.
Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы: Гылым, 1995.
Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. 1945–2000. Кн. 2. Ч. 1–2. Алматы: Дайк-пресс, 2006.
Ким Г.Н. Корейцы Казахстана. Астана: АГУ, 2016.
Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент: Узбекистон, 1993.
Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965.
Козьмина М. Об особенностях межнациональных браков корейцев Узбекистана // Коре сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. М.: Media Land, 2014. С. 200–202.
Костанов А.И., Подлубная И.Ф. Корейские школы на Сахалине: исторический опыт и современность. Южно-Сахалинск: Архивный отдел администрации Сахалинской обл., Сахалинский центр документации новейшей истории, 1994.
Кузин А.Т. Сахалинские корейцы: история и современность, 1880–2005. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное изд-во, 2006.
Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное изд-во, 1993.
Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. Кн. I: Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. – 1937 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2009.
Мен Д.В. Корея и корейская диаспора Казахстана: политический аспект. Алматы: Гылым, 2008.
Насекин Н. Корейцы Приамурского края // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 3. С. 1–61.
Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы: КазМОиМЯ им. Абылай Хана, 2005.

Пак Сын Ы. Сахалинские корейцы в поисках идентификации. М.: Перо, 2019.
Хан В.С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: МБА, 2014.
Цупенкова И.А. Забытый театр (из истории Сахалинского корейского драматического театра. 1948–1959 гг.) // Вестник Сахалинского музея. 1997. № 4. С. 207–213.
Щеглов В.В. Переселение советских граждан на Южный Сахалин и Курильские острова в середине 40-х – начале 50-х гг. XX в. // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4. С. 54–68.
Bang Ilgwon. Hanguggwa rosiaui sahallin han-in yeongu yeongusaui geomto (Review of Sakhalin Koreans Studies in Korea and Russia)// 동북아역사논총. 2012. Vol. 38. P. 363–413.
Hayashi E. Shōgen Saharin Chōsenjin gyakusatsu jiken. Nagoya-shi: Fūbaisha, 1991.
Ishikida M.Y. Toward Peace: War Responsibility, Postwar Compensation, and Peace Movements and Education in Japan. New York: iUniverse, 2005.
Kho Songmoo. Koreans in the Soviet Central Asia // Studia Orientalia. 1987. Vol. 61. P. 262.
Kim Seong Jong. Sahallin han-in dongpo gwihwangwa jeongchag-ui jeongchaeggwaje (Policy Challenges for Returning and Settling Sakhalin Korean) // 한국동북아논총. 2006. Vol. 40. P. 195–218.
Kim Seong Jong. Sahallin han-in dongpo gwihwan-ui jeongchaeg-uijehwa gwajeong yeongu (Study of the policy concerning return and adaptation processes of Sakhalin Koreans in Korea) // 한국동북아논총. 2009. Vol. 50. P. 309–329.
Kim G. Ethnic Entrepreneurship of Koreans in the USSR and Post-Soviet Central Asia // Institute of Developing Economies. VRS Monograph Series. 2008. No. 446. P. 1–99.
Kim G. Migration vs. Repatriation to South Korea in the Past and Present // Journal of Contemporary Korean Studies 2017. Vol. 4. No. 1. P. 35–62.
King J.R.P. An Introduction to Soviet Korean // Language Research. 1987. Vol. 23. No. 2. P. 233–277.
Korpela K.M. Place-Identity as a Product of Environmental Self-Regulation // Journal of Environmental Psychology. 1989. No. 9. P. 241–256.
Miki M. Kokkyō no shyokuminti. Karafuto. Tokyo: Hanawa Shyobo, 2010.
Morris-Suzuki T. Northern Lights: The Making and Unmaking of Karafuto Identity // The Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 645–671.
Nagasawa Sh. Senzen Chōsenjin kankei keisatsu shiryōshū: Karafuto-chō Keisatsubu bunsho. Tōkyō: Ryokuin Shobō, 2006.
No Yeongdon. Sahallin han-in-e gwanhan beobjeog jemunje // 국제법학회논총. 1992. Vol. 37. No. 2. P. 123–144.
No Yeongdon. Sahallin han-in munje, eotteohge doego issna // OK Times. 2004. No. 129. P. 19–27.
Prochansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place Identity: Physical World Socialization of Self // Journal of Environmental Psychology. 1983. No. 3. P. 57–83.
Twigger-Ross C.L., Uzzel D.L. Place and Identity Processes // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. No. 3. P. 205–220.
Waldinger R. The Making of an Immigrant Niche // International Migration Review. 1994. No. 1. P. 3–28.
You C., Ha Jangwon (eds.) The Korean Language Spread in Diaspora – Focusing on the Language Education. Monograph of the Center for Korean Diaspora. Berkeley: USLA, 2018.

Research Article

Kim, G.N. The Continental and the Sakhalin Koreans: Differences and Similarities [“Materikovskie” i sakhalinskie koreitsy: razlichiia i skhodstva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 89–104. https://doi.org/10.31857/S086954150010050-5 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

German N. Kim | http://orcid.org/0000-0003-4742-1040 | gerkim@mail.ru | Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Av., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan)

Keywords

Kore Saram, Sakhalin, Koreans, continental, *materikovskie*, migration, repatriation, identity, ethnic-cultural processes

Abstract

This article is a debut comparative study of similarities and differences between the two sub-ethnic diasporas of Koreans residing in the continental part of Russia, Central Asia, and the Sakhalin Island. Based on a wide range of historiographical material, it analyzes the reasons and prerequisites for the formation of asymmetry in the indices of demographic, ethnic, and sociocultural processes among the *materikovskie* (continental) and the Sakhalin Koreans. The article examines key issues pertaining to the national identity change, loyalty to the historical and actual motherlands, acquisition of new citizenship in the former USSR and contemporary CIS countries. The *materikovskie* and the Sakhalin Koreans, while of common ethnogenetic origin, used to have more sociocultural differences than similarities at the initial stage of their parallel lives in the Soviet reality. At present, their mentalities have become closer; nevertheless, the division into "us" and "others" still persists. The article argues that the dichotomy "us"/"them" constitutes the existential essence in the sub-diasporic identity.

References

Bang, Ilgwon. 2012. Hanguggwa rosiaui sahallin han-in yeongu yeongusaui geomto [Review of Sakhalin Koreans Studies in Korea and Russia]. 동북아역사논총 38: 363–413.

Bok, Zi Kou. 1989a. K voprosu "O problemakh sakhalinskikh koreitsev" [To the Question "About the Problems of the Sakhalin Koreans"]. In *Nam zhizn' dana* [The Life is Given to Us], edited by Sun Dyun Mo, 3–13. Yuzhno-Sakhalinsk: Dal'nevostochnoe knizhnoe izd-vo.

Bok, Zi Kou. 1989b. *Sakhalinskie koreitsy: problemy i perspektivy* [Sakhalin Koreans: Problems and Prospects]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii oblastnoi kraevedcheskii muzei.

Bok, Zi Kou. 1993. *Koreitsy na Sakhaline* [Koreans on Sakhalin], edited by M.S. Shirokov. Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinskii gos. pedagogicheskii institut.

Bugai, N.F. 2007. *Koreitsy stran SNG: obshchestvenno-"geograficheskii sintez" (nachalo XXI veka)* [Koreans of the CIS Countries: Socio-"Geographical Synthesis" (the Beginning of the 21st Century)]. Moscow: Grif i K.

Din, Yu.I. 2015. *Koreiskaia diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiia v sovetskoe i rossiiskoe obshchestvo* [The Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaia oblastnaia tipografiia.

Dzharylgasinova, R. 1980. Osnovnye tendentsii etnicheskikh protsessov u koreitsev Srednei Azii i Kazakhstana [The Main Trends in Ethnic Processes among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan]. In *Etnicheskie protsessy u natsional'nykh grupp Srednei Azii i Kazakhstana* [Ethnic Processes in the National Groups of Central Asia and Kazakhstan], edited by L.S. Tolstov, 43–73. Moscow: Nauka.

Dzharylgasinova, R.Sh. 1970. Antroponimicheskie protsessy u koreitsev Srednei Azii i Kazakhstana [Anthropnymic Processes among the the Koreans of Central Asia and Kazakhstan]. In *Lichnye imena v proshlom, nastoiashchem, budushchem. Problemy antroponimiki* [Personal Names in the Past, the Present and the Future. Problems of Anthroponymy], edited by V.A. Nikonov, 133–149. Moscow: Nauka.

Hayashi, E. 1991. *Shōgen Saharin Chōsenjin gyakusatsu jiken* [Testimony: Karafuto Korean Massacre Case]. Nagoya-shi: Fūbaisha.

Jang, Joon Hee. 2006. Pokhoronno-pominal'nye obychai i obriady koreitsev Uzbekistana (na materialakh Tashkentskogo vilaiata) [Funeral and Memorial Customs and Rituals of Koreans of Uzbekistan (Based on the Materials of the Tashkent Vilayat)]. PhD diss., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan.

Kan, G.V. 1995. *Istoriia koreitsev Kazakhstana* [History of Koreans in Kazakhstan]. Almaty: Gylym.

Khan, V.S. and Hong Yong Sim. 2014. *Koreitsy Tsentral'noi Azii: proshloe i nastoiashchee* [Koreans of Central Asia: Past and Present]. Moscow: MBA.

Kho, Songmoo. 1987. Koreans in the Soviet Central Asia. *Studia Orientalia* 61: 1–262.

Kim, G. 2008. Ethnic Entrepreneurship of Koreans in the USSR and Post-Soviet Central Asia. *Institute of Developing Economies. VRS Monograph Series* 446: 1–99.

Kim, G. 2017. Migration vs. Repatriation to South Korea in the Past and Present. *Journal of Contemporary Korean Studies* 4 (1): 35–62.

Kim, G.N. 2006. *Istoriia immigratsii koreitsev. 1945–2000* [History of Korean Immigration. 1945–2000]. Bk. 2. Pt. 1–2. Almaty: Daik-press.

Kim, G.N. 2016. *Koreitsy Kazakhstana* [Koreans of Kazakhstan]. Astana: AGU.

Kim, P.G. 1993. *Koreitsy Respubliki Uzbekistan* [Koreans of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent: Uzbekiston.

Kim, Seong Jong. 2006. Sahallin han-in dongpo gwihwangwa jeongchag-ui jeongchaeggwaje [Policy Challenges for Returning and Settling of the Sakhalin Korean]. 한국동북아논총 40: 195–218.

Kim, Seong Jong. 2009. Sahallin han-in dongpo gwihwan-ui jeongchaeg-uijehwa gwajeong yeongu [Study of the Policy Concerning Return and Adaptation Processes of Sakhalin Koreans in Korea]. 한국동북아논총 50: 309–329.

Kim, Sin Hwa. 1965. *Ocherki po istorii sovetskikh koreitsev* [Essays on the History of Soviet Koreans]. Alma-Ata: Nauka.

King, J.R.P. 1987. An Introduction to Soviet Korean. *Language research* 23 (2): 233–277.

Korpela, K.M. 1989. Place-Identity as a Product of Environmental Self-Regulation. *Journal of Environmental Psychology* 9: 241–256.

Kostanov, A.I., and I.F. Podlubnaia. 1994. *Koreiskie shkoly na Sakhaline: istoricheskii opyt i sovremennost'* [Korean Schools on Sakhalin: Historical Experience and Modernity]. Yuzhno-Sakhalinsk: Arkhivnyi otdel administratsii Sakhalinskoi obl., Sakhalinskii tsentr dokumentatsii noveishei istorii.

Kozmina, M. 2014. Ob osobennostiakh mezhnatsional'nykh brakov koreitsev Uzbekistana [About the Peculiarities of Interethnic Marriages of Koreans in Uzbekistan]. In *Kore saram. K 150-letiiu pereseleniia koreitsev v Rossiiu* [Kore Saram. To the 150th Anniversary of the Relocation of Koreans to Russia], edited by V. Kim, 200–202. Moscow: Media Land.

Kuzin, A.T. 1993 *Dal'nevostochnye koreitsy: zhizn' i tragediia sud'by* [Far Eastern Koreans: Life and Tragedy of Fate]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe oblastnoe knizhnoe izd-vo.

Kuzin, A.T. 2006. *Sakhalinskie koreitsy: istoriia i sovremennost', 1880-2005* [Sakhalin Koreans: History and Modernity, 1880–2005]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe oblastnoe knizhnoe izd-vo.

Kuzin, A.T. 2009. *Istoricheskie sud'by sakhalinskikh koreitsev. Kn. I: Immigratsiia i deportatsiia (vtoraia polovina XIX v. – 1937 g.)* [Historical Destinies of Sakhalin Koreans. Bk. 1: Immigration and Deportation (the Second Half of the 19th Century – 1937)]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izd-vo.

Men, D.V. 2008. *Koreia i koreiskaia diaspora Kazakhstana: politicheskii aspekt* [Korea and the Korean Diaspora in Kazakhstan: a Political Aspect]. Almaty: Gylym.

Miki, M. 2010. *Kokkyō no shyokuminti. Karafuto* [The Colony on the Board of the State. Karafuto]. Tokyo: Hanawa Shyobo.

Ishikida, M.Y. 2005. *Toward Peace: War Responsibility, Postwar Compensation, and Peace Movements and Education in Japan*. New York: iUniverse, 2005.

Morris-Suzuki, T. 2001. Northern Lights: the Making and Unmaking of Karafuto Identity. *The Journal of Asian Studies* 60 (3): 645–671.

Nagasawa, Sh. 2006. *Senzen Chōsenjin kankei keisatsu shiryōshū: Karafuto-chō Keisatsubu bunsho* [Prewar Korean Relations Police Data Book: Sakhalin Police Department Document]. Tōkyō: Ryokuin Shobō.

Nasekin, N. 1904. Koreitsy Priamurskogo kraia [The Koreans of the Amur Region]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 3: 1–61.

No, Yeongdon. 2004. Sahallin han-in munje, eotteohge doego issna [Sakhalin Korean Problem, How Is It Going?]. *OK Times* 129: 19–27.

No, Yeongdon. 1992. Sahallin han-in-e gwanhan beobjeog jemunje [Legal Issues Concerning Sakhalin Koreans]. 국제법학회논총 37 (2): 123–144.

Pak, N.S. 2005. *Koreiskii iazyk v Kazakhstane: problemy i perspektivy* [Korean Language in Kazakhstan: Problems and Prospects]. Almaty: KazMOiMIa im. Abylai Khana.

Pak, Seung Y. 2019. *Sakhalinskie koreitsy v poiskakh identifikatsii* [Sakhalin Koreans in Search of Identification]. Moscow: Pero.

Prochansky, H.M., A.K. Fabian, and R. Kaminoff. 1983. Place Identity: Physical World Socialization of Self. *Journal of Environmental Psychology* 3: 57–83.

Shcheglov, V.V. 2000. Pereselenie sovetskikh grazhdan na Yuzhnyi Sakhalin i Kuril'skie ostrova v seredine 40-kh – nachale 50-kh gg. XX v. [Relocation of Soviet Citizens to Southern Sakhalin and the Kuril Islands in the Mid-40s – Early 50s of the 20th Century]. *Kraevedcheskii biulleten'* 4: 54–68.

Suh, Dae-Sook, ed. 1987. *Koreans in the Soviet Union*. Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawaii.

Tsupenkova, I.A. 1997. Zabytyi teatr (iz istorii Sakhalinskogo koreiskogo dramaticheskogo teatra. 1948–1959 gg.) [A Forgotten Theatre (from the History of Sakhalin Korean Drama Theatre. 1948–1959)]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia* 4: 207–213.

Twigger-Ross, C.L., and D.L. Uzzel. 1996. Place and Identity Processes. *Journal of Environmental Psychology* 16 (3): 205–220.

Vysokov, M.S. 1999. Perspektivy resheniia problemy repatriatsii sakhalinskikh koreitsev v svete opyta Izrailia, Germanii i drugikh stran [Prospects for Solving the Problem of Repatriation of Sakhalin Koreans in the Light of the Experience of Israel, Germany and Other Countries]. *Kraevedcheskii biulleten'* 2: 94–102.

Waldinger, R. 1994. The Making of an Immigrant Niche. *International Migration Review* 1: 3–28.

Yem, N.B. 1998. Sovremennye tendentsii mezhnatsional'nykh brakov sredi koreiskogo naseleniia (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa koreitsev g. Almaty) [Modern Trends of Interethnic Marriages among the Korean Population (Based on the Results of a Sociological Survey of Koreans in Almaty)]. *Vestnik KazGU. Seriia vostokovedeniia* 3: 55–62.

You, C., and Jangwon Ha, eds. 2018. *The Korean Language Spread in Diaspora – Focusing on the Language Education. Monograph of the Center for Korean Diaspora*. Berkeley: USLA.

© И.Л. Бабич

ПОЛИТИКА И КРУГИ ОБЩЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ ВО ФРАНЦИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Ключевые слова: Франция, северокавказские эмигранты, культура, адаптация, политика

Кроме русских эмигрантов, во Францию в 1920-е годы приехали и северокавказцы, не готовые мириться с установлением советской власти в своем регионе. Статья, подготовленная на основе архивных и полевых этнографических материалов, собранных во Франции, посвящена изучению социально-общественных и национально-культурных сред, в рамках которых выходцы с Северного Кавказа могли общаться в новой стране в 1920–1930-е годы. Это позволило автору рассмотреть вопрос о роли этнического фактора в ходе адаптации горцев к новой жизни и сделать вывод о том, что в основе их существования во Франции была "политическая" ориентация (монархическая или националистическая). Этнический фактор был важен лишь в рамках определенной политической группы. Постепенно национальная идентичность северокавказцев размывалась.

В течение 1920–2010-х годов было несколько волн северокавказской эмиграции в Европу. После 1917 г., когда в Российской империи совершились Февральская, а затем и Октябрьская революции, в стране произошел массовый отъезд населения. Среди тех, кто оказался не готов принять советскую власть, были и северокавказцы. Им, как и остальным эмигрантам из России, предстояло приспособиться к жизни в изменившихся условиях. Одним из важных инструментов адаптации являлось формирование национально-культурных и социально-общественных сред (сообществ), в рамках которых северокавказцы могли общаться, чувствовать себя относительно комфортно в новой стране.

Цель предлагаемой статьи – на основе собранных автором во Франции архивных материалов (архив азербайджанского деятеля Али Мардана Топчибаши, архив Префектуры полиции, архив Парижа), полевых этнографических данных, а также опубликованной информации описать формирование различных политических, национально-культурных и социально-общественных сред, в которых северокавказские эмигранты общались в 1920–1930-е годы, и проанализировать роль ключевых факторов (социального, политического, профессионального, этнического, религиозного и культурного) в этих процессах.

Среди выходцев с Северного Кавказа можно выделить две основные категории беженцев: монархически ориентированные (в т.ч. и горцы-казаки) и националистически ориентированные. Первые в силу своих политических убеждений тяготели

Ирина Леонидовна Бабич | http://orcid.org/0000-0003-1879-1608 | babi7chi@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Ленинский пр-т 32а, Москва, 117303, Россия)

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

к русской среде, а вторые всячески ее сторонились и выстраивали свои круги общения. Формирование связей русских эмигрантов проходило иными путями, чем у кавказцев (северокавказцев), поскольку, во-первых, у них не было столь явных политических противоречий, и во-вторых, их было значительно больше: это облегчало создание многочисленных кругов по интересам и иным критериям (*Менегальдо* 2001; *Сабенникова* 2002).

В настоящее время нынешние переселенцы с Кавказа (в т.ч. и с Северного), а также российские исследователи начали активно заниматься историей кавказской эмиграции в 1920–1930-е годы в Европу. В целом изучаются общественно-политические аспекты этого явления, в частности кавказские националистические движения, в основу которых были положены идеи независимости Кавказа, а также судьбы отдельных идеологов этих движений (Г. Мамулия, М. Вачагаев, С.М. Исхаков, Х.-М. Доного, И.Л. Бабич и др.) (*Бабич* 2016; *Исхаков* 2001; *Matoulia* 2007). Представляется чрезвычайно интересным этнографическое исследование адаптации северокавказцев к европейской жизни и культуре, выявление основных механизмов данного процесса.

Кавказцы и национализм

Хотя для кавказцев главным в эмиграции было привыкание к французской жизни, тем не менее значительной составляющей их повседневности являлась общественно-политическая деятельность, связанная с формированием политических партий, движений, с формулированием политических программ. В основе всех программ, уставов этих объединений лежал вопрос о видении будущего Кавказа – либо в составе России, либо независимого – одного государства, нескольких государств или конфедерации государств.

Во Франции оказались кавказцы (в т.ч. и северокавказцы) разных политических взглядов. С одной стороны, вместе с волной военной эмиграции в страну прибыли уроженцы Северного Кавказа, которые до 1917 г. служили в императорских вооруженных силах (в Российской армии и казачьих войсках). Получив образование и воспитание в российских военных учебных заведениях, перейдя в казачье сословие, пожив с остальными казаками бок о бок в российских станицах юга страны, они, как правило, имели монархические взгляды, были преданы последнему русскому императору Николаю II, разделяли пророссийские взгляды на историю включения Кавказа, в т.ч. и Северного, в состав Российской империи. Такие эмигранты (чаще всего – участники Белого движения в России в 1917–1922 гг.) и во Франции сохраняли свои политические воззрения.

Главной целью большинства так наз. националистических кавказских объединений было создание независимых от России кавказских государств. Наиболее популярной, или, точнее, наиболее пропагандируемой, была концепция формирования нескольких самостоятельных государств в форме *Конфедерации народов Кавказа* (*Кавказской конфедерации*). Эта идея появилась в эмигрантских кругах практически сразу, ее инициатором был крупный азербайджанский деятель Али Мардан Топчибаши, который сумел объединить вокруг нее большую часть кавказских общественных сил. Целью данного движения было привлечь сторонников единого государства на базе нескольких (четырех) менее крупных государственных объединений: Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. Концепция была поддержана грузинами, азербайджанцами и северокавказцами, но не армянами, которые в силу целого ряда причин на протяжении многих лет отказывались участвовать в движении. В 1924 г. был подготовлен и подписан общественными деятелями Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа документ об образовании Конфедерации четырех республик Кавказа (за Арменией было оставлено место в Конфедерации) (АМТ: Кор. VII).

Идеологи независимости Кавказа от России стремились использовать сложившуюся в империи революционную ситуацию и период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Зарубежные делегации Северного Кавказа, Армении, Грузии и Азербайджана, состоявшие из тех, кто в 1917–1919 гг. занимал различные должности в правительствах, прибыли в 1919 г. в Париж на мирную конференцию[1], во время которой попытались получить признание своей независимости у европейских держав. Сделать это не удалось. В результате руководители и члены делегаций остались во Франции, сосредоточившись на активной общественно-политической борьбе за это признание.

Безусловно, разные взгляды на будущее Кавказа оказывали влияние на характер взаимоотношений представителей кавказских народов (северокавказцев, грузин, азербайджанцев и армян), очутившихся в эмиграции в 1920–1930-е годы. Поэтому можно говорить о том, что во Франции (главным образом в Париже) существовали разные кавказские круги, точнее, “пророссийские” и “националистические”. Среди кавказцев, которые стремились к общественной деятельности, были те, кто следовал своей политической ориентации и не контактировал со своими соплеменниками, имевшими другие воззрения. Были и те, кто старался общаться со всеми соотечественниками. Особенно остро политические разногласия задевали северокавказцев, которых было значительно меньше, чем представителей Южного Кавказа.

Выходцы с Северного Кавказа, желавшие создать собственное независимое государство, всячески ограничивали свои контакты с русскими эмигрантами. В своих публикациях на Западе они постоянно критиковали политику Российской империи на Кавказе, русскую культуру и идеологию. Как отмечал историк М. Вачагаев, чеченцы Чермоевы, кумыки Бамматы стремились к тому, чтобы французы идентифицировали их отдельно, как горцев, и не смешивали ни с русской, ни с кавказской послереволюционной эмиграцией. Уже в 1920-е годы во Франции никто не причислял армян, азербайджанцев и грузин к русской диаспоре: они выделились и создали собственные круги общения. Чуть позже, ближе к 1930-м годам, и украинцы перестали ассоциироваться с русскими — у них появились свои церкви, школы. Горцы-националисты с Северного Кавказа тоже хотели построить свое обособленное сообщество, потому что боялись раствориться в общей эмиграционной массе и потерять национальную идентичность (*Вачагаев* 1).

Во Франции велись жаркие дискуссии по поводу роли русской культуры на Кавказе вообще и на Северном Кавказе в частности. Осетин, один из тех военных Российской армии, участников Гражданской войны на стороне Белой армии, которые в дальнейшем поменяли свое отношение к России и к включению Северного Кавказа в состав империи, Барасби Асланбекович Байтуганов в статье “Нужно ли это?” подчеркивал:

> В последнее время в некоторых кругах национальной северо-кавказской эмиграции выдвигается странная, по меньшей мере, тенденция. Эти круги приписывают русской культуре в будущих судьбах Северного Кавказа какую-то исключительно положительную роль: они выделяют эту культуру из ряда иных культур и считают, что развитие Северного Кавказа, даже при условии независимого существования, немыслимо без тесной связи с нею. В качестве аргумента выставляется при этом наша география: соседство наше с Россией, с источником этой культуры... Практическая польза такого исключительного отношения к русской культуре для нас непонятна. Мало того, выявление этой тенденции в настоящий момент, когда национальный Северный Кавказ должен всячески противодействовать влиянию русской культуры, кажется нам опасной... Общечеловеческая ценность русской культуры – относительна. Главной особенностью этой культуры является ее подражательный, заимствованный характер. Все определяющие ее факторы, начиная с христианства и кончая марксизмом, были импортированы на русскую почву с Запада и Востока... Но особенно опасным свойством русской культуры является ее необыкновенная агрессивность, воинствующий

> шовинизм, ее нетерпимость к иным с ней соседящим культурам. Всю историю русского народа можно охарактеризовать как постоянное стремление распространить свою политическую власть и свой язык, религию и культуру на возможно большее число иных народов, искоренив в этих последних всякую национальную самобытности (*Байтуган* 1934).

Представители националистических воззрений организовали в эмиграции ряд объединений, которые помогали им вести работу. Так, во Франции появилась *Народная партия горцев Кавказа* (ее членами стали карачаевец М.Л. Абуков, осетины К.-Х. Бесолов, Д. Дзанти, Т. Елекхоти и др.). Участник этого объединения (под псевдонимом Рядовой Горец) писал в журнале "Горцы Кавказа", что казачество стремится решить все свои вопросы путем "дальнейшего расчленения Горцев и в стеснении их территориальной жизни" (Рядовой Горец 1929). Мурза-Бек в своей статье "К вопросу о северных границах Республики Горцев Кавказа" подчеркивал:

> Не так давно в эмиграции народилась группа идеологов казачьего великодержавия и развернула флаг своей самостийности на страницах журнала "Вольное Казачество"... Сначала журнал говорил о независимом государстве, объединяющем три казачества: Донское, Кубанское и Терское (*Мурза-Бек* 1930: 33).

Между эмигрантскими движениями северокавказских горцев и казаков существовали территориальные разногласия. Они по-разному отвечали на вопрос, в каких границах планируют создавать свои независимые государства – Кубань и республику Северного Кавказа. Так, горцы считали, что "казачье население в Терской области Горской Республики – население пришлое" и северокавказцы имеют право "на весь Терский край в целом" (*Мурза-Бек* 1930: 36–37, 41). "Только Дон – исконно казачья территория" (Там же: 55).

Для кавказских эмигрантов-националистов было важно включиться и во французскую среду. С одной стороны, они ожидали от французов и финансовую, и правовую, и моральную помощь и поддержку в своей борьбе за независимость Кавказа (АМТ: Кор. IV). С другой стороны, эмигрантам нужно было адаптироваться к жизни в новой стране.

Для сближения с французской политической и военной элитой кавказцы во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов устраивали балы, на которые приглашались ее представители. Часто рауты приурочивали к французским праздникам, например, Дню взятия Бастилии (14 июля). Так, в 1933 г. гостем вечера, проводимого Союзом бывших армян-комбатантов, был Анри Филипп Петен – крупный военный и государственный деятель, маршал Франции (с 1918 г.).

В 1920-х годах Комитет черкесских беженцев Северного Кавказа также организовывал балы, на которые звались известные и влиятельные французы, например: члены семей еврейских банкиров, проживавших во Франции с начала XIX в., бароны д'Эйхталь и Генри Ротшильд; французский дипломат Жозеф Луи Филипп Бертло, который много лет провел в Азии и хорошо знал и понимал восточно-азиатские проблемы; генерал Эдмон Альфонс Буат, с 1920 г. занимавший должность начальника Генерального штаба французских войск; герцогиня Анна д'Юзес, французская аристократка, политический деятель, активная участница различных парижских обществ и благотворительных организаций; маркиза де Сен-Поль, пианистка, имевшая музыкальный салон; баронесса Лазер (была медсестрой во время Первой мировой войны); Жюстен Годар, политик, министр труда и гигиены в 1922–1923 гг., и др.

Особое значение кавказские политические лидеры придавали средствам массовой информации, с помощью которых они планировали привлечь внимание к своей родине, объяснить ее проблемы и т.д. Так, в престижной гостинице "Лютеция" кавказцы – члены *Комитета дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины*

организовали специальную встречу с главным редактором швейцарского издания “Журнал де Женев” Жаном Мартэном. Чтобы французы лучше понимали Кавказ, его особенности и политические амбиции, кавказские активисты стали переводить на французский язык протоколы заседаний эмигрантских общественных организаций, которые в настоящее время хранятся в архиве Али Мардана Топчибаши.

Еще до революции, в 1913 г., в Париже французским востоковедом Абдон-Буассоном было создано общество *Франция–Восток* (France–Orient). В 1920–1930-х кавказцы использовали эту площадку для проведения встреч с французами (АМТ: Кор. IV). Например, 21 ноября 1933 г. под председательством президента Французской Республики в клубе “Иена” состоялся банкет в честь 20-летия существования общества, на котором присутствовало много влиятельных выходцев с Кавказа: грузин А.И. Чхенкели, армянин А.И. Хатисов, кумык Г. Баммат, азербайджанец Д. Гаджибейли и др. Во время торжества дочь Али Мардана Топчибаши – Север Ханум исполняла азербайджанские народные танцы, а затем были устроены турецкие (Хроника 1934: 15).

В целом контакты с местной элитой были ограничены в силу того, что лишь единицы из северокавказской общины приехали в новую страну со знанием французского (кумык Г. Баммат, адыг А. Намиток, осетин Д. Дзанти). Большинство на нем не говорило и предпочитало общаться либо с кавказской, либо с русской диаспорами, в которых использовался русский язык. Им северокавказские эмигранты владели хорошо.

Для политических целей привлекались и турки. Во Франции в те годы не было большой турецко-северокавказской диаспоры и, соответственно, турецкой среды, но была достаточно плотная связь между северокавказскими и азербайджанскими эмигрантами и турецко-северокавказской диаспорой из самой Турции. Для Северного Кавказа и Азербайджана Турция являлась стратегическим партнером в их борьбе за независимость. В 1926 г. в Стамбуле была подписана Декларация и составлен регламент *Комитета независимости Кавказа*. Он учредил журнал “Прометей” (на франц. яз.) (АМТ: Кор. X). В 1920-е годы в Турции появились азербайджанская и северокавказская диаспоры, которых называли там “белые мусульмане России” (АМТ: Кор. I). Потомки северокавказцев, эмигрировавших с родины в Османскую империю в течении XIX – начале XX в., охотно контактировали с новой волной северокавказцев Франции, предлагая свои силы в совместной общественной борьбе (*Джаван* 1935). В 1935 г. во Франции по инициативе азербайджанских эмигрантов был организован тюркский орден *Серый волк*. Как указано в его уставе, он есть “национальный, расовый и военный орден народов Тюркской расы”. “Орден имеет целью – Защита Родины каждого народа в отдельности и всеобщей Родины Тюрков, так как и защита всех религиозных доктрин, исповедуемых Тюрками, от всяких нападений и всяких антирелигиозных пропаганд... защита и пропаганда национальных тюркских традиций... защита семейных традиций, вдов и сирот”. В общество принимались лица обоего пола от 21 года, которые могли доказать свое тюркское происхождение (АМТ: Кор. V). Создание такого ордена, безусловно, способствовало укреплению связей между кавказскими эмигрантами во Франции и кавказцами в Турции.

Кавказцы и монархизм

Наряду с этим во Франции появилось множество военных организаций, которые собирали отдельные российские полки, части и т.д. Были и крупные объединения, например *Союз офицеров Кавказской армии* и др. Туда входили и русские, и кавказцы – военные, приехавшие из южных городов России: Владикавказа, Ставрополя, Нальчика, Грозного, Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков. Большинство русских эмигрантов, родившихся на Кавказе, служили там чиновниками в военных частях или стали кавказоведами.

Казачье сообщество было важной частью культурного пространства Франции. В основном в эмиграции были три группы казаков: донские, кубанские и терские. Северокавказцы имели тесные связи с кубанскими и терскими. Для тех выходцев в Северного Кавказа, которые принадлежали к казачьему сословию, казачья среда стала основной и в новой стране. Во Франции все военные и казачьи подразделения образовали общественные объединения. Князь, генерал-майор, кабардинец Тембот Бекович-Черкасский, имевший ордена Св. Георгия 4-й и 5-й степеней, много лет в эмиграции был членом *Союза Георгиевских кавалеров*, а в 1943 г. стал его председателем (*Мнухин, Авриль, Лосская* 2008: 23). Было и *Кубанское объединение казаков*. В него входили как собственно казаки, так и горцы-казаки. Среди его членов можно назвать, например, адыга, полковника Венедикта Евдокимовича Кучмия или уроженца Майкопа Константина Тимофеевича Баева. В 1930 г. в Лионе был устроен *Кубанский хутор*, на котором находилось 60 казаков. Они также проживали вместе в станицах, созданных в Монтаржи, Труа, Марселе, Шампани и даже Париже. Во Францию переехало много казаков родом из Майкопа, Черкесска или Екатеринодара (LFP). Среди них были, например, хорунжий Кубанского войска Михаил Еременко, который служил вместе с другим известным кубанским казаком, западным адыгом (натухайцем), генералом С.Г. Улагаем, и Федор Иванович Елисеев, который организовал танцевальную группу джигитов, успешно гастролировавшую по странам Европы и Юго-Восточной Азии (в нее входили и западные адыги Н.С. Асланов, Чуков).

В эмиграции было создано *Объединение терских казаков (терцев) во Франции*. Перечислим некоторых его членов-осетин: хорунжий Александр Агоев; генерал-майор Константин Агоев, ставший к 1953 г. зам. председателя войскового атамана Терского казачьего войска; Н.М. Байтуганов; Д.Н. Габанов; А.А. Гагосов и мн. др. Осетины активно участвовали в деятельности казачьих союзов. Были и русские казаки, родившиеся в Терской и Кубанской областях (например, В. Аксенов, И. Баранников, А.И. Шелудченко). В 1930-е годы в Париже проживал один из идеологов казачьего движения, основатель журнала “Вольное казачество” (Прага) И.А. Билый (*Мнухин, Авриль, Лосская* 2008).

В 1920–1940-е годы во Франции работал *Союз кубанских писателей и журналистов*. Конечно, казаки-литераторы были связаны с северокавказцами. Например, известный в эмиграции поэт, казак Иван Иванович Сагацкий в 1938 г. издал в Париже сборник стихов “Память”, в 1942 – сборник стихов “Встречи”. Он был хорошо знаком с упомянутым выше эмигрантом-кабардинцем, генералом-майором Темботом Бекович-Черкасским, на смерть которого написал стихи (1954 г.) (АМТ: Кор. I).

Часть северокавказских лидеров была увлечена масонскими идеями и примкнула к русским масонским ложам, которые начали активно действовать во Франции. Русские эмигранты, проживавшие в Париже, стали инициаторами создания ложи для кавказцев. Среди ее основателей был Юлий Федорович Семенов (родился в Тифлисе), который еще до революции работал редактором газеты “Кавказское слово”. В эмиграции он стал членом *Славянского комитета в Париже*, *Русского национального комитета*, главным редактором газеты “Возрождение”. Другие примеры членов кавказской масонской ложи: владелец черепичного завода в Грозном Павел Леонардович Штейнгель и его старший брат, помещик Алексей (родились во Владикавказе); имевший нефтяной бизнес в Грозном, собственник домов во Владикавказе Федор Штейнгель; военный востоковед, генерал-майор Генерального штаба Николай Лаврентьевич Голеевский; востоковед, военный Андрей Анатольевич Лобанов-Ростовский; владелец нефтяного бизнеса на Кавказе Алексей Иванович Путилов.

Целью этой организации было “участие масонов в восстановлении монархической жизни в России”, поэтому среди политических вопросов, задаваемых профанам (т.е. желающим вступить в ложу), главными стали следующие: об отношении к России и будущей форме правления в ней, об отношении к будущему национальных

регионов бывшей Российской империи, в т.ч. и Кавказа (Бурышкин). Политические взгляды северокавказских лидеров, которые стремились вступить в русские ложи, имели большое значение: для новых членов проводилась отдельная беседа на эту тему. Как правило, все они имели промонархические взгляды и видели Северный Кавказ в составе будущей Российской империи. Исключение составляла позиция члена III Государственной Думы, мусульманина Ибрагим-Бека Исабековича Гайдарова (Гайдара), который подчеркивал: не следует преуменьшать роль и влияние ислама на народы Северного Кавказа. В беседе с русским масоном П. Половцовым он говорил, что "в мусульманской стране не может быть отделения *церкви от государства*, ибо ислам руководит и школой, и судом и т.д.", подразумевая под такой страной свой родной Дагестан. Далее он уточнял: "Для дагестанца шариат и адаты – вполне достаточный свод законов, другого ему не понять" (АБЛФ).

Некоторые семьи северокавказских военных-эмигрантов, например Бековичи-Черкасские и Хагондоковы, были тесно связаны с русской диаспорой. Имя дочери К. Хагондокова – Эльмесхан (Лейла), но еще в России она предпочитала называть себя русским именем Гали. В эмиграции она говорила французам, что она русская (*Вачагаев* 2). Дочь осетинского офицера Михаила Абациева вспоминала, что ее отец имел близкого русского друга, родившегося в Екатеринодаре (ныне – Краснодар), штабс-капитана саперного Донского батальона С.М. Кожевникова (1897–1985). Членом *Дамского комитета Казачьего союза* и *Терского объединения казаков во Франции* была уроженка Владикавказа Нина Георгиевна Стортенбекер. Во время Гражданской войны она участвовала в Первом Кубанском походе в качестве медсестры, а в эмиграции стала также членом *Объединения сестер милосердия Российского общества Красного Креста* (РОКК). Она организовывала благотворительные вечера и балы казачества, была дружна со многими северокавказцами, особенно с осетинами.

Другой пример. Круг общения адыга, дипломата Василия Николаевича Гаджемукова и его родственников включал, во-первых, его бывших сослуживцев (в основном русских), тех, с которыми он работал последние годы перед эмиграцией в Константинополе, и, во-вторых, русскую (казачью) среду. Дипломат много лет трудился на Востоке, последними местами его службы были следующие: российский консул, начальник Дерсиманского р-на (турецкая провинция Тунджели) (1917), первый драгоман Российской дипломатической миссии в Константинополе (1920–1922) (СГ). Многие сотрудники константинопольского посольства в конце 1922 – начале 1923 г. переехали во Францию. Среди них были Константин Михайлович Ону и Сергей Владимирович Тухолка, с которыми В.Н. Гаджемуков сохранял контакты и в эмиграции. В 1921 г., когда Гаджемуков был еще в Константинополе, у него родилась дочь Нина. Девочка была крещена в церкви Св. Николая Русского округа при общежитии № 6 (СГ). Ее восприемниками стали сотрудники миссии: первый драгоман российского посольства в Константинополе С.В. Тухолка и жена советника посольства К.М. Ону – Екатерина Константиновна. Тухолка (1874–1954) с 1924 г. жил в Париже, работал переводчиком, увлекался оккультизмом. 17 октября 1924 г. у Гаджемукова в Марселе родилась дочь Александрина (Александра). 12 декабря она была крещена в местной церкви Воскресения Христова. Восприемниками стали бабушка девочки Елизавета Васильевна Гаджемукова и бывший секретарь посольства в Константинополе Андрей Михайлович Ону (1881–1950). В эмиграции оказались три брата-дипломата: Андрей, Константин и Александр Ону. Константин Михайлович работал вместе с В.Н. Гаджемуковым в Российской дипломатической миссии в Константинополе (1920–1922). Андрей (1881–1950) и Константин (1875–1950) обосновались в пригороде Парижа Кламаре. Туда со временем перебрался и один из сыновей В.Н. Гаджемукова – Измаил, который, как и братья, похоронен на местном кладбище. Известно, что адыгский дипломат встречался в Париже с крупным казачьим деятелем Н. Туроверовым. В семейном архиве Гаджемуковых есть об этом материалы.

Н. Туроверов писал стихи, посвященные северокавказским народам, например “Чеченская песня” (СГ).

Русские интересовались Кавказом и изучали его. Генерал Генерального штаба, ставший в эмиграции кавказоведом, Д.Н. Воронец (1852–1932) читал лекции по осетинскому языку в Школе восточных языков в Париже. Его сын, профессор Г.Д. Воронец, в 1928 г. при французском Институте восточных языков открыл курсы осетиноведения и осетинского языка (*Чуваков* 1999: 549).

Были и кавказцы, которые тяготели к русской среде. В Париже был организован *Очаг друзей русской культуры*, и в его работе принимали участие и кавказцы. Например, армянин А.И. Хатисов выступил с докладом по истории и культуре Армении, осетинский писатель Гайто Газданов на заседаниях молодых писателей и поэтов (“Вторники”, “Кочевье”), которые посещали М. Цветаева, Н. Бердяев, И. Куприн, С. Эфрон, М. Слоним, читал свои произведения (*Мнухин* 1995: 89, 120).

Политические разногласия кавказцев вообще и северокавказцев в частности, безусловно, отразились на системе организации материальной и иной помощи беженцам. Те, кто имел монархические взгляды, контактировал с русскими и пользовался русскими фондами, те, кто – националистические, создавал свои фонды и прибегал только к ним. Многим удалось вырваться из нищеты первых лет эмиграции, некоторым – нет.

Покажем это на примере деятельности Земгора. Изначально это была посредническая структура по распределению государственных оборонных заказов, созданная в Российской империи в 1915 г. на базе земств и городских судов. В 1920 г. в Париже русскими эмигрантами по инициативе французского правительства было учреждено *Объединение земских и городских деятелей за границей – Земгор* (Comité des zemstvos et municipalités russes de secours des citoyens russes à l’étrangér). Оно стало посредником в распределении получаемой из разных источников помощи для русских беженцев. Северокавказцы, которые в Российской империи служили военными, казаками, чиновниками, и в эмиграции сохраняли приверженность единству Российской империи, охотно обращались в Земгор. Среди таковых были: адыги: военные – офицер Пши-Мурза Тамбиев, участник Добровольческой армии В.Е. Кучмий, генерал Российской армии К. Хагондоков, полковник Г.С. Хубияров, казаки – А.А. Джагинов, И.М. Коцарев, К.И. Хачкурусов, Ш. Кефов, М.Ш. Шогенов, В.Н. Кудашев, И. Пшизов; осетины: военные – К.С. Латиев, А.О. Сикоев, Х.Г. Сикоев, И. Туваев, О. Гусалов, казаки – Х.П. Тибиков, Д.Н. Габанов, А.А. Жускаев, Х.-М.А. Чельдиев, П.В. Циклауров, Г.П. Татонов и др. Есть в архиве фонда и просьбы от северокавказских женщин: З. Маймескуловой, Г.А. Султан-Гирей, А.Д. Джабагиевой, М. Джамбаровой.

Впоследствии в Земгор обращались и дети северокавказцев, приехавшие во Францию вместе с родителями. В организации был отдельный фонд для предоставления стипендий студентам, в т.ч. и студентам-кавказцам (АЦК: Ф. 13. Оп. 2).

Земгор стал инициатором создания во Франции ряда старческих домов (домов престарелых), куда попадали больные или просто пожилые русские эмигранты, за которыми некому было ухаживать. Многие северокавказцы также проводили в них свои последние годы. Осетин, генерал-майор Собственного конвоя Его Величества Я.В. Хабаев был председателем отдела *Союза русских военных во Франции* (1931 г.), членом инициативной группы помощи престарелым инвалидам (1938 г.). Иногда северокавказцы работали в администрации этих домов. В Ницце был организован старческий дом для военных инвалидов. Одно время его директором был осетин, полковник А.Н. Колиев.

В русском доме военных инвалидов в Монморанси проживали кубанский казак, полковник Г.С. Хубияров, осетин, полковник Терского войска Г.Г. Дотцев, вдова упомянутого выше кабардинца Тембота Бекович-Черкасского, кумычка, княжна Надживат Капланова, осетин, полковник Кирилл Константинович Акоев (там же

позже находилась и его вдова Мария Александровна Сверчкова). В русском доме в Шелли доживал свой век западный адыг, казак В.Е. Кучмий, в русском доме в Ницце – осетин, казак Хаджи Омар Асланбекович Мистулов (АН: Rég. 1270). В доме престарелых в Кормей-ан-Паризи находились осетины: генерал-майор Генерального штаба Г.П. Татонов, полковник Терского казачьего войска, член *Объединения осетин во Франции* К.С. Лотиев (Некролог 1969а; Некролог 1969б), А.А. Гагосов, родной брат А.К. Бурнацева (основателя *Объединения осетин во Франции*, Института осетиноведения во Франции) – М.К. Бурнацев. Кабардинец, князь Владимир Николаевич Кудашев последние годы проживал в Русском общежитии для стариков, расположенном в пригороде Канн Валлорисе и созданном Красным Крестом, в этом же доме оказался осетин Иван Туваев. Общество *Быстрая помощь* было образовано в предместье Парижа Ганьи в 1945 г. для оказания помощи русским эмигрантам-беженцам. Одним из его организаторов был армянин, масон М.С. Тер-Погосян, а одним из директоров – осетин, офицер Российской армии М.Н. Абациев. Последние годы жизни в русском доме в Сент-Женевьев-де Буа вместе с женой Марией Николаевной провел и упомянутый выше дипломат, адыг В.Н. Гаджемуков (СГ).

Во Франции в 1920-е годы появились различные северокавказские общественные союзы, которые стремились к объединению своих соотечественников в эмиграции и организации помощи горцам-беженцам (*Ассоциация беженцев-горцев Северного Кавказа*, *Союз горцев Кавказа*, *Общество горских народов Северного Кавказа*). Самыми крупными и активными в те годы были две северокавказские общины – осетинская и адыгская (черкесская). Кавказцы вообще и северокавказцы в частности, с одной стороны, обращались в русские фонды, а с другой – создавали свои (национальные) фонды. Часто они назывались по этнической принадлежности народов Кавказа, например, в Париже активно работал *Комитет по оказанию помощи черкесским беженцам Северного Кавказа в Париже* (Le Comité de Secours aux Réfugiés Circassiens du Caucase du Nord à Paris). Его президентом был авторитетный кабардинец, генерал Российской армии К.Н. Хагондоков, членами – ингуш М. Куриев, осетин, генерал М. Дударов и др. Комитет проводил благотворительные балы в модных залах Парижа, на которые приглашались русские и кавказские певцы, танцоры и т.д. Доходы от этих вечеров шли на оказание помощи черкесским беженцам (АМТ: Кор. XI). В 1932 г. в префектуре полиции Парижа была зарегистрирована *Ассоциация горских беженцев Северного Кавказа во Франции* (Association des Réfugies Montagnards du Caucase du Nord en France). Ее президентом стал кабардинец Руслан Джанбеков, вице-президентом – дагестанец Ахмед Хан Аварский, казначеем – кумык Рамазан Бикежев. Членами ассоциации были люди разных профессий и политических взглядов (в т.ч. масоны и военные Российской армии): Патиш Оптанов, Батыр бек Сикоев, Борок Бжегаков, Джамал Албогачиев, Саид Эмин Тукаев, абхаз Иван Шервашидзе[2] и др. Большинство из них проживали во Франции, но были и члены из других европейских стран (например, К.-Х. Бесолов из Чехии). 27 марта 1932 г. ассоциация провела общее собрание молодежи (присутствовало 32 человека, среди которых – А. Аварский, Барагушев, Барачук, К.-Х. Бесолов, Джавиташвили, Кази Хан, Отпанов, Уцлиев, Эльдаров, Бесленниев, Давидашвили, Довусоков, Кануков, Кармов, Г.Я. Туаев, Тукоев, Хакуро, Девлет Шакманов) для того, чтобы организовать Кассу взаимопомощи горцев Кавказа. Были собраны взносы (10 франков в год с каждого члена) (АМТ: Кор. IV).

Существовали и региональные объединения. В 1933 г. была создана общегорская общественная организация *Братство Горцев Кавказа в Лионе*. Его председателем стал дагестанец (кюринец) Абдул-Муталим Бабаев. Целью братства было предоставление помощи северокавказским эмигрантам, его фонд пополнялся за счет членских взносов (в размере 10 франков в год с каждого члена) (Хроника 1933).

Благотворительные концерты в пользу переселенцев проводили в Париже и *Объединение черкешенок Северного Кавказа во Франции* (Union des Dames Circassiennes du Caucase du Nord en France), и *Объединение осетинок Северного Кавказа во Франции*. В 1925 г. почти одновременно появились два общества: *Осетинское национальное объединение* и *Объединение осетин во Франции*. К 1930 г. их руководителям удалось договориться, и две организации слились в одну – *Объединение осетин во Франции* (состав правления: М.Н. Абациев, К.С. Лотиев, А.К. Бурнацев). Приблизительно в то же время был создан и *Союз осетинок в Париже*. Естественно, эти площадки были местом частного общения членов осетинской колонии. Кроме упомянутых выше курсов осетиноведения и осетинского языка профессора Г.Д. Воронца в 1932 г. при европейском центре Музея Н.К. Рериха в Париже был образован научный Комитет осетиноведения (руководитель Д. Дзанти), который стал издавать журнал "Осетия" (*Мнухин* 1995: 35, 45).

Было ли у эмигрантов стремление общаться с представителями своей колонии? Безусловно. Северокавказцы в эмиграции контактировали как с единоплеменниками, так и с братьями-горцами. Например, крупнейший деятель Северного Кавказа кумык Гайдар Баммат дружил с северокавказцем Исламбеком Хандаевым, осетином А. Кантемиром, адыгом Муратом Натырбовым. Особенные отношения его связывали с художником, дагестанцем Халилом Мусаевым. В семье потомков Гайдара до сих пор хранится картина, написанная Х. Мусаевым, на которой изображены дети Гайдара. Его сын Тимур дружил с адыженкой Лейлой Тлигоруковой (ПМА: М. Баммат). Если у кого-то из северокавказских эмигрантов возникали проблемы (с властью, полицией и т.д.), то они всегда приходили друг другу на помощь. Например, когда осетин Т. Елекхоти оказался во французской полиции и на него было заведено следственное дело, то положительные рекомендации на него не побоялись дать кабардинец К.Н. Хагондоков и чеченец А.М. Чермоев (АПП: Елекхоти, № 7.157). В 1930 г. у врача, кабардинца И. Шакова появились судебно-медицинские проблемы. К нему на помощь пришел балкарец, адвокат Т. Шакманов. Как правило, именно северокавказцы и казаки поддерживали одиноких эмигрантов или сообщали в мэрию Парижа о смерти своих одиноких соотечественников. Когда в возрасте 57 лет скончался проживавший в одиночестве осетин, штабс-ротмистр М.В. Хоранов, мэрию об этом проинформировал другой осетин Борис Сикоев (АП: 1942. Rég. 4640. 15-й округ). В 1969 г. умер одинокий казак ст. Ново-Осетинской, полковник Терского Казачьего войска, награжденный всеми боевыми орденами и Георгиевским оружием, осетин К.С. Лотиев. "Терцы", т.е. сослуживцы Лотиева по I Волгскому полку, сообщили через газету о его смерти. Об уходе казака ст. Черноярской, последнего начальника Штаба Терского казачьего войска, полковника, осетина Георгия Степановича Хутиева также написали "терцы" (Некролог 1964; Некролог 1969а).

Большинство северокавказцев проживали в 15-м округе Парижа, причем иногда на соседних улицах, в соседних домах или квартирах. Это позволяло им часто общаться. В те годы в Париже приобрел известность кавказский ресторан осетина, офицера кавалерийского полка Султана Битарова, который часто предоставлял свое помещение для встреч осетинской диаспоры. В семейном архиве его потомков сохранилась фотография, сделанная не позже 1940 г., на которой изображены осетины Газаев, Газанов, С. Битаров, К. Есиев, К. Габулов, О. Гусалов, А. Худалов, Г.Г. Дотцев, И.Т. Харадуров, Г.О. Джанаев (с супругой), Цараева, Кабалоева и Е.К. Бурнацева (ПМА: Т. Битарова). В Париже офицер ингушского полка Андрей Берс был владельцем ночного ресторана "Кунак", который располагался на бульваре Монмартр, свой ресторан имел осетин Аслан Бек Худалов, большую популярность приобрел ресторан "Джигит" (Реклама 1930). В таких заведениях часто звучала кавказская музыка и исполнялись кавказские танцы. Например, в них с танцами выступали ингуш Дж. Албогачиев, осетин Г.О. Джанаев (один из старейших членов общества *Осетинский аул*

во Франции), ротмистр Осетинского эскадрона Терского полка Григорий Яковлевич (Мурад-бей) Туаев. Последний работал в парижском ресторане “Бор”, кабаре “Pile ou Face” (по адресу ул. Пигаль, д. 59), где исполнял лезгинку, участвовал в ревю в “Casino de Paris” (Реклама 1929). В Париже был известен и другой танцор, кабардинец Руслан Джанбеков, который выступал с кавказскими танцами на многих благотворительных концертах. При этом Руслан был президентом *Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа* (1932 г.), президентом *Общества горских народов Северного Кавказа*, членом-основателем масонской ложи (1926–1931 гг.). И наконец, в Париже много лет работал ингуш Дж. Албогачиев, который выступал, например, в кавказском кабаре по адресу пл. Пигаль, д. 63 (1931 г.), кабаре-шашлычной “Казбек” (1947 г.) и одновременно с этим занимался изданием журнала “Северный Кавказ” (1934–1939 гг.) (Некролог 1949). Северокавказские танцоры принимали участие во всех благотворительных балах, которые организовывали общественные организации их диаспор (АМТ: Кор. VII).

На эти вечера охотно приезжали и русские артисты. Например, 11 февраля 1928 г. состоялся концерт, устроенный Объединением черкешенок Северного Кавказа. На нем выступали русские певцы С. Леонова и Александр Мозжухин, артисты балета М. Тиканова и С. Троянов, певица кабаре Валентина Кузнецова (АМТ: Кор. VII). В других концертах черкесского объединения участвовали М. Андронова, М.С. Балачев, М.О. Бутусова, С. Яковлева, А.В. Михайлов, исполнитель цыганских песен В.П. Михайлов, полковник лейб-гвардии Е. В. Уланского полка Константин Васильевич Балашов, ставший в эмиграции певцом (*Чуваков* 1999: 188).

Адыг (кабардинец) К.Н. Хагондоков дружил с соплеменниками из Малой Кабарды Таусултановыми, с семьей кабардинца И.М. Шакова. И Шаков, и Хагондоков были дворянами (узденями), оба стали активными членами эмигрантской общественно-политической жизни во Франции в 1920-е годы, оба стали впоследствии членами масонских лож. Когда К.Н. Хагондоков только приехал в Париж, вначале он жил в доме И.М. Шакова. Некоторые адыги стремились сохранять связи с членами своих семей, которых разбросало по Европе. Например, своих родственников в Англии посещал адыг В.Н. Гаджемуков. Но так происходило не всегда. Писатель, осетин Гайто Газданов по своему характеру и образу жизни (долгие годы он являлся членом масонской ложи “Северная звезда”) был человеком нелюдимым. Поэтому неудивительно, что он не общался со своими родственниками, которые тоже проживали в Париже, в частности с двоюродными братом и сестрой. Его брат Георгий Данилович жил в бедности и в 1958 г. был похоронен в общей могиле на кладбище Тие. В 1921 г. во Франции вместе со своим маленьким сыном оказался военный врач, осетин Александр Дзантиев. Они жили в Париже, но со своим знаменитым родственником, общественным деятелем Д. Дзанти не контактировали (ПМА: Л. Джанаева).

Конечно, национальные культуры и среды южнокавказцев – грузин, армян и азербайджанцев – в эмиграции сохранились лучше, чем северокавказские. Во-первых, в силу того, что численность выходцев с Южного Кавказа была значительно больше; во-вторых, потому что культуры южнокавказских народов (особенно армянская и грузинская) насчитывали многие века. Общались ли южнокавказцы с северокавказцами? И включали ли они последних в свою национальную среду? Бывало поразному. Те армяне, азербайджанцы или грузины, которые разрабатывали в эмиграции идеи создания независимой Конфедерации кавказских государств (Кавказской конфедерации) (в частности, азербайджанец Али Мардан Топчибаши), широко пропагандировали идею общекавказской идентичности. Топчибаши активно контактировал с северокавказцами, которые были ему нужны не только для бытового общения, но и для решения политических задач. Была ли во Франции общекавказская диаспора? И общекавказская культура? И общекавказская идентичность? Сторонники идеи Кавказской конфедерации считали, что да. Однако так думали не все: между южнокавказцами и

горцами Северного Кавказа были слишком большие различия. Осетин Т. Елекхоти, например, приводил мнение грузина Н.В. Рамишвили о горцах:

> Мы, грузины, боимся конфедерироваться с горцами... За Грузией стоит мировое общественное мнение и при таком сочувствии мировой демократии Грузия имеет все шансы выиграть свою независимость и мы боимся, что Северный Кавказ явится для Грузии тяжелым балластом на ее политических путях и наконец горцы несомненно являются реакционным элементом, где влияние религии и всякого рода шейхов велико и его трудно будет примирить с передовыми социалистическими устремлениями грузинского народа. При таких условиях нам сговориться с Россией будет легче без вас, а таща горцев за собой от России, нам надо будет ссориться с ней (*Елекхоти* 1934: 13).

Созданные в Париже кавказские культурные и общественные центры, как правило, делились по национальному признаку и отдельно друг от друга проводили свои встречи и праздники (Хроника 1935). В 1926 г. в помещении Азербайджанской делегации состоялось празднование восьмой годовщины провозглашения независимости Азербайджанской, Грузинской и других республик: “Зал был украшен азербайджанскими флагами, шалями, фотографиями из жизни национального Азербайджана... Всем гостям азербайджанские дамы предлагали чай, национальные печенья и сладости” (АМТ: Кор. IV).

Лишь однажды, в 1930 г., состоялся праздник Независимости всех республик Кавказа, в котором принимали участие политические деятели всех национальных центров. Отмечали с размахом. Был взят в аренду замок Шато де Блуа (департамент Блуа), он был украшен флагами кавказских республик. Прием устраивала жена осетина Т. Элекхоти – француженка Клара Милль. Известно, что на празднике присутствовали азербайджанцы, супруги Топчибаши: Али Мардан и Пери-Ханум (Хроника 1930).

Были южнокавказцы и северокавказцы, которые во Франции дружили между собой. И те, и другие очень тосковали по родине. Например, кумык Г. Баммат много общался с грузином, генерал-майором Г.И. Квинитадзе (ПМА: М. Баммат). Один из крупнейших деятелей Азербайджана Али Мардан Топчибаши имел не только деловые, но и дружеские контакты с кабардинцами К.Н. Хагондоковым и И.М. Шаковым. Надо отметить, что между отдельными представителями Северного и Южного Кавказа тесные связи появились еще до революции, во Франции они лишь укреплялись. Так, известный военный и промышленник, грузин А.В. Амилахвари до эмиграции был членом правления нефтяного промысла чеченцев Чермоевых. В Париже он стал одним из основателей “кавказской” масонской ложи “Золотое руно” (1924–1926 гг.), куда пригласил и северокавказцев (в т.ч. и А.М. Чермоева). Были южнокавказцы, которые родились на Северном Кавказе, например, грузин, генерал Российской армии Н.Н. Баратов, окончивший Владикавказское реальное училище. В Париже он возглавлял *Союз русских военных инвалидов*, работал редактором газеты “Русский инвалид” и, конечно, общался с северокавказскими эмигрантами.

В столице Франции было несколько мест, где кавказцы объединялись на основе общей истории и культуры. По инициативе русской графини А.И. Воронцовой-Дашковой в 1930-е годы здесь был организован *Кружок друзей Кавказа*, целью которого было создание среды для общения лиц, так или иначе связанных с этим регионом или интересующихся им (*Мнухин* 1995: 150). Представители всех кавказских народов делали на нем доклады на посвященные Кавказу темы. В конце 1920-х годов появился *Союз народов Кавказа*, ставивший перед собой задачу объединить все народы региона. Он проводил встречи кавказцев, для которых приглашались докладчики, например осетин М.Н. Абациев (Там же).

В качестве фундамента для объединения всех кавказцев во Франции, разумеется, использовались их традиции. В Париже издавались журналы, в которых публиковались различные сюжеты о нравах и быте Кавказа (часто это были перепечатки из

дореволюционных статей). Азербайджанец Али Мардан Топчибаши предложил создать в столице объединение под названием *Кавказская семья патриотов Кавказских стран* (или просто “Кавказская семья” – “Famille Caucasienne”), целью которого и было призвать патриотов Армении, Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа следовать национальным кавказским традициям (АМТ: Кор. V). Любопытно, что когда Топчибаши пришлось “выбивать” большой долг из чеченца А.М. Чермоева, то он взывал именно к объединяющим кавказским традициям (АМТ: Кор. XI).

Адаптируясь во Франции, северокавказские эмигранты сохраняли, как правило, свое вероисповедание: в основном ислам и православие. Несмотря на то что принятие крещения не было обязательным условием для военной службы горцев в Российской армии (в ней были и мусульманские полки), однако это, безусловно, приветствовалось. Случаи перехода из исламского вероисповедания в православие среди северокавказских военных или гражданских чиновников в течение XIX – начала XX в. были частыми. Поэтому неудивительно, что во Франции в 1920-е годы оказалось много православных северокавказцев. Единицы возвращались в ислам. Были здесь и северокавказцы-мусульмане. В 1930-х годах они получили возможность хоронить своих собратьев на мусульманском кладбище в пригороде Парижа – Бобиньи. В эмиграции общественно-политические силы Кавказа этого периода стремились объединить уроженцев региона, и разная религиозная принадлежность в данном случае могла являться препятствием к этому. Поэтому религиозные ценности не были определяющими в формировании кавказского (северокавказского) единства в Европе в 1919–1939 гг. (*Бабич* 2018).

В русской эмигрантской среде Франции возникла своя элита, отражавшая структуру дореволюционного российско-имперского общества. Желание воссоздать эту социальную иерархию привело к появлению *Общероссийского гербовника*[3], куда заносились фамилии из числа российско-княжеских родов. В него вошло и несколько кавказских фамилий: грузинские (Багратионы, Дадиановы, Цициановы), два ногайских рода (Урусовы и Юсуповы) и один кабардинский (Черкасские – потомки владетелей Большой Кабарды). В эмиграции были два потомка Черкасских из Большой Кабарды: генерал-майор Российской армии Тембот и его племянник офицер Эльмурза Бековичи-Черкасские. В Общероссийском гербовнике также были указаны фамилии, возведенные в российско-княжеское достоинство Высочайшими указами: грузинская (Аргутинские-Долгорукие) и дагестанская (Тарковские – потомки владетелей шамхальства Тарковского). После революции князь Нух Бек Шамхал Тарковский предпочел осесть не во Франции, а в Иране (Тегеране), где состоял на службе у местного шаха. Но он часто бывал в Европе и умер в 1951 г. в Лозанне (Швейцария). В европейской эмиграции оказались два представителя фамилии Тарковских: Урхан Шамхал (Польша) и Талат Шамхал (Бельгия) (АМТ: Кор. V).

Во Франции сформировалась российская княжеская среда, куда входили люди с титулами. Приведем пример. 22 ноября 1956 г. умерла княгиня София Евстафиевна Багратион-Мухранская. Несмотря на то что к этому времени она уже проживала не во Франции, а в США, в парижской газете “Русская мысль” был опубликован некролог, подписанный исключительно княгинями – эмигрантками первой волны: женой кабардинского генерала Надживат Бекович-Черкасской и Русудан Дмитриевной Меликишвили (*Бекович-Черкасская, Меликишвили* 1956: 30). Существовала во Франции и дворянская элита. 23 ноября 1925 г. там был основан *Союз дворян* (его председатели – В.П. Трубецкой, П.П. Менделеев), составлен список всех российских (в т.ч. и кавказских) дворян в стране. В него вошло 540 человек, но не были включены, во-первых, те, кто принял французское гражданство, и, во-вторых, члены русских масонских лож (для них был сделан отдельный список). В Париже, естественно, проживало много грузинских дворян (например, А. Тарсайдзе, С. Эрдели и др.), но были и северокавказские князья и первостепенные уздени из “аристократических”

(адыгских) племен (например, адыг, дипломат В.Н. Гаджемуков). В журнале Союза дворян часто издавались статьи эмигрантов, имевших титулы. Например, там публиковался абхаз, князь Николай Чхотуа, который вначале жил в Париже, а потом в Швейцарии.

Во Франции появился и русский профессиональный союз – *Общество русских шоферов* (Section des Chauffeurs Russes A.C.). В Париже в 1930-е годы было 15 тыс. такси, 22 тыс. таксистов, из них примерно 2–2,5 тыс. русских эмигрантов. В обществе было зарегистрировано 650 человек. При нем функционировали *Дамский комитет* и *Общество взаимопомощи русских шоферов*, которые занимались организацией различных видов поддержки, включая отдых для водителей и их семей (как правило, на морском побережье Франции или в альпийских горах Швейцарии). Членами Общества русских шоферов были и таксисты-северокавказцы (Общество 1936).

* * *

Рассмотрение ключевых факторов, влиявших на формирование кругов общения северокавказцев во Франции в 1920–1930-е годы, показало превалирование политических аспектов над социально-общественными и национально-культурными. Представители народов Северного Кавказа, оказавшиеся после Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции во Франции, относительно успешно адаптировались к новым условиям существования. С одной стороны, благодаря созданию национально-культурных кругов общения им удавалось сохранять свою идентичность, с другой – политические причины их эмиграции не могли не влиять на их взаимоотношения с соплеменниками. Ключевым критерием объединения или разъединения горцев Северного Кавказа стали политические взгляды, которые могли делать соотечественников настоящими врагами. Одних тянуло к русским, и они плотно общались с русскими эмигрантами, обращались в русские общественные организации за помощью, становились членами русских профессиональных союзов; других снедала ненависть к русским, их культуре и языку, и они всячески избегали контактов с представителями русской колонии, предпочитая устанавливать связи с французской средой. Одни видели будущее Кавказа, в т.ч. и Северного, в составе России, другие – только в форме независимых государств. Эти обстоятельства, безусловно, во многом разъединяли кавказских эмигрантов и ослабляли их этническую общность в 1920–1930-е годы во Франции. Рассмотрев вопрос о роли этнического фактора в ходе адаптации северокавказцев в новой стране, можно сделать вывод о том, что в основе их жизни была “политическая” ориентация (монархическая или националистическая). Этнический фактор был важен лишь в рамках определенной политической группы. Постепенно в эмиграции этническая идентичность горцев размывалась.

Примечания

[1] Парижская мирная конференция — международная конференция, созванная державами – победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами. Проходила в несколько этапов в период с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. при участии 27 государств.

[2] Абхазы и калмыки во французской эмиграции тяготели к северокавказцам.

[3] Общий гербовник дворянских дворов Всероссийской Империи появился в 1797 г. в ходе реформы, проведенной Павлом I в области дворянской родовой геральдики.

Источники и материалы

АБЛФ – Архив Большой ложи Франции. Париж (Франция).

АМТ – Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы. École des Hautes Études en

Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук) (CERCEC, EHESS). Париж (Франция). Материалы архива хранятся в коробках.
АН – Архив Ниццы (Archive départementales. Alpes Maritimes. Nice). Ницца (Франция).
АП – Архивы Парижа (Archives de Paris). Париж (Франция).
АПП – Архивы Префектуры полиции (Les archives de la préfecture de police). Париж (Франция).
АЦК – Архив Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей // Дом Русского Зарубежья. Москва.
Байтуган 1934 – *Байтуган Б.* Нужно ли это? // Горцы Кавказа. 1934. № 49. С. 28–29.
Бекович-Черкасская, Меликишвили 1956 – *Бекович-Черкасская Н., Меликишвили Р.Д.* Некролог // Русская мысль. 1956. № 992. С. 30.
Бурышкин – *Бурышкин П.А.* История русских масонских лож // Архив Большой ложи Франции. Кор. III. С. 1–25.
Вачагаев 1 – *Вачагаев М.* Горская эмиграция в Европе. Ч. 1. etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/gorskaya-emigratciya-v-evrope-chast-1.
Вачагаев 2 – *Вачагаев М.* Горская эмиграция в Европе. Ч. 2. etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/gorskaya-emigratciya-v-evrope-chast-2.
Джаван 1935 – *Джаван.* Практические задачи северо-кавказской эмиграции // Северный Кавказ. 1935. № 14. С. 10.
Елекхоти 1934 – *Елекхоти Т.* Итоги 14 лет // Кавказ. 1934. № 13. С. 13–16.
Мнухин 1995 – *Мнухин Л.А.* (общ. ред.) Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920-1940. Франция. Т. 1. Париж; М.: YMCA-Press; ЭКСМО, 1995.
Мнухин, Авриль, Лосская 2008 – *Мнухин Л.А., Авриль М., Лосская В.* Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2008.
Мурза-Бек 1930 – *Мурза-Бек.* К вопросу о северных границах Республики Горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1930. № 13–15.
Некролог 1949 – Некролог // Русская мысль. 1949. № 171. С. 9.
Некролог 1964 – Некролог // Родимый Край. 1964. № 55. С. 11.
Некролог 1969а – Некролог // Родимый Край. 1969. № 83. С. 10.
Некролог 1969б – Некролог // Родимый Край. 1969. № 84. С. 10.
Общество 1936 – Общество русских шоферов // Иллюстрированная Россия. 1936. № 21. С. 8.
ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция во Францию, Париж, январь 2009 г., апрель 2014 г., марта 2015 г., февраль 2016 г. (информанты: Т. Битарова, 1940 г.р.; Л. Джанаева, 1970 г.р.; М. Баммат, 1940 г.р.).
Реклама 1929 – Реклама // Иллюстрированная Россия. 1929. № 51. С. 14.
Реклама 1930 – Реклама // Иллюстрированная Россия. 1930. № 7. С. 20.
Рядовой Горец 1929 – Рядовой Горец. Горский вопрос на страницах журнала “Вольное Казачество” // Горцы Кавказа. 1929. № 4–5. С. 10.
СГ – Семейный (частный) архив Гаджемуковых // Себастьян Гаджемуков. Париж (Франция). Материалы находятся в частном архиве (систематизации нет).
Хроника 1930 – Хроника // Независимый Кавказ. 1930. № 3. С. 28.
Хроника 1933 – Хроника // Горцы Кавказа. 1933. № 41. С. 31.
Хроника 1934 – Хроника // Кавказ. 1934. № 1. С. 15–16.
Хроника 1935 – Хроника // Северный Кавказ. 1935. № 11–12. С. 12.
Чуваков 1999 – *Чуваков В.Н.* (сост.) Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001 / Под ред. Е.В. Макаревич: В 6 т., 8 кн. Т. 1. М.: Пашков дом, 1999.
LFP – Liste alphabétique des personnes ayant acquis ou perdu la nationalité française par décret // Les archives de la préfecture de police (Архивы Префектуры полиции). Париж (Франция).

Научная литература

Бабич И.Л. Гайто Газданов и масонская ложа “Северная звезда” // Новый исторический вестник. 2016. № 3. С. 184–197.
Бабич И.Л. Религиозная жизнь северокавказских эмигрантов во Франции (1920–1940-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3–1. С. 127–135.
Исхаков И. “Кристаллизация” горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 3–31.

Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. М.: Кстати, 2001.
Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002.
Mamoulia G. L'Histoire du Groupe Caucase (1934–1939) // Cahiers du Monde russe. 2007. № 48 (1). P. 45–85.

Research Article

Babich, I.L. Politics and Social Circles of North Caucasians in France in the 1920s and 1930s [Politika i krugi obshcheniia severokavkaztsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 105–120. https://doi.org/10.31857/S086954150010051-6 ISSN 0869-5415
© Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina L. Babich | http://orcid.org/0000-0003-1879-1608 | babi7chi@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

France, North Caucasian emigrants, culture, adaptation, politics

Abstract

During the 1920s, France saw an influx of immigrants from the Soviet Russia, which included newcomers from the North Caucasus who could not accept the change of political power in their region. This article draws on field and archival research to examine the social and cultural milieu in which North Caucasian émigrés found themselves in France of the 1920–1930s. I discuss the part that the factors of ethnic identity and origin played in the adaptation of highlanders to the new condition of life, and argue that it was in fact the factor of "political" orientation (monarchic or nationalistic) that lay in the foundation of their new social way of living. The ethnic factor was not significant but within a framework of certain political groups. Furthermore, as time went on, the national identity of North Caucasians tended to gradually fade and become less distinct.

References

Babich, I.L. 2016. Gaito Gazdanov i masonskaia lozha "Severnaia zvezda" [Gaito Gazdanov and the Northern Star Masonic Lodge]. *Novyi istoricheskii vestnik* 3: 184–197.
Babich, I.L. 2018. Religioznaia zhizn' severokavkazskikh emigrantov vo Frantsii (1920–1940-e gody) [Religious Life of North Caucasian Emigrants in France (1920–1940s)]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* 10 (3–1): 127–135.
Iskhakov, I. 2001. "Kristallizatsiia" gorskogo osvoboditel'nogo dvizheniia. Razmyshleniia B. Baitugana ob istorii musul'man Severnogo Kavkaza i Dagestana ["The Crystallization" of the Highland Liberation Movement. B. Baitugan's Reflections on the History of Muslims of the North Caucasus and Dagestan]. *Voprosy istorii* 5: 3–31.
Mamoulia, G. 2007. L'Histoire du Groupe Caucase (1934–1939). *Cahiers du Monde russe* 48 (1): 45–85.
Menegaldo, E. 2001. *Russkie v Parizhe. 1919–1939* [Russians in Paris. 1919–1939]. Moscow: Kstati.
Sabennikova, I.V. 2002. *Rossiiskaia emigratsiia (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian Emigration (1917–1939): a Comparative Typological Study]. Tver: Zolotaia bukva, 2002.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

© Е.А. Давыдова, В.Н. Давыдов

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ЛИЧНОЕ: ОПЫТ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ НА ЧУКОТКЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Ключевые слова: Арктика, Чукотка, методы полевой работы, рефлексия поля, автоэтнография, производство знания, антропология пищи, автономность, пищевая безопасность

В данной статье рассматривается специфика этнографической работы, осуществляемой исследователем вместе с членами своей семьи. Рефлексируя над собственным опытом, полученным во время трех экспедиционных выездов (2017–2019 гг.) на Чукотку общей продолжительностью полгода, мы анализируем, как присутствие в поле семьи антрополога, и главным образом ребенка, влияет на процесс этнографической работы и сбора материалов. Обсуждение сфокусировано на методах полевого исследования, специфика которых была во многом обусловлена тем, что мы находились в поле вместе с сыном. При этом за время трех экспедиций способы взаимодействия с информантами претерпели существенные трансформации. Анализ контекста проделанной этнографической работы позволил проследить эволюцию как наших взглядов на “поле с детьми”, так и применяемых нами исследовательских подходов. В статье рассмотрено, как ребенок, обладая субъектностью, определяет методы полевой работы, фокус наблюдений и даже в определенной степени влияет на процесс антропологической интерпретации. На примере нашей экспедиционной деятельности в селах и тундре показано, что сбор этнографических данных в условиях вынужденного присутствия в поле ребенка исследователя требует поиска автономности и выработки стратегий пищевой безопасности. Мы не столько описываем положительные и отрицательные стороны, а также вызовы полевой работы, осуществляемой в сопровождении членов семьи, сколько стремимся показать, каким образом антропологическое знание производится в процессе сотрудничества родителей-исследователей, их детей и информантов.

Елена Андреевна Давыдова | http://orcid.org/0000-0002-9299-7551 | elenav0202@gmail.com | к. и. н., научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия) | научный сотрудник | Чукотский филиал ФГАОУ ВО “Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова” (ул. Студенческая 3, Анадырь, 689000, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов | https://orcid.org/0000-0003-2738-4609 | davydov.kunstkamera@gmail.com | к. соц. н., Ph.D., заместитель директора по научной работе | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия) | научный сотрудник | Чукотский филиал ФГАОУ ВО “Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова” (ул. Студенческая 3, Анадырь, 689000, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, https://doi.org/10.13039/501100006769 [проект № 19-78-10002]

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 121–140. https://doi.org/10.31857/S086954150010052-7
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

В фокусе данного исследования находится проблема сбора этнографических данных в контексте повседневного взаимодействия различных социальных агентов. Мы анализируем, каким образом фактор присутствия в изучаемом регионе семьи антрополога влияет на процесс получения и интерпретацию информации, а также рассматриваем проблему перформативности, возникающую в ходе полевой работы. На примере собственного опыта, приобретенного во время экспедиционных выездов на Чукотку, мы стремимся показать, что поле в определенной степени конструируется и иногда "придумывается" самим исследователем в процессе взаимодействия с информантами.

Мы не утверждаем, что антрополог, работая в поле вместе с женой/мужем и детьми, приобретает альтернативный способ получения информации об изучаемом сообществе. Однако нужно отметить, что полевая работа является неотъемлемой составляющей жизни исследователя. Занимаясь сбором этнографических данных, ученый неизбежно сталкивается с различными событиями и ситуациями: например, он может влюбиться, заболеть, получить травму или вступить в конфликт, что зачастую позволяет ему увидеть новые грани повседневной жизни и дополнительные перспективы. Работа в поле с ребенком неминуемо сопряжена с ежедневными трудностями и бытовыми проблемами, что накладывает существенные ограничения на мобильность ученого, его включенность в определенные ситуации, а также на используемые им стратегии этнографической работы. Осмысление процесса проведения исследования в ситуации вынужденного присутствия ребенка позволяет изучить различные формы взаимодействия с полем, проанализировать способ выстраивания поля и налаживания отношений с информантами. В этом контексте именно невозможность работать в отрыве от членов семьи заставляет исследователя по-новому взглянуть на себя и на тех, кого он изучает. В данной статье мы попытаемся осмыслить, каким образом сам процесс наблюдения и его последующий анализ зависят от контекста этнографической работы, а также поразмышлять над тем, какое влияние оказывают присутствие в поле членов семьи исследователя и их субъектность на сбор и интерпретацию полученных данных.

На протяжении 2017–2019 гг. мы осуществили три экспедиционных выезда вместе с сыном в Чукотский автономный округ общей продолжительностью полгода. Являясь антропологами-североведами, а также супругами и родителями, мы на определенный период времени вынуждены были объединить семейную и профессиональную деятельность в целях получения полевого этнографического опыта. Случаи проведения совместной полевой работы исследователями, которые состоят в браке, не являются новшеством, а, напротив, широко представлены в истории антропологии (*Gottlieb* 1995: 22–23). Можно упомянуть таких ученых, как Грегори Бейтсон и Маргарет Мид, Розмари и Раймонд Фёрс, Виктор и Эдит Тёрнер, Джон и Джин Комарофф и др. В североведческой традиции совместная работа супругов также не является редкостью. Яркими примерами является сотрудничество Владимира Германовича Богораза с супругой Софьей Константиновной, Сергея Михайловича и Елизаветы Николаевны Широкогоровых, Бориса Алексеевича Куфтина и Валентины Константиновны Стешенко-Куфтиной. Из современных исследователей совместную полевую работу проводили, например, Иштван Шанта и Татьяна Владимировна Сафонова, Эндрю Вигет и Ольга Эдуардовна Балалаева, Александр Игоревич Волковицкий и Александра Сергеевна Терёхина. Вместе с женой на Камчатке работал антрополог-лингвист Алекс Кинг. Наконец, с супругой и детьми в поле находился Алекс Ойлер. Таким образом, проведение полевых исследований совместно с членами семьи является довольно распространенным явлением в среде антропологов и этнографов.

Безусловно, присутствие в поле супруга, даже не являющегося профессиональным исследователем, не сводимо исключительно к решению технически-организационных

вопросов проведения экспедиции. Совместная работа в поле, как правило, выливается в творческое сотрудничество, которое в конечном счете формирует производимое антропологическое знание. Задолго до рефлексивного поворота в антропологии об этом задумывались супруги Широкогоровы. Например, Сергей Михайлович постоянно подчеркивал, что совместная деятельность позволила им с женой увидеть гораздо больше, чем увидел бы каждый из них в отдельности. Во введении к книге “Социальная организация северных тунгусов” исследователь пишет:

> Более всего я обязан моей жене мадам Е.Н. Широкогоровой, которая в продолжение всех моих экспедиционных работ, несмотря на огромные трудности путешествий и тяжелые условия жизни в подобных экспедициях, очень много помогала мне в сборе материалов. На самом деле, ее участие в этих экспедициях дало мне возможность не только расширить собранный материал, но и облегчило установление дружественных отношений с тунгусами и маньчжурами, с которыми нам приходилось общаться, поскольку эти народы обыкновенно не доверяют даже самым мирным исследователям, путешествующим без своих семейств. Кроме того, проникнуть в интимные стороны жизни народа без помощи женщины порой совершенно невозможно. Наконец, во многих случаях наблюдение разных фактов, особенно обрядов и ритуалов, одновременно происходящих в разных местах, требует сотрудничества по крайней мере двух полевых исследователей (*Широкогоров* 2017: 12).

В свою очередь, Елизавета Николаевна в дневнике экспедиции в Забайкалье летом 1912 г. делает записи, которые свидетельствуют о ее активном участии в полевых исследованиях. Она рефлексирует над тем, каким образом работал ее муж, что позволяет реконструировать контекст сбора информации супругами. Дневник очень тонко передает психологические моменты их взаимодействия:

> Сережа еще и сегодня держал целую речь по поводу скота (*Широкогорова* 2018: 203).

> У Сережи начала проявляться какая-то бессмысленная авторитетность. Теперь он уже не переносит никаких возражений. Боюсь вступать с ним в какие-либо споры, чтобы он уже не разнервничался (Там же: 203).

> День начался обыкновенно, и я опять ничего не успевала сделать. Вечером пустили в ход фонограф. С большим трудом удалось добиться, чтобы они что-нибудь спели. С одной стороны, им не хотелось, но и конфузились. Петь им хотелось и нужно было для этого изолировать Сережу (Там же: 210).

Тем не менее в научных трудах рефлексия процесса этнографического исследования, в том числе специфики работы антрополога вместе с членами семьи, фактически до середины 1980-х годов во многом оставалась за кадром, присутствуя только на страницах полевых дневников, в личных воспоминаниях и письмах ученых. Рефлексивный поворот в антропологии проблематизировал субъектность автора, создающего описания культур (*Clifford* 1986: 13). Антропологи стали активно обсуждать воздействие гендерной и этнической идентичности, возраста, политических и институциональных взглядов, а также биографии исследователя на создаваемые им тексты. В частности, появился целый ряд публикаций, посвященных этнографической работе, проводимой супругами-исследователями в присутствии их детей, в которых обсуждались вызовы и преимущества “полевой работы в сопровождении” (*accompanied field work*)[1]. Кроме того, производство антропологического знания стало рассматриваться не как индивидуальное достижение конкретного ученого, а как процесс его многостороннего и разнонаправленного сотрудничества с различными категориями людей: с информантами, научным руководителем, студентами, рецензентами и коллегами, а также членами своей семьи[2].

В данной статье мы хотим инициировать переосмысление концепции поля. Мы понимаем его не как “заданное пространство, в которое вступает полевой исследователь”, а как то, что конструируется и формируется сетью отношений (*Gupta* 2014: 399). В работе будет показано, какую роль играет ребенок, находящийся в экспедиции с родителями-исследователями, в процессе создания этнографического знания и его интерпретации. Во-первых, мы проанализируем, как взаимодействие друг с другом и с местными жителями определяло наше поле. Во-вторых, мы покажем связь между личной жизнью ученых, процессом полевой работы и формированием антропологических концепций – или даже сотрем границу между ними.

Меняющееся поле

По прошествии времени мы можем признать, что каждая из трех экспедиций на Чукотку принесла нам совершенно разный полевой опыт. Отчасти это можно объяснить ориентированностью каждой поездки на различные задачи, локальности, а также темпоральностью нашей полевой работы. Первая экспедиция проходила зимой 2017–2018 гг., по большей части в оленеводческом селе Амгуэма Иультинского р-на Чукотского автономного округа. Мы осуществили два непродолжительных выезда в тундру на трэколе и снегоходе, но не решались надолго оставаться в стоянках оленеводческих бригад с маленьким ребенком в холодное время года. Во время второго приезда, летом 2018 г., мы снова оказались в Амгуэме, но уже с целью проведения работ непосредственно в тундре. В этот раз одна из оленеводческих бригад (она сохранила свой порядковый номер, присвоенный в советские времена, и до сих пор называется местными жителями “пятая бригада”), входящая в состав муниципального унитарного сельскохозяйственного предприятия “Амгуэма”, несмотря на обременительность гостевания семьи с ребенком, дважды приняла нас для проживания в одной из своих яранг. Во время третьей экспедиции (март–апрель 2019 г.) мы находились в береговом селе Нутэпэльмен, расположенном на достаточном удалении от Амгуэмы. Данный населенный пункт, как и оленеводческое село, в советское время входил в совхоз “Полярник”, но его жители занимались морским зверобойным промыслом.

В целом наше исследование было сфокусировано на Иультинском районе, в который входят все упомянутые населенные пункты. Подчеркнем, что Амгуэма, Нутэпэльмен, тундра и даже районный центр Эгвекинот тесно связаны между собой: жители постоянно перемещаются между ними, тем самым сохраняя и поддерживая существующие родственные, дружеские, профессиональные отношения.

Наше представление о поле менялось под воздействием не только пространственных и временных особенностей нашей работы, но и людей, с которыми мы общались. В статье будет показано, что мы сами и прежде всего наш ребенок формировали концепцию своего поля. Когда мы впервые приехали на Чукотку, нашему сыну был один год и десять месяцев, в начале второй экспедиции – два с половиной года, к началу третьей ему исполнилось три. В этом возрасте дети быстро растут и весьма заметно меняются. В этой связи агентность ребенка в поле, о которой уже писали родители-антропологи (см.: *Farrelly et al.* 2014: 31; *Hardman* 2001: 503–504; *Korpela et al.* 2016: 15), в разном возрасте проявлялась всегда особенным и порой неожиданным для нас образом.

Во время подготовки ко второй поездке мы думали, что знаем, чего ожидать от присутствия ребенка в поле: с какими сложностями мы можем столкнуться, какие существуют риски, а также какую пользу мы сможем извлечь из этой ситуации. И планы предстоящей работы мы строили в соответствии с этими соображениями. Но, оказавшись на Чукотке, мы начали понимать, что все идет совершенно не так, как мы предполагали. Полевые стратегии, которые использовались нами более-менее успешно в предшествующих выездах, вдруг перестали работать. Например,

во время первой поездки мы довольно успешно проводили интервью в присутствии ребенка. Во второй же и особенно в третий экспедиционные выезды мы полностью переосмыслили наши взгляды и, следовательно, изменили способы работы, вплоть до практически полного отказа от метода интервью.

В силу того, что мы являемся коллегами и имеем довольно схожие научные интересы (Арктика, североведение, оленеводство), ни один из нас, находясь в поле, не мог полностью взять на себя все основные хлопоты по уходу за ребенком. Изначально мы планировали разделяться на время в течение дня и проводить исследования индивидуально, по очереди оставаясь с ребенком и обсуждая вечером результаты проделанной работы. Однако практически сразу информанты воспротивились такой форме взаимодействия с нами. Когда кто-то из нас приходил к ним в гости с целью взять интервью, они, не скрывая своего недоумения и недовольства, спрашивали о том, где находятся и что делают остальные члены семьи. Люди часто подчеркивали, что хотели бы видеть нашего сына у себя в гостях. Весть о нашем приезде быстро распространилась по селу. Люди искренне заинтересовались семьей этнографов с ребенком. Местным жителям было интересно узнать нас, понять, зачем мы приехали и почему взяли в такую дальнюю поездку своего сына. В результате мы изменили способ работы и стали общаться с амгуэмцами всей семьей. Постепенно мы поняли, что такая форма взаимодействия является оптимальной в нашей ситуации и имеет много преимуществ.

Многие родители-антропологи уже отмечали, что дети могут способствовать установлению более близких отношений с людьми, быстрому и легкому “вхождению” в поле (*Cornet, Blumenfield* 2016b: 5; *Cupples, Kindon* 2003: 214; *Korpela et al.* 2016: 15). Действительно, общение с информантами в присутствии нас обоих и нашего сына решало проблему перехода от опроса к живой беседе и диалогу. Люди переставали чувствовать себя объектом изучения и расслаблялись, а благодаря ребенку в разговорах появлялось много шуток, что способствовало еще большему раскрепощению. В ходе коммуникации, опосредованной присутствием ребенка, информанты наблюдали за нами в контексте нашей собственной социальной среды. В их глазах мы переставали быть только исследователями, приходящими с набором вопросов, тетрадкой, фотоаппаратом и диктофоном, а становились родителями и супругами со своими потребностями. В результате у людей формировалось более полное представление о нас. В этом смысле отношения субъект–объект переставали быть однонаправленными: не только мы изучали амгуэмцев, но и они нас – “питерцев”. В результате наше взаимодействие с информантами приобретало эгалитарный характер, так как мы превращались в “наблюдаемых наблюдателей” (*Cupples, Kindon* 2003: 211). Кроме того, исследователь, находясь в незнакомой и непривычной для себя среде вместе с самыми близкими и дорогими людьми, становится особенно уязвимым и зависимым от окружения. Данное обстоятельство также лишает антрополога власти над ситуацией и возможности быть независимым сторонним наблюдателем сообщества, в котором он временно оказался.

Также следует отметить, что дети в возрасте двух-трех лет (столько было нашему сыну во время экспедиций на Чукотку) ощущают время не так, как взрослые: каждый день для них – вечность, поэтому чувства, которые они испытывают, будь то радость, горе или обида, бескомпромиссные и абсолютные. Их невозможно успокоить обещанием, что завтра/через неделю/через месяц и т.д. все закончится и мы снова окажемся в домашней обстановке. В этой связи и мы, вслед за ребенком, не могли относиться легкомысленно к нашему новому, пускай и временному, месту пребывания. Поле неизбежно становилось нашим домом. У нас возникало чувство, что мы здесь надолго. То же ощущали и местные жители: информанты начинали воспринимать нас как людей, приехавших насовсем. Например, нас много раз приглашали остаться в регионе или селе, обещая, что подыщут работу и жилье. Местные

жители словно ощущали серьезность наших намерений, ориентацию именно на продолжительное общение, с которым связан целый набор взаимных обязательств: например, люди обещали помочь нам организовать выезд в тундру, когда мы приедем в следующий раз, и вместе с тем просили привезти определенные товары из Санкт-Петербурга.

Размышляя о множественных способах организации времени (*Уррі* 2012: 154–189; *Ssorin-Chaikov* 2017) и возвращаясь к вопросу об интервьюировании в присутствии ребенка, следует отметить, что сын задавал нашему общению с информантами определенную темпоральность. Он как будто растягивал во времени все действия. Когда мы приходили к местным жителям без сына, интервью через относительно короткий промежуток времени заканчивалось, так как люди уставали отвечать на вопросы. В таких случаях оставаться дольше у них дома не всегда было удобно – во всяком случае, официальных поводов могло и не найтись. Маленький ребенок вынуждал взрослых, родителей и гостей, совершать параллельно с общением множество других действий: гигиенические процедуры, кормление, игры, укладывание спать и т.д. Причем хозяева также участвовали в этих процедурах, играя с ребенком, угощая его, включая мультфильмы по телевизору и подыскивая место для сна. Так, нередко мы приходили к информантам утром, но в круговороте действий по уходу за ребенком, делая небольшой перерыв на его дневной сон, мы внезапно обнаруживали, что уже наступил вечер. Таким образом, мы могли весь день провести вместе с людьми, неспешно задавая интересующие нас вопросы. Во время первой экспедиции мы без проблем брали интервью у местных жителей ежедневно, параллельно делая наблюдения и ведя полевой дневник. Конечно, следует признать, что и некоторые отличительные черты нашего поля благоприятствовали такой модели общения. На Чукотке безмерная любовь к детям является культурной особенностью, о чем говорили сами информанты и о чем ранее писали этнографы (*Богораз* 1934: 101). В частности, местные жители говорили, что если в доме спит чужой ребенок – это хорошая примета. Не удивительно, что дневной сон нашего сына в гостях у информантов всячески поощрялся и являлся предметом гордости и даже соперничества среди амгуэмцев.

Однако во время второй экспедиции описанная стратегия, удобная для нас, перестала работать. По воле ребенка нам пришлось существенно ограничить применение метода интервью. Наш сын был категорически против скучных в его восприятии бесед. К этому времени он уже довольно неплохо разговаривал и мог отчетливо обозначить свою позицию. Ребенок легко и непринужденно сообщал всем присутствующим свои претензии: например, он мог сказать или показать, что ему душно или скучно, что невкусно пахнет, что он хочет гулять или ему не нравятся не обращенные к нему разговоры или еда, которой его угощают. Такое поведение очень контрастировало с образом его действий во время первой экспедиции, когда он, во-первых, полноценно не говорил, во-вторых, просто хотел быть рядом с родителями, в-третьих, был на грудном вскармливании, которое в местном сообществе всячески поощряется. Именно в период второй экспедиции мы стали испытывать фрустрацию из-за чрезвычайной сложности совмещения заботы о ребенке и научного исследования.

В этой ситуации нам помог выезд в тундру, в оленеводческую бригаду. Совместная жизнь с людьми в яранге сама по себе давала очень много информации: мы на постоянной основе могли наблюдать за их повседневным бытом. Кроме того, у нас не было времени на беседы с информантами. Жизнь в яранге для нас являлась непривычной в физическом плане. Такие действия, как приготовление еды на костре, сон в пологе (спальное место, представляющее собой подвешенный к жердям яранги меховой мешок), стирка, гигиенические процедуры не могли выполняться автоматически, а требовали рефлексии и приложения усилий с нашей стороны. Приходилось учиться у оленеводов этим бытовым навыкам. Например, когда у нас стали

Рис. 1. В гостях вместе с ребенком, с. Амгуэма (фото авторов, 2018 г.)

заканчиваться подгузники, женщины показали автору (Е.Д.), как потрошить, сушить и набивать оленьим мехом использованные памперсы. Как отметила К. Домброски, уход за ребенком является физическим трудом, и именно телесность материнских задач научила ее обращать внимание на свое тело и тела других людей в поле (*Farrelly et al.* 2014: 35). В нашем случае телесность материнства усиливала ощущение физической беспомощности в тундре и вынуждала быстро приспосабливаться к жизни в столь непривычных для нас условиях. В результате дни проходили в хлопотах и бытовом общении с людьми.

Во время третьей экспедиции, которая проходила в береговом поселении Нутэпэльмен, исследованию также помогло совместное проживание с информантами. Там нам не удалось найти отдельный дом или квартиру, которые были бы пригодны для жизни с ребенком, как мы изначально планировали и как это было в Амгуэме во время первой и второй поездок. Когда мы приехали в Нутэпэльмен, нам был предоставлен типичный для данного села так наз. коттедж Абрамовича, построенный по канадской технологии. Строительство жилья данного типа началось во многих селах полуострова во время работы Р.А. Абрамовича на посту губернатора Чукотского автономного округа. В Нутэпэльмене (в отличие от Амгуэмы) подобные дома не имеют удобств – центрального отопления, канализации и водопровода. Отапливаются они самими жильцами углем, хранящимся в металлических контейнерах рядом с домами. Коттедж, в котором мы оказались, в тот момент пустовал, так как его хозяин для экономии угля перебрался на зиму жить к своему брату – обычное для северных регионов “сезонное уплотнение” обитателей (см.: *Mauss* 1979: 36–56).

Однако наша самостоятельная жизнь в этом коттедже не задалась с самого начала. В доме вышла из строя система отопления, работающая от твердотопливного котла, и все помещение обогревалось небольшой печкой-буржуйкой, которую нужно было регулярно разжигать с помощью дров и подсыпать уголь. Ночью температура

Рис. 2. В яранге “пятой” оленеводческой бригады, Амгуэмская тундра (фото авторов, 2018 г.)

падала до нуля градусов, а днем мы проводили все время за добычей угля, дров, картона, растопкой печи и поддержанием процесса горения. Однако за три дня нам так и не удалось полностью прогреть дом, его стены оставались покрытыми слоем льда, а у ребенка начала подниматься температура. Тогда мы решили попросить кого-то из местных жителей взять нас на постой, так как понимали, что у нас нет достаточного количества топлива, а выданный нам электрический тепловентилятор почти не помогает в обогреве. Жившая по соседству пенсионерка согласилась предоставить нам одну комнату в своем двухкомнатном коттедже. В доме она проживала одна, однако среди односельчан у нее было много родственников и друзей. Таким образом, поселившись в коттедже этой женщины, мы непроизвольно втягивались в жизнь ее семьи.

Более того, надо сказать, что наше самостоятельное проживание в течение нескольких дней в коттедже также являлось способом приобретения этнографических знаний. В тот период мы не могли уделять время сбору интервью и другим задачам в рамках наших исследований, поскольку все силы были направлены на создание условий, безопасных для здоровья нашего ребенка. Наша жизнь превратилась в борьбу за добычу ресурсов: топлива, воды, продуктов и бытовых предметов (мы искали тазы, ведра, тряпки, обогреватель). Нутэпэльменцы охотно помогали нам, и на третий день у нас скопилось большое количество переданных на время предметов, включая небольшой телевизор – местные жители принесли его, чтобы у нашего ребенка была возможность смотреть мультфильмы. Нам также помогали растапливать печь, при этом сжигая ограниченные запасы угля, дров и картона. Этот позитивный и в то же время стрессовый опыт помог нам не только завязать множество знакомств, но и быстро понять, как происходит распределение пресной воды в поселке, как хранится, используется, экономится уголь, как регулируются тепловые режимы в доме, как добыть дрова и бумагу для розжига, как вовремя купить хлеб и т.д.

Во время второго и третьего выездов ребенок фактически лишил нас возможности применять метод интервью, которым мы по преимуществу пользовались ранее и который считали комфортным и продуктивным, и заставил мобилизоваться в других направлениях – иными словами, сделать акцент на альтернативных способах сбора этнографических данных. Кроме того, подчеркнем, что, когда мы находились в поле, именно желания сына определяли наш маршрут: он вел нас в ту или иную ярангу в тундре (в которой находились другие дети, игрушки или угощения), в контору оленеводческого предприятия в Амгуэме (где сотрудницы бухгалтерии угощали его чаем с печеньем, а в мастерской стояли интересные ему вездеходы), на почту в Нутэпэльмене (в которой продавались детские товары) или просто в гости к конкретным людям, с которыми ему нравилось проводить время.

Мы позволим себе привести пример из нашего полевого опыта, приобретенного во время второй экспедиции, который показывает, как ребенок может изменить планы родителей и повернуть исследование в новое русло. После двухнедельного проживания в тундре мы приехали в Амгуэму с целью закупки еды и стирки личных вещей. Мы собирались вернуться в бригаду через несколько дней, к празднику осеннего забоя оленей *Н'энрирӈун* (о празднике см.: *Vaté* 2013: 183–199). На данное мероприятие в тундру, безусловно, должны были ехать друзья и родственники оленеводов из села, и мы планировали присоединиться к кому-то из них. Местные жители знали о нашем желании и говорили, что, если нам повезет, мы окажемся на празднике. Высказывание "повезет – не повезет" является обычным для амгуэмцев. Следует отметить, что подобные поездки в тундру не имеют четкого расписания. Напротив, они довольно спонтанны, и мы должны были быть готовы к отъезду в любой день и час. Забегая вперед, скажем, что удача была не на нашей стороне. В день, когда должна была состояться наша поездка, как мы впоследствии узнали, в селе отключили воду и электричество. В таких условиях мы не могли приготовить обед и покормить ребенка. Наша знакомая пригласила нас на берег реки Амгуэма, чтобы приготовить еду на костре. Ребенку очень нравилось общаться с этой женщиной, и мы решили отлучиться на пару часов. Именно в момент нашего отсутствия местный мужчина, собиравшийся в тундру на праздник, заехал за нами, но, не дождавшись нас, отправился в путь. Дозвониться нам по телефону или оставить сообщение в мессенджере он не смог, поскольку из-за отключения электричества в селе не работали интернет и сотовая связь.

Данное совпадение казалось нам в то время очень неудачным. Ведь организовать выезд в тундру с оказией довольно сложно, а мы упустили наш шанс попасть туда. Через пару дней, вероятно из-за ветра на реке, ребенок сильно заболел, и мы отправились в Эгвекинот за врачебной помощью, расстроенные происходящим. Однако вместе с нами на машине в Эгвекинот поехали наши знакомые оленеводы, которые планировали провести там последние дни отпуска. Ежедневное общение с этой семьей, походы на рыбалку, совместный прием пищи, прогулки, гостевание в квартире их дочери в Эгвекиноте, во-первых, позволили нам наблюдать за этими людьми и общаться с ними за пределами яранг или жилых помещений села Амгуэма и сформировать более полное представление об их образе жизни. В частности, это помогло нам понять принцип распределения имущества в пространственном континууме тундра–Амгуэма–Эгвекинот (*Давыдов* 2019: 162–170). Во-вторых, нам удалось более близко познакомиться и подружиться с этой семьей. В результате они позвали нас с собой в тундру для проживания в их яранге, куда мы и отправились после десятидневного пребывания в Эгвекиноте. По прошествии времени мы нисколько не жалеем, что тогда из-за сына мы пошли на берег реки Амгуэма для приготовления обеда: благодаря этому событию мы завязали близкие отношения с нашими будущими ключевыми информантами-оленеводами. Данный эпизод из полевой жизни, а также многие другие истории говорят о том, что ребенок обязывал нас быть особенно гибкими

Рис. 3. Чаепитие на берегу р. Амгуэма (фото авторов, 2018 г.)

в наших ежедневных взаимодействиях с людьми, перемещениях, организации времени, привнося “плодотворные моменты серендипности” (*Korpela et al.* 2016: 16) в процесс полевой работы.

Автономность, мобильность и пищевая безопасность при полевой работе в условиях Арктики с детьми

Различные авторы уже отмечали, что присутствие ребенка в поле заставляет его родителей-исследователей сфокусироваться на определенных темах или подталкивает их к изучению определенных сюжетов (см.: *Farrelly et al.* 2014: 35; *Korpela et al.* 2016: 4). В частности, антропологи писали, что взаимодействие супругов и их детей с информантами (*research participants*) в рамках полевой работы приводит к более глубокому пониманию гендерных и семейных отношений, особенностей материнства, деторождения и восприятия этничности в изучаемом сообществе (*Cupples, Kindon* 2003: 224; *Cornet, Blumenfield* 2016b: 5; *Schrijvers* 1993: 143–158).

Наши экспедиционные выезды финансировались двумя грантами, один из которых предполагал изучение изменения диеты местных жителей на Чукотке в XX–XXI вв. (рук. Е.А. Давыдова), второй – исследование энергетических процессов в Арктическом регионе (рук. В.Н. Давыдов). Тематика полевой работы определялась нашими научными интересами и обязательствами перед фондом, но не присутствием в поле ребенка, как, например, это было у Л. Хирви и К. Домброски (*Farrelly et al.* 2014: 35; *Korpela et al.* 2016: 4).

Однако теперь мы осознаем, что восприятие поля, характер получаемой информации и даже антропологическое понимание увиденного и пережитого нами на Чукотке стали результатом жизни и работы в поле в условиях постоянного присутствия нашего сына. Сравнивая опыт трех поездок, мы можем сказать, что наше видение

проблем, связанных с питанием, было различным в период каждой из наших экспедиций. Проводя этнографические исследования во время второй и третьей поездок, мы постоянно чувствовали, что недостаточно работаем по своим темам. Данные мысли были связаны с тем, что из-за ребенка у нас не было возможности сбора нарративов в течение всего дня, как это было в период первой поездки на Чукотку. На этом этапе нам было сложно задавать большое количество вопросов, и все наше исследование фактически свелось к жизни в поселке или тундре, а основным методом работы стало наблюдение. Подобно К. Домброски (*Farrelly et al.* 2014: 35), мы приобрели множество связей с местными жителями и этнографический опыт, но при этом мы собрали лишь небольшое количество данных (*data*) в виде интервью и подробных дневниковых записей. Но, в отличие от упомянутой исследовательницы, которая впоследствии заполнила лакуны в своей работе с помощью последующего выезда в поле без ребенка, авторам ничего не оставалось, кроме как увидеть в этих многочисленных незавершенностях нечто большее – этнографический материал.

Среди путешественников-мужчин бытует мнение о том, что поездка с супругой и детьми лишает их мобильности и возможности изучить “настоящую жизнь”, полную рисков и опасностей. Подобную точку зрению одному из авторов данной публикации (В.Д.) высказал известный блогер, который за несколько дней посетил три поселка и сумел отснять интересные видеосюжеты. С другой стороны, получение впечатлений от быстрого сбора материалов – не задача антропологического исследования, в рамках которого важно увидеть, как формируются связи и отношения между местными жителями. Мужчине-исследователю поездка с семьей как раз и предоставляет возможность избежать соблазнов полного приключений “маскулинного” поля, образ которого может являться зеркалом самого ученого. Именно подобная практика полевой работы позволяет замедлить темп смены событий, фактически сдержать течение времени, что и дает возможность оглядеться вокруг, увидеть больше деталей, контекста и на собственном опыте понять, каким образом организованы местные практики.

Оказавшись в поле, исследователь, безусловно, стремится увидеть как можно больше различных ситуаций и взаимодействий. Данное стремление порождает ориентацию ученого на высокую мобильность, формирует его готовность поменять место своего нахождения в любой момент и переместиться в новое (пойти к другому информанту или поехать в другое село, принять участие в событии и проч.). Современные технические средства благоприятствуют такому стилю работы. Методологически данный способ полевых исследований подкрепляется получившим широкое распространение направлением – “полилокальной этнографией” (*multi-sited ethnography*) (см.: *Цзин* 2017; *Marcus* 1995: 95–117). Однако ребенок постоянно препятствовал нашему стремлению увидеть что-то неизвестное нам, побывать в другом месте. Он являлся своего рода “якорем”, не пускающим наш “корабль” в дальнейшее плавание. В поле мы чувствовали себя неповоротливыми, статичными, неподвижными. Однако локальность полевой работы, понимаемая нами не как привязка к месту, а как тесная связь с конкретными людьми, от которых зависит антрополог, может порой позитивно влиять на процесс сбора материала. В частности, она принуждает исследователя быть более внимательным к происходящему и приветливым в общении с информантами, чему способствуют многократные наблюдения повторяющихся событий, людей, действий. Работавшая с 1948 по 1951 г. в Амгуэмской тундре В.Г. Кузнецова, непростой полевой опыт которой характеризовался тотальной зависимостью от людей, у которых она жила (*Михайлова* 2015), писала: “На обратном пути домой Пененеут сказала, что они будут кочевать далеко, в Кунтелек. У меня забилось сердце – мне страшно хочется попасть в Кунтелек. Но мне не предложили кочевать с ними” (АМАЭ). Этнограф три года прожила фактически в одной семье, лишь иногда посещая соседние хозяйства. Она расстраивалась из-за

дефицита мобильности, однако полученный опыт позволил ей глубоко проникнуть во многие сферы повседневной жизни амгуэмских оленеводов, что, в частности, подчеркивали коллеги исследовательницы[3].

На стадии работы над текстами к нам пришло понимание, что большинство этнографических примеров, которые иллюстрируют наши выводы, берутся из второй и третьей поездок, где основным методом было наблюдение и рефлексия над опытом пребывания в среде. В течение последних двух поездок мы более плотно занимались темами пищи и проблемой утилизации ресурсов в Арктике. Данная мысль, впервые возникнув, очень нас удивила, так как во время первого выезда, находясь в поле, мы думали прямо противоположным образом. Переосмысливая свой опыт, можем признать, что в каком-то смысле мы действительно глубже познавали местные пищевые практики во время двух последних экспедиций, потому что большинство наших мыслей и действий как антропологов-родителей было связано с вопросами питания. Но мы думали о еде не как ученые, исследующие местную диету, ее динамику и использование ресурсов, а как родители, чей ребенок стремительно теряет в весе.

Чем же были вызваны проблемы с питанием? Первый визит на полуостров состоялся зимой, что важно принимать во внимание, говоря о чукотской темпоральности снабжения. В это время года, после осенней навигации, продукты представлены на прилавках магазинов достаточно широко. Весной появляется дефицит товаров и наблюдается рост цен. В начале лета магазины стремительно пустеют – до тех пор, пока не придут новые корабли с продовольствием, и продукты не будут приняты на склады торговых компаний, что происходит уже ближе к концу летнего сезона. В этот же период сельские магазины заполняются большим количеством “просрочки” – продуктов, которые не были реализованы зимой в Эгвекиноте. Следует также отметить, что во время первой экспедиции мы большую часть времени жили в селе Амгуэма, которое располагается на Иультиснкой трассе, связывающей порт и районный центр Эгвекинот на побережье Берингова моря с континентальной частью Иультинского р-на Чукотского автономного округа. Благодаря этой дороге амгуэмцы могут добраться в пгт Эгвекинот на автобусе-вахтовке за два часа. Данный рейс осуществляется дважды в неделю. Мы, как и местные жители, ездили этим маршрутом за покупками в районный центр, в магазинах которого ассортимент был больше, цены ниже, а качество продуктов лучше. Стоянки бригад и село Нутэпэльмен являются местами куда более изолированными, и выезд из тундры возможен только в случае следования транспорта из стоянки в село. Нутэпэльмен связан с Эгвекинотом авиасообщением, причем вертолетный рейс зимой и весной осуществляется один раз в месяц. Кроме того, продовольствие в село завозят на вездеходах примерно два раза в месяц. Это означает, что люди рассчитывают по большей части на местные пищевые ресурсы.

Однако главная причина нашего беспокойства была связана с самим ребенком. Как мы уже отмечали, во время первой поездки наш сын был на грудном вскармливании. В качестве прикорма ему вполне хватало детского питания, привезенного нами из Санкт-Петербурга. В любом случае, ребенок питался молоком матери, что внушало нам, родителям, определенное спокойствие. И действительно, в период первой экспедиции наш сын был хорошо упитанным двухлетним малышом. Ко времени второй поездки грудное вскармливание было уже прекращено, но еда, к которой он привык дома, на Чукотке отсутствовала. Показательно, что многие коллеги, антропологи-североведы, которые представляют специфику полевой работы в Арктике и у которых есть дети, когда узнавали о нашем полевом опыте, спрашивали прежде всего о том, чем мы кормили ребенка.

Среди пищевых трудностей, с которыми мы столкнулись, отметим отсутствие молочной продукции, сложности в приобретении хорошего мяса, дефицит фруктов

и овощей, очень большое количество просроченных продуктов. Подчеркнем, что местные жители многое добывают в тундре и приобретают с помощью личных связей (напр., оленину, рыбу, китовый жир, мясо и жир моржа и нерпы, ягоды), а не покупают в магазине. Все эти особенности требуют определенных локальных знаний и навыков, необходимых для того, чтобы обеспечить себя пищей. Например, находясь в тундре, нужно уметь заказывать продукты по радиосвязи у друзей, знакомых или родственников, в селе – знать дни привоза тех или иных продуктов и договариваться с рыбаками и оленеводами о покупке у них пищевых ресурсов. В этой связи нам необходимо было понять, где и когда проходят пути перемещения продуктов и как они распределяются в сообществе. Но эти знания нужны были нам не столько как антропологам, а как родителям, чтобы мы могли обеспечить пищевую безопасность своему ребенку. Таким образом, находясь в поле, мы были вынуждены заниматься именно этим.

Описанные особенности нашей полевой работы явились важным заделом для разработки концепции проекта Российского научного фонда “Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации”, посвященного проблемам снабжения, распределения пищи и пищевой безопасности людей в удаленных арктических селах и тундре. В рамках этого проекта проводится исследование того, как люди на российском Севере в условиях “слабого” снабжения получают приемлемый для них пищевой ресурс. Другими словами, нас как исследователей заинтересовало, каким образом жители отдаленных северных поселений самостоятельно создают на микроуровне локальных сообществ условия для поддержания чувства своей пищевой безопасности. Находясь на Чукотке, мы, обеспокоенные собственной пищевой уязвимостью, неизбежно обращали внимание на локальные микросети распределения ресурсов, эксперименты по самостоятельному производству дефицитных продуктов, разнообразие техник их сохранения и обработки, а также на способы добычи пищи, порой нелегальные, в ходе взаимодействия с окружающей средой. Мы старались выявить пути приобретения и сохранения пищевого ресурса, зачастую скрытые от стороннего наблюдателя и являющиеся альтернативными государственной и частной торговой системам снабжения, а также стратегии местного населения, направленные на аккумулирование продуктов питания. Подобные проблемы легли в основу упомянутого проекта.

Еще одним следствием нашей пищевой уязвимости, а также ряда других проблем, с которыми мы столкнулись, находясь в поле в сопровождении ребенка, стало стремление к приобретению автономности. Действительно, зависимость от местных жителей в вопросах обеспечения себя пищей, водой и топливом переносилась нами тяжело, так как означала, что мы не контролируем безопасность собственного сына, а ведь это и является в нашем представлении прямой обязанностью родителей. Многие люди были очень добры и внимательны к нам, помогали и выручали в различных сложных ситуациях: угощали нас свежей и вкусной пищей, делились водой, углем, дровами, учили топить печь, готовить на костре из сырых веток ивняка и т.д. Однако осознание собственной беспомощности порождало неприятные мысли и чувства. В результате в нас начало расти желание научиться жить на Чукотке так, чтобы быть менее зависимыми от внешних факторов. Кроме того, нам очень не хотелось становиться обузой для тех, с кем мы работали: оленеводов в тундре и жителей сел, к которым мы непрестанно обращались с теми или иными просьбами.

Наше стремление к автономному обеспечению себя различными ресурсами в самом начале выражалось, в частности, в намерении жить отдельно. Идеалом классической социальной антропологии, хотя и не всегда достижимым, является именно включенное наблюдение и проживание этнографа вместе с теми, кого он исследует. Характерным, например, является известное наставление В.Г. Богораза, которое он давал студентам: “Имейте в виду, <...> этнографом может стать только тот, кто не боится

скормить фунт крови вшам. Почему скормить, спрашивается? Потому что узнать и изучить народ можно, только если живешь с ним одной жизнью. А у них вошь – довольно распространенное животное" (*Гаген-Торн* 1994: 51). Мы же сознательно не стремились следовать данной стратегии, так как понимали, что подобный опыт будет тяжел как для принимающих нас людей, так и для нас самих и нашего ребенка. Как уже отмечалось, если во время первого выезда нам удалось поселиться в отдельной квартире, то в период второй и третьей экспедиций из-за отсутствия необходимой инфраструктуры нам пришлось делить кров с нашими информантами: в тундре мы жили в яранге, в Нутэпэльмене – в коттедже. Живя вместе с людьми, мы оказывались в сильной зависимости от них, что порождало еще большую потребность, пусть и в конечном счете не реализованную, в приобретении автономности.

К настоящему моменту нами было написано несколько статей, в том числе одна в соавторстве, в которых мы рассматриваем такие явления, как мобильность и снабжение пищей, в рамках концепции автономности (*Davydov, Davydova* 2018: 27–34; *Давыдов* 2019: 162–170; *Davydova* 2019: 1408–1424). В процессе исследования мы задались вопросом, не связана ли наша озабоченность собственным автономным существованием с размышлениями об автономности местных жителей? Во всяком случае, идея о связи зависимости людей от различных акторов в обеспечении себя ресурсами, чувства безопасности и мобильности родилась именно в поле (ПМА 2017–2018).

* * *

В данной статье было рассмотрено, каким образом стратегия полевого исследования всей семьей влияет на процесс получения и интерпретацию данных, а также позволяет выстраивать отношения с изучаемыми людьми. Присутствие в поле ребенка неизбежно оказывает воздействие на ход этнографической работы. Он, как и другие члены семьи, обладает агентностью и не просто влияет на отношения с информантами и на обсуждаемые с ними темы, на практики, в которых ученые принимают участие, но также совместно с родителями-антропологами, хотят они того или нет, создает методы работы, исследовательские фокусы и даже интерпретации увиденного и пережитого.

Однажды наш сын случайно стал свидетелем забоя оленей в тундре. В тот момент нам очень не понравилось, что он увидел смерть животного, так как мы думали, что нам придется объяснять сыну, что произошло с оленем, поскольку он прежде никогда не сталкивался с подобным. Однако реакция ребенка была совершенно неожиданной для нас. Когда олень лежал на земле и уже проходил сопровождающий забой чукотский обряд поения животного и подкладывания под его голову подстилки из веток (см.: *Богораз* 1939), описанный в этнографической литературе, наш сын сказал: "Оленя уложили отдохнуть". После этих слов он ушел гулять по тундре и больше не интересовался происходящим. Другими словами, ребенок вообще не увидел ни убийства, ни, соответственно, жестокости по отношению к животному. По его мнению, олень просто заснул. Реакция нашего сына на произошедшее побудила нас задуматься о перформативности процесса забоя. Используя подход Ирвинга Гофмана (*Гофман* 2000, 2004) и наблюдая за чукотскими оленеводами, можно прийти к выводу, что они играют спектакль во время забоя, согласно которому олень словно засыпает и умирает без воздействия человека. Люди получают доступ к телу животного, но они как будто не участвуют в забое, скрывая сам момент умерщвления и делая вид, что ничего не произошло. В результате данные наблюдения были использованы в последующей работе при сопоставлении практики забоя в тундре и оленеубойном пункте.

Рис. 4. На рыбалке (фото авторов, 2018 г.)

Таким образом, мы хотим подчеркнуть, что ребенок не просто опосредованно направляет ход исследования, а, как живое мыслящее существо, обладает своими собственными впечатлениями, субъектностью, мнением, видением и интерпретациями пережитого им. Пирс Витебски также в свое время ездил в поле в Республику Саха (Якутия) со своей семьей. Полученный опыт он осмыслил в главе “Bringing My Family” книги “Reindeer People”. В ней он размышляет, как присутствие его жены, девятнадцатилетнего сына и десятилетней дочери повлияло на исследование. В частности, он подчеркивает, что жена и дети помогли ему увидеть то, чего он сам прежде не замечал. Находясь с ними в поле, он по-новому посмотрел как на свою семью, так и на принимавших их людей. Например, его жена и дочь указали ему на статичность женского мира, на которую он сам не обращал внимания (*Vitebsky* 2005: 339). Несмотря на то что наш сын был значительно младше детей Витебски, он тоже наблюдал, воспринимал, интерпретировал окружающий его мир и делился с нами своими наблюдениями, чувствами, эмоциями, суждениями и иногда вдохновлял своими реакциями на происходящее.

Производство антропологического знания осуществляется ситуативно (*Korpela et al.* 2016: 4). Сам контекст “семейного поля” привносит свою специфику в этот процесс. Читатель может возразить, что обозначенные в данной статье особенности способа получения нами этнографических знаний, непосредственно связанного с интерпретативной работой антрополога, не являются исключительными свойствами “семейного поля”, а сопряжены с социальным взаимодействием. Мы признаем, что исследователь, действующий самостоятельно, также может сталкиваться с непредсказуемыми ситуациями в поле, порождающими моменты серендипности, чувствовать собственную уязвимость и зависимость от местного сообщества, а также получать вдохновение, возникающее под воздействием интерпретаций других участников исследования (например, информантов). Однако наш опыт показывает, что ребенок форсирует названные процессы и зачастую не оставляет родителям-исследователям

возможности сгладить их воздействие на процесс сбора этнографических данных. Тем не менее переживаемые в ходе подобной полевой работы сложности способствуют выстраиванию отношений с информантами и предоставляют ученому новые возможности для познания жизни изучаемого сообщества.

Благодарности

Авторы выражают благодарность участникам полевого семинара Европейского университета в Санкт-Петербурге, полевого семинара МАЭ РАН, а также секции “Полевая этнография” на Конгрессе антропологов и этнологов России 2019 г. за ценные комментарии и предложения. Мы также благодарны и признательны многим людям, с которыми встретились на Чукотке, за их гостеприимство и внимание к нуждам нашей семьи. Мы осознаем, что только вследствие их готовности делиться своим опытом, знаниями и даже собственными ресурсами мы смогли не только собрать ценный этнографический материал, но и благополучно провести и завершить нашу наполненную рисками и родительскими тревогами полевую работу. Мы также благодарны анонимному рецензенту статьи, обратившему наше внимание на важные методологические аспекты.

Примечания

[1] См.: *Butler, Turner* 1987; *Cassell* 1987; *Cornet* 2013: 80–99; *Cupples, Kindon* 2003: 211–228; *Cornet, Blumenfield* 2016а; *Farrelly et al.* 2014: 25–56; *Flinn et. al.* 1998; *Frohlick* 2002: 49–58; *Jones* 2012: 113–130; *Schrijvers* 1993: 143–158; *Starrs et al.* 2001: 74–87.

[2] См.: *Clifford* 1986: 17; *Cupples, Kindon* 2003: 211–228; *Gottlieb* 1995: 21–26; *Gupta* 2014: 394–400; *Korpela et al.* 2016: 3–20; *Rappaport* 2008: 1–31.

[3] Личная беседа Е.Д. с к. и. н. Е.А. Алексеенко (1930–2017) – этнографом-североведом, исследователем кетов, старшим научным сотрудником МАЭ РАН.

Источники и материалы

ПМА 2017–2018 – Полевые материалы экспедиции авторов в Иультинский р-н Чукотского автономного округа, декабрь 2017 – февраль 2018 г. Полевой дневник В.Н. Давыдова.

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Кузнецова В.Г. Материалы из поездки к чукчам. 1948–1951 гг. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336.

Научная литература

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. I, Социальная организация. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. II, Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.

Гаген-Торн Н.И. Memoria. М.: Возвращение, 1994.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Институт социологии РАН, 2000.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.

Давыдов В.Н. Использование ресурсов жителями Чукотки в контексте социально-экономических изменений // Кунсткамера. 2019. № 3 (1). С. 162–170.

Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2015.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Цзин А.Л. Гриб на краю света. М.: Ad Marginem пресс, 2017.

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географическом распространении и истории этих групп) / Отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давыдов. М.: Восточная литература, 2017.

Широкогорова Е.Н. Дневник экспедиции в Забайкалье летом 1912 года // Три века российской этнографии: страницы истории / Отв. ред. А.А. Сирина. М.: Восточная литература, 2018. С. 201–220.

Butler B., Turner D. (eds.) Children and Anthropological Research. N.Y.: Plenum, 1987.

Cassell J. (ed.) Children in the Field: Anthropological Experiences. Philadelphia: Temple University Press, 1987.

Clifford J. Introduction: Partial Truths // Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / Eds. J. Clifford, G.E. Marcus, M. Fortun, K. Fortun. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 1–26.

Cornet C. The Fun and Games of Taking Children in the Field in Guizhou, China // Red Stamps and Gold Stars: Fieldwork Dilemmas in Upland Socialist Asia / Ed. S. Turner. Vancouver: UBC Press, 2013. P. 80–99.

Cornet C., Blumenfield T. (eds.) Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic. Copenhagen: NIAS Press, 2016a.

Cornet C., Blumenfield T. Introduction: Anthropological Fieldwork and Families in China and Beyond // Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic / Eds. C. Cornet, T. Blumenfield, Copenhagen: NIAS Press, 2016b. P. 1–18.

Cupples J., Kindon S. Far from Being "Home Alone": The Dynamics of Accompanied Fieldwork // Singapore Journal of Tropical Geography. 2003. Vol. 24 (2). P. 211–228. https://doi.org/10.1111/1467-9493.00153

Davydova E.A. Food as an Energy Resource: Patterns of Accumulation and Use of Products in Chukotka // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12 (8). P. 1408–1424. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0457

Davydova E.A., Davydov V.N. Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime // 5th International Multi-Disciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings. Vol. 5, Ancience Science. Is. 2.2, Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Sofia: STEF92 Technology Ltd. P. 27–34.

Farrelly T., Stewart-Withers R., Dombroski K. "Being There": Mothering and Absence/Presence in the Field // Sites: New Series. 2014. Vol. 11 (2). P. 25–56.

Flinn J., Marshall L., Armstrong J. (eds.) Fieldwork and Families: Constructing New Models for Ethnographic Research. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1998.

Frohlick S. You Brought Your Baby to Base Camp? Families and Field Sites // The Great Lakes Geographer. 2002. Vol. 9 (1). P. 49–58.

Gottlieb A. Beyond the Lonely Anthropologist: Collaboration in Research and Writing // American Anthropologist. 1995. Vol. 97 (1). P. 21–26.

Gupta A. Authorship, Research Assistants and the Ethnographic Field // Ethnography. 2014. Vol. 15 (3). P. 394–400.

Hardman C. Can There Be an Anthropology of Children? // Childhood. 2001. Vol. 8 (4). P. 501–517.

Jones C. "You Can't Bring a Child in Here, This Is a Place Where People Come to Do Serious Research Work!": Negotiating Lone Motherhood and Fieldwork Identities // Research Beyond Borders: Multidisciplinary Reflections / Eds. L.-H. Smith, A. Narayan. Plymouth: Lexington Books, 2012. P. 113–130.

Korpela M., Hirvi L., Tawah S. Not Alone: Doing Fieldwork in the Company of Family Members // Suomin Anthropology. 2016. Vol. 41 (3). P. 3–20.

Marcus G. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24. P. 95–117.

Mauss M. The Seasonal Variations of the Eskimo: A Study of Social Morphology. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979.

Rappaport J. Beyond Participant Observation: Collaborative Ethnography as Theoretical Innovation // Collaborative Anthropologies. 2008. Vol. 1. P. 1–31.

Schrijvers J. Motherhood Experienced and Conceptualized: Changing Images in Sri Lanka and Netherlands // Gendered Fields: Women, Men and Ethnography / Eds. W.J. Karim, D. Bell, P. Caplan. L.: Routledge, 1993. P. 143–158.

Ssorin-Chaikov N.V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Hau Books, 2017.

Starrs P., Starrs C., Starrs G., Huntsinger L. Fieldwork... with Family // Geographical Review. 2001. Vol. 91 (1–2). P. 74–87.

Vaté V. Building a Home for the Hearth: Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / Eds. D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. N.Y.: Berghahn Books, 2013. P. 183–199.
Vitebsky P. Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. L.: Harper Perennial, 2005.

Research Article

Davydova, E.A., and V.N. Davydov. The Professional and the Personal: An Experience of Fieldwork in Chukotka with the Entire Family [Professional'noe i lichnoe: opyt polevoi raboty na Chukotke vsei sem'ei]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 121–140. https://doi.org/10.31857/S086954150010052-7 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena A. Davydova | http://orcid.org/0000-0002-9299-7551 | elenav0202@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Vladimir N. Davydov | https://orcid.org/0000-0003-2738-4609 | davydov.kunstkamera@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Arctic, Chukotka, fieldwork methods, reflection of field, auto-ethnography, production of knowledge, anthropology of food, autonomy, food security

Abstract

This article discusses the particularities of ethnographic work carried out by a researcher together with the members of his or her family. Reflecting on our own experience of three fieldwork trips to Chukotka in 2017–2019 with a total duration of six months, we examine how the presence of members of an anthropologist's family in the field, especially a child, affects the process of ethnographic work and collecting materials. The discussion focuses on methods of field research, the particular feature of which is the fact that we, as researchers and authors, were in the field with our own son. At the same time, during the three fieldwork trips, the methods of work with informants underwent significant transformations. An analysis of the context of ethnographic cases allows us to show the evolution both of the authors' views on the "field with children" and of the field research approaches employed. We discuss how a child, by means of own subjectivity, can influence the methods of fieldwork, the focus of observations, and even to a certain extent affect the process of anthropological interpretation. Taking the cases of work in villages and the tundra, we show how being in the field with children requires researcher's looking for autonomy and developing a safe food and nutrition strategy. We do not limit ourselves to describing positive and negative aspects or benefiets and challenges of the fieldwork carried out in a company of family members; we also intend to show how anthropological knowledge can be produced in the field within the process of cooperation among parents-anthropologists, their children, and informants.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, https://doi.org/10.13039/501100006769 [grant no. 19-78-10002]

References

Bogoraz, V.G. 1934. *Chukchi* [Chukchi]. Pt. I, *Sotsial'naia organizatsiia* [Social Organization]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR.

Bogoraz, V.G. 1939. *Chukchi* [Chukchi]. Pt. II, *Religiia* [Religion]. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi.

Butler, B., and D. Turner, eds. 1987. *Children and Anthropological Research*. New York: Plenum.

Cassell, J., ed. 1987. *Children in the Field: Anthropological Experiences*. Philadelphia: Temple University Press.

Clifford, J. 1986. Introduction: Partial Truths. In *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, edited by J. Clifford, G.E. Marcus, M. Fortun, and K. Fortun, 1–26. Berkeley: University of California Press.

Cornet, C. 2013. The Fun and Games of Taking Children in the Field in Guizhou, China. In *Red Stamps and Gold Stars: Fieldwork Dilemmas in Upland Socialist Asia*, edited by S. Turner, 80–99. Vancouver: UBC Press.

Cornet, C., and T. Blumenfield. 2016. Introduction: Anthropological Fieldwork and Families in China and Beyond. In *Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic*, edited by C. Cornet and T. Blumenfield, 1–18. Copenhagen: NIAS Press.

Cornet, C. and T. Blumenfield, eds. 2016. *Doing Fieldwork in China... with Kids! The Dynamics of Accompanied Fieldwork in the People's Republic*. Copenhagen: NIAS Press.

Cupples, J., and S. Kindon. 2003. Far from Being "Home Alone": The Dynamics of Accompanied Fieldwork. *Journal of Tropical Geography* 24 (2): 211–228. https://doi.org/10.1111/1467-9493.00153

Davydov, V.N. 2019. Ispol'zovanie resursov zhiteliami Chukotki v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii [The Use of Resources by Local People in Chukotka in the Context of Socio-Economic Changes]. *Kunstkamera* 3 (1): 162–170.

Davydova, E.A. 2019. Food as an Energy Resource: Patterns of Accumulation and Use of Products in Chukotka. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* 12 (8): 1408–1424. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0457

Davydova, E.A. and V.N. Davydov. 2018. Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime. In *5th International Multi-Disciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings*. Vol. 5, *Ancience Science*. Is. 2.2, *Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies*, 27–34. Sofia: STEF92 Technology.

Farrelly, T., R. Stewart-Withers, and K. Dombroski. 2014. "Being There": Mothering and Absence/Presence in the Field. *Sites: New Series* 11 (2): 25–56.

Flinn, J., L. Marshall, and J. Armstrong, eds. 1998. *Fieldwork and Families: Constructing New Models for Ethnographic Research*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Frohlick, S. 2002. You Brought Your Baby to Base Camp? Families and Field Sites. *The Great Lakes Geographer* 9 (1): 49–58.

Gagen-Torn, N.I. 1994. *Memoria*. Moscow: Vozvrashchenie.

Goffman, I. 2000. *Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.

Goffman, I. 2004. *Analiz freimov: esse ob organizatsyi povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.

Gottlieb, A. 1995. Beyond the Lonely Anthropologist: Collaboration in Research and Writing. *American Anthropologist* 97 (1): 21–26.

Gupta, A. 2014. Authorship, Research Assistants and the Ethnographic Field. *Ethnography* 15 (3): 394–400.

Hardman, C. 2001. Can There Be an Anthropology of Children? *Childhood* 8 (4): 501–517.

Jones, C. 2012. "You Can't Bring a Child in Here, This Is a Place Where People Come to Do Serious Research Work!": Negotiating Lone Motherhood and Fieldwork Identities. In *Research Beyond Borders: Multidisciplinary Reflections*, edited by L.-H. Smith and A. Narayan, 113–130. Plymouth: Lexington Books.

Korpela, M., L. Hirvi, and S. Tawah. 2016. Not Alone: Doing Fieldwork in the Company of Family Members. *Suomin Anthropology* 41 (3): 3–20.

Marcus, G. 1995. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology* 24: 95–117.

Mauss, M. 1979. *The Seasonal Variations of the Eskimo: A Study of Social Morphology*. London: Routledge & Kegan Paul.

Mikhailova, E.A. 2015. *Skitaniia Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiia Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948–1951 gg.* [The Wanderings of Varvara Kuznetsova: Chukotka Expedition of Varvara G. Kuznetsova. 1948–1951], edited by L.R. Pavlinskaia. St. Petersburg.: MAE RAN.

Rappaport, J. 2008. Beyond Participant Observation: Collaborative Ethnography as Theoretical Innovation. *Collaborative Anthropologies* 1: 1–31.

Schrijvers, J. 1993. Motherhood Experienced and Conceptualized: Changing Images in Sri Lanka and Netherlands. In *Gendered Fields: Women, Men and Ethnography*, edited by W.J. Karim, D. Bell, and P. Caplan, 143–158. London: Routledge.

Shirokogorov, S.M. 2017. *Sotsial'naia organizatsiia severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geograficheskom rasprostranenii i istorii etikh grupp)* [Social Organization of the Northern Tungus: With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of These Groups], edited by A.A. Sirina and V.N. Davydov. Moscow: Vostochnaia literatura.

Shirokogorova, E.N. 2018. Dnevnik ekspeditsii v Zabaikal'e letom 1912 goda [Diary of an Expedition to Zabaikal'e in Summer 1912]. In *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History], edited by A.A. Sirina, 201–220. Moscow: Vostochnaia literature.

Ssorin-Chaikov, N.V. 2017. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Hau Books.

Starrs, P., C. Starrs, G. Starrs, and L. Huntsinger. 2001. Fieldwork... with Family. *Geographical Review* 91 (1–2): 74–87.

Tsing, A.L. 2017. *Grib na kraiu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem press.

Urry, J. 2018. *Kak vygliadit budushchee?* [What Is the Future?]. Moscow: Delo.

Vaté, V. 2013. Building a Home for the Hearth: Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual. In *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*, edited by D.G. Anderson, R.P. Wishart, and V. Vaté, 183–199. New York: Berghahn Books.

Vitebsky, P. 2005. *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia*. London: Harper Perennial.

© А.М. Маликов

КУЛЬТ АБУ МУСЛИМА И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВАРИАНТЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ

Ключевые слова: Центральная Азия, Афганистан, Узбекистан, культ святых, святилища, ислам, мифологизация, секуляризация

В данной статье анализируются различные варианты мифологизации личности политического деятеля VIII в. Абу Муслима и его сподвижников в Центральной Азии. Исследование такого феномена, как культ святых в исламе, способствует более глубокому пониманию вариативности культа Абу Муслима и представляется важным с целого ряда точек зрения: оно позволяет проследить процесс трансформации образа святого; выявить роль политических и культурных факторов в процессе конструирования образа Абу Муслима; проанализировать локальные черты культа святого в разных религиозных и политических контекстах. Я использую сравнительный анализ проявления культа Абу Муслима и его трансформации в двух странах: Узбекистане и Афганистане. Существуют различные вариации преданий и форм почитания Абу Муслима, причем выражение этого культа связано с его сподвижниками. В зависимости от локальных традиций происходит определенная легитимация некоторых местных святых через вымышленную связь с Абу Муслимом. На трансформацию представлений населения о значимости святых в Узбекистане повлияли разные факторы, наиболее значимым из которых была секулярная политика государства. В традиционном афганском обществе, хотя взгляды населения претерпели определенные изменения, почитание Абу Муслима сохранилось ввиду ряда причин.

В отдельных регионах Центральной Азии одним из наиболее почитаемых святых является Абу Муслим. В источниках его также называют Абу Муслим Хорасани и Абу Муслим Марвази (*Йазди* 2008: 95). Общий географический охват распространения культа Абу Муслима включает оазисы Центральной Азии, Северный Кавказ, а также современные территории Ирана, Афганистана и Турции. Обозначение “Центральная Азия” в контексте данной статьи используется достаточно широко: я включаю в данный регион современные территории Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Афганистана.

Одна из задач этой статьи – проанализировать полевой материал, содержащий сведения о культе Абу Муслима и его сподвижников, собранный в Бухарской и Самаркандской областях Республики Узбекистан, а также в северных областях Исламской Республики Афганистан. Информация о представлениях групп *ургенджи* (переселенцев из Хорезма) Бухарской области об Абу Муслиме и о святилищах его

Азим Маннонович Маликов | http://orcid.org/0000-0002-0173-2014 | azimmal2018@gmail.com | к. и. н., старший исследователь департамента азиатских исследований | Университет Палацкого (Tř. Křížkovského 511/8, Olomouc, 77147, Czech Republic)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: European Regional Development Fund, https://doi.org/10.13039/501100008530 [CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791]

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

сподвижников в Самарканде накапливалась и систематизировалась начиная с 2001 г., а полевая работа на территории Афганистана проводились осенью 2012 г. Другой задачей исследования является сравнительный анализ проявления культа Абу Муслима и его трансформации в двух странах: Узбекистане и Афганистане. Данный выбор не случаен: на территориях этих государств Абу Муслим осуществлял активную политическую деятельность, а его образ приобрел популярность, впоследствии переросшую в культ. На основе проведенных исследований можно предположить, что существуют различные вариации культа Абу Муслима, причем выражение этого культа происходит через его сподвижников. Преданиям об Абу Муслиме и его соратниках присуща многовариантность, что обусловлено в частности тем, что в Узбекистане и Афганистане сложились различные социально-политические и культурные контексты, в рамках которых проявляется культ святых и происходят попытки легитимации некоторых местных святых через воображаемую связь с Абу Муслимом. Также важно отметить, что в Северном Афганистане немалая часть материала собиралась среди потомков беженцев из Бухарского эмирата; некоторые из них, несмотря на исторические и культурные трансформации, в определенной степени сохранили традиционные представления о культе святых. Для многих из них он является частью исламской традиции, а святилища привязаны к практике религиозных праздников – в отличие от жителей постсоветского Узбекистана, переживших период массового внедрения атеизма. Жизненный опыт вынуждал мусульман Узбекистана выработать повседневные практики, призванные помочь им адаптироваться к политике советской власти, направленной на создание нового общества со светскими ценностями. Сейчас в стране происходит формирование иных взглядов на почитание святых, которое в настоящее время не преследуется государством.

Изучение такого феномена, как культ святых в исламе, способствует пониманию вариативности культа Абу Муслима. Ранний ислам отвергал поклонение каким-либо захоронениям как проявление язычества. С конца IX в. зафиксировано сооружение мавзолеев (*кубба*) над могилами *асхабов* и почитаемых мусульманских ученых (*Большаков* 1991б: 151). Стремление мусульман поклоняться святым местам усиливается в постмонгольскую эпоху под влиянием суфизма и идеологических изменений. По мнению исследователей, процесс становления и легализации пантеона святых Центральной Азии происходил в XIV в. (*Абашин* 2003: 235), хотя официального списка канонизированных святых не существовало. Определенные категории исламских святилищ связаны с культом пророка Мухаммада.

Появление культа святых и их святилищ предполагает наличие мифа, легенды, направленной на обоснование святости данного человека и, как следствие, сакральности связанного с ним места. Определенные группы, секты являются создателями того или иного мифа, при этом роль политической элиты, государства в этом процессе возрастает по мере расширения масштабов распространения мифа.

За последние 100 лет в восприятии культа исламских святых населением Центральной Азии произошли перемены. В первую очередь это касается трансформации системы знаний. Для понимания изменений, происходящих в восприятии религиозных ценностей, необходимо обратить внимание на соотношение между “религиозным” и “секулярным”. Сама концепция секуляризма является противоречивой, а ее значения – вариативными. В результате возникает проблема в определении границ между “секулярным” и “религиозным” (*Asad* 2003: 25). Представления о “светском” и “религиозном” в современных модернизирующихся государствах влияют на идентичность людей (Ibid.: 14). Для понимания изменений, происходящих под влиянием секулярной политики, можно использовать концепцию “множественного секуляризма”, согласно которой такие понятия, как “секуляризм” и “секулярность”, имеют разные значения в зависимости от различных политических и культурных контекстов (*Wohlrab-Sahra*, *Burchardt* 2012: 904). Можно выделить такие категории,

как секуляризм в Узбекской ССР и секуляризм в постсоветском Узбекистане. Политика советского государства была направлена на подрыв основ религиозного мировоззрения и массовое внедрение светских ценностей. Уничтожение мусульманской системы образования и становление новой – советской, эмансипация женщин, репрессии против духовенства, разрушение мечетей и значительного числа святилищ имели серьезные последствия для исламского общества. В частности, это привело к изменению религиозной практики мусульман.

Ряд исследователей полагает, что в формировании отношений между государством и религией в странах бывшего СССР значительную роль сыграло советское наследие (*Thibault* 2015: 26). Действительно, в Узбекистане по сравнению с Афганистаном государство оказывает гораздо большее влияние на регулирование религиозных вопросов, включая принятие решений о выборочной легитимации определенных святилищ. В то время как в Афганистане, пережившем многолетнюю войну, в период правления "Талибана" имело место негативное отношение представителей власти к культу святых и поклонению святилищам. Кроме того, в афганском обществе по-разному относятся к культу святых. Если одни считают, что почитание святых не связано с исламской традицией, то для других это норма повседневности.

После распада Советского Союза появились новые исследования, которые позволили шире и глубже взглянуть на феномен культа мусульманских святых в контексте социально-политических и культурных изменений. С.Н. Абашин собрал имеющиеся сведения о святилищах Ферганской долины и показал разнообразие проявлений культа святых и различные варианты их мифологизации в некоторых регионах Центральной Азии (*Абашин* 2003, 2008). Мифологические и экологические аспекты мест поклонения в ферганском контексте анализировались В. Огудиным (*Огудин* 2002). О.В. Горшунова подчеркивает, что образы локальных женских божеств в представлениях народов Средней Азии чрезвычайно разнообразны (*Горшунова* 2007: 48). Работы М. Лоу, К. Кель-Бодроги, Й. Расанаягама посвящены теме ислама в современном Узбекистане и основаны на современных антропологических концепциях (*Louw* 2007; *Kehl-Bodrogi* 2008*; Rasanayagam* 2011).

Изучение культа Абу Муслима в секулярных обществах Центральной Азии при сравнительном анализе с соседними мусульманскими странами позволяет проследить, каким образом политика этих государств влияет на формы трансформации и мифологизации образа этой незаурядной исторической личности. Немаловажным является воздействие политики формирования национальных историй на интерпретацию его деятельности как политика и военачальника.

Исследования, касающиеся Абу Муслима, можно условно разделить на две группы. Первая включает в себя источниковедческие работы, в которых анализируются те или иные аспекты деятельности Абу Муслима; вторая посвящена мифологизации его культа посредством создания народных романов и святых мест. Во второй половине XIX – начале XX в. В. Жуковским и В.В. Бартольдом была заложена основа научного изучения культа Абу Муслима. Следует подчеркнуть, что в их трудах соединены разные варианты биографии Абу Муслима, неоднозначно представленные в ранних источниках и литературно обработанные в средневековых романах.

В XX – начале XXI в. деятельность и культ Абу Муслима изучались специалистами разных сфер: востоковедами (И. Меликофф, Г. Юсуфи, В. Бобровниковым и др.), этнографами (Г.П. Снесаревым, Дж. Ли, А.Р. Шихсаидовым), археологами (Я. Гулямовым, Ю. Каревым), литературоведами и др. Исследованием этнографических материалов, касающихся его культа, занимались советские ученые на основе данных, собранных в Хорезме и Мерве.

Современное положение культа святилищ в Афганистане, а также факторы, влияющие на трансформацию религиозных представлений афганского общества, нашли отражение в публикациях таких специалистов, как: Р.Д. Макчесни (*McChesney*

1991), И. Больдауф (*Baldauf* 2017), Л. Ржехак (*Rzehak* 2004), Н. Назаров (*Назаров* 2011) и др. Дж. Ли затрагивал некоторые аспекты культа Абу Муслима в Северном Афганистане (*Lee* 1998).

Применение междисциплинарного подхода позволяет выделить разные варианты мифологизации культа Абу Муслима и его сподвижников в Центральной Азии. Данное исследование отличается тем, что в нем впервые проанализированы неизученные ранее аспекты культа Абу Муслима и его сподвижников в Северном Афганистане и долине Зерафшана. Проведенные научные изыскания указывают на то, что существовали различные факторы, влиявшие на изменение представлений об Абу Муслиме в зависимости от эпохи, политической системы и идеологии, а также на то, как и в каких ипостасях мог использоваться его образ.

Исторические сведения об Абу Муслиме. Так как существует множество исследований, в которых биография Абу Муслима освещена подробно, мы приведем здесь краткий обзор его деятельности (*Yūsofī* 2011). Дошедшие до нас сведения о происхождении, времени и месте рождения Абу Муслима весьма противоречивы. Согласно одним источникам, он является потомком Гударза и визиря Бузургмехра, а его настоящее имя – Ибрагим; другие утверждают, что он происходит из семьи Аббасидов или семьи халифа Али (Ibid.). В источниках также указываются разные даты рождения Абу Муслима: в одних приводится 718 г., в других – 728 г. (Ibid.). По одной из версий он родился близ Исфагана, по другой – близ Мерва. По некоторым данным, его настоящее имя было Абд ар-Рахман (*Большаков* 1991а: 10). Очевидно, что он был персом и лишь позже ему приписали родство с родом пророка Мухаммада.

В конце 740-х годов на востоке Арабского халифата (в Мерве) возникает мощное аббасидское движение, направленное против власти Омеядов, которое возглавил Абу Муслим (годы жизни согласно одному из источников – 718–755). После победы восстания, утвердившего Аббасидов на престоле Арабского халифата, Абу Муслим становится наместником Хорасана и Мавераннахра (750–755). Считается, что административный дворец – *дар ал-имара* – в Самарканде, руины которого были обнаружены при раскопках, был построен по его инициативе (*Karev* 2002). Абу Муслим при жизни пользовался большой популярностью среди населения Мавераннахра и Хорасана. Однако халиф Абу Джафар стал опасаться усиления политического влияния Абу Муслима, и в 755 г. он был вероломно убит во дворце халифа (*Yūsofī* 2011). Дискуссионным остается вопрос о настоящем месте погребения Абу Муслима; определению места его захоронения препятствует и тот факт, что он был казнен. По одной версии, Абу Муслим был похоронен в Хорасане.

Гибель Абу Муслима вызвала ряд восстаний в Хорасане и Мавераннахре. Как считают исследователи, он стал символом религиозной и социальной оппозиции. По мнению В. Бартольда, Абу Муслим в своей религиозной пропаганде соединял учение ислама со старыми народными верованиями (*Бартольд* 1971: 480). Однако современные исследователи считают, что у Абу Муслима не было подобных взглядов и такие религиозные убеждения приписали ему уже после его смерти (*Большаков* 1991а: 10).

Таким образом, Абу Муслим, возглавивший движение, приведшее к власти родственников пророка Мухаммада – новую династию Аббасидов, был популярен среди населения Хорасана и Мавераннахра уже при жизни. После трагической смерти ему были приписаны различные идеи религиозного и политического характера, определенную часть которых он, возможно, не разделял. Тенденция к мифологизации личности Абу Муслима в обществах Хорасана и Мавераннахра усилилась в X–XV вв., что было обусловлено рядом причин идеологического характера и стремлением местных политических и религиозных элит легитимировать свою власть.

Мифологизация и популяризация образа Абу Муслима в Средние века. В Арабском халифате в IX–X вв. происходит разработка различных аспектов истории государства и биографий арабских военачальников, возведенных в разряд святых (*Шихсаидов*

2001: 44). Создание литературных произведений, посвященых Абу Муслиму, привело к появлению и распространению историй о вымышленных сподвижниках Абу Муслима, которые отражали определенные местные представления о героях и святых отдельных регионов Центральной Азии. Причем на некоторых территориях вымышленные сподвижники Абу Муслима затмили собой реальных участников его движения.

Популяризация имени Абу Муслима заметна в произведениях историков Табари, Абу Бакра Наршахи и хорасанского летописца XI в. Абу Саида Гардизи, который утверждал, что Абу Муслим "призывал к [признанию повелителей верующих из] рода Мухаммада, да благословит Аллах его и род его и да приветствует" (*Гардизи* 1991: 38–39).

Наибольшую популярность приобрел роман XII в. Абу Тахира Тартуси об Абу Муслиме, который способствовал широкому распространению культа героя и его сводвижников. Абу Тохир Тартуси наиболее подробно рассказывает о соратниках Абу Муслима, которые имеют мало общего с реальными историческими личностями эпохи раннего Средневековья. В романе он происходит из племени Бану Хашим (племя пророка Мухаммада), а его отца зовут Сайид Асад (Абу Муслим 1992: 37). В этом произведении Абу Муслим изображен человеком, обладающим сверхъестественными способностями, с которым говорят духи святых: Хизра (праведник, упоминается в Коране и традиционно почитается во многих мусульманских странах), халифа Али, Кусам ибн Аббаса (двоюродный брат пророка Мухаммада, погибший в Самарканде) (Там же: 46). Таким образом, в поздней традиции Абу Муслиму стали приписывать родственную связь с пророком Мухаммадом. Это не случайно, так как, хотя семью пророка почитали еще в раннеисламскую эпоху, Алиды приобрели неоспоримый статус исламской аристократии только после Аббасидской революции (*Bernheimer* 2012: 86).

Культ Абу Муслима получил свое дальнейшее законное обоснование в эпоху Амира Тимура и Тимуридов. Как сообщают источники, Амир Тимур (1336–1405) совершил паломничество к могиле Абу Муслима Марвази около Келата и Туса в Иране и попросил у его духа помощи и поддержки (*Йазди* 2008: 95). Популяризация и мифологизация имени Абу Муслима усилились в тимуридский период благодаря агиографиям тимуридских авторов (*McChesney* 1991: 30–31). Культ Абу Муслима пропагандировался и в эпоху правления Сефевидской династии (1501–1722) в Иране (*Mélikoff* 1962).

О популярности Абу Муслима говорит тот факт, что еще в Средние века в его честь был назван район в Бухарском оазисе – *туман* Кам-и Абу Муслим. Немалую часть населения этой и соседних территорий составляли переселенцы из Хорезма – *ургенджи*. Они перемещались большими и малыми группами в течение продолжительного периода – с XVII по XIX в. Этнографическое изучение этой группы, проживающей на территории Шафирканского *тумана* Бухарской области Республики Узбекистан, выявило, что еще в первой четверти XX в. в некоторых семьях был популярен культ Абу Муслима. В его честь называли детей. Книга "Абу Муслимнома", повествующая о его жизни и трагической смерти, хранилась в домашних библиотеках как реликвия. Чтение этой книги старшим поколением вплоть до конца 1930-х годов порой сопровождалось плачем по погибшему герою. Во время Большого террора и антирелигиозной борьбы в СССР книги про Абу Муслима были сожжены (ПМА 1). Не исключено, что именно переселенцы из Хорезма способствовали сохранению имени Абу Муслима в местной топонимике. Так как он умер насильственной смертью, его также почитали как шахида.

В других регионах исламского мира, например в Дагестане, а также на территориях бывшей Османской империи Абу Муслиму были приписаны различные заслуги. Именами *шайха* Абу Муслима, его ближайших родственников, потомков и арабов-сподвижников названы святые места в Дагестане, где его образ приобрел

обобщенные черты героя-исламизатора (*Шихсаидов* 2001: 12; *Бобровников* 2006: 18). Культ Абу Муслима в настоящее время занимает определенное место в представлениях жителей Исламской Республики Иран, где в его честь назван футбольный клуб г. Мешхеда, а четырехтомный роман “Абу Муслимнома” был неоднократно переиздан.

В XIX – начале XX в. в среднеазиатских ханствах многократно переписывался и издавался в виде литографий роман Тартуси “Достон-и Абу Муслим”, переведенный на тюркский язык. Среди населения Средней Азии было популярным продолжение этой книги – “Замджи нома”, в которой рассказывается про сподвижника Абу Муслима Ахмеда Замджи (Собрание 1987: 237–240).

Советские историки и этнографы выявили, что культ Абу Муслима наиболее прочно укоренился в представлениях народов, населяющих территорию Южного Хорезма и связанного с ним Мервского оазиса (*Гулямов* 1958: 123). Рассуждая о святилищах Абу Муслима и его сподвижников, Г. Снесарев впервые применил термин “абумуслимовский комплекс” (*Снесарев* 1983: 100–111). Существуют могилы Абу-Муслима в Дарган-ате (современный Туркменистан), его преемника Ахмеда Замчи в Хиве и их обоих – в Мерве (*Гулямов* 1958: 141). Считалось, что в коллективной усыпальнице похоронены Абу Муслим Шах и его сподвижники: Музрап Шахи Хорезм, Усто Хурдек (кузнец) и Махмуд Шах (*Снесарев* 1983: 101, 103). Вероятно, культ Ахмеда Замчи и Мизраб-шаха начал складываться при хорезмшахах-Ануштегинидах (*Мурадов* 2018: 57–58). Возможно, образ Абу Муслима был использован местными религиозными и политическими элитами Хорезма для создания святилища с целью легитимации их власти или получения экономических выгод от паломничества.

Анализируя существующие материалы, можно прийти к выводу, что образ Абу Муслима был популярен в восточной части мусульманского мира: на современных территориях Ирана, Афганистана, Туркменистана и Узбекистана. Причина популярности Абу Муслима на первый взгляд кажется загадкой, так как он не был в числе суфийских святых, сподвижников пророка. Даже арабские халифы (за исключением первых четырех) не пользовались таким успехом. Этот феномен можно объяснить рядом причин, одной из которых является прежде всего идея жертвенности Абу Муслима во благо *ахл ал-байт* – семьи пророка. Кроме того, он являлся выходцем из Хорасана и поэтому был “своим” для жителей восточных областей халифата, а в Иране его почитали и шииты. Идеологическая мифологизация привела к созданию таких сект, как, например, Абумуслимиты. Вероятно, в становлении культа Абу Муслима определенную роль играл и политический фактор: когда последующие династии Сельджукидов и Хорезмшахов предпринимали попытки выхода из-под власти Багдада, фигура Абу Муслима обретала особый смысл как символ политической силы, которая зародилась на востоке исламского мира. В эпоху Тимура и его потомков образ героя был использован с целью усиления легитимации власти этой династии и наделения сакральностью земель Хорасана, которыми правили Тимуриды. В советский и постсоветские периоды в восприятии образа Абу Муслима и его сподвижников произошли изменения.

Культ Абу Муслима на территории государств Центральной Азии в XX – начале XXI в. При изменении политической системы и идеологии государства происходит трансформация системы религиозных знаний и представлений населения. Так, в досоветский период мусульманское население Центральной Азии училось в традиционных школах – *мактабах*, где изучали Хафтияк – сокращенный вариант Корана, хадисы и различные агиографии святых, популярные в тот период. Группы потомков святых (потомков пророка и первых халифов) имели социальные и экономические привилегии, а часть их управляла святилищами. Населению внушалась идея, согласно которой подвергать сомнению содержание религиозных книг недопустимо (*Сухарева* 1960: 7). Исследователи подчеркивали, что центральное место в исламской мифологии занимали сказания, связанные с Мухаммедом (Там же: 24). Вместе с тем

имел место процесс “исламизации местных традиций”, а локальные обычаи были сакрализованы в мусульманском ключе (*Khalid* 2014: 22).

В советский период произошла серьезная трансформация социальной системы и культуры мусульманских государств Центральной Азии, что было связано с насаждением коммунистической идеи формирования нового общества со светским мировоззрением. Подавление религиозной культуры и секуляризация происходили с разной интенсивностью в зависимости от особенностей того или иного периода советской истории. Как отмечал Б. Андерсон, “за упадком сакральных сообществ, языков и родословных скрывалось глубинное изменение в способах восприятия мира” (*Андерсон* 2016: 69).

Подрыву религиозного восприятия мира в мусульманских обществах Центральной Азии способствовали двукратная смена алфавита, преследование и уничтожение тех, кто поддерживал святилища в надлежащем состоянии, а также тех, кто играл важную роль в сохранении и передаче исламской интеллектуальной традиции (*Louw* 2007: 52).

В советский период на создание секулярных этнонациональных идентичностей были мобилизованы государственные ресурсы (*Khalid* 2014: 2). Как подчеркивал Геллнер, существует связь между национализмом и антирелигиозным движением (*Gellner* 1984: 148). На территории бывшего Советского Союза этот фактор в числе других способствовал “десакрализации святых мест”. Некоторые святилища были сохранены как памятники, музеи или в качестве достопримечательностей, хотя паломничество к локальным святилищам в определенных регионах совершали вплоть до распада СССР. В настоящее время отдельные символы и религиозные представления нередко могут интерпретироваться как часть национальной истории.

О популярности образа Абу Муслима в досоветский период свидетельствует роман узбекского советского писателя Гафура Гуляма (1903–1966) “Озорник”, в котором он описал досоветское общество Ташкента. В своей книге Г. Гулям приводит наиболее популярные среди населения представления об Абу Муслиме, а также упоминает о “Сказаниях о битвах счастливца Абу Муслима” (*Ғулом* 1983: 178–179).

С образованием советских республик и началом создания национальных историй образ Абу Муслима привлек внимание советских интеллектуалов, которые несколько в другом ключе трактовали его личность. Например, выдающийся таджикский писатель С. Айни (1878–1954), выделяя роль Абу Муслима в истории Средней Азии, подчеркивал:

> ...главной его целью было уничтожение и изгнание арабских завоевателей из Хорасана, Мавераннахра и всех других таджикско-персидских областей... истинной и конечной целью Абумуслима было создание в Хорасане, Мавераннахре и остальных таджикско-персидских областях независимого государства, возведение же на престол Аббасидов было лишь этапом на пути к достижению этой цели (*Айни* 1975: 24).

Идеи С. Айни были популяризованы видным таджикским историком Б. Гафуровым (1908–1977), приняты в исторической науке независимого Таджикистана и получили поддержку у некоторых узбекских исследователей (*Саримсоқов* 1992: 4).

В 1980-х годах в Узбекистане, как и во всем Советском Союзе, выпускалась научная литература, в которой святые места трактовались как очаги суеверия и предрассудков (*Саксонов* 1984). В эти годы был разрушен ряд святилищ Узбекистана, включая некоторые мазары лиц, считавшихся сподвижниками Абу Муслима.

После распада Советского Союза и падения железного занавеса произошла либерализация религиозной политики. Для обозначения политики, проводимой властями Узбекистана по отношению к религии, исследователи применяют термин “узбекская модель секуляризма”. Она отличается от советской тем, что власти Узбекистана отвергли насаждение атеизма, и включает в себя признание государством

доминирующей религии и совместное мирное сосуществование религиозных меньшинств. Вместе с тем заметно стремление изолировать государство от влияния религии. При этом власти признают доминирующее положение Ханафитского мазхаба и отвергают традиции ваххабизма (*Cornell, Zenn* 2018: 17–20).

Тем не менее общество получившего независимость Узбекистана, в котором после распада СССР наблюдалось некоторое возрождение ислама, осталось деисламизированным и секулярным (*Khalid* 2014: 121). Секулярная политика советской власти и современного Узбекистана привела к тому, что в настоящее время значительная часть населения страны имеет крайне ограниченное представление о книжном исламе.

Первый президент Узбекистана И. Каримов (1991–2016) на общем фоне секулярной политики в стране стремился показать, что придерживается многовековой традиции патронизации правителями наиболее известных святых мест. Причем это должна была быть могила реального исламского теолога или лидера суфизма, популярного не только в Узбекистане, но и за его пределами. Учитывая большое число разного вида святилищ, центральная власть не имела возможности и не стремилась благоустроить их все. На определенном этапе – в 1990-е годы – местным махаллинским комитетам и отдельным спонсорам предоставлялась возможность внести свой вклад в их восстановление. Вместе с тем в обществе существует дискуссия о том, являются ли святилища частью исламской традиции или это идолопоклонство (*Rasanayagam* 2011: 139). Существуют святилища локального значения, которые восстанавливаются по местной инициативе и на частные средства. Как отмечают исследователи, небольшие святилища Самарканда, привлекающие паломников, часто контролируются махаллинским комитетом, на территории которого они находятся (Ibid: 57). Во второй половине 1990-х годов определенные святилища Самарканда, такие как, например, могила святого суфия Нур ад-дина Басира, были в свое время благоустроены на частные средства влиятельных жителей города (*Malikov* 2018: 139). Таким образом, секулярная политика независимого Узбекистана отличается от более жесткой советской политики по отношению к религии.

Интерес к личности Абу Муслима в обществе проявился уже после обретения Узбекистаном независимости, когда по частной инициативе были опубликованы две части романа Тартуси “Абу Муслим жангномаси”, а также переизданы исторические сочинения “Кандия” и “Самария”. Однако Абу Муслим в список “главных” святых не попал. В учебниках независимого Узбекистана Абу Муслим изображается как предводитель восстания против Омейядов (*Мухамеджанов* 2001: 70–73), а его идеи по поддержке прихода к власти потомков пророка Мухаммада и его активное участие в разработке похода мусульман на Китай (*Bladel* 2014: 267–268) игнорируются. Следует отметить, что среди определенных религиозных групп Узбекистана уже в 1990-е годы существовали идеи, осуждающие поклонение святым и святилищам (*Babadjanov* 2004: 55).

Святилища, связанные с именем Абу Муслима и его сподвижников, имеют локальный характер и почитаются, как правило, определенной частью мусульманского населения Самарканда, включая таджиков, узбеков, татар и др.

“Сподвижники” Абу Муслима в Самарканде. Самарканд уже в Средние века был известен как “святой” город, его называли “Сад святых”, “Богом хранимый”; в нем насчитывалось несколько сотен мест паломничества.

В истории Самарканда – “Кандии”, написанной в Средние века, указывается, что Абу Муслим Марвази внес весомый вклад в благоустройство города (Кандия 1905: 250–253). По одной из версий этого сочинения, сподвижники Абу Муслима – Бадильдай Самарканди и некий “царевич хаканский” – привезли его останки в Самарканд и похоронили вблизи могилы Ходжа Тамима Ансари (Там же: 252).

Среди существовавших в Самарканде крупнейших святых мест, признанных властями, – Шах-и Зинда, Чакардиза, святилища суфийского лидера Ходжа Ахрара,

мемориального комплекса потомков видного теолога Махдуми Аъзама (1461–1541) в пригородном селе Дагбид (*Malikov* 2020: 45) – мазары, связанные с именем Абу Муслима, занимали скромное положение; можно даже предположить, что их возникновение относится к позднему Средневековью, когда в Самарканд мигрировали группы населения из афганской части Хорасана и Хорезма (*Маликов* 2018: 71). В XIX в. в Самарканде существовал мазар Абу Муслима в местности Гори Ошикон (*Welsford, Tashev* 2012: 460). Уже тогда это захоронение имело узколокальное значение, а в период советской власти оно было забыто.

Среди святых Центральной Азии особое место занимают женщины; в их числе можно выделить деятельниц суфизма, родственниц пророка Мухаммада, дочерей суфийских святых, которые приобрели в глазах населения региона сакральный статус. Среди героев романа Тартуси есть и жители Самарканда, в том числе Мажлис Афрузи Самарканди, которая помогала Абу Муслиму (Абу Муслим 1992: 82, 87–88). Одной из героинь “Абумуслимнаме” была Биби Ситти Такалбоз, родом из Герата. Она была также известна своей поддержкой Абу Муслима (Абу Муслим 1992: 101).

В XIX в. в числе 117 святилищ Самарканда упоминается мазар Биби Ситти Тугалбар (*Welsford, Tashev* 2012: 462), что, видимо, является искаженным вариантом имени Биби Ситти Такалбоз. Еще в 1970-х – первой половине 1980-х годов популярностью у различных групп населения Самарканда пользовалось святилище в квартале Даниярабад, которое имело несколько названий. Одно из них звучало как Биби Мушкилкушод: рядом с ним находилось культовое место (*дахма*) Биби Такалбоз айёр. Существовало предание, что поблизости был похоронен сподвижник Абу Муслима Пахлаван Ахмед Замчи (ПМА 4: Ш.). Как отмечали еще в середине XX в., к Биби Мушкилкушод (в переводе с таджикского языка – “госпожа-разрешительница затруднений”) обращались с надеждой на помощь, попадая в беду (*Сухарева* 1960: 40). Следует отметить, что существуют ритуалы, связанные с культом Биби Мушкилкушод, которые обычно проводятся женщинами в домах, но в данном особом случае для поклонения этой святой было создано отдельное святилище. Таким образом, с подачи смотрителей святилища в представлениях посетителей все сливалось в наиболее популярный, понятный и доминирующий образ Биби Мушкилкушод. Так возникали различные версии этого культа. Исследователи отмечали такие типичные черты среднеазиатских мазаров, как неоднозначность и неопределенность сакрального статуса, существование различных преданий о святом (*Абашин* 2008), который там захоронен. В советский период поклонение культу Биби Такалбоз айёр носило достаточно ограниченный характер. Я впервые узнал об этом самаркандском культе в 1987 г. из местных газет, в которых критиковалось поклонение “псевдосвятым” и отмечалось, что исследователи из Института археологии АН УзССР помогли раскопать *дахму* и “развенчать” культ святой. Как отмечали ученые, «судьба места поклонения во многом зависит от его “рекламы”» (*Огудин* 2002: 68). В данном случае местные власти и журналисты, сами того не желая, проинформировали широкие круги населения об этом святилище и наделили его значением, которое усилилось после падения СССР на фоне попыток восстановления исторических и культурных традиций в Узбекистане.

В настоящее время социальный и этнический состав паломников разнообразен. По сравнению с советской эпохой число жителей Самарканда, посещающих это святилище, увеличилось. Возник более усложненный ритуал, включающий посещение нескольких святынь, возжигание свечь, набор воды из бассейна и т.д. Ритуалы поклонения проходят каждую среду (ПМА 4: Д.). Местные жители посещают святилище с различными целями и по разным причинам. Можно привести типичные объяснения, например: святая Биби Такалбоз обладает *барака* – благодатью, ниспосланной Богом. Кто-то утверждает, что она являлась сподвижницей Абу Муслима (ПМА 4: Ш.).

Но в данном случае она также выполняла функцию Биби Мушкилкушод. Вероятно, имеет место симбиоз каких-то местных верований и персонажей романа Тартуси.

По преданиям, другим сподвижником Абу Муслима был Боди Ялдо, по инициативе которого после убийства Абу Муслима его останки были перевезены из Багдада в Самарканд и похоронены с большими почестями. Могила Мехтара Боди Ялдо находится недалеко от мечети махалли Факиха Абу Лайса. По инициативе и при финансовой поддержке жителя города на месте старой построили новую гробницу (*Истад* 2008).

Секулярная политика государства привела к тому, что имя Абу Муслима уже не связывается с именем пророка Мухаммада и значительного интереса к его личности за редким исключением не наблюдается – ни среди интеллектуальных кругов, ни среди простого населения Самарканда. Хотя на веб-сайтах, посвященных истории города, были опубликованы две статьи о святилищах сподвижников Абу Муслима, которые брали за основу литературную традицию, раскопки развалин настоящего дворца Абу Муслима, проводившиеся 20 лет назад, до сих пор не вызывают особого интереса у населения города. На мой взгляд, невысокая популярность Абу Муслима в самаркандском контексте обусловлена тем, что его образ не пропагандировался в суфизме, его имя в большинстве случаев не включено в генеалогии потомков святых и нет семей, хотя бы претендующих на родство с ним. Это был сложный, узколокальный культ, который имел место в отдельных кварталах Самарканда, а потом и вовсе был вытеснен культами более популярных святых.

В сравнении с постсоветскими государствами Центральной Азии в Афганистане наблюдается совершенно другой культурно-религиозный контекст, в рамках которого можно проследить особенности культа Абу Муслима и его сподвижников.

Культ Абу Муслима в Афганистане. Территория Северного Афганистана когда-то считалась частью историко-географической области Хорасан, где в далеком VIII в. осуществляли активную деятельность сторонники Абу Муслима. В культуре населения Афганистана святилища – *зиёраты* – занимали особое место. В функциональном плане они имели некоторые отличия от святилищ соседних среднеазиатских ханств – например, существовала традиция, согласно которой они могли служить убежищами для политических активистов и преступников. Однако во второй половине XIX в. правитель Афганистана эмир Абдурахман, ссылаясь на исламскую идеологию, упразднил эту традицию (*Ghani* 1978: 274–275). Вместе с тем он выступал против проникавшей в регион идеологии вахабизма, которая отвергала культ святых (Ibid.: 282–283).

До 1970 г. святилища Афганистана функционировали под присмотром отдельных семей или суфийских братств, которые получали доход от различных пожертвований и института *авкаф* (*вакуф*). В 1970 г. после принятия соответствующего закона многие святилища перешли под государственный контроль (*Dupree* 1976: 1). Процессы модернизации афганского общества, происходившие на протяжении XX в., несомненно, оказали влияние на религиозность населения и почитание святых. Во время войны 1979–1989 гг. немалое число святилищ пострадало. Некоторые респонденты характеризовали этот период отрицательно и утверждали, что за 30 лет, прошедших после Апрельской революции 1978 г., знаниям об исламских традициях был нанесен значительный ущерб. Как сказал один из информантов, “инқилоб бесавод қилди” (революция сделала население безграмотным) (ПМА 3). После вывода советских войск из Афганистана некоторые политические и военные лидеры с целью популяризации своей личности участвовали в религиозных ритуалах и совершали значительные пожертвования для крупных святилищ, таких как, например, святилище Али в Мазари Шарифе (*Baldauf* 2017: 220).

Талибы (1997–2001), религиозная идеология которых представляла собой смесь салафитского ислама и пуштуновали (культурного кода пуштунов), враждебно

Рис. 1. Святилище халифа Али в г. Мазари Шариф, Афганистан (фото автора, 2012 г.)

относились к почитанию святых и святынь (*Barfield* 2010: 261). Несмотря на это, даже при талибах афганцы продолжали совершать паломничества к святилищам (Ibid.: 42). По моим данным, некоторые из них все же были заброшены. После падения власти “Талибана” святилища стали возрождаться. В Андхое я наблюдал, как новобрачные посещают местное святилище для получения благословения; аналогичные обряды существуют в настоящее время в Южном Казахстане, где новобрачные посещают наиболее известные святые места в Туркестане и Сайраме (*Malikov* 2019: 163). В Самарканде такой практики не существует.

В современном Афганистане насчитываются сотни исламских святых мест. Некоторые места поклонений имеют аналоги в соседних регионах, других странах исламского мира, но также существуют святилища со своеобразными локальными особенностями. В афганском контексте популярный среди не только шиитов, но и суннитов культ Али в легендах нередко связывается с именем Абу Муслима. Самым знаменитым в Афганистане считается святилище халифа Али в Мазари Шарифе, поскольку именно здесь, как предполагается, захоронен халиф Али ибн Абу Талиб. В Тимуридский период возникла версия о том, что именно Абу Муслиму было поручено перевести останки халифа Али в Балх для защиты их от Омейядов (*McChesney* 1991: 30–31, 204). При посещении магазина у Раузы (святилище халифа Али в Мазари Шарифе) я приобрел диск с видеоисторией этого святилища на языке дари. В нем рассказчик также отмечает роль Абу Муслима в перенесении останков Али в Балх, т.е. его личность интерпретируется в контексте религиозной истории.

С именем сподвижника Абу Муслима связано одно из святилищ Шибиргана – города в Северном Афганистане, центра провинции Джаузджан, расположенного в 130 км к западу от Мазари Шарифа. Среди населения города преобладают узбеки, также там проживают хазарейцы, пуштуны и арабы (*Baldauf* 2015: 193). Немалое число

Рис. 2. Святилище Мизрабшаха Хорезми в г. Шибирган, Афганистан (фото автора, 2012 г.)

узбеков Шибиргана являются потомками выходцев из Бухарского эмирата, которые бежали из советской Средней Азии в 1920-е годы. В Шибиргане мне показали святилище Мизрабшаха Хорезми, которое здесь считается одним из главных святых мест. Оно находится в черте города во дворе, прилегающем к частному дому, и представляет собой высокую дахму с могилами. На одной из них есть надгробный камень с надписью: могила (*оромгох*) Муллы Гулома Мухиддина. На другой могиле – предполагаемом надгробии Мизрабшаха Хорезми – нет надписей, но захоронение выделяется тем, что рядом с ним установлены два шеста (*туги*) с зеленым и красным флагами, традиционно символизирующие место погребения суфийских святых или шахидов-мучеников. Рядом с дахмой находится священный колодец. В ходе беседы на узбекском языке с жительницей Шибиргана, которая располагала определенными знаниями об этом святилище, выявились черты похороненного здесь святого, которые в настоящее время приписывают литературному сподвижнику Абу Муслима. Она утверждала, что ее предки присходили из саидов (сейид, сайид, садат) – *авлоди пайгамбар*, а после падения Бухары они бежали в Мазари Шариф. Других местных святилищ она не знала и подчеркивала, что “маърифатим етишмайди” (не хватает образования) (ПМА 2).

По словам респондентки, отцом Джахангира Мизрабшаха Хорезми был Полвонхон замчи, про которого был написан роман “Замчинаме”. Он прославился тем, что часто воевал с неверными-кафирами. Заслуги Мизрабшаха заключаются в его службе религии. Он не погиб, а исчез, т.е. стал *гоиб*. Респондентка утверждала, что Мизрабшах имел какое-то отношение к святому Бахауддину Балогардону (суфийский лидер XIV в. Бахаваддин Накшбанд). Рядом с могилой Мизрабшаха Хорезми расположена

могила его *инога* (брата), который стал шахидом. Рядом похоронен известный в Шибиргане человек. Его потомок выслал из-за рубежа деньги, на которые его могилу бетонировали – что, по мнению респондентки, является грехом – *гунох*. По ее словам, Мизрабшах Хорезми был связан с Абу Муслимом Хорасани, с которым они вместе осуществляли политическую деятельность в Сарипуле (ПМА 2). Таким образом, хотя в представлении информантки Мизрабшах является сподвижником Абу Муслима, вместе с тем, вероятно, для усиления эффекта сакральности ему приписываются более популярные черты исламизатора, исчезнувшего суфийского святого и связь с Накшбандом. В рассказе заметна попытка связать позднее святилище Мизрабшаха с историей Сарипуля (город в Северном Афганистане), где находится святилище Имама Яхъи, строительство которого приписывают Абу Муслиму. Святилище Мизрабшаха Хорезми популярно в Шибиргане и посещается по религиозным праздникам и определенным сезонам. Официальное признание святилища подтверждается тем, что у улочки, ведущей к святилищу, у автомобильной дороги висит баннер с его названием на английском языке и языке дари. По данным исследователей, в начале 2000-х годов уроженец Акчи был хранителем (*мутавали*) святилища Музраба Шаха Палвана в Шибиргане (*Baldauf* 2017: 212), т.е. это святое место было легитимировано.

В романе об Абу Муслиме фигурирует его сподвижник хорезмиец Музрабшах Хорезми, или Мизраб джахангир (*Снесарев* 1983: 104). По преданию, после победы восстания авторитет Музрабшаха Хорезми возрос, и позже он был возведен в ранг святых (*авлиё*) (Абу Муслим 1992). Существовали также отдельные произведения, посвященные ему, – “Земчинамэ” и “Мизрабшахнаме”.

Есть немало примеров, когда захоронения того или иного мусульманского святого оказывались в нескольких местах. Могилы Мизрабшаха Хорезми отмечены в Хазараспе, Дарган-ате, Мерве и Шибиргане.

Получив от респондентки эти сведения, я решил поехать в Сарипуль, где также находятся мусульманские святые места. Первым мне показали святилище Имами Хурд (*малый имам*). Действительно, по данным источников, в святилище (*зиарат*) Имами Хурд сторонниками Абу Муслима был похоронен потомок пророка Мухаммада Сайид Яхъя б. Зайд б. Али б. ал-Хусайн б. Али б. Аби Талиб (убит последователями Омейядов в 743 г.), а Сельджукиды возвели мавзолей (*Bivar* 1966: 59–60). Смотритель отметил причастность Абу Муслима к организации захоронения потомка Али и подчернул, что само здание мавзолея было построено Абу Муслимом Хорасани. В конце XX в. он был заброшен, но в эпоху Хамида Карзая (президент Исламской Республики Афганистан в 2004–2014 гг.) началось его восстановление, причем даже Иран финансировал реставрацию святилища (ПМА 3). Как отмечали исследователи, в афганском контексте в рассказах о святых прослеживается мотив, который служит обоснованию права смотрителя приглядывать за святилищем или святой могилой (*Rzehak* 2004: 228). Эта традиция заметна в рассказе о *зиарате* Имами Хурд, когда смотритель связывал историю святого и его святилища с историей своего рода, представители которого издавна были его смотрителями (ПМА 3).

Праздники в Афганистане, будь то универсальные (такие как Ид-и-Фитр, Ид-и-Ажа и Навруз) или местные (такие как Гул-и-Сурх в Балхе), проводятся рядом со святилищами. Каждой весной во время Навруза в нескольких городах Афганистана у главных святынь, связанных с халифом Али и его потомками, поднимают священный шест – *джанда*. Празднование начинается в Мазари Шарифе, продолжается в Сарипуле, Кундузе, Кабуле и переходит в народное гуляние – *сайил* (*Назаров* 2011: 76). Ритуалы, совершаемые во время посещения святых мест в Афганистане, носят синкретичный характер и включают элементы неисламского характера. В ходе этих церемоний наблюдается сочетание обычаев, связанных с древним Наврузом, праздником “красного цветка” и др. (*Dupree* 1980: 105–106). При этом нужно отметить, что

отношение населения к этим обрядам и верованиям неоднозначное. Аналогичные *сайилы* проводились в Бухарском эмирате и Хорезме в досоветский период, но с 1930-х годов они были запрещены.

Таким образом, культ Абу Муслима и его сподвижников в Северном Афганистане органично вписан в местное сакральное пространство и практику. Создана вымышленная связь культа Абу Муслима и его соратников с культом халифа Али и его потомков. Кроме того, в какой-то период истории некоторые местные святые получили имена сподвижников Абу Муслима. В отличие от Узбекистана, Афганистан является исламским государством с соотвествующим законодательством и религиозными особенностями, где Абу Муслим почитается как суннитами, так и шиитским меньшинством.

* * *

Таким образом, широкое распространение и популярность культа Абу Муслима и его сподвижников в Центральной Азии были обусловлены рядом причин: его политической деятельностью, почитанием рода пророка Мухаммада, представителей которого Абу Муслим и его сторонники привели к власти в Арабском халифате, использованием его образа неисламскими и исламскими сектами, а также особенностями процесса исламизации в этом регионе. Мусульманские миссионеры для большей популяризации религии среди населения использовали в своей пропаганде героические истории. Преданиям об Абу Муслиме присущи многовариантность и доступность для понимания простым населением.

Разработка биографий арабских военачальников, возведенных в разряд святых, и народные романы о судьбе Абу Муслима, созданные в Хорасане, сыграли немалую роль в формировании культа этого героя и его сподвижников. Изучение культа показывает, что следует отличать реальных соратников Абу Муслима от вымышленных.

В Центральной Азии существовали как святые, почитание которых было широко распространено, так и те, чья популярность носила локальный характер и не выходила за границы отдельных регионов. Культ Абу Муслима и его сподвижников в самых разных версиях получил распространение в Хорезме, Мерве, долине Зеравшана, Северном Афганистане. Рассмотренные нами примеры демонстрируют различные варианты почитания Абу Муслима, причем выражение этого культа происходит через его сподвижников. Они примечательны и важны не сами по себе, а деятельностью рядом с Абу Муслимом, который в отдельных вариациях мифологизации был связан с семьей пророка Мухаммада. В настоящее время в Узбекистане и Афганистане практика поклонения святым встречает неоднозначное отношение населения, что обусловлено различными факторами.

В Узбекистане наблюдается противоречивый процесс легитимации местных святых через воображаемую связь с Абу Муслимом, а в определенных случаях – посредством вытеснения его образа более простыми для понимания и популярными среди населения святыми. Эти культы, несмотря на воздействие государственной атеистической политики, особенно в советский период, сохранились, однако вымышленные связи с Абу Муслимом во многом потеряли свое значение, так как знания о нем были постепенно утрачены, что неизбежно сказалось на преклонении перед его именем. В особенности эти процессы быди заметны в Самарканде, где культ самого Абу Муслима померк на фоне большей популярности среди населения, особенно женской его части, местных женщин-святых – Биби Такалбоз и ритуалов Биби Мушкилкушод. Последствия секуляризации и создания национальных историй заметны на примере школьных учебников в Узбекистане, в которых выпячивается роль Абу Муслима в приходе к власти Аббасидов, а святилища, связанные с ним и его сподвижниками, остаются на местном уровне поклонения.

В мусульманском обществе Афганистана подчеркивается вклад Абу Муслима в политическую историю халифата и его связь с культом халифа Али, т.е. его имя неразрывно связывается с процессом исламизации. Определенная часть населения, исповедующая шиизм, также почитает Абу Муслима. Лишь в период правления "Талибана" культ святых, в том числе почитание Абу Муслима, официально осуждался, а святилища оказались под угрозой уничтожения. Даже после падения власти "Талибана" часть населения остается критично настроенной к поклонению святым, что связано не с идеологией этого движения, а с другими направлениями в интерпретации исламской традиции. Подобные взгляды разделяют и некоторые потомки иммигрантов из областей современного Узбекистана. Видимо, общие знания и представления об Абу Муслиме не были глубокими среди населения и раньше. Исключение составляли носители исламского знания – *улема*, однако многолетняя война и нестабильность нанесли определенный урон книжному исламу. В настоящее время наблюдаются разнообразные версии интерпретации святилищ, связываемых с именем Абу Муслима и его настоящих или мнимых сподвижников.

Благодарности

Настоящее исследование было проведено при поддержке Европейского фонда регионального развития (European Regional Development Fund) в рамках проекта "Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges", CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791. Полевые материалы, относящиеся к северному Афганистану, были собраны в 2012 г. при поддержке гранта Института социальной антропологии Общества Макса Планка (Галле, Германия). Я также выражаю свою искреннюю признательность анонимным рецензентам, профессору С.Н. Абашину, а также А.И. Громовой за ценные замечания и комментарии к первоначальной версии статьи.

Источники и материалы

Абу Муслим 1992 – Абу Муслим жангномаси (Достони Абу Муслим соҳибқирон). Сўз боши Б. Саримсоқов. Маъсул муҳарир М. Ҳасаний. 1-китоб. Тошкент: Ёзувчи, 1992.

Айни 1975 – *Айни С.* Восстание Муканны // *Айни С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975.

Гардизи 1991 – *Абу Са'ид Гардизи*. Зайн ал-Ахбар. Раздел об истории Хорасана / Пер. с перс. А.К. Арендса; введение, коммент. и указатели Л.М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1991.

Йазди 2008 – *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафарнамэ / Предисловие, пер. со староузбекского А. Ахмедова. Ташкент: Узбекистан, 2008.

Истад 2008 – *Истад А.* Самаркандские соратники Абу Муслима // Герби Шердор. Блоги фарҳангӣ. 26.02.2008. http://gerbisherdor.blogspot.com/2008/02/blog-post_6796.html

Кандия 1905 – Кандия Малая // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8 / Пер. с перс.-тадж. В. Вяткина. Самарканд: Самаркандский областной статистический комитет, 1905.

Мухамеджанов 2001 – *Мухамеджанов А.* История Узбекистана: Учебник для 7-го класса. Ташкент: Изд-во народного наследия имени Абдуллы Кадыри, 2001.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Шафирканский туман Бухарской обл., Республика Узбекистан. Сентябрь 2001 г. (информант: М., 1942 г.р).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Шибирган, Исламская Республика Афганистан. Октябрь 2012 г. (информант: З., 1955 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Сарипуль, Исламская Республика Афганистан. Октябрь 2012 г. (информант: С., 1965 г.р.).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Самарканд, Республика Узбекистан. Апрель 2019 г. (информанты: Ш., 1950 г.р.; Д., 1976 г.р.).

Саримсоқов 1992 – *Саримсоқов Б.* Афсонага айланган тарих // Абу Муслим жангномаси (Достони Абу Муслим соҳибқирон) / Маъсул муҳарир М. Ҳасаний. Тошкент: Ёзувчи, 1992.

Собрание 1987 – Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. XI / Под ред. А.А. Семенова. Ташкент: Фан, 1987.

Cornell, Zenn 2018 – *Cornell S.E., Zenn J.* Religion and the Secular State in Uzbekistan // Silk road paper. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. June. 2018. https://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13285-the-state-and-religion-in-uzbekistan.html

Научная литература

Абашин С.Н. Бурханиддин-Кылыч: ученый, правитель, чудотворец? О генезисе культа святых в Средней Азии // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. и отв. ред. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 215–236.

Абашин С.Н. Мазар Бобои-об: о типичности и нетипичности святых мест Средней Азии // Рахмат-наме: сборник статей к 70-летию Р.Р. Рахимова / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 5–23.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Бартольд В.В. Абу Муслим // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VII. М.: Наука, 1971.

Бобровников В. Абу Муслим // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. I / Под ред. С.М. Прозорова. М.: Восточная литература, 2006. С. 15–19.

Большаков О. Абу Муслим // Ислам. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 1991а. С. 10.

Большаков О. Мазар // Ислам. Энциклопедический словарь // Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 1991б. С. 151.

Горшунова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 2007.

Ғулом Ғ. Шум бола. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги адабиет ва санъат нашриёти, 1983.

Маликов А.М. Тюркские этнонимы и этнотопонимы долины Зерафшана (XVIII – начало XX в.). Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2018.

Мурадов Р. Ахмад замчи (культовый комплекс) // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. II / Под ред. С.М. Прозорова. М.: Восточная литература, 2018. С. 57.

Назаров Н. Афғонистон ўзбеклари. Тошкент, 2011.

Огудин В.Л. Места поклонения Ферганы как объект научного исследования // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 63–79.

Саксонов Т. “Муқаддас” жойлар – хурофот ва бидъат ўчоғи. Ташкент: Медицина, 1984.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.

Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983.

Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1960.

Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Восточная литература, 2001.

Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford: Stanford University Press, 2003.

Babadjanov B. Debates over Islam in Contemporary Uzbekistan: A View from Within // Devout Societies vs. Impious States? Transmissing Islamic Learning in Russia, Central Asia and China, through the Twentieth Century / Ed. St.A. Dudoignon. Berlin: KS, 2004. P. 39–60.

Baldauf I. Female Sainthood between Politics and Legend: The Emergence of Bibi Nushin of Shibirghan // Afghanistan’s Islam: From Conversion to the Taliban / Ed. N. Green. Oakland: University of California Press, 2017. P. 207–224.

Baldauf I. The Uzbeks of Afghanistan Since the End of Taliban Rule // Afghanistan: Identity, Society and Politics since 1980 / Ed. M. Centlivres-Demont. L.: I.B. Tauris, 2015. P. 192–196.

Barfield T.J. Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Bernheimer T. Genealogy, Marriage, and the Drawing of Boundaries Among the Alids (Eighth–Twelfth Centuries) // Sayyids and Sharifs in Muslim Societies: The Living Links to the Prophet / Ed. K. Morimoto. L.: Routledge, 2012. P. 75–91.
Bivar A.D.H. Seljūqid "ziyārats" of Sar-i Pul (Afghanistan) // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1966. Vol. 29 (1). P. 57–63.
Dupree L. Afghanistan. Princeton: Princeton University Press, 1980.
Dupree L. Saint Cults in Afghanistan // American Universities Field Staff Reports. South Asia Series. 1976. Vol. 20 (1). P. 1–26.
Gellner E. Muslim Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
Ghani A. Islam and State-Building in a Tribal Society Afghanistan: 1880–1901 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12 (2). P. 269–284.
Karev Y. La politique d'Abu Muslim dans le Mawara'annahr. Nouvelles donnees textuelles et archeologiques // Der Islam. 2002. Vol. 79 (1). P. 1–46.
Kehl-Bodrogi K. Religion Is Not So Strong Here: Muslim Religious Life in Khorezm After Socialism (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia). Berlin: Lit, 2008.
Khalid A. Islam After Communism: Religion and Politics in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 2014.
Lee J.L. The New Year's Festivals and the Shrine of Ali ibn Abi Talib at Mazar-i Sharif, Afghanistan. PhD diss. University of Leeds, 1998.
Louw M.E. Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia. L.: Routledge, 2007.
Malikov A. Sacred Lineages of Samarqand: History and Identity // Anthropology of the Middle East. 2020. Vol. 15 (1). P. 34–49. https://doi.org/10.3167/ame.2020.150104
Malikov A. Shrines and Pilgrimage in Southern Kazakhstan // Muslim Pilgrimage in the Modern World / Eds. B. Rahimi, P. Eshaghi. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2019. P. 149–171.
Malikov A. The Politics of Memory in Samarkand in Post-Soviet Period // International Journal of Modern Anthropology. 2018. Vol. 2 (11). P. 127–145. https://doi.org/10.4314/ijma.v2i11.6
Mélikoff I. Abū Muslim, le "Porte-Hache" du Khorassan, dans la tradition épique turco-iranienne. P.: Adrien-Maisonneuve, 1962.
McChesney R.D. Waqf in Central Asia: Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480–1889. Princeton: Princeton University Press, 1991.
Rasayanagam J. Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
Rzehak L. Narrative Strukturen des Erzählens über Heilige und ihre Gräber in Afghanistan // Asiatische Studien. 2004. Bd. 58 (1). S. 195–229.
Thibault H. The Soviet Secularization Project in Central Asia: Accommodation and Institutional Legacies // Eurostudia. 2015. Vol. 10 (1). P. 11–31. https://doi.org/10.7202/1032440arvan
van Bladel, K. Eighth-Century Indian Astronomy in the Two Cities of Peace // Islamic Cultures, Islamic Contexts: Essays in Honor of Professor Patricia Crone / Eds. B. Sadeghi, A.Q. Ahmed, A. Silverstein, R. Hoyland. Leiden: Brill, 2014. P. 257–294.
Welsford T., Tashev N. A Catalogue of Arabic-Script Documents from the Samarkand Museum. Samarkand: International Institute for Central Studies, 2012.
Wohlrab-Sahra M., Burchardt M. Multiple Secularities: Toward a Cultural Sociology of Secular Modernities // Comparative Sociology. 2012. Vol. 11 (6). P. 875–909. https://doi.org/10.1163/15691330-12341249
Yūsofī Abu Moslem Korasani // Encyclopædia Iranica. 2011. No. I/4. P. 341–344. http://www.iranicaonline.org/articles/abu-moslem-abd-al-rahman-b

Research Article

Malikov, A.M. The Cult of Abu Muslim and His Companions in Central Asia: Variants of Mythologization [Kul't Abu Muslima i ego spodvizhnikov v Tsentral'noi Azii: varianty mifologizatsii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 141–160. https://doi.org/10.31857/S086954150010054-9 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Azim Malikov | http://orcid.org/0000-0002-0173-2014 | azimmal2018@gmail.com | Palacky University Olomouc (511/8 Křížkovského, Olomouc, 77147, Czech Republic)

Keywords

Central Asia, Afghanistan, Uzbekistan, cult of saints, Abu Muslim, shrines, mythologization, secularization

Abstract

This article focuses on the figure of Abu Muslim, an important political figure of the eighth century, and examines the different variations of mythologization of his personality as well as his companions in Central Asia. The study of the cult of Islamic saints is essential from a range of perspectives: it helps us to trace how the image of the saint transformed over time, to identify the part that political and cultural factors played in the construction of Abu Muslim's image, and to analyze the local features and specificities of the Abu Muslim cult in different religious and political contexts. I draw on the comparative analysis of manifestations of the cult and its transformation in two countries – Uzbekistan and Afghanistan. There are different variations of legends about Abu Muslim and forms of his worship, and the expressions of this cult are often revealed through a link to Abu Muslim's companions. Depending on particular local traditions, some local saints are legitimized through an imaginary connection with Abu Muslim. The transformation of public perceptions of the importance of saints in Uzbekistan was influenced by various factors, the most significant of which was the secular policy of the state. In the traditional Afghan society, although the perceptions did change as well, the reverence of Abu Muslim survived for a number of reasons, which are explored in the article.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
European Regional Development Fund, https://doi.org/10.13039/501100008530 [CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791]

References

Abashin, S.N. 2003. Burkhaniddin-Kylych: uchenyi, pravitel', chudotvorets? O genezise kul'ta sviatykh v Srednei Azii [Burkhaniddin-Kylych: Scholar, Ruler, Wonderworker? On the Genesis of the Cult of Saints in Central Asia]. In *Podvizhniki islama. Kul't sviatykh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze* [Devotees of Islam: The Cult of Saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus], edited by S.N. Abashin and V.O. Bobrovnikov, 215–236. Moscow: Vostochnaia literatura.

Abashin, S.N. 2008. Mazar Boboi-ob: o tipichnosti i netipichnosti sviatykh mest Srednei Azii [Mazar Boboi ob: About the Typicality and Atypicality of the Shrines in Central Asia]. In *Rakhmat-name: sbornik statei k 70-letiiu R.R. Rakhimova* [Rakhmat-name: Collection of Artciles on the 70th Anniversary of Rakhimov], edited by M.E. Rezvan, 5–23. St. Petersburg: MAE RAN.

Anderson, B. 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.

Asad, T. 2003. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford: Stanford University Press.

Babadjanov, B. 2004. Debates over Islam in Contemporary Uzbekistan: A View from Within. In *Devout Societies vs. Impious States? Transmissing Islamic Learning in Russia, Central Asia and China, through the Twentieth Century*, edited by St.A. Dudoignon, 39–60. Berlin: KS.

Baldauf, I. 2015. The Uzbeks of Afghanistan Since the End of Taliban Rule. In *Afghanistan: Identity, Society and Politics since 1980*, edited by M. Centlivres-Demont, 192–196. London: I.B. Tauris.

Baldauf, I. 2017. Female Sainthood between Politics and Legend: The Emergence of Bibi Nushin of Shibirghan. In *Afghanistan's Islam: From Conversion to the Taliban*, edited by N. Green, 207–224. Oakland: University of California Press.

Barfield, T.J. 2010. *Afghanistan: A Cultural and Political History*. Princeton: Princeton University Press.

Bartold, V.V. 1971. Abu Muslim [Abu Muslim]. In *Sochineniia* [Works], VII, by V.V. Bartold. Moscow: Nauka.

Bernheimer, T. 2012. Genealogy, Marriage, and the Drawing of Boundaries Among the Alids (Eighth–Twelfth Centuries). In *Sayyids and Sharifs in Muslim Societies: The Living Links to the Prophet*, edited by K. Morimoto, 75–91. London: Routledge.

Bivar, A.D.H. 1966. Seljūqid "ziyārats" of Sar-i Pul (Afghanistan). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 29 (1) 57–63.

Bobrovnikov, V. 2006. Abu Muslim [Abu Muslim]. In *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. I [Islam on the Territory of the Former Russian Empire: Encyclopedic Dictionary. Vol. I], edited by S.M. Prozorov, 15–19. Moscow: Vostochnaia literatura.

Bolshakov, O. 1991. Abu Muslim [Abu Muslim]. In *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary], edited by S.M. Prozorov, 10. Moscow: Vostochnaia literatura.

Bolshakov, O. 1991. Mazar [Mazar]. In *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary], edited by S.M. Prozorov, 151. Moscow: Vostochnaia literatura.

Dupree, L. 1976. Saint Cults in Afghanistan. *American Universities Field Staff Reports. South Asia Series* 20 (1): 1–26.

Dupree, L. *Afghanistan*. 1980. Princeton: Princeton University Press.

Gellner, E. 1984. *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ghani, A. 1978. Islam and State-Building in a Tribal Society Afghanistan: 1880–1901. *Modern Asian Studies* 12 (2): 269–284.

Ghulom, G. 1983. *Shum bola*. Toshkent: Ghafur Ghulom nomidagi adabiyot va san'at nashriyoti.

Gorshunova, O.V. 2007. Zhenskoe bozhestvo v sisteme religiozno-mirovozzrencheskikh predstavlenii narodov Srednei Azii [The Female Deity in the System of Religious and Philosophical Representations of the People of Central Asia]. PhD diss. abstract, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

Karev, Y. 2002. La politique d'Abu Muslim dans le Mawara'annahr. Nouvelles donnees textuelles et archeologiques [Abu Muslim Politics in Mavarannahr]. *Der Islam* 79 (1): 1–46.

Kehl-Bodrogi, K. 2008. *Religion Is Not So Strong Here: Muslim Religious Life in Khorezm After Socialism (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia)*. Berlin: Lit.

Khalid, A. 2014. *Islam After Communism: Religion and Politics in Central Asia*. Berkeley: University of California Press.

Lee, J.L. 1998. The New Year's Festivals and the Shrine of Ali ibn Abi Talib at Mazar-i Sharif, Afghanistan. PhD diss., University of Leeds.

Louw, M.E. 2007. *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia*. London: Routledge.

Malikov, A. 2018. *Tyurkskie etnonimy i etnotoponimy doliny Zerafshana (XVIII – nachalo XX v.)* [Turkic Ethnonyms and Ethnotoponyms of the Zerafshan Valley (18th – the Beginning of 20th Century]. Tashkent: Muharrir nashriyoti.

Malikov, A. 2018. The Politics of Memory in Samarkand in Post-Soviet Period. *International Journal of Modern Anthropology* 2 (11): 127–145. https://doi.org/10.4314/ijma.v2i11.6

Malikov, A. 2019. Shrines and Pilgrimage in Southern Kazakhstan. In *Muslim Pilgrimage in the Modern World*, edited by B. Rahimi and P. Eshaghi, 149–171. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Malikov, A. 2020. Sacred Lineages of Samarqand: History and Identity. *Anthropology of the Middle East* 15 (1): 34–49. https://doi.org/10.3167/ame.2020.150104

McChesney, R.D. 1991. *Waqf in Central Asia: Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480–1889*. Princeton: Princeton University Press.

Mélikoff, I. 1962. *Abū Muslim, le "Porte-Hache" du Khorassan, dans la tradition épique turco-iranienne* [Abu Muslim, Khorasan's Ax Bearer, in the Turkic-Iranian Epic Tradition]. Paris: Adrien-Maisonneuve.

Muradov, R. 2018. Akhmad zamchi (kul'tovyi kompleks) [Akhmad Zamchi (Religious Complex)]. In *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. II [Islam on the Territory of the Former Russian Empire: Encyclopedic Dictionary. Vol. II], edited by S.M. Prozorov, 57. Moscow: Vostochnaia literatura.

Nazarov, N. 2011. *Afghoniston o'zbeklari* [The Uzbeks of Afghanistan]. Tashkent.

Ogudin, V.L. 2002. Mesta poklonenija Fergany kak ob'ekt nauchnogo issledovanija [Ferghana Places of Worship as an Object of Scientific Research]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 63–79.

Rasayanagam, J. 2011. *Islam in Post-Soviet Uzbekistan. The Morality of Experience*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rzehak, L. 2004. Narrative Strukturen des Erzählens über Heilige und ihre Gräber in Afghanistan [Narrative Structures about Saints and Their Graves in Afghanistan]. *Asiatische Studien* 58 (1): 195–229.

Saksonov, T. 1984. *Muqaddas zhoilar – khurofot va bid'at uchoghi* [Sacred Places – Hearths of Khurofot and *bid'at*]. Tashkent: Meditsina.

Shikhsaidov, A.R. 2001. Rasprostranenie islama v Dagestane [The Spread of Islam in Dagestan]. In *Islam i islamskaia kul'tura v Dagestane* [Islam and Islamic Culture in Dagestan]. Moscow: Vostochnaia literatura.

Snesarev, G.P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovanii i obriadov u uzbekov Khorezma* [Relics of Pre-Islamic Beliefs and Rites of the Uzbeks of Khorezm]. Moscow: Nauka.

Snesarev, G.P. 1983. *Khorezmskie legendy kak istochnik po istorii religioznykh kul'tov Srednei Azii* [Khorezm Legends as a Source on the History of Religious Cults in Central Asia]. Moscow: Nauka.

Sukhareva, O.A. 1960. *Islam v Uzbekistane* [Islam in Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoi SSR.

Thibault, H. 2015. The Soviet Secularization Project in Central Asia: Accommodation and Institutional Legacies. *Eurostudia* 10 (1): 11–31. https://doi.org/10.7202/1032440ar

van Bladel, K. 2014. Eighth-Century Indian Astronomy in the Two Cities of Peace. In *Islamic Cultures, Islamic Contexts: Essays in Honor of Professor Patricia Crone*, edited by B. Sadeghi, A.Q. Ahmed, A. Silverstein, and R. Hoyland, 257–294. Leiden: Brill.

Welsford, T., and N. Tashev. 2012. *A Catalogue of Arabic-Script Documents from the Samarkand Museum*. Samarkand: International Institute for Central Studies, 2012.

Wohlrab-Sahra, M., and M. Burchardt. 2012. Multiple Secularities: Toward a Cultural Sociology of Secular Modernities. *Comparative Sociology* 11 (6): 875–909. https://doi.org/10.1163/15691330-12341249

Yūsofī, 2011. Abu Moslem Korasani. *Encyclopædia Iranica* I/4: 341–344. http://www.iranicaonline.org/articles/abu-moslem-abd-al-rahman-b

© М. Ферри

КУЛЬТУРА УТРАТЫ И ТРАГИЧЕСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Ключевые слова: Грузия, мужская дружба, мужской этос, гостеприимство, уличная культура, уличное насилие, трагическая маскулинность, культура утраты, *дзмакацеби*

Постсоветский кризис в Грузии повлек за собой рост уличного насилия, а также распространение алкоголизма и наркомании – особенно уязвимыми перед лицом этих проблем оказались мужчины. “Культура утраты”, характерная для всей неблагополучной части грузинского общества и служащая материалом для построения межличностных связей, особенно ярко проявляется в переосмысленной маскулинности с ее экзальтацией проблем, героизацией трагических мужских судеб и возведением мужской дружбы в ранг социальной необходимости. Кризис повлек за собой изменение семейных порядков и домашней экономики, которое было бы невозможным без пересмотра принципов и моральных ориентиров, определяющих гендерные роли. В настоящей статье я остановлюсь только на мужском этосе и его “трагическом” измерении. Сначала я обращусь к изменениям мужского этоса в постсоветской Грузии на примере персонажей, признаваемых “типичными грузинскими мужчинами”. Затем я рассмотрю их отдельные черты, сформировавшиеся как ответ на социально-экономические трудности 1990-х годов, особенно сильно затронувшие мужчин. Наконец, я остановлюсь на формах социального взаимодействия, соответствующих этосу *трагической маскулинности*, т.е. на мужской дружбе.

Мы все те же. У нас те же проблемы, те же разговоры,
те же слова. Может, быть мы прокляты. Ну и что
с того? Это такое прекрасное чувство...
(*Интервью с Малхазом. Тбилиси, 13 ноября 2013 г.*)

Ноябрь 2012 г. В квартире старого Тбилиси 20-летний Ираклий сидит на диване в гостиной и курит. Локти уперты в колени, голова повернута в сторону, взгляд устремлен в пустоту. С каждой затяжкой сигареты он тяжело вздыхает, а пепел привычным небрежным жестом стряхивает на подоконник. Его непроницаемое лицо и слегка нахмуренные брови выражают скорее глубокую озабоченность, чем грусть. Однако заботит Ираклия отнюдь не какая-то конкретная проблема: мысли, которыми он поглощен, столь же неопределенны, сколь неотвязны. Как я поняла позже, в них заключен целый мир мужских страданий.

Ниже я попытаюсь разобраться в этом моральном универсуме и понять, как он связан с потрясениями, которые переживает грузинское общество после распада СССР. Я хочу показать, что “культура утраты” (*Ferry* 2018), характерная для всей

Маруся Ферри | https://orcid.org/0000-0002-5816-6682 | maroussia.ferry@gmail.com | доктор антропологии, преподаватель-исследователь | Высшая школа социальных исследований (2 rue de la Charité, Marseille, 13002, France)

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 161–176. https://doi.org/10.31857/S086954150009608-8
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

неблагополучной части населения и служащая материалом для построения межличностных связей, особенно ярко проявляется в переосмысленной маскулинности (с ее экзальтацией проблем и героизацией трагических мужских судеб), возвышающей мужскую дружбу в ранг социальной необходимости кризисного периода. Этос *трагической маскулинности* вырастает из специфических трудностей, с которыми сталкиваются мужчины в постсоветской Грузии. Речь идет о комбинации нескольких составляющих, но прежде всего – о непреложном факте: после распада Союза в стране существенно вырос уровень алкоголизма, наркомании и уличного насилия, и особенно уязвимыми перед лицом этих факторов оказались мужчины. Отсюда и гораздо более высокий уровень самоубийств среди мужчин. Еще одна составляющая – это суждения о "мужской несостоятельности", исходящие в первую очередь от женщин. Хотя термин принадлежит мне, он тем не менее обобщает и перефразирует неоднократно слышанные мной высказывания, характеризующие мужчин как "ленивых", "нечестных", "слабых" или "не заслуживающих доверия". В свою очередь, все это вместе взятое повлекло за собой глубокую трансформацию структуры семьи.

В 1991 г. все постсоветское пространство охватили серьезные потрясения. В Грузии за распадом Союза и обретением независимости последовали банкротство государства, две сепаратистские войны и одна гражданская, а также глубокое обнищание населения. Экономическая катастрофа привела к изменению конфигурации взаимозависимостей, в т.ч. семейных, на фоне практически полного разрушения системы социальной защиты и тотальной задолженности населения. Поэтому принятие тех или иных решений, направленных на выживание или на создание семьи, зависело от сроков выплаты долгов, от миграционных намерений, а также от сочетания различных материальных и моральных проблем (*Ferry* 2019). Таким образом, постсоветский кризис в Грузии повлек за собой изменение семейных порядков и домашней экономики, которое было бы невозможным без пересмотра принципов и моральных ориентиров, определяющих гендерные роли. Гендерные этосы, мужские и женские, должны были измениться, чтобы соответствовать тем практикам, которые были вызваны к жизни бурными потрясениями. В настоящей статье я остановлюсь только на мужском этосе и его "трагическом" измерении.

Я использую определение, предложенное Пьером Бурдье, согласно которому этос – это "...систематизированный набор этических положений и практических принципов" (*Bourdieu* 2002 [1981]: 133). Практическое измерение здесь важно потому, что оно противопоставляет *этос*, как его понимает Бурдье, *этике*, которую он определяет как "специально согласованную систему ясно выраженных принципов" (Ibid.). Другими словами, этос может быть обозначен как *практическая мораль*, под которой подразумеваются соответствующие практики и установки, не обязательно сопровождаемые и поддерживаемые идеальными принципами.

Сначала я обращусь к изменениям мужского этоса в постсоветской Грузии на примере персонажей, признаваемых "типичными грузинскими мужчинами". Затем я рассмотрю их отдельные черты, сформировавшиеся под влиянием социально-экономических трудностей 1990-х годов, особенно сильно затронувших мужчин. Наконец, я остановлюсь на форме социального взаимодействия, соответствующей этосу *трагической маскулинности*, т.е. на мужской дружбе. Связанные с ней ценности и практики не являются специфическими для постсоветского периода, однако, как мы увидим, она приобрела компенсационную функцию и характер императива именно в ходе социально-экономического кризиса, переживаемого Грузией после распада СССР.

Этнографическое исследование, на котором основана статья, включало несколько длительных полевых выездов в период с ноября 2011 по октябрь 2015 г. В общей сложности я провела в Грузии полтора года, в основном в Тбилиси, но также в Кутаиси и, наездами, в Рустави и Батуми. Мои респонденты составляют шесть групп родственников и знакомых. Я жила среди четырех из них и регулярно посещала две

другие. Со многими из тех, с кем я вместе жила, участвовала в различных событиях и вела долгие беседы, я не записывала формальных интервью, но полученные в результате сведения, наряду с непосредственными наблюдениями, стали важным для моего исследования источником.

Почти все мои респонденты – горожане. В основном они принадлежат к обедневшему и не имеющему постоянной работы большинству населения Грузии. Эти две общих характеристики очень важны для интерпретации полученных результатов. Напротив, социальное происхождение опрошенных различно: среди них выходцы из советской интеллектуальной элиты, массовой интеллигенции (учителя, инженеры), из среды рабочих и мелких служащих.

Безусловно, моя выборка не может считаться статистически репрезентативной даже для городского населения. Тем не менее она очень хорошо иллюстрирует социальные представления и раскрывает механизмы, существующие в этой среде.

Все имена, приводимые в тексте, изменены. Чтобы избежать возможного узнавания, указан приблизительный возраст респондентов на момент окончания исследования (2015 г.).

Этос трагедии

Мои этнографические наблюдения показали, что в среде наиболее уязвимых категорий грузинского населения наблюдается экзальтация проблем, связанных с кризисом, мобилизованная в практиках солидарности и восстановления доверительных отношений (*Ferry* 2018).

Лики аномальности. Именно в этой галактике валоризации страданий возвышаются и встраиваются в некую трагическую эстетику 1990-х годов мужчины с “отклоняющимся” поведением. Например, Малхаз назвал мне несколько имен “знаменитых наркоманов” 1990-х годов, ныне уже покойных. Я думала, что речь идет о каких-то рок-музыкантах или наркоторговцах. Ничего подобного. Эти “знаменитые” и вызывающие у многих восхищение мужчины не были ни теми, ни другими: они были “просто” наркоманами. Когда я спрашивала у Малхаза, а потом и у других собеседников, что же сделало их знаменитыми, они не находили ответа. Малхаз, впрочем, попытался:

> Видишь ли, не знаю, как тебе сказать... У них был стиль. В их манере уважительного обращения, в их готовности биться насмерть за своих *дзмакацеби*, в их юморе, в том, как они принимали наркотики. Они классно это делали! (смеется) Я сам ни с одним из них не был знаком, но мы были в курсе всех их историй. Такой-то чуть не умер от передоза, такого-то арестовали, и он черт-те чего наговорил полиции, такого-то видели у церкви молящимся “под кайфом”... Хотя ...среди моих друзей были такие же, но они не были известными. В общем, я не знаю. (Интервью с Малхазом. Тбилиси, 17 ноября 2013 г.)

Ника говорил примерно о том же, но особенно подчеркивал “абсурдность” такой репутации. Эти персонажи, будь они наркоманами или криминальными элементами, выполняют интегративную функцию, придавая силу и достоинство мужественности, потерявшей в глазах многих – в первую очередь женщин – свой статус в обществе. Данная функция имеет большое символическое значение, поскольку она действенна и за пределами того круга, для которого характерно девиантное поведение (употребление тяжелых наркотиков, воровство, азартные игры, насилие и т.п.).

Но вернемся к Ираклию, который в 2012 г. в свои 20 лет жил в “убитой” квартире в старом Тбилиси со своей подружкой Кето и матерью Лелой, недавно возвратившейся из поездки в Турцию. Ираклий работал на местном телеканале и свою небольшую зарплату отдавал матери для уплаты ее долгов. Манера поведения Ираклия, его внешний

облик: одежда, движения, жесты, все вплоть до семейных и дружеских связей – являют собой красноречивый пример успешной демонстрации грузинской маскулинности, включающей в себя культурные элементы “девиантности”, хотя сам он далек от тех практик, которые с этими элементами ассоциируются.

Быть “типичным грузином”

По мнению Кето, Ираклий является “типичным” образцом грузинского мужчины. Она говорила мне об этом со странной смесью нежности и усталого порицания. Не будучи, впрочем, абсолютно уверенной в “типичности” Ираклия, иногда она поправляла себя: “Нет, все же он немного другой”. Однако в иных ситуациях, например когда Ираклий запрещал ей пойти в ресторан или вставал на сторону своей матери в конфликтах между двумя женщинами, ее мнение снова менялось: “Я думала, что он не такой, как все, но ничего подобного: действительно, типичный грузинский мужчина!”. Не утверждая, что Ираклий или кто бы то ни было другой может быть “типичным грузином”, следует признать, что существует определенный “тип” мужчины, являющийся для многих грузин референтным. Ираклий пытался соответствовать, не без труда, этому таинственному идеалу, который должен был возвысить его в глазах друзей-мужчин, братьев, матери и, не столь однозначно, в глазах Кето. Заметим, что в представлении многих грузин и грузинок “типичность” грузинского мужчины есть свойство внеисторическое, соответствующее скорее (предполагаемой) реифицированной этничности. На самом деле большая часть черт, составляющих этот “тип”, такие как ценность, придаваемая мужской дружбе, щедрость, а также определенный цвет одежды и им подобные, существовала и в советское время. Однако я покажу, что они были переосмыслены под влиянием кризиса 1990-х годов и, хотя не были принципиально изменены, все же оказались наделены особым содержанием, связанным с этим историческим периодом.

У Ираклия хорошие данные для того, чтобы походить на “настоящего грузинского мужчину”. Артистическая внешность, правильные и четкие черты лица, черные волосы и бледная кожа делают его облик почти идеальным в глазах грузинских женщин. По словам Кето, красота Ираклия стала одной из причин того, почему она приняла его ухаживания, поскольку сразу же “почувствовала”, что перед ней “настоящий грузинский мужчина”. “Если бы он не был так красив, – добавила она с улыбкой и безнадежным вздохом, – я бы дала ему от ворот поворот”. Ираклий, как многие молодые грузины, одевается исключительно в темное, за исключением джинсов. Ника, архитектор по профессии, весьма критичный по отношению к своим современникам – как к бывшей интеллигенции, пытающейся “хорошо выглядеть”, так и к молодежи, усвоившей уличную культуру 1990-х, – признался, что его ужасают молодые люди, одетые исключительно в черное: “Траур у них, что ли? Никакой тебе оригинальности, выдумки”. Тех, кто одевается более ярко, он называет “пестрым поколением” (*чрели таоба*) и связывает с ними надежду на будущее Грузии.

В одежде Ираклия была, однако, одна деталь, которая предвещала, что в будущем он войдет в круг людей искусства. Вместо облегающих курток из кожзаменителя или анораков, в которые в основном одеваются как грузинская молодежь, так и люди среднего возраста, он носил объемные просторные куртки, тоже черные, но как будто лучшего качества, неформального, спортивного стиля, свойственного скорее интернациональной городской моде, нежели местной. В конечном счете его манера одеваться была попыткой совместить “униформу” мужского большинства со стремлением следовать моде, отличающим артистическое и интеллектуальное меньшинство Тбилиси, к которому на момент исследования он не принадлежал. Не только физическая красота, но и весь облик Ираклия, несколько выделяющийся на фоне “типичных грузинских мужчин”, произвел впечатление на Кето:

> Знаешь, я сразу поняла, как только он заговорил со мной в баре, что он такой, как все, к тому же я видела, кто его друзья. Но все же он немного отличался от остальных, хотя бы тем, что одет был более круто. Какая же я глупая, что купилась на это! (смеется) (Интервью с Кето. Тбилиси, 27 ноября 2012 г.)

Поведение Ираклия, его самопрезентация также были ориентированы на соответствие идеалу грузинского мужчины. Несмотря на замечания Кето, я поняла это только после месяцев наблюдения и множества встреч в разных обстоятельствах, которые позволили мне расшифровать некоторые коды современной грузинской маскулинности, вычленить ее составляющие и в итоге обнаружить, какие черты мужчины перенимают друг у друга и какие отторгают. Ираклий производил впечатление человека мрачного и гордого, но при этом любезного и услужливого. Последние качества были продиктованы не столько требованиями вежливости, сколько желанием продемонстрировать свою “широту”. Щедрость, чтобы не сказать – мотовство, в определенных ситуациях, связанных с тратой денег (например, при оплате счета в ресторане, такси, покупке билетов на культурные мероприятия и т.п.), является социальной нормой, которой должны следовать мужчины. Эта норма связана с более общей установкой не считаться ни с собственным временем, ни с самим собой в проявлениях альтруизма и любезности. Как и деньги, альтруизм и любезность приносятся в дар с демонстративной нерасчетливостью. Такое поведение, впрочем, предписано не во всех случаях. В частности, на людях чрезмерная любезность может восприниматься как признак слабости. Однако при общении со знакомыми мужчина должен всем своим видом – включая выражение лица, улыбку, жесты, дружеские прикосновения – демонстрировать готовность к дару (как по отношению к женщине, так и к другому мужчине).

Мрачность Ираклия, о которой я упоминала выше, проявлялась в моменты, когда он надолго умолкал, и выражалась в опущенном взгляде, прищуренных глазах и нахмуренных бровях. Все эти “жесты” не были адресованы ни матери, ни Кето, в общении с которыми он нечасто демонстрировал свое плохое настроение. Моменты меланхолии он переживал в основном в одиночестве. Иногда он разделял их с ближайшими друзьями, с которыми мог подолгу курить и выпивать практически молча, грустно глядя в пустоту.

Я описала некоторые особенности самопрезентации Ираклия в повседневной жизни или, говоря словами И. Гофмана (*Goffman* 1998 [1974]: 9), его “одобряемые социальные характеристики”, которые превращают “образ Я” фактически в “личину”, поскольку, если не слишком углубляться в частные детали личности, некоторые черты оказываются обобщенными. Они позволяют увидеть в действии грузинский маскулинный этос, переосмысленный в ходе исторического и экономического кризиса 1990-х и использующий в качестве ориентиров и рамок не только “культуру утраты”, но и предшествующие нормы мужской социальности. Констанца Курро (*Curro* 2017: 157 и след.) подчеркивает, например, преемственность между традиционной культурой мужского гостеприимства и уличной культурой, на которую молодежь, по ее мнению, распространила принцип гостеприимства (в традиционном грузинском смысле этого слова).

Описанные выше общие характеристики в той или иной степени присущи большинству мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, с которыми мне довелось повстречаться. Это Малхаз (42 года), Коба и Ладо (30 и 32 года), Леван (28 лет), Важа (двоюродный брат Ираклия, 38 лет) и недавно вышедшие из тюрьмы Реваз и Каха (42 и 44 года). Некоторые женщины, как, например, Элиссо (42 года), перенимают эти черты у мужчин.

Вышеупомянутый архитектор Ника (50 лет), гнушающийся этой культурой, и тот впитал в себя некоторые ее установки, в частности щедрость. В то же время он

не привержен безусловной мужской солидарности со своими *дзмакацеби*, да и сам этот термин употребляет редко, предпочитая ему более нейтральный *мегобари* (друг). Некоторые мужчины, как, например, Шалва и Мириан (30 и 27 лет), дистанцируются от него еще более откровенно, и для них в этом есть нечто большее, нежели желание освободиться от предписанных норм мужского поведения. На самом деле они отказываются принять своего рода постороннее вмешательство в их жизнь. Мириан, хотя и происходит из небогатой и малообразованной среды, принадлежит к меньшинству артистической молодежи Тбилиси. Безо всякой связи со своей сексуальной ориентацией (он гетеросексуал) Мириан часто повторяет: "Я – женщина, заключенная в мужском теле". Шалва, в свою очередь, вырос в квартале, имевшем в 1990-е годы и позднее репутацию одного из наиболее криминальных. Он утверждает, что чувствует свое полное несоответствие манерам "типичных грузинских мужчин", т.е. своих "друзей по кварталу". Как и Ника, Шалва считает делом чести всегда оплачивать ресторанные счета – несмотря на серьезные финансовые трудности и огромные долги – и нередко иронически замечает в такие моменты: "Да, я типичный грузин, ха-ха-ха!". Но иногда Шалва признается, что страдает от того, что он не такой, как его "друзья по кварталу", тем более что, в отличие от Мириана, ему не удалось стать частью "модной" молодежи Тбилиси.

Подобно "знаменитым наркоманам", о которых рассказывал Малхаз, или тем людям, о которых я только что упомянула, Ираклий почтителен по отношению к старшим, наигранно меланхоличен, услужлив, щедр и, главное, очень привязан к своим *дзмакацеби* и солидарен с ними. Этим чертам, соединяющим в себе трагическую эстетику и готовность к безоглядному самопожертвованию, соответствуют определенные нормы социальности. Сформировавшиеся в кризисные годы, последние носят императивный характер для многих обедневших грузинских мужчин. Но для того чтобы понять смысл этих "трагических" черт и природу императивности соответствующей им социальности, нужно обратиться к особому опыту переживания постсоветского кризиса грузинскими мужчинами.

Мужские страдания

На всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве, но в Грузии – со своими особенностями, грянувший после распада СССР кризис повлек за собой крах маскулинности, который некоторые авторы обозначили как "постсоветское выхолащивание". Его можно рассматривать как с фактической точки зрения (специфические трудности, с которыми столкнулись мужчины), так и с рефлексивной (чувство стыда и страдания, которые они испытали).

Смертность и мужская беспомощность. Антрополог Ребекка Кей использует термин "постсоветское выхолащивание" в своей книге "Мужчины в современной России: поверженные герои постсоветских трансформаций" (*Kay* 2006). Однако она уточняет, что соответствующие массовые представления существовали уже в советское время, в частности – в период перестройки (1985–1991). В этом она следует в русле работ, предваривших появление данного аналитического концепта (в числе прочих – *Kiblitskaya* 2000). Антрополог Мартин Демант Фридриксен, специализирующийся на изучении грузинского общества, использует его для описания опыта "неустроенной" молодежи Батуми, третьего по величине города Грузии, расположенного на черноморском побережье рядом с турецкой границей (*Frederiksen* 2012, 2013). Социолог и демограф Софи Оманнн (*Hohmann* 2015) использует термин "постсоветское выхолащивание" в рамках анализа домашнего насилия в отношении женщин в Армении и Азербайджане. При описании ситуации с "внутренне перемещенными лицами" (*internally displaced persons, IDP*), в данном случае грузинами, изгнанными из Абхазии

в период сепаратистских войн (1992–1994 и 2008 гг.), используется также понятие “травматическая маскулинность” (*Kabachnik et al.* 2013).

Конкретно этот крах выразился в росте числа самоубийств среди мужчин, “криминогенном” поведении, алкогольной и наркотической зависимости. Эти практики, вместе или по отдельности, привели к высокому уровню мужской смертности. При этом можно сказать, что в структурном плане удар был нанесен по мужским функциям отца и супруга. Стала ощущаться нехватка мужчин – в частности, такое восприятие характерно для женского дискурса. Они как бы исчезли: одни ушли из семьи, другие умерли, третьи парализованы физическим или психическим недугом. И хотя женский дискурс, как, впрочем, отчасти и мужской, несет на себе отпечаток морального осуждения, он тем не менее опирается на вполне реальные факты и цифры в том, что касается жизненного пути мужчин и их уровня смертности.

Как и в большинстве постсоветских обществ, женщины в Грузии оказались сильнее, чем мужчины, затронуты бедностью, и уровень безработицы среди них немного выше. Тем не менее большинство исследователей, как и большинство моих собеседников, признают, что мужчины и женщины по-разному реагируют на ухудшение материального положения и снижение социального статуса (*Ferry* 2015b). Находясь в поле, я могла убедиться в том, насколько широко среди мужчин распространены алкоголизм и наркомания. Так, в 24 семьях, живущих в доме, в котором я останавливалась в Кутаиси, пятеро мужчин умерли от передозировки героина, трое – от последствий алкоголизма, двое – наркоманы. Все статистические исследования сходятся в одном: именно мужчины особенно подвержены данным зависимостям. Например, в 2009 г. в Тбилиси запрещенные вещества употребляли 33% студентов и только 7% студенток (*Gamkrelidze et al.* 2010). Если исключить из этой статистики употребление марихуаны, менее отталкивающей женщин (Ibid.), то разрыв увеличится. А если считать не только студентов, то, возможно, он вырастет еще больше, поскольку поведенческие различия между полами менее выражены в Тбилиси, чем в стране в целом, и еще менее заметны в студенческой среде.

В контексте частого среди мужчин рискованного поведения и связанных с ним проблем со здоровьем понятны причины их более высокой смертности в сравнении с женщинами. Подобная ситуация характерна не только для Грузии. Но если мы посмотрим на изменение уровня смертности и продолжительности жизни, то увидим, что по мере роста ожидаемой продолжительности жизни грузинских женщин рос и разрыв по этому показателю между ними и мужчинами: с 6,8 года в 2001 г. он вырос до 8,9 года в 2007 г. (*Sumbadze* 2008: 98). Можно предположить, что это связано с кумулятивным и экспоненциальным эффектом рискованного поведения в указанный период времени, что не отменяет факта преждевременной смерти многих мужчин. Об этом свидетельствуют и истории наших респондентов. Отец Шалвы умер, когда тот был еще ребенком; отец Тины убит вскоре после ее рождения; отец Левана, Мишки и Маки погиб в результате несчастного случая, когда его старшему сыну был 21 год; отца Батчи унесла болезнь, когда сыну было 20; отец Гуранды скончался, когда она была подростком. Этот список можно было бы продолжить, включив в него всю сеть моих информаторов и тех рано умерших мужчин, о которых они мне рассказывали, но которые не упоминаются в этой статье – но ничего подобного не наблюдается среди женщин. Если добавить к списку утрат “социальные” исчезновения, связанные с разводами, в результате которых мужья и отцы перестают участвовать в экономической жизни семьи, а также полную или частичную утрату трудоспособности из-за болезней, становится очевидным, что мужчины и женщины по-разному переживают экономический и политический кризис в постсоветской Грузии.

Последний аргумент в пользу этого утверждения – рост уровня самоубийств среди мужчин на протяжении всего времени нашего исследования. В 1990-е годы этот показатель увеличился на всем Южном Кавказе (USAID 2003). С тех пор в Грузии

он вырос более чем вдвое, в то время как в остальных постсоветских странах снизился. В период с 2000 по 2014 г. общий уровень смертности в государствах СНГ сократился на 22%, а в Грузии вырос на 3,7%; что же касается суицидов среди мужчин, то их число увеличилось за эти же годы на 64,3%. Самоубийств среди женщин тоже стало больше (прирост 53,3%), однако их доля в причинах смерти остается не такой высокой (1,6% в 2000 г. и 4,4% в 2014 г. от всех смертей), как у мужчин (8,4 и 18,8% соответственно) (Georgia 2017: 37).

Реакции мужчин на кризис. Я привела все эти цифры потому, что они являются иллюстрацией бедственного положения, в котором находится мужская часть грузинского населения. К тому же эту ситуацию больше невозможно объяснить шоком от кризиса, поскольку все эти годы число самоубийств не снижается, а продолжает экспоненциально расти. Приведенные цифры подводят нас к констатации перманентности кризиса или, как минимум, сохранения и усугубления его последствий в повседневной жизни людей (*Ferry* 2015a). Таким образом, экономический кризис в Грузии стал глубоким потрясением для ее жителей, что особенно заметно на примере мужчин. Хотя то же самое можно сказать обо всем постсоветском пространстве, цифры свидетельствуют о том, что последствия кризиса сгладились везде, кроме Грузии. На основе этих общих констатаций, а также конкретных полевых исследований в селе Тианети, Тамар и Тинатин Зурабишвили предположили, что “женщинам удалось лучше адаптироваться... тогда как мужчины по-прежнему пребывают в апатии и депрессии” (*Zurabishvili, Zurabishvili* 2010: 75). Эти авторы, как и Лела Хомерики в своем докладе о гендерном равенстве в Грузии, выдвигают гипотезу о том, что “лучшая адаптивность” женщин объясняется тем, что они “чувствуют себя более ответственными перед своими семьями” (*Khomeriki* 2003: 32). К этой гипотезе мы могли бы добавить, что мужчины, в большей степени идентифицирующие себя со своим социальным, чем семейным, статусом, менее охотно идут на подчиненные позиции, поскольку у них отсутствует мотивация, необходимая для преодоления жизненных трудностей. Однако в данном случае нельзя с уверенностью говорить о наличии прямых причинно-следственных связей. Выдвинутые гипотезы, конечно, отчасти верны, но необходимо принимать во внимание более широкий общественный контекст кризиса гендерных ролей и неспособности мужчин экономически обеспечивать свои семьи. Одним из следствий этого и является повышенное внимание, уделяемое мужским социальным связям: феномен, существовавший и в докризисную эпоху, но наделенный новыми смыслами.

Так, две нормы поведения грузинских мужчин, существовавшие в советское время, в ситуации кризиса оказались несовместимыми по причинам как материального, так и морального характера. Прежде мужское общение сопровождалось демонстративным взаимным одариванием, регулировавшимся строгим кодексом гостеприимства и включавшим в себя, в частности, обильные застолья (*супра*). Отчасти благодаря этим формам общения, составляющим значительную долю их социального и экономического капитала, мужчины выполняли функцию обеспечения семьи. И хотя большинство женщин в советской Грузии, тем более – горожанок, работали, в СССР материальный достаток обеспечивался далеко не только благодаря работе. Мужское общение создавало своего рода сетевой ресурс (*Lévesque, White* 1999), открывающий доступ к квартирам, постам, статусам и т.п., и было, таким образом, важной частью семейной экономики. Именно в этом смысле можно говорить о том, что мужчины были основными добытчиками. В мужской социальности была и существенная символическая составляющая, поскольку оказываемые взаимные услуги, постоянно воспроизводящие эту социальность, повышали престиж каждого из участников таких взаимодействий и вписывались в систему чести и уважения (*пативи*). Потеря работы и крушение социальных статусов повлекли за собой расхождение между двумя названными нормами: мужское общение с его демонстративными взаимными одариваниями

перестало помогать обеспечивать потребности семьи, напротив, оно стало ложиться бременем на семейный бюджет, способствуя к тому же формированию саморазрушительного поведения, о котором шла речь выше. По вышеназванным причинам трудности, с которыми сталкиваются мужчины, оказались в значительной степени связанными с теми представлениями и практиками, которые парадоксальным образом позволяют им восстановить разрушенные связи. Это расхождение между нормами мужского поведения, а значит – необходимость выбирать между ними, является одной из составляющих *трагической маскулинности* и причиной глубокого надрыва грузинского мужского этоса.

Прежде чем анализировать причины, делающие мужскую социальность императивной и компенсаторной, нужно поподробнее остановиться на том, каким смыслом действующие лица наделяют дружбу (притом что она зачастую только осложняет им жизнь) и почему она считается особенно связанной с мужественностью.

Мужская дружба. Высказывания о мужской дружбе часты в речи опрошенных – Кобы, Ираклия, Левана... Я приведу одно из них, услышанное от Малхаза, в начале 1990-х уехавшего в Грецию и прожившего там 15 лет, поскольку в нем сконцентрировано нормативное содержание таких высказываний. К тому же в нем красноречиво выражена связь между мужской дружбой, мужской “природой” и кризисными обстоятельствами.

Тема взаимоотношений между мужчинами возникла в ходе интервью как бы в шутку:

> ***Я***: У тебя были проблемы с другими грузинами в Греции?
> ***Малхаз***: Да... Но так, ничего особенного, мужские дела, обычные...
> ***Я***: Стычки из-за девчонок?
> ***Малхаз***: Нет! Стычки парней!
> ***Я***: Ну да, я и имею в виду: стычки парней, но из-за девчонок.
> ***Малхаз*** (смеется): Нет, я имею в виду стычки парней из-за... парней! (он и его друг долго смеются)
> ***Малхаз*** (коротко и решительно): Просто обычные проблемы. Между мужчинами, и все.
> ***Я***: Что это за проблемы между мужчинами? Я не понимаю, я же женщина, объясни мне.
> ***Малхаз*** (шутливо): Ты и не поймешь никогда, потому что ты женщина, а я мужчина. Тебе не понять мужской менталитет. Что ты на меня так смотришь? Хватит! (смеется) Мы *самцы*, понимаешь.

Сжатые и немногословные ответы Малхаза, его отказ от объяснений наводят на мысль о том, что для него речь идет об очевидном. “Проблемы между мужчинами” не нуждаются в пояснениях, поскольку речь идет о категории примордиальной, простой и непрозрачной. Позже в том же интервью, когда речь зашла о 1990-х годах, он заявил, что мужчины в тот период страдали больше, чем женщины. Это утверждение станет стержнем его рассуждений о мужской дружбе:

> ***Малхаз:*** Ты знаешь, не только в те годы, всегда, что бы ни происходило, мужчина страдает больше женщины.
> ***Я***: Почему?
> ***Малхаз***: Потому что мы рождены для страданий.
> ***Я***: Женщины говорят то же самое, что это они рождены для страданий...
> ***Малхаз*** (суховато): Оставим вопрос открытым (длинная пауза). Больше всего пострадали мужчины, наше поколение, в этом я уверен. Потому что мы не просто страдали. У нас столько потерь и смертей в этой “войне” (он говорит о периоде в целом).
> ***Я***: Оглядываясь назад, ты думаешь, что правильно сделал, уехав в Грецию?
> ***Малхаз***: Принимая во внимание, какая тут была ситуация, да, это было правильно. Потому что бог знает, если бы я остался в Грузии, был бы я жив сегодня или нет? Мог бы пойти по плохой дорожке. Да, думаю, мог бы...

> ***Его друг*** (мрачно): Стольких... Слишком многих из нашего круга уже нет. Того война убила, того – наркотики, тот сам себя убил... Это действительно было очень, очень плохое время. И в психологическом плане тоже.

По словам Малхаза, этот контекст страданий и насилия – специфически мужской. Надо также отметить рефлексивность восприятия *трагической маскулинности* моими собеседниками. Малхаза эта рефлексия подводит к определению мужской дружбы через ее сравнение с женской. По его мнению, только первую можно в полной мере назвать дружбой:

> Реальная жизнь, наша повседневность – это как минное поле. Я думаю, мужская дружба честнее, она более... я вообще скажу, что дружба – это мужское дело. Потому что мы многое должны доказывать друг другу, потому что мы – мужчины. Женщинам не нужно ничего доказывать другим женщинам. Дружба – дело мужское. Понимаешь, эту необходимость что-то доказывать создают экстремальные ситуации. Согласись, что у мужчин в жизни чаще возникают экстремальные ситуации. В тех же драках, в жизни квартала, района, в *дзмакацоба*... Не знаю, прав я или ошибаюсь, но я думаю, что мы больше созданы, чтобы пожертвовать собой. В подобных ситуациях. Сделать что-то невообразимое для своих друзей.... Наша жизнь сложнее, мы более жестоки. В нашей дружбе мы чаще противостоим опасности, чем женщины. Наша дружба более трудная. И это создает что-то особенное. Не хочу обидеть женщин, но я думаю, что дружба для нас – это святое. Даже в каждодневной жизни. Мы всегда делаем максимум возможного. Отдаем все, что можем отдать. Я доверяю тебе, ты доверяешь мне. Эта *напряженность* (он выделяет это слово), в ней есть что-то очень грузинское. Не только грузинское, кавказское. Чеченцы тоже... Но дружба, я действительно думаю, что это что-то мужское.

Малхаз выстраивает прямую связь между насилием, опасностью, дружбой и мужской природой. В то же время в своей речи он разделяет период 1990-х, о котором говорит с неизменной горечью, и общий позитивный взгляд на гендерно окрашенную дружбу. Именно это дискурсивное разделение подводит нас к их аналитическому соединению. Нередко можно столкнуться как с героизацией трудных 1990-х, так и с возвышением образов мужчин. Однако в речи Малхаза и многих других дружба выходит за пределы самой этой героизации. Трудности могут укрепить ее, но она существует сама по себе, независимо от обстоятельств. Связь дружбы с мужской природой способствует восприятию ее как чего-то естественного. Именно в дружбе находит наиболее сильное выражение *трагическая маскулинность*, поскольку она коренится не только в неких обстоятельствах, но и в подразумеваемой глубинной мужской сущности. Историк Сьюзан Хорват (*Horvath* 1997) показывает, как Георг Зиммель в “Философии современности” (*Simmel* 1989) установил связь между *трагической маскулинностью* и онтологической сущностью мужественности, которая, в отличие от женственности, якобы характеризуется преодолением и “отчуждением” субъекта. Она утверждает, что Зиммель выражает здесь в философских терминах исторически и культурно обусловленную концепцию, вдохновленную немецким романтизмом XIX в. *Трагическая маскулинность*, о которой мы говорим, заимствует некоторые нормативные черты этой широко понимаемой концепции мужественности, переосмысливая их в контексте кризиса.

Последний отрывок из интервью хорошо иллюстрирует переживание дружбы как фундаментального чувства – Малхаз даже с трудом подбирает нужные слова:

> ***Я***: Так ты не потерял ни одного из друзей, хотя прожил 15 лет в Греции...
> ***Малхаз***: Нет, никого. Это благодаря нашей дружбе, нашему взаимопониманию, способности прощать, без амбиций, без своего эго. Мы просто остались такими же, как 20 лет назад, в самом начале. Это и просто, и трудно объяснить. Особенно – объяснить, что такое *дзмакацоба*. Это своего рода любовь. Между мужчиной и мужчиной.

> Это невозможно объяснить. Это испытать надо, чтобы понять. Я горжусь своими друзьями. И люблю их. Знаешь, почему? Потому что они всегда остаются самими собой. Вот и все. Я могу на них положиться. Это такая дружба, которую нельзя описать словами. Ты должен это почувствовать... Я их люблю, я ими восхищаюсь. Потому что мы ничего не потеряли за эти 15 лет. Мы все те же. У нас те же проблемы, те же разговоры, те же слова. Может быть, мы прокляты. Ну и что с того? Это такое прекрасное чувство... (Интервью с Малхазом. Тбилиси, 13 ноября 2013 г.)

Подобный дискурс, тесно связывающий дружбу с предположительно существующей "мужской натурой" и их вместе – с пережитыми трудностями и насилием, свойственен не только грузинам. Его можно встретить в разных социальных и исторических ситуациях. Грузинская специфика практик мужского общения и разговоров о них заключается, во-первых, в том, что они вписываются в более широкий контекст "национального деклассирования", а также в той структурирующей роли, которую они играют в семейных экономических отношениях. Что касается деклассирования, пережитого моими респондентами и большинством населения Грузии, я уже писала (*Ferry* 2018), что оно способствовало формированию таких практик дарения и такого понимания сущности межличностной связи, которые предполагают полную самоотдачу. Я также показала, каким образом переживание "новой бедности" было связано с унаследованными "аристократическими" формами общения и отношений, с их презрением к деньгам и к труду. Это наследие отчасти реально, отчасти вымышлено/мифологизировано, но в обоих случаях мужская дружба, хотя ей и придается исключительное значение, может лишь частично компенсировать кризис, и в этом ее драма.

Частичная компенсация. Описанный мною фундаментальный, императивный и естественный характер мужских взаимоотношений не должен вводить в заблуждение относительно их независимости от других социальных институтов. Необходимые, но недостаточные для преодоления последствий кризиса, они сочетаются с другими компенсационными механизмами. В русле модели Рене Жирара и размышлений Дэвида Гребера мы можем утверждать, что кризисные ситуации (по Жирару) или долги (по Греберу) ведут к стиранию социальных *различий*. Гребер указывает на то, что рыночный капитализм подчиняет финансовым неравенствам "традиционные иерархии", семейные или политические, и заключает их в рамки формального равенства, которое предполагают долговые отношения (*Graeber* 2016). Для Жирара "стирание того, что *различает*" (курсив мой. – *М.Ф.*) (*Girard* 2009 [1982]: 23) означает "формирование *толпы*... способной полностью заместить собой ослабленные социальные институты" (курсив мой. – *М.Ф.*) (Ibid.: 21). Так же, как Гребер, Жирар выстраивает связь между социальным неразличением и насильственным характером обмена. В периоды кризиса обмены принимают характер "плохой взаимности, [взаимности] оскорблений, ударов, мести", угрожая тем самым "разрушением [самой] системы обмена, т.е. культуры" (Ibid.: 23).

Хотя Жирар и Гребер смотрят на проблему с разных сторон: в частности, последний анализирует не только кризисные ситуации, – мы возьмем из их концепций то, что у них есть общего. Обе содержат идею размывания традиционных социальных конфигураций, которые не только определяют правила обмена, но и смягчают его насильственный характер. Однако те формы мужских взаимоотношений, о которых мы говорим, существуют в контексте ослабления социальных институтов и сформированы насилием, как внешним по отношению к ним, так и внутренним (например, уличным насилием). По своей структуре эти взаимоотношения эгалитарны, однако их эгалитарность не в полной мере идентична "формальному равенству", о котором идет речь у Гребера, или "униформизации", описываемой Жираром. Действительно, практикуемые в мужской дружбе проявления солидарности сами по себе суть попытка противостоять "формальному равенству", порожденному капитализмом

(по Греберу) или анархии “плохой взаимности”, вызванной к жизни кризисом (по Жирару). Но все же равенство, существующее в группах мужчин, которые я описываю, влечет за собой принцип внутренних обменов, часто оказывающихся экономически бесплодными. Говоря конкретно, недостаток средств и их неумелое расходование не позволяют молодым людям выживать, даже объединив свои ресурсы. Чтобы их дружеские отношения могли продолжать существовать, они нуждаются в помощи жен и матерей – в первую очередь материальной, но также и символической.

К тому же и *дзмакацоба*, и формы мужского общения в целом социально “однородны”, они действуют по принципу замыкания среди “подобных” (*Girard* 2009 [1982]), а не соединяют различные сегменты общества между собой. Все эти обстоятельства объясняют, почему мужская социальность сама по себе не может быть ни структурирующей, ни полностью компенсаторной – ни в материальном, ни в функциональном, ни в символическом смыслах.

* * *

Мужской этос в Грузии связан как с определенной национальной гордостью, так и с понятиями чести и солидарности, наиболее ярко проявившимися после кризиса 1990-х годов. Если внешне он выражается в возвышении девиантных фигур, стиле одежды или манере держаться, то главной его внутренней составляющей является мужская дружба (*дзмакацоба*). Она приобрела особенное значение в связи с войнами, долговыми обязательствами, убийствами во имя чести, возросшей ролью мафии. Все это порождает императивные формы мужской социальности, воплощенные главным образом в определенной “уличной культуре” и принципе гостеприимства. Эти два элемента, являющиеся наследием ушедшей эпохи, сохранились, хоть и подверглись переоценке в кризисной ситуации. Напротив, идеал мужчины как гаранта благополучия и престижа семьи в той или иной мере остался в прошлом, тогда как в советское время эти качества были не менее важной составляющей мужского этоса. Отсюда различные проявления чувства стыда и одновременно преувеличенное значение, придаваемое дружбе и гостеприимству, которые сглаживают потери, наделяя деклассирование возвышенным, трагическим смыслом. Этот трагизм превращает утрату в средство конструирования новой, повышающей самооценку социальности. Мужской этос позволяет сочетать презрение к деньгам с формами общественного взаимодействия, отчасти поддерживающими престиж участников.

Эти формы взаимодействия сами по себе не могут компенсировать последствия кризиса, поскольку не встроены в единую структуру с другими сегментами общества и не обладают экономической эффективностью; тем не менее они представляют собой фундамент, на котором строят свою жизнь, коллективно переживая бедствия, грузинские мужчины. В этом смысле можно сказать, что дружба ограждает их от всеобщего недоверия, атомизации общества и угрозы постсоветского “мужского выхолащивания”.

Примечания

[1] *Дзмакацеби* (дословно – “братья-мужчины”) – термин, обозначающий близких друзей детства (больше, чем просто “друг”/*мегобари*), образующих нечто среднее между фратрией и братством (*дзмакацоба*). Существует женский аналог этих “братств” – это *дакалеби*, буквально – “женщины-сестры”. Хотя этим словом обычно обозначаются очень близкие подруги, оно тем не менее не обладает такой нормативностью и институциональной ценностью, как *дзмакацеби*.

[2] О влиянии мафии на грузинское общество см.: *Slade* 2007.

[3] М.Д. Фредриксен подробно рассмотрел применительно к Грузии социальное и гендерно окрашенное значение таких проявлений меланхолии, выстраиваемых вокруг понятия “ничто” и идеологии нигилизма. Этнографическое описание этого феномена см.: *Frederiksen* 2013,

а его теоретическое осмысление, в частности, в терминах “веселого пессимизма”, “освобождения” и “нигилизма” см.: *Frederiksen* 2017, 2018.

[4] О наркомании см.: *Javakhishvili, Sturua* 2006; *Gamkrelidze et al.* 2010; *Javakhishvili* 2016. Об алкоголизме: *Sturua et al.* 2010. Обобщенные данные (без гендерного разделения) по наркомании в Грузии см.: *Kirtadze et al.* 2018.

[5] Сравнительный анализ данных по самоубийствам в Грузии от ВОЗ и Грузинского статистического агентства, а также по вероятным мотивам самоубийств см.: *Kiladze et al.* 2016.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

Sumbadze 2008 – *Sumbadze N.* Gender and Society: Georgia. Tbilisi: Institute for Policy Studies for the United Nations Development Programme, 2008. http://www.ipseng.techtone.info/files/5113/3491/5442/179-308eng.pdf

Javakhishvili, Sturua 2006 – Georgia Drug Situation 2005 // Report to the United Nations Development Programme and EMCDDA by the Southern Caucasus Anti-Drug Programme National Focal Point / Eds. J.D. Javakhishvili, L. Sturua. Tbilisi: Southern Caucasus Anti-Drug Programme, 2006. https://altgeorgia.ge/media/uploads/georgia_annual_rep_2005_best_version.pdf

Javakhishvili 2016 – The Drug Situation in Georgia: Annual Report 2015 / Ed. J. Javakhishvili. Tbilisi, 2016. https://altgeorgia.ge/media/uploads/7_drug-report-en-2015.pdf

USAID 2003 – Gender Assessment for USAID/Caucasus. DevTech Systems, June 2003. https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACG103.pdf

Georgia 2017 – Georgia. Profile on Health and Well-Being (2017) // World Health Organization, Regional office for Europe. http://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/georgia.-profile-on-health-and-well-being-2017

Научная литература

Bourdieu P. Questions de sociologie. P.: Les Éditions de Minuit, 2002 [1981].

Curro C. From Tradition to Civility: Georgian Hospitality after the Rose Revolution (2003–2012). PhD diss., School of Slavonic and East European Studies. University College London, 2017.

Ferry M. Exil temporel chez les migrants de retour en Géorgie post-soviétique // Temporalités. Revue de sciences sociales et humaines. 2015a. n° 22. https://doi.org/10.4000/temporalites.3212

Ferry M. Georgian Migrants in Turkey: Reconstruction of Gender and Family Dynamics // Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region / Eds. C.H. Stefes, G. Nodia. Bern: Peter Lang Publishers, 2015b. P. 159–182.

Ferry M. “Ce que nous aurions perdu”. Anthropologie de la crise en Géorgie postsoviétique, 1991–2015. PhD diss. abstract. École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2018.

Ferry M. Migrer et s’endetter en Géorgie: quelles sont les vulnérabilités et les prises de risques spécifiquement féminines // Les droits de l’Homme en Europe orientale et dans l’espace post-soviétique – Ligue des Droits de l’Homme. 2019. n° 31. P. 9–12.

Frederiksen M.D. Good Hearts or Big Bellies: *Dzmak’atcoba* and Images of Masculinity in the Republic of Georgia // Young Men in Uncertain Times / Eds. V. Amit, N. Dyck. N.Y.: Berghahn Books, 2012. P. 165–187.

Frederiksen M.D. Young Men, Time, and Boredom in the Republic of Georgia. Philadelphia: Temple University Press, 2013.

Frederiksen M.D. Joyful Pessimism: Marginality, Disengagement, and the Doing of Nothing // Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology. 2017. No. 78. P. 9–22. https://doi.org/10.3167/fcl.2017.780102

Frederiksen M.D. An Anthropology of Nothing in Particular. Ridgefield, CT: Zero Books, 2018.

Gamkrelidze A., Baramidze L., Sturua L., Galdava G. Illicit Drugs Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug // Georgian Medical News. 2010. No. 3 (180). P. 39–46.

Girard R. Le Bouc émissaire. P.: Grasset, 2009 [1982].

Goffman E. Les rites d’interaction. P.: Éditions de Minuit, 1998 [1974].

Graeber D. Dette: 5 000 ans d’histoire. Arles: Babel, 2016.

Hohmann S. Violence domestique dans le Caucase du Sud. Les exemples de l'Arménie et de l'Azerbaïdjan // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2015. Vol. 46 (2). P. 105–142.
Horvath S. Philosophie au masculin? Georg Simmel et les images de la virilité à l'aube de l'ère nazie // The European Legacy. 1997. Vol. 2 (6). P. 1011–1030. https://doi.org/10.1080/10848779708579833
Kabachnik, P., Grabowska M., Regulska J., Mitchneck B.A., Mayorova O.V. Traumatic Masculinities: The Gendered Geographies of Georgian IDPs from Abkhazia // Gender, Place & Culture. 2013. Vol. 20 (6). P. 773–793. https://doi.org/10.1080/0966369X.2012.716402
Kay R. Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change? Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2006.
Khomeriki L. Gender Equality in Post-Soviet Georgia // Building Democracy in Georgia: Human Rights in Georgia. 2003. Discussion Paper 6. P. 28–35. http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Democratization/IDEA-2003%20(6).pdf
Kiblitskaya M. "Once We Were Kings": Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. S. Ashwin. L.: Routledge. P. 90–104.
Kiladze L., Lezhava G., Gadelia E. Analysis of Some Epidemiological Rates of Suicide in Georgia // Georgian Medical News. 2016. No. 6 (255). P. 77–81.
Kirtadze I., Otiashvili D., Tabatadze M., Vardanashvili I., Sturua L., Zabransky T., Anthony J.C. Republic of Georgia Estimates for Prevalence of Drug Use: Randomized Response Techniques Suggest Under-Estimation // Drug and Alcohol Dependence. 2018. Vol. 187. P. 300–304. https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2018.03.019
Lévesque M., White D. Le concept de capital social et ses usages // Lien social et Politiques. 1999. No. 41. P. 23–33. https://doi.org/10.7202/005148ar
Simmel G. Philosophie de la modernité. La femme, la ville, l'individualisme. P.: Payot, 1989.
Slade G. The Threat of the Thief: Who Has Normative Influence in Georgian Society? // Global Crime. 2007. Vol. 8 (2). P. 172–179. https://doi.org/10.1080/17440570701362398
Sturua L., Baramidze L., Gamkrelidze A., Galdava G. Alcohol Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug // Georgian Medical News. 2010. No. 2 (179). P. 52–61.
Zurabishvili T., Zurabishvili T. The Feminization of Labor Migration from Georgia: The Case of Tianeti // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2010. Vol. 2 (1). P. 73–83.

Research Article

Ferry, M. The Culture of Loss and Tragic Masculinity in Post-Soviet Georgia [Kul'tura utraty i tragicheskaia maskulinnost' v postsovetskoi Gruzii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 161–176. https://doi.org/10.31857/S086954150009608-8 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maroussia Ferry | https://orcid.org/0000-0002-5816-6682 | maroussia.ferry@gmail.com | École des Hautes Études en Sciences Sociales (2 rue de la Charité, Marseille, 13002, France)

Keywords

Georgia, male friendship, male ethos, hospitality, street culture, street violence, tragic masculinity, culture of loss, *dzmak'atcoba*

Abstract

The post-Soviet crisis in Georgia brought about the growth of street violence and the spread of alcoholism and drug addiction. It was the men who turned out most vulnerable in the face of these issues. The "culture of loss", which was characteristic of the underprivileged part of the Georgian society and became the building block of interpersonal ties, expressed itself most saliently in re-thought masculinities where human problems were elevated in significance, men's fates were seen as tragic and heroic, and male friendship was raised to the rank of social necessity. The crisis entailed changes both in family life and in household economy – changes which in turn could not have occurred without a

revision of principles and moral orientations setting and legitimizing gender roles. This article focuses specifically on the male ethos and its "tragic" dimension in post-Soviet Georgia. I discuss the changes that the male ethos underwent by taking the cases of those who are thought of as "regular Georgian men". I examine the particular facets of their personality that were shaped in response to the social and economic hardships of the 1990s, which significantly affected men. Finally, I address the issue of male friendship as a form of social bonding that conforms particularly well to the ethos of tragic masculinity.

References

Bourdieu, P. (1981) 2002. *Questions de sociologie* [Sociology in Question]. Paris: Les Éditions de Minuit.

Curro, C. 2017. From Tradition to Civility: Georgian Hospitality after the Rose Revolution (2003–2012). PhD diss., School of Slavonic and East European Studies, University College London.

Ferry, M. 2015. Exil temporel chez les migrants de retour en Géorgie post-soviétique [Temporal Exile among Migrants Returning to Post-Soviet Georgia]. *Temporalités. Revue de sciences sociales et humaines* 22. https://doi.org/10.4000/temporalites.3212

Ferry, M. 2015. Georgian Migrants in Turkey: Reconstruction of Gender and Family Dynamics. In *Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region*, edited by C.H. Stefes and G. Nodia, 159–182. Bern: Peter Lang Publishers.

Ferry, M. 2018. "Ce que nous aurions perdu". Anthropologie de la crise en Géorgie postsoviétique, 1991–2015 ["What We Would Have Lost": Anthropology of the Crisis in Post-Soviet Georgia, 1991–2015]. PhD diss. adstract, École des Hautes Études en Sciences Sociales.

Ferry, M. 2019. Migrer et s'endetter en Géorgie: quelles sont les vulnérabilités et les prises de risques spécifiquement féminines? [Migrating and Going into Debt in Georgia: What Are the Vulnerabilities and Risk-Taking Specifically for Women?]. *Les droits de l'Homme en Europe orientale et dans l'espace post-soviétique – Ligue des Droits de l'Homme* 31: 9-12.

Frederiksen, M.D. 2012. Good Hearts or Big Bellies: *Dzmak'atcoba* and Images of Masculinity in the Republic of Georgia. In *Young Men in Uncertain Times*, edited by V. Amit and N. Dyck, 165–187. New York: Berghahn Books.

Frederiksen, M.D. 2013. *Young Men, Time, and Boredom in the Republic of Georgia*. Philadelphia: Temple University Press.

Frederiksen, M.D. 2017. Joyful Pessimism: Marginality, Disengagement, and the Doing of Nothing. *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology* 78: 9–22. https://doi.org/10.3167/fcl.2017.780102

Frederiksen, M.D. 2018. *An Anthropology of Nothing in Particular*. Ridgefield, CT: Zero Books.

Gamkrelidze, A., L. Baramidze, L. Sturua, and G. Galdava. 2010. Illicit Drugs Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug. *Georgian Medical News* 3 (180): 39–46.

Girard, R. (1982) 2009. *Le Bouc émissaire* [The Scapegoat]. Paris: Grasset.

Goffman, E. (1974) 1998. *Les rites d'interaction* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior]. Paris: Éditions de Minuit.

Graeber, D. 2016. *Dette: 5 000 ans d'histoire* [Debt: The First 5000 Years]. Arles: Babel.

Hohmann, S. 2015. Violence domestique dans le Caucase du Sud. Les exemples de l'Arménie et de l'Azerbaïdjan [Domestic Violence in the Southern Caucasus: Armenia and Azerbaijan]. *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 46 (2): 105–142.

Horvath, S. 1997. Philosophie au masculin? Georg Simmel et les images de la virilité à l'aube de l'ère nazie [Male Philosophy? Georg Simmel and the Images of Manhood at the Dawn of the Nazi Era]. *The European Legacy* 2 (6): 1011–1030. https://doi.org/10.1080/10848779708579833

Kabachnik, P., M. Grabowska, J. Regulska, B.A. Mitchneck, and O.V. Mayorova. 2013. Traumatic Masculinities: The Gendered Geographies of Georgian IDPs from Abkhazia. *Gender, Place & Culture* 20 (6): 773–793. https://doi.org/10.1080/0966369X.2012.716402

Kay, R., 2006. *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd.

Khomeriki, L. 2003. Gender Equality in Post-Soviet Georgia. *Building Democracy in Georgia: Human Rights in Georgia* 6: 28–35. http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Democratization/IDEA-2003%20(6).pdf

Kiblitskaya, M. “Once We Were Kings”: Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia. In *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, edited by S. Ashwin, 90–104. London: Routledge.

Kiladze, L., G. Lezhava, and E. Gadelia. 2016. Analysis of Some Epidemiological Rates of Suicide in Georgia. *Georgian Medical News* 6 (255): 77–81.

Kirtadze, I., D. Otiashvili, M. Tabatadze, I. Vardanashvili, L. Sturua, T. Zabransky, and J.C. Anthony. 2018. Republic of Georgia Estimates for Prevalence of Drug Use: Randomized Response Techniques Suggest Under-Estimation. *Drug and Alcohol Dependence* 187: 300–304. https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2018.03.019

Lévesque, M., and D. White. 1999. Le concept de capital social et ses usages [The Concept of Social Capital and Its Uses]. *Lien social et Politiques* 41: 23–33. https://doi.org/10.7202/005148ar

Simmel, G. 1989. *Philosophie de la modernité. La femme, la ville, l’individualisme* [Philosophy of Modernity: The Woman, the City, the Individualism]. Paris: Payot.

Slade, G. 2007. The Threat of the Thief: Who Has Normative Influence in Georgian Society? *Global Crime* 8 (2): 172–179. https://doi.org/10.1080/17440570701362398

Sturua, L., L. Baramidze, A. Gamkrelidze, and G. Galdava. 2010. Alcohol Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug. *Georgian Medical News* 2 (179): 52–61.

Zurabishvili, T., and T. Zurabishvili. 2010. The Feminization of Labor Migration from Georgia: The Case of Tianeti. *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 2 (1): 73–83.

ОБЗОРЫ

© В.Н. Буркова

ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНО БЫТЬ МНОГО?: АГРЕССИЯ И ЕЕ СВЯЗЬ С РАЗМЕРАМИ ТЕЛА

Ключевые слова: агрессия, размеры тела, рост, вес, буллинг, травля, виктимизация

Статья представляет собой аналитический обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвященных исследованиям взаимосвязи размеров тела человека и агрессивного поведения. В ней отражены основные методы и подходы к изучению влияния веса и роста тела на агрессию, представлены результаты значимых работ, проведенных среди детей, подростков и взрослых в группах как нормы, так и патологии, начиная с конца 70-х годов XX в., перечислены основные теории, объясняющие данную взаимосвязь. Психологические исследования, хотя и показывают зависимость между размерами тела и агрессивным поведением, однако результаты их довольно противоречивы: в одних работах высокий ИМТ является показателем повышенного уровня виктимизации со стороны сверстников, в других предсказывает увеличение уровня агрессии только у девушек, в третьих связи ИМТ и агрессии не обнаруживается. Многие из представленных исследований имеют существенные недостатки: выборки неравномерны, не учитываются социальные и культурные факторы, отсутствуют долгосрочные исследования влияния размеров тела на агрессивное поведение. В заключение обзора предложены некоторые пути решения возникающих вопросов методологического характера.

“Ты не смотри, что мы меньше ростом”, —
грозя кулаками, сказали пираты.
(*И. Антонова “Тили-тили-тесто”*)

В животном мире размеры особи принимаются как аргумент физической силы без дополнительных доказательств. Однако эволюция приматов как общественных видов (независимо от средних размеров животного, его физической силы и размеров клыков) шла в сторону развития стратегий и оптимальных механизмов, позволяющих предотвратить эскалацию напряженности в повседневной жизни группы, остановить конфликт и примирить агрессора с жертвой (*Бутовская* 1999). Способности лидера

Валентина Николаевна Буркова | https://orcid.org/0000-0003-4777-0224 | burkovav@gmail.com | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, https://doi.org/10.13039/501100002261 [проект № 19-09-00461]

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

защищать членов своего сообщества от чужаков, умение регулировать взаимоотношения между ними, инициировать совместное передвижение имели большое значение. Исследования среди детей и подростков в разных культурах показали, что социальная успешность индивида зависит как от форм агрессии, которые он использует или не использует по отношению к своим сверстникам, так и от желания и умения мириться, регулировать чужие конфликты и сохранять социальное равновесие в группе (*Буркова* 2017; *Butovskaya et al.* 2007). Однако действительно ли размеры тела человека перестали иметь значение в агрессивных взаимодействиях? На этот вопрос мы постараемся найти ответ в предлагаемом обзоре российских и зарубежных исследований.

Первым исследованием взаимосвязи телосложения и противоправного поведения считается работа одного из основоположников конституциональной психологии У.Г. Шелдона, в которой отмечалось, что у юношей-правонарушителей развитие мезоморфного компонента тела выше среднего (они – прирожденные спортсмены, худы и мускулисты “от природы”) (*Sheldon* 1949; *Ксенофонтова* 2015). В исследовании 1978 г. было показано, что среди несовершеннолетних преступников также чаще встречаются мезоморфы, но с элементами эндоморфии (обычно это крупные люди, с большой жировой массой, однако не обделенные и мышечной массой), и практически нет эктоморфов (тощих людей, обладающих небольшими по размерам суставами и почти не имеющих мышц, с длинными тонкими пальцами и узкими плечами) (*Ксенофонтова* 2015; *Shasby* 1978). В более поздних работах также было отмечено, что преступники и несовершеннолетние правонарушители более мезоморфно-эндоморфны и менее эктоморфны по сравнению с контрольными группами (*Eysenck, Gudjonsson* 1989; *Sanson et al.* 1993; *Wilson, Herrnstein* 1998). Однако многие специалисты уже тогда указывали на неравномерность представленных выборок, на то, что не учитываются социальные и культурные факторы, отсутствуют долгосрочные исследования влияния размеров тела на агрессивное поведение (*Raine et al.* 1998; *Sampson, Laub* 1997).

Применение иных методов позволило от описания типа телосложения перейти к прямым измерениям тотальных размеров тела – роста и веса. Индекс массы тела (ИМТ), рассчитанный на основе этих показателей, несмотря на имеющиеся ограничения, и в настоящее время повсеместно используется для оценки степени ожирения или нехватки веса у детей и подростков (*Gallup, Wilson* 2009; *Lee, Vaillancourt* 2018). Исследования показывают, что дети с избыточным весом по сравнению со сверстниками с нормальной массой тела не только подвержены значительно большему риску развития различных заболеваний, но также среди них более высока вероятность появления поведенческих проблем, особенно агрессии (*Bin et al.* 2005; *Epstein et al.* 1995).

В настоящее время накоплен определенный пласт работ по изучению взаимосвязи агрессии и размеров тела у детей и взрослых. Психологические исследования в целом показывают зависимость между ИМТ и агрессией у детей и подростков, однако результаты довольно противоречивы: в одних работах отмечается высокий ИМТ как показатель повышенного уровня виктимизации (преследования, травли) со стороны сверстников (*Pearce et al.* 2002), в других указывается, что высокий ИМТ предсказывает увеличение уровня агрессии по отношению к сверстникам только у девушек, но не у юношей (*Pinhey* 2002), в третьих говорится, что связи размеров тела и агрессии по отношению к сверстникам у подростков не обнаружено (*Vila et al.* 2004).

Исследования в данной области проводились в разных возрастных группах. Анализ поведения семилетних детей в США методом опроса учителей и родителей не выявил достоверной связи между ИМТ и агрессией, что объяснялось отсутствием учета культурного фактора: в выборке были смешаны представители всех групп населения – белые американцы, индейцы, афроамериканцы, латиноамериканцы, выходцы из

Азии, метисы и мулаты (*Anderson* 2007). Однако по оценке учителей (но не родителей) высокий ИМТ являлся предиктором буллинга (травли) со стороны сверстников (Там же). В работе Э. Гэллапа и Д. Уилсона был показан эффект показателя роста в 8-10 лет (но не в 12-14) как предиктора уровня насилия среди подростков в возрасте 16-18 лет (*Gallup, Wilson* 2009). Масса тела в 12 лет была связана с агрессией в возрасте 13 лет (*Tremblay et al.* 1998), а антисоциальное поведение в 14 лет – с большей массой тела в 22 года (*Pine et al.* 1997). Э. Рэйн с соавторами (*Raine et al.* 1998) рассматривали взаимосвязь увеличенных размеров тела (рост и вес) в трехлетнем возрасте и агрессии в 11 лет (на примере выборки в 1795 человек с о-ва Маврикий). Было обнаружено, что в трехлетнем возрасте агрессивные дети выше и весят больше по сравнению с менее агрессивными. Одиннадцатилетние агрессивные дети имели повышенные оценки по бесстрашию, поиску новых ощущений, самостимуляции, и, кроме того, у них были более высокие рост и вес в трехлетнем возрасте. Таким образом, большие размеры тела в три года могут рассматриваться предиктором повышенных оценок по агрессии в 11 лет – указывая тем самым на критический период в общем развитии (связанный с повышением уровня тестостерона и снижением уровня серотонина в пубертатном возрасте, которые, в свою очередь, скоррелированы с усилением агрессии), – опосредованных влиянием психологических особенностей индивида: стремлением к поиску новых ощущений, отсутствием страха и т.д. (*Kruesi et al.* 1990; *Raine et al.* 1998). Однако в данном исследовании не контролировались средовые факторы (такие как экономическая депривация, неблагоприятные семейные условия, семейная преступность, плохое воспитание детей), которые также могут быть связаны с дальнейшими правонарушениями (*Farrington* 1989). Э. Гэллап и Д. Уилсон показали, что у 13–16-летних подростков ИМТ не коррелирует ни с их оценками собственной физической агрессии, ни с виктимизацией (*Gallup, Wilson* 2009). Хотя во второй части этого же исследования, проведенного уже среди 16–19-летних студентов на основе оценки фотоизображений, была найдена положительная связь ИМТ с агрессивностью у девушек, но не у юношей (Там же).

Изучение этой зависимости среди мужчин-американцев 21–45 лет показало, что лица с клинически диагностированной антисоциальной активностью во взрослом возрасте были выше и имели бóльшую массу тела, чем контрольная группа. Однако прямой связи ИМТ с антисоциальными чертами личности найдено не было (*Ishikawa et al.* 2001). Более того, в этой работе исследователи поставили важный методический вопрос: как следует измерять массу тела? – поскольку лишний вес за счет ожирения и лишний вес за счет большой мышечной массы могут приводить к разным изменениям в поведении. Был поднят вопрос и о том, почему связь ИМТ и агрессии обнаруживают у подростков, но не находят у взрослых. Возможное тому объяснение – гормональные изменения во время пубертатного периода, увеличивающие риски как ожирения, так и антисоциального поведения (Там же).

Проблеме травли в среде детей и подростков по причине избыточной массы тела также посвящен большой пласт работ (*Almenara, Ježek* 2015; *Burkova et al.* 2012; *Griffiths et al.* 2006; *Lee, Vaillancourt* 2018; *Puhl, King* 2013; *Thompson et al.* 2020). Так, исследование детей младшего возраста показало, что мальчики и девочки, страдающие ожирением, с большей вероятностью становятся жертвами издевательств (*Griffiths et al.* 2006). Аналогичные результаты были получены в работе с подростками: индивиды с высоким ИМТ с большей вероятностью подвергаются травле и агрессии со стороны сверстников (*Janssen et al.* 2004). Недавно опубликованные метаанализы имеющихся данных также показали, что девочки и мальчики с избыточным весом и ожирением чаще становятся жертвами буллинга (*Thompson et al.* 2020; *van Geel et al.* 2016). При этом данная связь имеет и обратный эффект: дети, подвергающиеся хронической травле со стороны сверстников, чаще имеют избыточный вес в возрасте 18 лет, независимо от ИМТ в детстве (*Baldwin et al.* 2016; *Lee, Vaillancourt* 2018; *Thompson et al.* 2020). Повышение

веса, в т.ч. обусловленное эмоциональным напряжением, может быть следствием снижающейся самооценки под действием постоянной виктимизации (*Adams, Bukowski* 2008). С другой стороны, девочки и мальчики с более высоким ИМТ сами склонны к запугиванию других: такие “большие” дети используют свои весовые и ростовые преимущества как определенный инструмент для достижения своих целей и воспринимаются как агрессоры, что повышает уровень их социального отторжения сверстниками уже не столько из-за роста и веса, сколько из-за поведения (*Anderson* 2007). Таким образом, размеры тела детьми и подростками воспринимаются как определенные индикаторы агрессора, которого стараются избегать (*Буркова, Бутовская* 2017; *Burkova et al.* 2012). Вопрос, что первично, а что вторично в данном процессе – становление “большого” агрессора или “большой” жертвы, – по-прежнему остается открытым для исследователей. Мы не можем сказать с уверенностью, наступает ли агрессия до или, наоборот, после начала социального отторжения такого ребенка.

Исследований о взаимосвязи буллинга и недостатка веса на порядок меньше, и они еще более противоречивы. В одной из первых таких работ высказывалось предположение, что мальчики, которые меньше и слабее, могут быть особенно подвержены издевательствам со стороны ровесников (*Olweus* 1978). В США в ходе исследования, в котором приняли участие 7000 подростков, обнаружили, что мальчики с недостаточным весом подвергались повышенному риску прямого физического преследования сверстниками, в то время как девочки с недостаточным весом – повышенному риску косвенной виктимизации (*Lee, Vaillancourt* 2018; *Wang et al.* 2010). Лонгитюдное исследование в Великобритании показало, что для мальчиков с недостаточным весом в возрасте семи лет год спустя риск виктимизации со стороны сверстников снижался (*Griffiths et al.* 2006). Два больших исследования детей и подростков в Европе не выявили связи между недостаточным весом и виктимизацией (*Lee, Vaillancourt* 2018; *Mikolajczyk, Richter* 2008; *Reulbach et al.* 2013).

Связь размеров тела и агрессивного поведения, в особенности буллинга, в последние десятилетия стала частью исследований при изучении расстройств пищевого поведения (*Lee, Vaillancourt* 2018; *Thompson et al.* 2020). Доказано, что эмоциями, с которыми наиболее связана булимия, являются тревога и гнев, а одним из результатов негативных переживаний может стать депрессия (*Arnow et al.* 1995; *McElroy et al.* 2004; *Thompson et al.* 2020). Дети с избыточным весом подвержены более высокому риску поведенческих проблем, особенно агрессии (*Bin et al.* 2005; *Epstein et al.* 1995). В одной из работ были найдены значимые различия в агрессивности поведения между детьми с диагностированным ожирением и с нормальным весом (*Braet et al.* 1997). При этом фактором риска была тенденция к травле мальчиков и девочек с лишним весом со стороны сверстников. В Великобритании обнаружили, что подростки в возрасте 11–16 лет, которые подвергались насмешкам ровесников, были более озабочены похудением, независимо от фактического веса, по сравнению с теми, кто не был жертвами буллинга (*Lee et al.* 2017). Исследования среди мужчин, занимающихся бодибилдингом, показали, что симптомы мышечной дисморфии (навязчивой потребности увеличить объем своих мышц) чаще встречались у тех, кто сообщал, что в детстве или в подростковом возрасте подвергался преследованиям со стороны сверстников (*Boyda, Shevlin* 2011; *Copeland et al.* 2015; *Lee, Vaillancourt* 2018). Сравнительное исследование уровня оценок своей агрессивности людьми с избыточной и нормальной массой тела позволило установить, что у первых он значительно выше, чем у вторых,– авторы объясняют такие результаты фрустрацией в связи с невозможностью поддерживать достигнутый после очередной диеты вес (*Carmody et al.* 1999).

Исследований, проведенных в России, по изучению взаимосвязи размеров тела и агрессивного поведения гораздо меньше. Работы, как правило, затрагивают группы, которые нельзя назвать нормой. Так, В.Л. Васильев констатирует, что число

мезоморфных (мускулистых) подростков в специальных коррекционных учреждениях больше, чем в средних общеобразовательных школах (*Васильев* 2002). Интересным представляется исследование особенностей личности и телосложения мужчин, осужденных за насильственные преступления, которое показало, что ни рост, ни вес не демонстрирует достоверных связей с личностными показателями (в т.ч. с агрессией), однако масса тела все-таки играет некоторую (довольно слабую) роль в дифференциации групп осужденных и курсантов (контрольная группа) (*Зайченко, Краснощеков* 2011). Исследование в Саратове, в котором приняли участие студентки (31 человек), показало положительные корреляции ИМТ с эмоциональным компонентом агрессии, что, по мнению автора, свидетельствует о том, что девушки с относительно большой массой тела и девушки относительно невысокого роста более склонны к аффективным проявлениям агрессии: к раздражительности и гневу (*Ксенофонтова* 2015). В исследовании личностных особенностей женщин с избыточной массой тела выявлены достоверно более высокие индексы агрессивности и враждебности, показатели вербальной, физической и косвенной агрессии, обиды и подозрительности по сравнению с контрольной группой (*Савчикова* 2004). Исследование с участием 320 детей и подростков, страдающих ожирением, показало наличие у них высокого уровня тревожности (относительно возрастных норм), склонность к формированию агрессивного поведения и комплекса неполноценности, выявило чувства одиночества, изолированности, сниженный уровень социальных контактов (*Самойлова и др.* 2006).

Исследователи предлагают различные интерпретации возможных связей размеров тела с агрессией. Одна из теорий предполагает, что высокий и крупный ребенок может через инструментальное обучение усвоить, что агрессия является эффективной стратегией для победы в социальных конфликтах (*Raine et al.* 1998). У такого ребенка больше шансов на усиление агрессии по сравнению с меньшими по размеру и физически более слабыми сверстниками, не столь успешными в физическом принуждении и более склонными стать жертвой ровесников (*Perry et al.* 2001). Однако эта гипотеза не объясняет, почему взрослые люди, не отличавшиеся в детстве крупными размерами, начинают проявлять антисоциальное поведение, хотя в детстве никаких предпосылок к этому не было. Кроме того, непонятно, как быть с категорией “больших” детей – жертв буллинга из-за своих размеров.

Р. Лернер предложил теоретическую модель, показывающую, как физические параметры влияют на поведение других людей в зависимости от культурной среды, которая определяет стандарты красоты (*Lerner* 1978). Так, в работе, где сообщается о более высокой степени виктимизации, связанной с ИМТ, было высказано предположение, что ожирение или избыточный вес подростков могут рассматриваться сверстниками как некое отклонение от идеала красоты в данной культуре (*Pearce et al.* 2002). В связи с этим неслучайными представляются результаты исследований, обнаружившие связь ИМТ с привлекательностью у женщин: важными характеристиками их красоты в любом обществе являются определенные размеры тела, соответственно, отклонения от принятых норм веса и роста рассматриваются как отклонения от принятых стандартов красоты (*Hume, Montgomerie* 2001; *Kurzban, Weeden* 2005; *Tovée et al.* 2002). В свою очередь, физическая привлекательность часто была связана с агрессией именно между женщинами (*Leenaars et al.* 2008; *Owens et al.* 2000; *Pellegrini* 2007). Данное предположение вписывается в теорию, согласно которой агрессия могла развиваться в процессе эволюции как адаптивное решение при конкуренции с однополыми соперниками. В соответствии с этими интерпретациями, женщины конкурируют (в т.ч. применяя агрессию и используя травлю в качестве инструмента, снижающего привлекательность и статус потенциальной соперницы) за привлечение и удержание партнеров, основываясь на физической привлекательности больше, чем на любой другой характеристике (*Buss, Shackelford* 1997; *Gallup,*

Wilson 2009). Таким образом, зависть к внешнему виду и борьба за мальчиков являются важными причинами косвенной агрессии в среде девочек-подростков (*Owens et al.* 2000). Поскольку женщины с высоким ИМТ (равно как и с низким) менее привлекательны для противоположного пола, они могут демонстрировать повышенный уровень косвенной агрессии по отношению к своим более привлекательным соперницам в надежде снизить их статус или разрушить репутацию в глазах мужчин (*Gallup, Wilson* 2009; *Pearce et al.* 2002). В то же время эти женщины сами зачастую являются жертвами из-за своего большого/малого веса. Корреляции между ИМТ и агрессией может не наблюдаться, если женщины и с высоким, и с низким ИМТ будут одинаково жертвами, что ставит перед исследователями методологическую проблему дифференциации причин агрессии и виктимизации в этих двух группах. Для мужчин при выборе партнерши их физическая привлекательность менее важна, и ИМТ у них не является столь значимой переменной, как у женщин, а следовательно, размеры тела не так сильно влияют на агрессивное взаимодействие между мужчинами за репродуктивные возможности (*Maisey et al.* 2009). Вместо этого мужчины чаще используют тактику конкуренции и состязательности между собой, демонстрирующую их статус и/или количество имеющихся ресурсов (*Buss* 1988). Однако в рамках такой конкуренции не так важны размеры тела, как мышечная масса. По всей видимости, именно поэтому мальчики с недостаточным весом чаще используют стратегии неупорядоченного пищевого поведения для наращивания мышечной массы, зачастую под влиянием травли со стороны сверстников (*Lee, Vaillancourt* 2018). Но, говоря об этом, не стоит забывать о кросскультурных различиях как в восприятии красоты и привлекательности, так и в отношении приемлемых и неприемлемых в данном конкретном обществе видов агрессии.

Поведенческие генетические исследования показывают, что наследственный компонент в агрессивном поведении у человека составляет от 44 до 72% (*Archer* 2006; *Butovskaya et al.* 2013), при этом у мужчин он выше, чем у женщин (*Craig, Halton* 2009). Наследственность сильно влияет и на размеры тела (*Hewitt et al.* 1991). Более высокий рост у асоциальных личностей может отражать более низкие уровни соматостатина, что теоретически может привести к снижению выброса серотонина и увеличению выброса гормонов роста. В подтверждение этого предположения говорит то, что дети с поведенческими расстройствами характеризовались низкими уровнями соматостатина (*Kruesi et al.* 1990), а лица, совершившие насильственные преступления, и агрессивные дети показали снижение серотонина и увеличение ростовых показателей по сравнению с контрольной группой (*Janssen et al.* 2004; *Virkkunen, Linnoila* 1993). Высокий рост и большой объем мышечной массы могут также являться косвенным маркером повышения тестостерона (*Martin* 1985; *Montoya* 2015), который ассоциирован в т.ч. с агрессивными и антиобщественными проявлениями (*Archer* 2006; *Montoya* 2015; *Tremblay et al.* 1998). Очевидно, что потенциальные ассоциации между размерами тела, генами, гормонами и антисоциальным поведением сложны и взаимозависимы. Неслучайными в данном ключе выглядят обнаруженные в большинстве исследованных популяций связи морфологического показателя “пальцевой индекс” (2D:4D), отражающего действие пренатальных гормонов (андрогенов и эстрогенов), с агрессией, прежде всего физической (подробнее см.: *Бутовская и др.* 2015; *Butovskaya et al.* 2013, 2019). Поскольку молекулярно-генетические исследования идентифицируют рост и вес как маркеры нейрохимического влияния на агрессивное поведение, размеры тела могут являться определенными биологически обусловленными факторами риска для развития асоциальной личности. Однако, по всей видимости, они действуют не “по одиночке”, а вкупе с определенными психологическими характеристиками (напр., с бесстрашием и стремлением к стимуляции, с поиском новых ощущений и склонностью к риску), тем самым предоставляя некоторые физические

и психологические каналы, через которые проявляется генетическая предрасположенность к агрессии (*Ishikawa et al.* 2011; *Raine et al.* 1998).

Подводя итог, можно сказать, что результаты исследований по выявлению связи между агрессией и размерами тела зачастую противоречивы, а следовательно, вопрос требует дальнейшего изучения. Неоднозначность данных может объясняться недостатками в формировании выборок и в определении методов исследования: малое число респондентов; смешение разных возрастных категорий (уровни когнитивного и социального развития в 6–10 лет и в подростковом возрасте отличаются); применение разных опросников и методов для оценки агрессивности (оценка самих респондентов уровня своей агрессивности, оценка учителей или родителей); неадекватность методов (нами не обнаружено ни одного исследования, которое использовало бы прямое наблюдение); неучтенность фактора этничности и даже расы (тогда как известно, например, что девушки и женщины европеоидной расы более недовольны своим телом, чем представительницы негроидной или монголоидной расы, что в конечном итоге влияет на самооценку респонденток и виктимизацию со стороны сверстников; см.: *Lee, Vaillancourt* 2018; *Thompson et al.* 2020). При изучении взаимосвязи между размерами тела и травлей остается открытым вопрос, как дифференцировать многочисленные формы буллинга и идентифицировать жертв, преследование которых основано исключительно на внешних параметрах (рос, вес), а не на других характеристиках.

В настоящее время, что отражает и представленный обзор, отсутствуют проведенные по единой методике большие кросскультурные исследования – это, несомненно, пробел. К сожалению, в настоящее время почти все работы проведены в отдельных странах Европы и Северной Америки и всего несколько исследований было осуществлено в других регионах: в Южной Азии (Китай, Южная Корея, Пакистан), Южной Америке (Аргентина) и Южной Африке. Исследований среди обществ, ведущих традиционный образ жизни (напр., в Субсахарской Африке), не представлено вообще.

Перспективным кажется рассмотрение в рамках изучения связи размеров тела и агрессии характеристики социального статуса детей (агрессор/жертва) с определением их ИМТ; в одних условиях “большой” ребенок становится жертвой, в других – агрессором. По предварительным данным размеры тела используются детьми и подростками как индикаторы агрессора; они стараются избегать его, однако, если это популярный агрессор, его подпускают на близкое расстояние как статусного члена группы (*Буркова, Бутовская* 2017; *Burkova et al.* 2012). Без учета этой дифференциации правильная трактовка мотивов агрессивного поведения невозможна. Перед исследователями стоит и методологическая проблема: как следует измерять массу тела? Вопрос не праздный, поскольку лишний вес за счет ожирения и лишний вес за счет мышечной массы могут по-разному влиять на поведение. Возможный путь решения в этом случае – непосредственные наблюдения за детьми в естественных условиях (напр., в процессе свободной игры) с фиксацией всех особенностей.

Агрессивное поведение, в особенности буллинг, в т.ч. из-за определенных физических характеристик, ведет к появлению многих психологических и физиологических проблем как в детстве, так и во взрослой жизни: к снижению самооценки, плохой успеваемости, стрессу и повышенной тревожности, повышению веса тела. Исследования в данной области крайне актуальны и представляют большой практический интерес с точки зрения коррекции поведения и профилактики агрессивных проявлений у детей и взрослых.

Научная литература

Буркова В.Н. Связь агрессии и примирения с социальным статусом школьников в коллективах сверстников // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 26–41.

Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Размеры тела и их связь с социальным статусом и стратегиями агрессии и примирения у подростков // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием “VII Алексеевские чтения”. Казань: Озон, 2017. С. 17.

Бутовская М.Л. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии-торможения у человека // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 128–134.

Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Феденок Ю.Н. Пальцевой индекс как индикатор пренатальной андрогенизации и его связь с морфологическими и поведенческими характеристиками у человека // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 99–116.

Васильев В.Л. Конституция делинквентного подростка // Материалы 4-го Международного конгресса по интегративной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2002. С. 46.

Зайченко А.А., Краснощеков А.С. Особенности личности, телосложения и дерматоглифики мужчин, осужденных за насильственные преступления // Психология телесности: теоретические и практические исследования / Ред. Е.В. Буренкова. М.: Федерация психологов образования России, 2011. С. 124–132.

Ксенофонтова В.А. Морфологические маркеры психических и поведенческих особенностей девушек // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. №.5. С. 722–725.

Савчикова Ю.Л. Личностные особенности женщин с избыточной массой тела // Международный медицинский журнал. 2004. № 3. С. 83–87.

Самойлова Ю.Г., Кравец Е.Б., Семке В.Я., Белокрылова М.Ф. Типы пищевого поведения и клинико-психологические особенности детей и подростков, страдающих ожирением // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3. С. 71–75.

Adams R.E., Bukowski W.M. Peer Victimization as a Predictor of Depression and Body Mass Index in Obese and Non-Obese Adolescents // Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. 2008. Vol. 49 (8). P. 858–866. http://dx.doi.org/10.1111/j. 1469-7610.2008.01886.x

Almenara C.A., Ježek S. The Source and Impact of Appearance Teasing: An Examination by Sex and Weight Status Among Early Adolescents from the Czech Republic // Journal of School Health. 2015. Vol. 85 (3). P. 163–170. https://doi.org/10.1111/josh.1223

Anderson J.S. Relation between Body Mass Index and Aggression in First Grade Children. PhD diss. Oklahoma State University, 2007.

Archer J. Testosterone and Human Aggression: An Evaluation of the Challenge Hypothesis // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2006. Vol. 30 (3). P. 319–345. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2004.12.007

Arnow B., Kenardy J., Agras W.S. The Emotional Eating Scale: The Development of a Measure to Assess Coping with Negative Affect by Eating // International Journal of Eating Disorders. 1995. Vol. 18 (1). P. 79–90. https://doi.org/10.1002/1098-108X(199507)18:1<79::AID-EAT2260180109>3.0.CO;2-V

Baldwin J.R. et al. Childhood Bullying Victimization and Overweight in Young Adulthood: A Cohort Study // Psychosomatic Medicine. 2016. Vol. 78 (9). P. 1094–1103. http://dx.doi. org/10.1097/PSY.0000000000000388

Bin W., Hong-Bo Z., Gang X. Survey on the Behavioral Problems in Children with Obesity from 6 to 11 Years Old // Chinese Mental Health Journal. 2005. Vol. 19. P. 679–681.

Boyda D., Shevlin M. Childhood Victimisation as a Predictor of Muscle Dys- Morphia in Adult Male Bodybuilders // The Irish Journal of Psychology. 2011. Vol. 32 (3–4). P. 105–115. http://dx.doi.org/10.1080/03033910.2011.616289

Braet C., Mervielde I., Vandereycken W. Psychological Aspects of Childhood Obesity: A Controlled Study in a Clinical and Nonclinical Sample // Journal of Pediatric Psychology. 1997. Vol. 22. P. 59–71. https://doi.org/10.1093/jpepsy/22.1.59

Burkova V., Fedenok J., Butovskaya M., Dronova D. Aggression, 2D:4D Ratio and Body Size in Children and Adolescents from 5 Regions of Russia // XXI Conference on Human Ethology. International Society for Human Ethology, Vienna, 13–17 August 2012. Vienna, 2012. P. 199.

Buss D.M. The Evolution of Human Intrasexual Competition: Tactics of Mate Attraction // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54. P. 616–628.

Buss D.M., Shackelford T.K. Human Aggression in Evolutionary Psychological Perspective // Clinical Psychology Review. 1997. Vol. 17. P. 605–619. https://doi.org/10.1016/S0272-7358(97)00037-8

Butovskaya M., Timentschik V., Burkova V. Aggression, Conflict Resolution, Popularity, and Attitude to School in Russian Adolescents // Aggressive Behavior. 2007. Vol. 32. P. 170–183. https://doi.org/10.1002/ab.20197

Butovskaya M.L. et al. Aggression and Polymorphisms in AR, DAT1, DRD2, and COMT Genes in Datoga Pastoralists of Tanzania // Scientific Reports. 2013. Vol. 3. P. 3148. doi:10.1038/srep03148

Butovskaya M., Burkova V., Karelin D., Filatova V. Association between 2D:4D Ratio and Aggression in Children and Adolescents: Cross-Cultural and Gender Differences // Early Human Development. 2019. Vol. 137. P. 104823. https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006

Carmody T.P., Brunner R.L., Jeor S.T.St. Hostility, Dieting, and Nutrition Attitudes in Overweight and Weight-Cycling Men and Women // International Journal of Eating Disorders. 1999. Vol. 26 (1). P. 37–42. https://doi.org/10.1002/(SICI)1098-108X(199907)26:1<37::AID-EAT5>3.0.CO;2-J

Copeland W.E. et al. Does Childhood Bullying Predict Eating Disorder Symptoms? A Prospective, Longitudinal Analysis // International Journal of Eating Disorders. 2015. Vol. 48 (8). P. 1141–1149. http:// dx.doi.org/10.1002/eat.22459

Craig I.W., Halton K.E. Genetics of Human Aggressive Behavior // Human Genetics. 2009. Vol. 126 (1). P. 101–113. https://doi.org/10.1007/s00439-009-0695-9

Epstein L.H., Klein K.R., Wisniewski L. Child and Parent Factors That Influence Psychological Problems in Obese Children // International Journal of Eating Disorders. 1995. Vol. 15. P. 151–158. https://doi.org/10.1002/1098-108X(199403)15:2<151::AID-EAT2260150206>3.0.CO;2-D

Eysenck H.J., Gudjonsson G.H. Crime and Personality // *Eysenck H.J., Gudjonsson G.H.* The Causes and Cures of Criminality. Boston: Springer, 1989. P. 43–89.

Farrington D.P. Early Predictors of Adolescent Aggression and Adult Violence // Violence and Victims. 1989. Vol. 4. P. 79–100. doi:10.1891/0886-6708.4.2.79

Gallup A.C., Wilson D.S. Body Mass Index (BMI) and Peer Aggression in Adolescent Females: An Evolutionary Perspective // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology. 2009. Vol. 3 (4). P. 356–362.

Griffiths L.J., Wolke D., Page A.S., Horwood J.P. Obesity and Bullying: Different Effects for Boys and Girls // Archives of Disease in Childhood. 2006. Vol. 91. P. 121–125. http://dx.doi.org/10.136/adc.2005.072314

Hewitt J.K. et al. A Twin Study Approach To- Wards Understanding Genetic Contributions to Body Size and Metabolic Rate // Acta Geneticae Medicae Et Gemellologiae: Twin Research. 1991. Vol. 40 (2). P. 133–146. https://doi.org/10.1017/S0001566000002567

Hume D.K., Montgomerie R. Facial Attractiveness Signal Different Aspects of "Quality" in Women and Men // Evolution and Human Behavior. 2001. Vol. 22. P. 93–112. https://doi.org/10.1016/S1090-5138(00)00065-9

Ishikawa S.S. et al. Increased Height and Bulk in Antisocial Personality Disorder and Its Subtypes // Psychiatry Research. 2001. Vol. 105 (3). P. 211–219. https://doi.org/10.1016/S0165-1781(01)00344-4

Janssen I., Craig W.M., Boyce W.F., Pickett W. Associations between Overweight and Obesity with Bullying Behaviors in School-Aged Children // Pediatrics. 2004. Vol. 113. P. 1187–1194.

Kruesi M.J. et al. Cerebrospinal Fluid Monoamine Metabolites, Aggression, and Impulsivity in Disruptive Behavior Disorders of Children and Adolescents // Archives of Genetic Psychiatry. 1990. Vol. 47. P. 419–426. doi:10.1001/archpsyc.1990.01810170019003

Kurzban R., Weeden J. HurryDate: Mate Preferences in Action // Evolution and Human Behavior. 2005. Vol. 26. P. 227–244. https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2004.08.012

Lee K.S., Guy A., Dale J., Wolke D. Does Psychological Functioning Mediate the Relationship between Bullying Involvement and Weight Loss Preoccupation in Adolescents? A Two-Stage Cross-Sectional Study // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2017. Vol. 14 (1). P. 38. http://dx.doi.org/10.1186/s12966-017- 0491-1

Lee K.S., Vaillancourt T. Developmental Pathways between Peer Victimization, Psychological Functioning, Disordered Eating Behavior, and Body Mass Index: A Review and Theoretical Model // Aggression and Violent Behavior. 2018. Vol. 39. P. 15–24. https://doi.org/10.1016/j.avb.2018.01.004

Leenaars L.S., Dane A.V., Marini Z.A. Evolutionary Perspective on Indirect Victimization in Adolescence: The Role of Attractiveness, Dating and Sexual Behavior // Aggressive Behavior. 2008. Vol. 34. P. 1–12. https://doi.org/10.1002/ab.20252

Lerner R.M. Nature, Nurture, and Dynamic Interactionism // Human Development. 1978. Vol. 21. P. 1–20. https://doi.org/10.1159/000271572

Maisey D.S., Vale E.L.E., Cornelissen P.L., Tovée M.J. Characteristics of Male Attractiveness for Women // Lancet. 1999. Vol. 353. P. 1500. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(99)00438-9

Martin C. Endocrine Physiology. N.Y.: Oxford University Press, 1985.

McElroy S.L. et al. Are Mood Disorders and Obesity Related? A Review for the Mental Health Professional // Journal of Clinical Psychiatry. 2004. Vol. 65 (5). P. 634–651. http://dx.doi.org/10.4088/JCP.v65n0507

Mikolajczyk R.T., Richter M. Associations of Behavioural, Psychosocial and Socioeconomic Factors with Over- and Underweight Among German Adolescents // International Journal of Public Health. 2008. Vol. 53 (4). P. 214–220. http://dx.doi.org/10.1007/s00038-008-7123-0

Montoya E.R. Shaped and Balanced by Hormones: Cortisol, Testosterone and the Psychoneuroendocrinology of Human Socio-Emotional Behavior. PhD diss. Universiteit Utrecht, 2015.

Olweus D. Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys. Washington: Hemisphere, 1978.

Owens L., Shute R., Slee P. "I'm in and you're out..." Explanations for Teenage Girls' Indirect Aggression // Psychology, Evolution, and Gender. 2000. Vol. 2. P. 19–46. https://doi.org/10.1080/14616660050082906

Pearce M.J., Boergers J., Prinstein M.J. Adolescent Obesity, Overt and Relational Peer Victimization, and Romantic Relationships // Obesity Research. 2002. Vol. 10. P. 386–393. https://doi.org/10.1038/oby.2002.53

Pellegrini A.D. Is Aggression Adaptive? Yes: Some Kinds Are and, In Some Ways // Aggression and Adaptation: The Bright Side to Bad Behavior / Eds. P.H. Hawley, T.D. Little, P.C. Rodkin. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 85–105.

Perry D.G., Hodges E.V.E., Egan S.K. Determinants of Chronic Victimization by Peers: A Review and New Model of Family Influence // Peer Harassment in School: The Plight of the Vulnerable and Victimized / Eds. J. Juvonen, S.Z. Graham. N.Y.: Guilford Press, 2001. P. 73–104.

Pine D.S. et al. Psychiatric Symptoms in Adolescence as Predictors of Obesity in Early Adulthood: A Longitudinal Study // American Journal of Public Health. 1997. Vol. 87Z (8). P. 1303–1310.

Pinhey T.K. A Research Note on Body Mass, Physical Aggression, and the Competitiveness of Asian-Pacific Islander Adolescents in Guam // Social Biology. 2002. Vol. 49. P. 90–98. https://doi.org/10.1080/19485565.2002.9989051

Puhl R.M., King K.M. Weight Discrimination and Bullying // Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism. 2013. Vol. 27 (2). P. 117–127. https://doi.org/10.1016/j.beem.2012.12.002

Raine A. et al. Fearlessness, Stimulation-Seeking, and Large Body Size at Age 3 Years as Early Predispositions to Childhood Aggression at Age 11 Years // Archives of General Psychiatry. 1998. Vol. 55 (8). P. 745–751. doi:10.1001/archpsyc.55.8.745

Reulbach U. et al. Weight, Body Image and Bullying in 9-Year-Old Children // Journal of Pediatrics and Child Health. 2013. Vol. 49 (4). P. E288–E293. http://dx.doi.org/10.1111/jpc.12159

Sampson R.J., Laub J.H. Unraveling the Social Context of Physique and Delinquency // Biosocial Bases of Violence / Eds. A. Raine, P.A. Brennan, D.P. Farrington, S.A. Mednick. N.Y.: Plenum Press, 1997. P. 175–188.

Sanson D.W. et al. Relationship of Body Composition of Mature Ewes with Condition Score and Body Weight // Journal of Animal Science. 1993. Vol. 71 (5). P. 1112–1116. https://doi.org/10.2527/1993.7151112x

Shasby G. A Study of Behavior and Body Type in Troubled Youth // Journal of School Health. 1978. Vol. 213 (48). P. 103–107. http://dx.doi.org/10.1111/j.1746-1561.1978.tb08083.x

Sheldon W.H. Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry. N.Y.: Harper, 1949.

Thompson I. et al. A Review of the Empirical Research on Weight-Based Bullying and Peer Victimization Published between 2006 and 2016 // Educational Review. 2020. Vol. 72 (1). P. 88–110. https://doi.org/10.1080/00131911.2018.1483894

Tovée M.J. et al. Human Female Attractiveness: Waveform Analysis of Body Shape // Proceedings of the Royal Society of London B: Biological Sciences. 2002. Vol. 269. P. 2205–2213. https://doi.org/10.1098/rspb.2002.2133

Tremblay R.E. et al. Testosterone, Physical Aggression, Dominance, and Physical Development in Early Adolescence // International Journal of Behavioral Development. 1998. Vol. 22 (4). P. 753–777. doi:10.1080/016502598384153

van Geel M., Vedder P., Tanilon J. Are Overweight and Obese Youths More Often Bullied by Their Peers? A Meta-Analysis on the Relation Between Weight Status and Bullying // International Journal of Obesity. 2014. Vol. 38 (10). P. 1263–1267. http://dx.doi.org/ 10.1038/ijo.2014.117

Vila G. et al. Mental Disorders in Obese Children and Adolescents // Psychosomatic Medicine. 2004. Vol. 66. P. 387–394.

Virkkunen M., Linnoila M. Serotonin in Personality Disorders with Habitual Violence and Impulsivity // Mental Disorders and Crime / Ed. S. Hodgins. Sage: Newbury Park, 1993. P. 227–243.

Wang J., Iannotti R.J., Luk J.W. Bullying Victimization Among Underweight and Overweight U.S. Youth: Differential Associations for Boys and Girls // Journal of Adolescent Health. 2010. Vol. 47 (1). P. 99–101. https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2009.12.007

Wilson J.Q., Herrnstein R.J. Crime Human Nature: The Definitive Study of the Causes of Crime. N.Y.: Simon and Schuster, 1998.

Research Article

Burkova, V.N. You Can Never Have Enough of a Good Person?: Aggression and Its Correlation to Body Size [Khoroshego cheloveka dolzhno byt' mnogo?": agressiia i ee sviaz' s razmerami tela]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 177–190. https://doi.org/10.31857/S086954150010055-0 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valentina Burkova | https://orcid.org/0000-0003-4777-0224 | burkovav@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

aggression, body size, height, weight, bulling, victimization

Abstract

The article is a review of research done both in Russia and other countries on the relationship between the body size and aggressive behavior in humans. This work describes the principal methods and approaches to studying the influence of weight and height on aggression, presents the results of important research conducted among children, adolescents, and adults, both in normal and pathological groups, from the late 1970s to the present. In addition, I discuss the main theories that attempt to explain the relationship between body size and aggression. I further discuss the shortcomings of the research done in this area to date, which has been mainly concerned with samples and methods, and propose possible ways of solving methodological problems in future research endeavors.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, https://doi.org/10.13039/501100002261 [19-09-00461]

References

Adams, R.E., and W.M. Bukowski. 2008. Peer Victimization as a Predictor of Depression and Body Mass Index in Obese and Non-Obese Adolescents. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines* 49 (8): 858–866. http://dx.doi.org/10.1111/j. 1469-7610.2008.01886.x

Almenara, C.A., and S. Ježek. 2015. The Source and Impact of Appearance Teasing: An Examination by Sex and Weight Status Among Early Adolescents from the Czech Republic. *Journal of School Health* 85 (3): 163–170. https://doi.org/10.1111/josh.1223

Anderson, J.S. 2007. Relation between Body Mass Index and Aggression in First Grade Children. PhD diss. Oklahoma State University.

Archer, J. 2006. Testosterone and Human Aggression: An Evaluation of the Challenge Hypothesis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews* 30 (3): 319–345. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2004.12.007

Arnow, B., J. Kenardy, and W.S. Agras. 1995. The Emotional Eating Scale: The Development of a Measure to Assess Coping with Negative Affect by Eating. *International Journal of Eating Disorders* 18 (1). P. 79–90. https://doi.org/10.1002/1098-108X(199507)18:1<79::AID-EAT2260-180109>3.0.CO;2-V

Baldwin, J.R., et al. 2016. Childhood Bullying Victimization and Overweight in Young Adulthood: A Cohort Study. *Psychosomatic Medicine* 78 (9): 1094–1103. http://dx.doi. org/10.1097/PSY.0000000000000388

Bin, W., Z. Hong-Bo, and X. Gang. 2005. Survey on the Behavioral Problems in Children with Obesity from 6 to 11 Years Old. *Chinese Mental Health Journal* 19: 679–681.

Boyda, D., and M. Shevlin. 2011. Childhood Victimisation as a Predictor of Muscle Dysmorphia in Adult Male Bodybuilders. *The Irish Journal of Psychology* 32 (3–4): 105–115. http://dx.doi.org/10.1080/03033910.2011.616289

Braet, C., I. Mervielde, and W. Vandereycken. 1997. Psychological Aspects of Childhood Obesity: A Controlled Study in a Clinical and Nonclinical Sample. *Journal of Pediatric Psychology* 22: 59–71. https://doi.org/10.1093/jpepsy/22.1.59

Burkova, V.N. 2017. Svyaz' agressii i primireniya s sotsial'nym statusom shkol'nikov v kollektivakh sverstnikov [Aggression and Reconciliation as Factors of Raising One's Social Status with Classmates]. *Voprosy psikhologii* 5: 26–41.

Burkova, V., J. Fedenok, M. Butovskaya, and D. Dronova. 2012. Aggression, 2D:4D Ratio and Body Size in Children and Adolescents from 5 Regions of Russia. In *XXI Conference on Human Ethology: International Society for Human Ethology, Vienna, 13–17 August 2012*, 199. Vienna.

Burkova, V.N., and M.L. Butovskaya. 2017. Razmery tela i ikh svyaz' s sotsial'nym statusom i strategiiami agressii i primireniia u podrostkov (Body Size and It's Correlation with Social Status and Strategies of Aggression and Peacemaking Among Adolescents). In *Chelovek i sreda: aktual'nye problemy antropologii i arkheologii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "VII Alekseevskie chteniia"* [Man and the Environment: Current Issues of Anthropology and Archeology. Materials of the Russian Scientific Conference with the Unternational Participation "VII Alekseev Readings"], 17. Kazan: Ozon.

Buss, D.M. 1988. The Evolution of Human Intrasexual Competition: Tactics of Mate Attraction. *Journal of Personality and Social Psychology* 54: 616–628.

Buss, D.M., and T.K. Shackelford. 1997. Human Aggression in Evolutionary Psychological Perspective. *Clinical Psychology Review* 17: 605–619. https://doi.org/10.1016/S0272-7358(97)00037-8

Butovskaya, M.L. 1999. Sovremennaia etologiia i mify o narushennom balanse agressii-tormozheniia u cheloveka [Modern Ethology and Myths about the Disturbed Balance of Aggression-Inhibition in Humans]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 4: 128–134.

Butovskaya, M., V. Timentschik, and V. Burkova. 2007. Aggression, Conflict Resolution, Popularity, and Attitude to School in Russian Adolescents. *Aggressive Behavior* 32: 170–183. https://doi.org/10.1002/ab.20197

Butovskaya, M.L., et al. 2013. Aggression and Polymorphisms in AR, DAT1, DRD2, and COMT Genes in Datoga Pastoralists of Tanzania. *Scientific Reports* 3: 3148. doi:10.1038/srep03148

Butovskaya, M.L., V.N. Burkova, and Y.N. Fedenok. 2015. Pal'tsevoi indeks kak indikator prenatal'noi androgenizatsii i ego sviaz' s morfologicheskimi i povedencheskimi kharakteristikami u cheloveka [Digit Ratio as an Indicator of Prenatal Androgenization and Its Relation to Morphological and Behavioral Traits in Humans]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 99–116.

Butovskaya, M., V. Burkova, D. Karelin, and V. Filatova. 2019. Association between 2D:4D Ratio and Aggression in Children and Adolescents: Cross-Cultural and Gender Differences. *Early Human Development* 137: 104823. https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006

Carmody, T.P., R.L. Brunner, and S.T.St. Jeor. 1999. Hostility, Dieting, and Nutrition Attitudes in Overweight and Weight-Cycling Men and Women. *International Journal of Eating Disorders* 26 (1): 37–42. https://doi.org/10.1002/(SICI)1098-108X(199907)26:1<37::AID-EAT5>3.0.CO;2-J

Copeland, W.E., et al. 2015. Does Childhood Bullying Predict Eating Disorder Symptoms? A Prospective, Longitudinal Analysis. *International Journal of Eating Disorders* 48 (8): 1141–1149. http:// dx.doi.org/10.1002/eat.22459

Craig, I.W., K.E. Halton. 2009. Genetics of Human Aggressive Behavior. *Human Genetics* 126 (1): 101–113. https://doi.org/10.1007/s00439-009-0695-9

Epstein, L.H., K.R. Klein, and L. Wisniewski. 1995. Child and Parent Factors That Influence Psychological Problems in Obese Children. *International Journal of Eating Disorders* 15: 151–158. https://doi.org/10.1002/1098-108X(199403)15:2<151::AID-EAT2260150206>3.0.CO;2-D

Eysenck, H.J., and G.H. Gudjonsson. 1989. Crime and Personality. In *The Causes and Cures of Criminality*, by H.J. Eysenck and G.H. Gudjonsson, 43–89. Boston: Springer.

Farrington, D.P. 1989. Early Predictors of Adolescent Aggression and Adult Violence. *Violence and Victims* 4: 79–100. doi:10.1891/0886-6708.4.2.79

Gallup, A.C., and D.S. Wilson. 2009. Body Mass Index (BMI) and Peer Aggression in Adolescent Females: An Evolutionary Perspective. *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology* 3 (4): 356–362.

Griffiths, L.J., D. Wolke, A.S. Page, and J.P. Horwood. 2006. Obesity and Bullying: Different Effects for Boys and Girls. *Archives of Disease in Childhood* 91: 121–125. http://dx.doi.org/10.1136/adc.2005.072314

Hewitt, J.K., et al. 1991. A Twin Study Approach Towards Understanding Genetic Contributions to Body Size and Metabolic Rate. *Acta Geneticae Medicae et Gemellologiae: Twin Research* 40 (2): 133–146. https://doi.org/10.1017/S0001566000002567

Hume, D.K., and R. Montgomerie. 2001. Facial Attractiveness Signal Different Aspects of "Quality" in Women and Men. *Evolution and Human Behavior* 22: 93–112. https://doi.org/10.1016/S1090-5138(00)00065-9

Ishikawa, S.S., et al. 2001. Increased Height and Bulk in Antisocial Personality Disorder and Its Subtypes. *Psychiatry Research* 105 (3): 211–219. https://doi.org/10.1016/S0165-1781(01)00344-4

Janssen, I., W.M. Craig, W.F. Boyce, and W. Pickett. 2004. Associations between Overweight and Obesity with Bullying Behaviors in School-Aged Children. *Pediatrics* 113: 1187–1194.

Kruesi, M.J., et al. 1990. Cerebrospinal Fluid Monoamine Metabolites, Aggression, and Impulsivity in Disruptive Behavior Disorders of Children and Adolescents. *Archives of Genetic Psychiatry* 47: 419–426. doi:10.1001/archpsyc.1990.01810170019003

Kruesi, M.J., et al. 1990. CSF Somatostatin in Childhood Psychiatric Disorders: A Preliminary Investigation. *Psychiatry Research* 33: 277–284. https://doi.org/10.1016/0165-1781(90)90044-6

Ksenofontova, V.A. 2015. Morfologicheskie markery psikhicheskikh i povedencheskikh osobennostei devushek [Morphological Markers of Mental and Behavioral Characteristics of Females]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii* 5 (5): 722–725.

Kurzban, R., and J. Weeden. 2005. HurryDate: Mate Preferences in Action. *Evolution and Human Behavior* 26: 227–244. https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2004.08.012

Lee, K.S., A. Guy, J. Dale, and D. Wolke. 2017. Does Psychological Functioning Mediate the Relationship between Bullying Involvement and Weight Loss Preoccupation in Adolescents? A Two-Stage Cross-Sectional Study. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity* 14 (1): 38. http://dx.doi.org/10.1186/s12966-017- 0491-1

Lee, K.S., and T. Vaillancourt. 2018. Developmental Pathways between Peer Victimization, Psychological Functioning, Disordered Eating Behavior, and Body Mass Index: A Review and Theoretical Model. *Aggression and Violent Behavior* 39: 15–24. https://doi.org/10.1016/j.avb.2018.01.004

Leenaars, L.S., A.V. Dane, and Z.A. Marini. 2008. Evolutionary Perspective on Indirect Victimization in Adolescence: The Role of Attractiveness, Dating and Sexual Behavior. *Aggressive Behavior* 34: 1–12. https://doi.org/10.1002/ab.20252

Lerner, R.M. 1978. Nature, Nurture, and Dynamic Interactionism. *Human Development* 21: 1–20. https://doi.org/10.1159/000271572

Maisey, D.S., E.L.E. Vale, P.L. Cornelissen, and M.J. Tovée. 1999. Characteristics of Male Attractiveness for Women. *Lancet* 353: 1500. https://doi.org/10.1016/S0140-6736(99)00438-9

Martin, C. 1985. *Endocrine Physiology*. New York: Oxford University Press.

McElroy, S.L., et al. 2004. Are Mood Disorders and Obesity Related? A Review for the Mental Health Professional. *Journal of Clinical Psychiatry* 65 (5): 634–651. http://dx.doi.org/10. 4088/JCP.v65n0507

Mikolajczyk, R.T., and M. Richter. 2008. Associations of Behavioural, Psychosocial and Socioeconomic Factors with Over- and Underweight Among German Adolescents. *International Journal of Public Health* 53 (4): 214–220. http://dx.doi.org/10.1007/s00038-008-7123-0

Montoya, E.R. 2015. Shaped and Balanced by Hormones: Cortisol, Testosterone and the Psychoneuroendocrinology of Human Socio-Emotional Behavior. PhD diss. Utrecht University.

Olweus, D. 1978. *Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys*. Washington: Hemisphere.

Owens, L., R. Shute, and P. Slee. 2000. "I'm in and you're out..." Explanations for Teenage Girls' Indirect Aggression. *Psychology, Evolution, and Gender* 2: 19–46. https://doi.org/10.1080/14616660050082906

Pearce, M.J., J. Boergers, and M.J. Prinstein. 2002. Adolescent Obesity, Overt and Relational Peer Victimization, and Romantic Relationships. *Obesity Research* 10: 386–393. https://doi.org/10.1038/oby.2002.53

Pellegrini, A.D. 2007. Is Aggression Adaptive? Yes: Some Kinds Are and, in Some Ways. In *Aggression and Adaptation: The Bright Side ot Bad Behavior*, edited by P.H. Hawley, T.D. Little, and P.C. Rodkin, 85–105. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.

Perry, D.G., E.V.E. Hodges, and S.K. Egan. 2001. Determinants of Chronic Victimization by Peers: A Review and New Model of Family Influence. In *Peer Harassment in School: The Plight of the Vulnerable and Victimized*, edited by J. Juvonen and S.Z. Graham, 73–104. New York: Guilford Press.

Pine, D.S., et al. 1997. Psychiatric Symptoms in Adolescence as Predictors of Obesity in Early Adulthood: A Longitudinal Study. *American Journal of Public Health* 87Z (8): 1303–1310.

Pinhey, T.K. 2002. A Research Note on Body Mass, Physical Aggression, and the Competitiveness of Asian-Pacific Islander Adolescents in Guam. *Social Biology* 49: 90–98. https://doi.org/10.1080/19485565.2002.9989051

Puhl, R.M., and K.M. King. 2013. Weight Discrimination and Bullying. *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism* 27 (2): 117–127. https://doi.org/10.1016/j.beem.2012.12.002

Raine, A., et al. 1998. Fearlessness, Stimulation-Seeking, and Large Body Size at Age 3 Years as Early Predispositions to Childhood Aggression at Age 11 Years. *Archives of General Psychiatry* 55 (8): 745–751. doi:10.1001/archpsyc.55.8.745

Reulbach, U., et al. 2013. Weight, Body Image and Bullying in 9-Year-Old Children. *Journal of Pediatrics and Child Health* 49 (4): E288–E293. http://dx.doi.org/10.1111/jpc.12159

Samoilova, Y.G., E.B. Kravets, V.Y. Semke, and M.F. Belokrylova. 2006. Tipy pishchevogo povedeniia i kliniko-psikhologicheskie osobennosti detei i podrostkov, stradaiushchikh ozhireniem [Clinical and Psychological Features and Level of Quality of Life of Children and Adolescents Suffering from Constitutional Exogenous Obesity]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii* 3: 71–75.

Sampson, R.J., and J.H. Laub. 1997. Unraveling the Social Context of Physique and Delinquency. In *Biosocial Bases of Violence*, edited by A. Raine, P.A. Brennan, D.P. Farrington, and S.A. Mednick, 175–188. New York: Plenum Press.

Sanson, D.W., et al. 1993. Relationship of Body Composition of Mature Ewes with Condition Score and Body Weight. *Journal of Animal Science* 71 (5): 1112–1116. https://doi.org/10.2527/1993.7151112x

Savchikova, Y.L. 2004. Lichnostnye osobennosti zhenshchin s izbytochnoi massoi tela [Personality Features in Women with Excessive Body Weight]. *Mezhdunarodnyi meditsinskii zhurnal* 3: 83–87.

Shasby, G. 1978. A Study of Behavior and Body Type in Troubled Youth. *Journal of School Health* 213 (48): 103–107. http://dx.doi.org/10.1111/j.1746-1561.1978.tb08083.x

Sheldon, W.H. 1949. *Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry*. New York: Harper.

Thompson, I., et al. 2020. A Review of the Empirical Research on Weight-Based Bullying and Peer Victimization Published between 2006 and 2016. *Educational Review* 72 (1): 88–110. https://doi.org/10.1080/00131911.2018.1483894

Tovée, M.J., et al. 2002. Human Female Attractiveness: Waveform Analysis of Body Shape. *Proceedings of the Royal Society of London B: Biological Sciences* 269: 2205–2213. https://doi.org/10.1098/rspb.2002.2133

Tremblay, R.E., et al. 1998. Testosterone, Physical Aggression, Dominance, and Physical Development in Early Adolescence. *International Journal of Behavioral Development* 22 (4): 753–777. doi:10.1080/016502598384153

van Geel, M., P. Vedder, and J. Tanilon. 2014. Are Overweight and Obese Youths More Often Bullied by Their Peers? A Meta-Analysis on the Relation Between Weight Status and Bullying. *International Journal of Obesity* 38 (10): 1263–1267. http://dx.doi.org/ 10.1038/ijo.2014.117

Vasiliev, V.L. 2002. Konstitutsiia delinkventnogo podrostka [Constitution of a Delinquent Adolescents]. In *Materialy 4-go Mezhdunarodnogo Kongressa po integrativnoi antropologii* [Materials of the 4th International Congress on Integrative Anthropology], 46. St. Petersburg: SPBGMU.

Vila G., et al. 2004. Mental Disorders in Obese Children and Adolescents. *Psychosomatic Medicine* 66: 387–394.

Virkkunen, M., and M. Linnoila. 1993. Serotonin in Personality Disorders with Habitual Violence and Impulsivity. *Mental Disorders and Crime*, edited by S. Hodgins, 227–243. Sage: Newbury Park.

Wang, J., R.J. Iannotti, and J.W. Luk. 2010. Bullying Victimization Among Underweight and Overweight U.S. Youth: Differential Associations for Boys and Girls. *Journal of Adolescent Health* 47 (1): 99–101. https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2009.12.007

Wilson, J.Q., and R.J. Herrnstein. 1998. *Crime Human Nature: The definitive Study of the Causes of Crime*. New York: Simon and Schuster.

Zaichenko, A.A., and A.S. Krasnoshchekov. 2011. Osobennosti lichnosti, teloslozheniia i dermatoglifiki muzhchin, osuzhdennykh za nasil'stvennye prestupleniia [The Features of Personality, Particular Constitutions of Men with Delinguent Behaviour, with Violent Use]. *Psikhologiia telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniia* [Body Psychology: Theoretical and Practical Research], edited by E.V. Burenkova, 124–132. Moscow: Federatsiia psikhologov obrazovaniia Rossii.

РЕЦЕНЗИИ

© С.Н. Абашин. Рец. на: ***Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*** / Eds. D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. 425 p.

"Почему этнос (все еще) имеет значение?" – так назвал свой небольшой текст, поставленный в эпилог рецензируемого сборника, известный американский историк российской этнографии Натаниел Найт. Почему, несмотря на довольно долгую и сильную академическую критику извне и изнутри российского научного сообщества, термин "этнос" тем не менее сохраняется в исследовательском и в общественном языках, более того – становится даже популярнее, чем в советское время? Не только потому – отвечает он на свой вопрос, – что эту категорию рекламируют политики, добивающиеся каких-то корыстных целей. Но и потому, что "концепт не сохранился бы, если бы не имел определенной элементарной тяги, объяснительной силы, которую нельзя было бы легко вызвать с помощью других средств" (с. 390). Это особенно ясно, продолжает Найт, если посмотреть на концепцию этноса в более широком интеллектуальном контексте как на особый способ помыслить (*etnos thinking*) культурные и социальные процессы в их биосоциальном единстве.

Именно такую задачу – посмотреть на теорию этноса как слагаемую из множества факторов – поставили перед собой авторы книги "Жизненные истории теории этноса в России и за ее пределами". Во введении ("Обосновывая теорию этноса") и в первой главе ("Мышление в русле этноса в долгом XX веке") редакторы сборника (Дэвид Андерсон, Дмитрий Арзютов и Сергей Алымов) дают общее представление о теории этноса и пытаются разрушить стереотипы о ней как изолированной от мировой антропологии и связанной только с советскими идеологическими задачами и институтами, несущей только негативный "примордиалистский" и даже "биологический" оттенок в противопоставлении более правильной западной "конструктивистской" идее. Отказываясь от этих ярлыков, Андерсон, Арзютов и Алымов предлагают проследить тенденции формирования российской этнографической и вообще социально-гуманитарной мысли с момента ее зарождения в середине XIX в. и до сегодняшнего дня, увидеть, как в столкновении и взаимодействии разных точек зрения и подходов, школ и направлений, в непрекращающемся диалоге с мировой антропологией возник *ethnos thinking*. Из такой перспективы видно, что теория этноса, сформулированная в первой четверти XX в. Николаем Могилянским и Сергеем Широкогоровым как "биосоциальный компромисс" или "биосоциальный синтез", образовалась на пересечении множества разных академических столкновений: дискуссий между этнографией имперского разнообразия и этнографией славянского/русского национального духа, между естественно-научным (позитивистским) и гуманитарным знаниями, между эволюционистами и их оппонентами. К этому авторы теории добавляют политический фактор усиления национальных движений, борющихся за признание, автономию или даже независимость отдельных территорий, с одной стороны, и, с другой стороны, активной национализации имперской и потом советской

Сергей Николаевич Абашин | http://orcid.org/0000-0002-4873-1596 | s-abashin@mail.ru | д. и. н., профессор | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 191–194. https://doi.org/10.31857/S086954150010056-1
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

сердцевины или метрополии. Набирающие популярность на рубеже XIX–XX вв. идеологии, апеллирующие к народам и нациям, оказываются важным триггером для теоретических конструкций и размышлений о природе и происхождении сообществ и границах между ними.

Советская и постсоветская история концепции этноса 2.0, как остроумно отделяет Найт в своем эпилоге этап ее появления от следующего этапа возрождения, тоже изобилует именами, названиями учреждений и публикаций. Редакторы сборника убеждают читателя, что, несмотря на критику и даже запрет теории этноса, наложенный в 1930-е годы новыми теоретиками советского марксизма, среди которых был, например, будущий директор Института этнографии Сергей Толстов, *etnos thinking* продолжал сохраняться в этнографических описаниях и размышлениях, иногда прямо напоминая о себе в текстах Павла Кушнера и Сергея Токарева. В 1960-е годы концепции этноса опять становятся публично обсуждаемыми благодаря усилиям нового директора Института этнографии Юлиана Бромлея и ученого-диссидента Льва Гумилева, вокруг сопоставления/противопоставления которых в тексте книги выстраивается позднесоветская биография этой теории. В частности, авторы обращают внимание на то, что теории Бромлея и Гумилева, а также таких исследователей, как Виктор Козлов, Валерий Алексеев и Юрий Семенов (к ним можно было бы добавить вскользь упомянутых или неупомянутых вовсе Сергея Арутюнова, Михаила Крюкова и Владимира Пименова), по-разному прочитывали связи биологического и социального в этносе, предлагали разные классификации этнических общностей и процессов. В популяризации и распространении, несмотря на критику уже третьего по счету директора Института этнографии Валерия Тишкова, концепции этноса 2.0 в постсоветский период сыграли свою роль опять же политическая ситуация, новый интерес к национализму как в центре, так и на окраинах бывшего СССР. Пожалуй, этому общему разделу о советском периоде все-таки не хватило материала для анализа, стоило бы, наверное, подробнее упомянуть роль Николая Марра и марризма в критике теории этноса и в своеобразном понимании этногенеза, работу Иосифа Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, которая дала толчок возрождению теории этноса, не лишним было бы более детальное расследование связи между концепциями этноса 1.0 и 2.0, чтобы выяснить, какой здесь могла быть биографическая преемственность. В этих и других вопросах рецензируемая книга скорее стимулирует продолжение новых изысканий, нежели дает готовое исследование.

Следующие четыре главы сборника используют другую аналитическую перспективу. Их авторы смотрят на историю жизни (*life history*) теории этноса через биографии конкретных исследователей, траектории их перемещения в географическом, политическом и интеллектуальном пространствах. При этом в поле зрения, как замечает в эпилоге Найт, оказывается исключительно концепция 1.0. В третьей и четвертой главах (“Украинские корни теории этноса” [Сергей Алымов] и “Картографируя этнос: географическое воображение Федора Волкова и его студентов” [Сергей Алымов, Светлана Подрезова]) рассказывается о двух значительных фигурах петербургского академического сообщества начала XX в. – Федоре Волкове (Вовке) и его ученике Николае Могилянском. Как отмечают Алымов и Подрезова, они были ключевыми фигурами в разработке *etnos thinking*, а Могилянский первым на русском языке стал употреблять само слово “этнос”. Фокусируясь на биографиях и взглядах своих героев, авторы показывают, что концептуальные поиски стали продуктом активности целой сети интеллектуалов и влияний современных им веяний в европейской, прежде всего немецкой и французской, науке. Члены этой сети или отдельной школы смотрели на общества и человека с точки зрения физической антропологии и географического детерминизма, но не сводя все к расовым делениям, а пытаясь найти в социальных процессах природные естественные законы и соединяя социальное с биологическим. Их аргументы оттачивались в споре с другой, эволюционистской, сетью, к которой

принадлежали Дмитрий Анучин, Владимир Иохельсон и Лев Штернберг. В четвертой главе, в частности, подробно рассматривается их участие в создании этнографической карты России в составе постоянной комиссии, которая начала работать в 1910 г. и задачей которой было создание стандартных исследовательских практик комплексного описания народов. Из работы этой комиссии родилась целая серия модельных народоописаний, созданных Сергеем Руденко, Давидом Золотаревым и Дмитрием Зелениным.

Алымов в третьей главе акцентирует внимание на политическом контексте до и особенно после революции 1917 г., а именно на активном участии Волкова и Могилянского в украинском национальном движении и украинской политике, что было, по его мнению, важным фактором формирования их теоретических взглядов на народ/этнос как отдельную, естественным образом сложившуюся и отличную от других социальную единицу. “Появление *etnos thinking*, – пишет исследователь, – должно рассматриваться не как изобретение чистых ученых, а в политическом контексте турбулентных последних лет Российской империи” (с. 78). Анализируя взгляды активистов украинского национализма Михаила Грушевского, Николая Костомарова и Владимира Антоновича, Алымов показывают их идейную близость к академическим построениям Волкова и Могилянского, подчеркивая, что эта политическая подоплека была неочевидной современникам, а теория этноса воспринималась как объективная и модельная для всех народов.

Две следующие главы («Заметки из “улиточной ракушки”: полевая работа Широкогорова и заложение основ для etnos thinking» [Дэвид Андерсон] и “Порядок из хаоса: антропология и политика Сергея Широкогорова” [Дмитрий Арзютов]) посвящены другой важной фигуре первой половины XX в. – Сергею Широкогорову, который вышел из той же сети интеллектуалов, к которой принадлежал Могилянский, и сформулировал собственную оригинальную версию теории этноса. В этом случае авторы глав исследуют совсем другие контексты, которые стали условием для *etnos thinking*. Это уже не сети интеллектуалов, а полевая работа в состоянии, как вспоминал сам Широкогоров, “улитки” в 1912 и 1913 гг. в Забайкалье. Периферийная ситуация в пограничье России и Китая, где происходило интенсивное смешение разных культурных практик и идентичностей, предопределила скептический взгляд Широкогорова на самосознание и заставила его, как считает Андерсон, искать новый “гиперпозитивистский” математический способ их осмысления через понятия биологического единства, адаптации к внешней среде и баланса с другими этносами.

Другим контекстом стала политическая биография Широкогорова, которая, в отличие от того же Могилянского, не была привязана к какому-то национальному движению, а имела, скорее, траекторию борьбы с большевиками и эмигрантской жизни русского оппозиционера в Китае. Арзютов в шестой главе призывает «расширить наш взгляд на его “поле”, включив в него не только его новаторские исследования в Забайкалье (см. главу 5), но и то, как он оттачивал свои навыки наблюдателя в кипящей политической среде в Восточной Евразии» (с. 252). В главе биография Широкогорова описывается как балансирование между разными политическими силами и странами, пребывание в состоянии политической неопределенности, что, как считает автор, было одним из фундаментов его теории этноса.

Две последние главы сборника должны, как пишут редакторы во введении, “просигнализировать важность биосоциальной теории сегодня” (с. 15). Правда, это уже не историографические исследования академической концепции этноса, а, скорее, примеры того, как *etnos thinking* существует в повседневном и активистском языке. В главе Джоселин Даддинг (“Гоняясь за тенью: фотографии из бывшей Северо-Западной Манчжурии”) показано, каким образом современные жители северной китайской провинции воспринимают, прочитывают и обсуждают в условиях определяемой государством национальной (*mínzú*) идентичности фотографии своих

предков, сделанные почти 100 лет назад Сергеем Широкогоровым и его супругой Елизаветой, а также в 1929 и 1932 гг. супругами-учеными Этель Линдгрен и Оскаром Мэмен. Восьмая глава («“Море – наше поле”: идентичность поморов в российской этнографии» [Маша Шоу, Натали Вансидлер]) анализирует, как терминология теории этноса становится частью активистских практик поморцев, особой группы в Европейской Арктике, отстаивающей одновременно свою настоящую русскость, свое право быть отдельным “субэтносом” русских и в то же время описывающей себя нередко в качестве этноса, т.е. самостоятельного народа. Эти тексты, на мой взгляд, несколько выпадают из общей логики книги, выглядят искусственной вставкой, но все же они, видимо, указывают не только на необходимость анализа теории этноса 2.0, а может и какой-то очередной теории этноса 3.0, но и на потребность осмыслить способы апроприации теоретического языка за пределами науки.

Подводя итог и выступая в роли своеобразного внутреннего рецензента, Натаниел Найт в эпилоге, еще раз кратко подкрепляя аргументы редакторов и авторов сборника, выводит историю теории этноса в более широкую историческую перспективу, видя в этой теории не временную экзотическую моду, а базовый взгляд на мир, “старое вино в новых бутылках” (с. 396), по его выражению. Основную часть своих рассуждений он посвящает содержательной характеристике теории этноса, чему рецензируемая книга как раз отводит второстепенную роль. Найт убеждает читателя, что концепция этноса, хотя и признает межпоколенную преемственность и отсылает к биологии и географии, не должна быть негативно описана в качестве “примордиалистской”, она вполне допускает изменчивость с течением времени, объясняет сложные и динамичные процессы, предполагает разные вариации соединения элементов культуры в единое целое, даже биологическое начало в этой теории не играет детерминирующей роли и может интерпретироваться по-разному. Плюсы теории этноса, которые связаны с поиском преемственности и созданием коллективной самоидентификации, могут, не отрицает автор, порождать и минусы: служить оправданием насилия и фобий. Но является ли выходом из этой дилеммы отказ от самой теории? Согласятся ли люди отвергнуть этот или схожий с ним термин, который подчеркивает их групповое единство? Скорее всего, полагает Найт, *etnos thinking* будет существовать в тех или иных формах и дальше, а российскому академическому сообществу придется признать это мнение и работать с ним. С этим трудно не согласиться. Но нужно ли тот понятийный аппарат, который используется в повседневности и политике, делать теорией, объясняющей эти повседневность и политику? И еще, означает ли это, что российская наука, признавая теорию, именно теорию этноса, вынуждена будет по-прежнему дистанцироваться от мировой антропологии, где этнос не спешит утверждаться в качестве ведущей концепции? Кажется, тут еще есть о чем дискутировать.

Book Review

Abashin, S.N. Review of *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*, edited by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 191–194. https://doi.org/10.31857/S086954150010056-1 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergey Abashin | http://orcid.org/0000-0002-4873-1596 | s-abashin@mail.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Street, St. Petersburg, 191187, Russia)

© И.В. Чининов. Рец. на: ***Ashkenazi M. What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology.*** Cham: Springer, 2017. 430 p.

Среди возрастающего в последнее время количества научных трудов по различным вопросам астробиологии и SETI (“Поиск внеземного разума”) особо выделяются работы специалистов из области социальной/культурной антропологии, в которых основной акцент делается на культурных, социальных и идеологических аспектах этих междисциплинарных исследовательских направлений. В этой связи значительный интерес представляет монография культурного антрополога Майкла Ашкенази, посвященная антропологическим подходам к проблематике внеземного разума. Сам термин *ксенология* в трактовке автора звучит как пример конвергентной эволюции, в первую очередь конвергенции разума у биологических видов и конвергенции идей.

Рецензируемая монография состоит из 14 глав, каждая из которых делится на несколько разделов и подразделов. Они охватывают весьма обширный диапазон тем, связанных с гипотетическими внеземными разумными формами жизни; вначале рассматриваются астрофизические и биохимические предпосылки, необходимые для ее зарождения, далее следуют разделы, посвященные эволюционной биологии, после чего идет глубокий анализ проблем разума, языка и культур. В заключении описываются варианты возможных контактов между жителями Земли и представителями внеземных цивилизаций, а также последствия этого общения (как для людей, так и для внеземных разумных видов). В конце каждой главы даются общие выводы по рассмотренной теме и приводится обширная библиография. Хотя большинство исследуемых автором монографии проблем так или иначе затрагивает множество теоретических вопросов антропологических наук, стоит выделить наиболее спорные и интересные из них.

В разделе “Отбор” главы “Эволюционные параметры внеземного разума” Ашкенази отмечает, что культурная эволюция *в принципе* не отличается от естественной: тот, кто более приспособлен, достигает зрелого состояния и производит собственное потомство. И здесь, вероятно, также действует отбор (“одни лучше, а другие хуже”), хотя его параметры отличаются, поскольку происходят из среды, порожденной культурой разумных организмов, а не природными условиями. Последствия прогресса цивилизации могут быть довольно разрушительными (ядерная война стала бы самым катастрофическим) и работают как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Например, Япония прошла путь от милитаристского до миролюбивого государства в результате отбора, созданного исключительно культурой, навязанной извне. Природная эволюция действует повсюду в мире схожим образом: конкуренция и сотрудничество, отбор наиболее приспособленных особей биологического вида и отбор вида в целом для выживания в естественной среде и репродукции. С другой стороны, культурная эволюция имеет, по всей видимости, некоторые отличающиеся правила: меньше важна физическая приспособленность и больше – сочетание социальной, технической и экологической адаптаций. Таким образом, этот более сложный процесс затмевает естественный отбор. Культурная эволюция предполагает, что те, кто способен адаптироваться к сложным социальным взаимодействиям (напр., новые формы

Игорь Викторович Чининов | http://orcid.org/0000-0002-1614-5699 | chininov@mail.ru | к. и. н., научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Ленинский пр-т 32а, Москва, 117303, Россия)

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 195–198. https://doi.org/10.31857/S086954150010057-2
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | http://journal.iea.ras.ru

общения), технологическому прогрессу (напр., использование множества сложных инструментов) и естественному отбору, станут размножаться и успешно доводить свое потомство до взрослого состояния и репродуктивного статуса. Имеет ли это значение для проблемы возможных коммуникаций с внеземным разумом? Автор монографии считает фундаментальными оба типа эволюции. Естественная эволюция – это результат совокупности физических, химических и биологических явлений планетарной природной среды. И по определению ее почти невозможно проследить. Когда астробиология и астрономия снабдят нас более подробными данными, мы сможем достичь этапа некоторых обобщений относительно функционирования внеземных планетарных экологий. В настоящее время этих сведений почти нет, и мы должны констатировать, что природа естественной эволюции, как и ее продуктов на экзопланетах, остаются для нас загадкой. Культурная эволюция – это явление несколько иного типа. Ашкенази принимает в качестве возможного аргумента, что все культуры развиваются в некотором роде схожим образом. Если сравнить "современность" с предыдущими историческими периодами, то она характеризуется следующими признаками: ускоренный технический прогресс; быстрые социальные изменения, как только общественные привычки разрушаются из-за технологических инноваций, экономических колебаний и перемещений населения; изменение в типе разума, так как логическое и абстрактное мышление, связанность и инновации дают преимущества; интенсификация моды. С позиции отдельного индивида возможность довести свое потомство до взрослого состояния также является характерным критерием "современности". Это означает, что способность перейти к процветанию в такой окружающей среде является формой отбора: лица, достигающие этого, живут для воспроизводства потомства, которое будет делать то же самое. Поскольку в настоящее время человечество переживает первый век "современности", то очень сложно видеть себя объективно. Тем не менее если этот тип изменения и его ускорители – информационные технологии, цифровые технологии, глобализация – являются универсальными, тогда другие разумные биологические виды могут развиваться примерно в том же направлении. В то время как биологические процессы могут очень сильно различаться, две другие эволюционные силы – общество и культура – могут быть во многих отношениях схожими, порождая значительно большую близость современного человечества к внеземным цивилизациям, нежели к своим предкам эпохи каменного века. Это, в свою очередь, может уменьшить проблемы с возможными коммуникациями между людьми и разумными внеземными видами. При этом автор делает оговорку, что мы не в состоянии предугадать наш собственный процесс культурной эволюции, поэтому, скорее всего, и нет возможности предвидеть нашу дальнейшую стадию развития.

В разделе "Культура и экологии" (глава "Культурные параметры внеземного разума") Ашкенази затрагивает весьма обсуждаемый вопрос об универсальности религии. Некоторые ученые предполагали, что она может быть универсальной по природным причинам. Э. Дюркгейм и К. Леви-Стросс указывали на религию как на биологическую необходимость – шаг в развитии и создании разума и коллективов. Современная социобиологическая теория также подразумевает, что религия является результатом природной потребности в групповой поддержке и объединении. Ричард Докинз считает ее выражением генетической биологической структуры и, следовательно, специфическим человеческим явлением. С другой стороны, формирование групп может быть предпосылкой для организации любого технологического общества. Таким образом, религия будет естественным и почти автоматическим критерием формирования этих групп. Если это верно, то тогда есть вероятность, что разумные внеземные формы жизни, независимо от их технологического статуса, будут демонстрировать особенности, которые мы связываем с феноменом религии. Широко распространенное мнение о рациональности как признаке отсутствия религиозности было

развенчано и эмпирическими исследованиями, и многочисленными примерами, указывающими на наличие религиозной веры у “высокорациональных” ученых. Правда, образование негативно соотносится с членством и участием в каком-либо организованном религиозном сообществе, однако не мешает поддержке веры в целом, не говоря уже о личной религиозности. Среди людей “рациональность” (измеряемая в терминах научного образования и практики) отрицательно соотносится с такими аспектами религии, как участие в ритуале или членство в церковной организации, но, по существующим данным, также не коррелирует с отказом от религиозного мышления или веры в целом. Все это может быть справедливо и в отношении внеземных разумных биологических видов, полагает Ашкенази.

В разделе “Экстраполяция от технологии: конвергенция или дивергенция?” главы “Внеземные цивилизации” (а также в другой главе) автор монографии затрагивает одну из самых провокационных идей: могут ли сложные технологии создаваться без участия разума. Он указывает на два возможных сценария. В первом случае достаточно разумный и рациональный организм просто не имеет выбора: его действия всегда ведут к самому лучшему решению любой проблемы. Во втором случае не наделенные разумом биологические виды могут создавать сложные технологии. Здесь автор приводит в качестве примера пчел, термитов и муравьев, которые технически функционируют (они создают сложные артефакты и управляют ими), не проявляя, по-видимому, признаков разумной деятельности. Если экстраполировать этот пример, то можно признать возможность существования биологических организмов, способных достичь того же уровня, что и современное человечество, включая умение создавать космические корабли, радио и другие приборы, исключительно на основе инстинкта. На наш взгляд, это предположение звучит крайне абсурдно. Для производства космических кораблей, радиотелескопов и других сложных приборов необходимы глубокое понимание физических законов, использование сложного математического аппарата, применение разнообразных инструментов (исключительно руками или другими конечностями такие технологии невозможно создать), а также наличие определенных целей, не связанных напрямую с добычей пропитания и репродукцией. На основании инстинктов ничего из этого достичь в принципе невозможно. В противном случае за всю историю существования жизни на Земле какие-нибудь биологические виды (не наделенные разумом) достигли бы технологического уровня, конкурирующего с таковым у современного человечества.

В разделе “Последствия контакта” одноименной главы Ашкенази рассматривает также дискуссионный вопрос о судьбе земных религий после установления коммуникации с внеземной цивилизацией (при этом он придерживается мнения, что физический контакт людей с разумными внеземными видами весьма маловероятен). На интеллектуальном уровне, включающем рассуждения теологов и религиоведов, практически все религии не испытали бы сложностей в принятии существования внеземного разума. Но на поведенческом, популярном уровне, особенно в тех сообществах, где религия тесно связана с популистскими настроениями, милленаризмом, неортодоксальными верованиями и практиками и псевдонаучными элементами, которые преобладают как в идеологии, так и в ритуале, контакт может вызвать массовые народные движения. Некоторые религиозные системы могут легко инкорпорировать вступившую в коммуникацию внеземную цивилизацию в свои верования. В развитых странах в эти движения могут быть вовлечены бедные слои населения (а также часть более богатых людей). Например, культы карго в Меланезии, новые японские религиозные движения и схожие направления в других частях мира – это прежде всего реакции на бедность, беспомощность и нужду (здесь важно возразить автору, что Меланезия никогда не относилась к развитым регионам мира). И они часто вызывались внешними событиями, в т.ч. приходом могущественных чужаков. При появлении новых религиозных движений, связанных с контактом, их харизматические лидеры

будут использовать факт существования внеземной цивилизации в качестве инструмента для усиления религиозных, экономических, политических и, возможно, военных настроений.

Несмотря на некоторые спорные моменты, рецензируемая книга охватывает по-настоящему широкий круг тем и представляет большой интерес для этнологов и антропологов, занимающихся самыми разными теоретическими вопросами. Кроме того, она может служить в качестве пособия при подготовке соответствующего учебного курса для студентов и аспирантов антропологических дисциплин.

Book Review

Chininov, I.V. Review of *What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology*, by M. Ashkenazi. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 195–198. https://doi.org/10.31857/S086954150010057-2 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Igor Chininov | http://orcid.org/0000-0002-1614-5699 | chininov@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology RAS (32a Leninsky prospekt, Moscow, 117303, Russia)

© М.В. Васеха. Рец. на: *Троицкий А.К. Субкультура. История сопротивления российской молодежи 1815–2018*. М.: Белое Яблоко, 2019. 224 с.

Книга Артемия Кивовича Троицкого “Субкультура...”, первая версия которой была издана в 2017 г. в Великобритании, на русском языке вышла в июне 2019 г. Она привлекла мое внимание не только и даже не столько своим подзаголовком “История сопротивления российской молодежи 1815–2018”, который указывает на злободневность поднятой темы, но и – прежде всего – тем, что в этом случае не-антрополог “играет на нашем поле”. В каком-то смысле проблематику субкультур можно считать “базовой”, одной из самых востребованных и “типичных” для нашей науки. Немало моих коллег признавалось, что “на входе” в профессию они были заворожены изучением групп ролевиков, реконструкторов, анимешников, неоязычников, хиппи, йогов и проч.

В выходных данных книги, напечатанной трехтысячным тиражом, издание не обозначено как научное и даже научно-популярное: автор демонстративно отказывается от претензий на “истинное знание”, подчеркивая, что все вышеизложенное – его личный взгляд. Пожалуй, Артемий Троицкий имеет право на такую подачу материала по ряду объективных причин: он являлся не только активным участником “советского инакомыслящего подполья”, но и одним из тех, кто “конструировал”

Мария Владимировна Васеха | http://orcid.org/0000-0003-4132-4370 | maria.vasekha@gmail.com | к. и. н., научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Рецензия публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

(суб- или контр-) культуру отечественного андеграунда. Тем не менее очевидно, что исследование Троицкого выполнено в русле публичной истории, а рецензируемая книга будет восприниматься целевой аудиторией как полноценное кросс-культурное исследование. Артемий Троицкий начинает свой труд с экскурса в историю России начала XIX в. и актуализирует разрозненные школьные знания о нигилистах, денди, стилягах и т.д., деятельность которых объединена им в общую концепцию противостояния молодежи и властных структур; кроме того, книга снабжена богатой иллюстративной базой, включающей уникальные фото из личного архива автора. Сегодня одной из главных проблем мировой науки является активный захват информационного поля любителями-непрофессионалами и невозможность академическим исследователям конкурировать с ними за выход на широкую аудиторию. Учитывая, что массовый читатель (а также журналисты, редакторы и продюсеры ТВ-каналов) часто не понимает разницы между профессиональными исследованиями и публикациями, авторы которых далеки от науки (*Васеха* 2016: 113) – или, что не исключено, сознательно делает выбор в пользу тех, кто не ограничен "кабинетными рамками", – рецензирование труда А.К. Троицкого представителем антропологического сообщества видится важной и необходимой работой.

Считается, что интерес к изучению молодежных сообществ возник во второй половине 1960-х годов в связи со всплеском активности в среде молодежи (студенческие революции, движение битников и проч.), а в нашей стране в силу особенностей советской идеологии к теме субкультур обратились лишь с началом политических послаблений – в середине 1980-х годов. При этом большинство отечественных работ того периода носило скорее описательный характер. Настоящим прорывом стал выход в свет книги известной петербургской исследовательницы Т.Б. Щепанской "Символика молодежной субкультуры" (*Щепанская* 1993), которая была написана с применением свежих научных методов и высоким уровнем обобщений. Публикация этой работы вызвала всплеск интереса в научной среде к изучению различных молодежных сообществ, движений и российской "субкультуры" как феномена. Среди современных авторов, работающих с проблематикой молодежных движений, можно назвать М.Д. Алексеевского, Д.В. Громова, М.А. Кудряшова, Д.А. Литвину, М.Л. Лурье, Е.Л. Омельченко, Д.Б. Писаревскую, Д.А. Радченко и многих других. Кроме того, вышло немало сборников и коллективных монографий, в которых поднимается тема неформальных сообществ, а самый влиятельный российский антропологический журнал "Этнографическое обозрение" с завидной регулярностью посвящает ей специальные номера.

Харизматичного и в некотором роде влиятельного (по преимуществу в медийной сфере) Артемия Троицкого в нашей стране принято относить к никоим образом не институализированной категории "интеллектуальных селебрити": в разное время он представал то в ипостаси журналиста и публициста, то музыкального критика и промоутера, то в качестве автора ряда популярных книг категории *non-fiction* ("Back in the USSR", "Тусовка. Что случилось с советским андеграундом", путеводитель серии Ле Пти Фюте «Москва "от зари до зари". Тусоводитель» и др.). Пожалуй, в своих предыдущих работах Троицкий выступал как "внутренний эксперт" советского/российского андеграунда, поскольку был одной из его ключевых фигур и имел непосредственное влияние на формирование и развитие альтернативного культурного подполья 1970–1980-х годов и музыкальной тусовки 1990-х. В рецензируемой книге он делает попытку "приподняться над материалом", существенно расширяет границы исследуемого периода и в целом претендует на то, что его работа – полноценный исторический труд, заявляя, что "в каком-то смысле эта книга – альтернативная история России" (с. 18). Будучи уверенным, что "прошлое питает настоящее", автор рассматривает историю России через призму влияния на нее поколений молодых

“яростных и непохожих”, становившихся в нашей стране, по мнению Артемия Кивовича, инициаторами социальных, культурных и политических изменений.

На мой взгляд, “главным героем” книги выступает не заявленный объект исследования – субкультура, а сам ее автор. Его голос, политическая позиция, ирония, культурный бэкграунд чувствуются на каждой странице. Видится, что именно эта особенность является как самой сильной стороной рецензируемого издания, так и его главной слабостью. Автор при написании текста, очевидно, руководствовался практически исключительно собственной позицией и познаниями в той или иной области, основанными на личном опыте, и привлекал лишь весьма ограниченный круг научных работ, которые он сам считал “симпатичными” (в основном по проблематике XIX – середины XX в.). Судя по всему, автор не потрудился ознакомиться с новейшими антропологическими и социологическими исследованиями молодежных субкультур. Более серьезное изучение историографии вопроса могло бы существенно изменить главы книги о современном состоянии этих сообществ в России. Автор же демонстративно предлагает написать этот материал своей дочери-тинэйджеру, поскольку сам он “не очень разбирается” в современной молодежи (с. 215), и в итоге делает вывод, что сегодня “молодым тут не место” (с. 199). Также вызывает сожаление тот факт, что автор, по-видимому, не знаком с трудами М. Мид (*Мид* 1988: 422), которая еще в середине XX в. задалась вопросом: существует ли молодежный бунт у примитивных народов как необходимый этап взросления (тема была актуальна в период студенческих волнений середины XX в.), и сделала вывод о том, что это не так, т.е. “бунтарский период молодости” как таковой не заложен в человеческой природе изначально. Будь Артемий Кивович знаком с классическими антропологическими работами, возможно, он взял бы на вооружение несколько иной исследовательский фокус для своего труда.

Очень смущает и культурно-политический контекст рецензируемого издания. С первых же страниц Троицкий однозначно дает понять, что он находится в оппозиции по отношению к власти; вся книга “работает” на то, чтобы донести до читателя основную мысль автора: “Россия – идеальная страна для бунтарей, потому что для бунта всегда есть причина” (с. 11). Троицкий прямым текстом клеймит нынешний российский “режим” и пытается отыскать среди современной молодежи новых героев, новых “декабристов” (и в итоге с сожалением констатирует, что сегодня не на кого возлагать такие надежды). Таким образом, вся работа, по замыслу автора, должна представлять собой обширную доказательную базу для обоснования необходимости очередного витка борьбы “непохожей” молодежи с “генетически унаследованной” современной “диктатурой”. При всем уважении к личным политическим взглядам автора, подобный предвзятый и совсем не научный подход, к сожалению, обесценивает этот яркий и самобытный текст и превращает его в масштабный политический памфлет.

Отдельно хотелось бы отметить странные интерпретации исторических фактов и не менее странные авторские трактовки некоторых событий. Так, например, Троицкий утверждает, что Петр I – первый российский “альтернативщик”, по мнению автора, – заставил русский народ “переодеться из длинных татарских кафтанов и бесформенных шаровар” (с. 21). Также ничем не подтвержденная информация о том, что подписанный в 1939 г. пакт Молотова–Риббентропа отодвигает хронологические рамки Великой Отечественной войны на два года назад, подается им как бесспорный факт. И таких свободных авторских интерпретаций в книге очень много.

Принимая во внимание озвученные выше характеристики, можно сделать вывод, что рецензируемый текст не заслуживает появления на страницах уважаемого научного издания. Однако я считаю необходимым обратить внимание научного сообщества на данную работу. Если отбросить политический подтекст, во многом автоэтнографическая книга Троицкого представляется весьма интересной для антропологов,

культурологов и социологов в первую очередь из-за самого автора текста, личный опыт которого позволяет рассматривать его труд как источник для изучения неформальных культур позднего советского и раннего постсоветского периодов непосредственно из первых рук.

Широким жестом автора под понятие “субкультура” подпадают народовольцы, террористы, революционеры, беспризорники и проч., которые, вероятно, отвечают критерию противостояния Власти (а последние – по принципу создания “своего” фольклора – «жизненного, смелого и действительно “альтернативного” советской показухе») (с. 108). В параграфе о Коммунистическом союзе молодежи, во многом автобиографичном, автор размышляет о первой попытке государства создать организацию, целью которой было бы “формирование” молодежи “под одну гребенку”. В итоге он делает вывод о невозможности создания единого конформистского класса молодежи. Не менее автобиографичен параграф о фарцовщиках как “жрецах” (с. 132) черного советского рынка и их культурно-экономической среде, однако исчерпывающего ответа, по каким характеристикам автор относит их к субкультуре, не дается.

Безусловно, самыми интересными и информативными являются главы, где рассказывается о субкультурах 1970-х годов и далее, частью которых был сам автор и о которых он высказывает мнение непосредственного наблюдателя и участника. И тут даже не только рокеры, рейверы, клабберы, митьки и др., к возникновению которых автор был так или иначе причастен, но и совсем противоположные идеалам Троицкого любера, братки, гопники и проч. описываются через призму его личного восприятия и опыта соприкосновения с ними. К сожалению, не все перечисляемые автором сообщества “проработаны” с одинаковым погружением в тему, а некоторые и вовсе вызывают справедливый вопрос: на каких основаниях та или иная группа причислена к “субкультурам”? Здесь необходимо отметить, что знакомство с работами Е. Омельченко о “молодежных солидарностях” (см., напр.: *Омельченко* 2014) могло бы помочь автору в этом вопросе. Также хотелось бы, чтобы автор уделил большее внимание теоретической стороне исследования, разобрался с дефинициями (хотя бы с границами понятия “молодежь”) и проанализировал используемый им поголовно для всех термин “субкультура”, однако, возможно, это было бы слишком большим требованием к автору-любителю.

Троицкий ставит весьма интересный вопрос: как связаны между собой явления русской молодежной культуры и западные молодежные феномены? И тут же заявляет, что не знает ответа, но утверждает, что “даже знакомые ярлыки – те же денди, яппи или хиппи – в России заметно мутировали и представляют собой нечто иное, нежели в оригинале” (с. 18). Это вызывает сожаление, поскольку формат книги, как мне кажется, как раз и предполагает ответ именно на этот вопрос.

Троицкий разочарован в современной российской молодежи – том самом “непоротом” поколении девяностых-нулевых – как в создателе контркультур/субкультур и носителе “революционного потенциала”. Большую ставку он делает на нынешних школьников – “реальное боевое поколение” десятых годов “путинской реакции” (с. 220) – участников протестных митингов последних лет; по этой причине последнюю главу он называет “Все сначала!”. Несомненно, рецензируемый труд нельзя назвать научным исследованием. Если бы автор не сделал из своей работы откровенного политического заявления, книга могла бы занять достойное место среди качественной литературы категории *non-fiction* – конечно, с учетом большого количества субъективных утверждений и небесспорных трактовок, которые имеют место быть в публицистике. Для нас, профессиональных антропологов, данная работа представляет безусловный научный интерес как важный источник по изучению молодежи и различного рода (контр)культурных солидарностей, поскольку написана автором, принимавшим активное участие в конструировании позднесоветского и раннего постсоветского молодежного неформализованного культурного пространства.

Научная литература

Васеха М.В. Международный конгресс исторических наук // Вестник антропологии. 2016. № 1 (33). С. 112–115.
Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988.
Омельченко Е.Л. От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3–8.
Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб.: Наука, 1993.

Book Review

Vasekha, M.V. Review of *Subkul'tura: Istoriia soprotivleniia rossiiskoi molodiozhi 1815–2018* [Subculture: A History of Resistance of the Russian Youth, 1815–2018], by A.K. Troitskii. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 198–202. https://doi.org/10.31857/S086954150010058-3 ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maria Vasekha | http://orcid.org/0000-0003-4132-4370 | maria.vasekha@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации**

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- **принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подпсики на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.